

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

3-4 (3-4) • 2014

ISSN: 2310-8681

Издается с 2013 г.

Учредители:

Мацкевич И. М., Орлов В. Н.

Издатели:

Мацкевич И. М., Орлов В. Н.

Главный редактор:

Игорь Михайлович Мацкевич, президент Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Владимир Семенович Овчинский, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, советник министра МВД РФ, д.ю.н. (Россия, г. Москва)

Владимир Евгеньевич Эминов, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный юрист России, (Россия, г. Москва)

Редакционная коллегия:

Елена Александровна Антоян, помощник Президента Союза криминалистов и криминологов, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва)

Исахан Вейсал оглы Велиев, заведующий отделом уголовного права и уголовного процесса Института философии, социологии и права Национальной Академии наук Азербайджана, д.ю.н., профессор (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Лидия Алексеевна Воскобитова, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующая кафедрой уголовно-процессуального права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Олег Александрович Зайцев, проректор по научной работе НОУ ВПО «Московская академия экономики и права», заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Евгений Петрович Ищенко, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой криминологии ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)

Виктор Васильевич Лунеев, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, главный научный сотрудник сектора уголовного права и криминологии Федерального государственного бюджетного учреждения науки (ФГБУН) «Институт государства и права Российской академии наук», д.ю.н., профессор, лауреат Государственной премии

России, член Экспертного совета Комитета по безопасности и Комиссии по борьбе с коррупцией Государственной Думы РФ (Россия, г. Москва)
Виталий Анатольевич Номоконов, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет», директор Владивостокского Центра по изучению организованной преступности, д.ю.н., профессор (Россия, г. Владивосток)
Владислав Николаевич Орлов, ответственный секретарь Союза криминалистов и криминологов, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», к.ю.н., доцент (Россия, г. Москва)
Алексей Иванович Рарог, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)
Елена Рафаиловна Российская, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующая кафедрой судебных экспертиз ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н., профессор (Россия, г. Москва)
Уве Хелльмани, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, dr. iur. habil., профессор (Германия, г. Потсдам)

Представители:

в Южном федеральном округе России: **Алексей Николаевич Ильяшенко**, член Президиума Союза криминалистов и криминологов, заместитель начальника по научной работе ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», д.ю.н., профессор (Россия, г. Краснодар)

Ассистенты журнала:

Константин Владимирович Чистяков, член Союза криминалистов и криминологов, доцент кафедры уголовного права ГОУ ВПО «Московский государственный областной университет» (Россия, г. Москва)

Евгения Алексеевна Рыбакова, член Союза криминалистов и криминологов, старший инспектор отдела комплектования аттестационных дел соискателей ученых степеней Управления организации научной деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Выпускающий редактор:

Светлана Зубкова

Переводчики:

на английский язык: **Наталья Докучаева**

на немецкий язык: **Екатерина Серебрякова-Шибельбейн**

Компьютерная верстка:

Полина Самсонова

Адрес: 121357, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, дом 65, кв. 9

Тел.: 8 (499) 244-85-62; 8-915-051-16-15 E-mail: skk_vkk@mail.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. – 2014. – № 2.

М.: МГЮУ им. О. Е. Кутафина, 2014. – 206 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-53307 от 29 марта 2013 г.

Подписано в печать 15.12.2014 г. Формат 60*90 1/8. Бумага офсетная. 26 п. л. Тираж 1050. Цена свободная.

© Мацкевич И. М. © Орлов В. Н.

KRIMINALISTEN– UND KRIMINOLOGENVERBAND

3-4 (3-4) • 2014

ISSN: 2310-8681

Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkevitch I.M., Orlov V.N.

Verleger:

Mazkevitch I.M., Orlov V.N.

Chefredakteur:

Igor Michailovitch Mazkevitch, Präsident des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Professor am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Wladimir Semenowitsch Ovtshinskij, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Ministerberater des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften (Russland, Moskau)

Wladimir Jevgenjewitsch Eminov, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Leiter des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Redaktionskollegium:

Elena Aleksandrowna Antonjan, Assistentin des Präsidenten des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin (Russland, Moskau)

Isahan Veysal ogly Veliev, Leiter der Abteilung für Strafrecht und Strafprozess des Instituts für Philosophie, Soziologie und Recht der Nationalen Akademie der Wissenschaften von Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Republik Aserbaidschan, Baku)

Lidija Alekssewna Voskobitowa, Vorstandsmitglied des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Leiterin des Lehrstuhls für Strafprozeßrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin (Russland, Moskau)

Saitsev Oleg Aleksandrowich, Prorektor für Wissenschaft der nichtstaatlichen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer Akademie für Wirtschaft und Recht», Verdienter Wirtschaftsarbeiter der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulbildung der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Evgenij Petrovitsch Ischtschenko, Vorstandsmitglied des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Leiter des Lehrstuhls für Kriminalistik an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Russland, Moskau)

Viktor Vasiljewitsch Luneev, Vorstandsmitglied des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, führender wissenschaftlicher Mitarbeiter des Sektors für Strafrecht und Kriminalistik an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für Wissenschaft «Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften», Doktor

der Rechtswissenschaften, Professor, Preisträger des Staatspreises der Russischen Föderation, Mitglied des Experten Sachverständigenrates des Komitees für Sicherheit und der Kommission für Korruptionsbekämpfung der Staatsduma der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Vitalij Anatoljewitsch Nomokonov, Vorstandsmitglied des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminalistik an der föderalen autonomen Staatsbildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Fernöstliche Föderale Universität», Direktor des Zentrums für Erforschung des organisierten Verbrechertums, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Russland, Wladiwostok)

Vladislav Nikolaewitsch Orlov, verantwortlicher Sekretär des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Dozent am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent (Russland, Moskau)

Aleksej Ivanowitsch Rarog, Vorstandsmitglied des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Russland, Moskau)

Elena Rafailowna Rossinskaja, Vorstandsmitglied des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, Leiterin des Lehrstuhls für Gerichtsgutachten an der föderalen staatlichen haushaltsfinanzierten Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Universität» (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin (Russland, Moskau)

Uwe Hellmann, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam, Dr. iur. habil., Professor (Deutschland, Potsdam)

Vertreter:

im Südlichen Föderationskreis Russlands: **Aleksej Nikolaewitsch Iljaschenko**, Vorstandsmitglied des Kriminalisten– und Kriminologenverbandes, stellvertretender Leiter für wissenschaftliche Arbeit an der föderalen staatlichen fiskalischen Bildungseinrichtung für berufliche Hochschulbildung «Krasnodar Universität des Innenministeriums der Russischen Föderation», Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Russland, Krasnodar)

Assistenten der Zeitschrift:

Konstantin Chistyakov, Mitglied der Union und forensische Kriminologe, Associate Professor für Strafrecht GOU VPO „Moscow State Regional-Universität“ (Moskau, Russland)

Evgeniya Aleksewna Rybakowa, ein Mitglied der kriminalsitov und Kriminologen, Oberinspektor des Erwerbs der Zertifizierung Kandidaten Grad Affairs Office der Organisation der wissenschaftlichen Tätigkeit FGBOU VO „Moscow State University Law OE Kutafin (MSLA)“ (Moskau, Russland)

Kontakterin:

Svetlana Zubkova

Übersetzer:

ins Englische: Natalia Dokuchaeva

ins Deutsche: Ekaterina Serebrjakova-Schiebelbein

Computerkorrektur:

Polina Samsonova

Adresse: 121357, Russland, Moskau, Kutusowskij Prospekt, Hausnummer 65, Wohnungsnummer 9 Telefon: 8(499)-244-85-62; 8-915-051-16-15
E-mail: skk_vkk@mail.ru http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Kriminalisten– und Kriminologenverband: periodische Druckausgabe, Zeitschrift. – 2014. – Nr. 2. – Moskau: Moskauer staatliche juristische O.E. Kutafin-Akademie, 2014. – 206 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation, Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor) registriert. Eintragungsbescheinigung der Massenmedien PI Nr. FS77-53307 vom 29. März 2013.

Am 15.12.2014 in Druck gegeben, Format 60x90 1/8. Offsetdruckpapier. Druckliste 26. Auflage 1050 Exemplare. Der Preis ist frei.

© Mazkevitch I.M., Orlov V.N.

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

3-4 (3-4) • 2014

ISSN: 2310-8681

Published since 2013

Founders:

Matskevich I.M., Orlov V.N.

Publishers:

Matskevich I.M., Orlov V.N.

The editor-in-Chief

Igor Mikhailovich Matskevich, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Professor of Criminology and Criminal Executive Law Chair at FSBEI HPE «Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)», Doctor of Law, Professor, Honored scientific worker of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editor-in-Chief:

Vladimir Semenovich Ovchinsky, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Council to the Minister of MIA RF, Doctor of Law (Moscow, Russia)

Vladimir Evgenievich Eminov, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law of FSBEI HPE «Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)», Doctor of Law, Professor, Honored jurist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

The Editorial Board of the Bulletin:

Elena Aleksandrovna Antonyan, Deputy to the President of the Union of Criminalists and Criminologists, Associate Professor at the Chair of Criminology and Criminal Executive Law of FSBEI HPE «Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)», Candidate of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Isakhan Veysal ogly Veliev, Head of Criminal Law and Criminal Procedure Department of Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Science of Azerbaijan, Doctor of Law, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Lidia Alekseevna Voskobitova, Member of the Presidium of the Union of Criminalists and Criminologists, Head of Criminal Procedural Law Chair of FSBEI HPE «Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)», Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Oleg Aleksandrovich Zaytsev, Pro-rector on Scientific Work at NSEI HPE «Moscow Academy of Economics and Law», Honored scientific worker of RF, Doctor of Law, Professor, Honored worker of Professional Education of RF (Moscow, Russia)

Evgeny Petrovich Ischenko, Member of the Presidium of the Union of Criminalists and Criminologists, Head of Criminal Investigation Chair of FSBEI HPE «Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)», Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Victor Vasilievich Luneev, Member of the Presidium of the Union of Criminalists and Criminologists, Senior scientific worker of Criminal Law and Criminology Department of the Federal State Budget Institution of Science (FSBIS) «Institute of State and Law of Russian Academy of Science», Doctor of Law, Professor, laureate of State

award of Russia, Member of the Expert Council of the Safety Committee and Corruption Counteraction Committee of the State Duma of RF (Moscow, Russia)

Vitaly Anatolievich Nomokonov, Member of the Presidium of the Union of Criminalists and Criminologists, Professor at Criminal Law and Criminology Chair of FSAEI HPE «Far-Eastern Federal University», Director of Vladivostok Center on Organized Criminality Studying, Doctor of Law, Professor (Vladivostok, Russia)

Vladislav Nikolaevich Orlov, Responsible secretary of the Union of Criminologists and Criminalists, Associate Professor at the Chair of Criminology and Criminal Executive Law of FSBEI HPE «Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)», Candidate of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Aleksey Ivanovich Rarog, Member of the Presidium of the Union of Criminalists and Criminologists, Head of Criminal Law Chair of FSBEI HPE «Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)», Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Elena Rafailovna Rossinskaya, Member of the Presidium of the Union of Criminalists and Criminologists, Head of Judicial Examination Chair of FSBEI HPE «Moscow State Juridical Institute by O.E. Kutafin (MSJA)», Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Uwe Hellmann, Head of Criminal and Economical Criminal Law Chair of Law Department of Potsdam University, PhD, Professor (Potsdam, Germany)

Representatives:

In the Southern Federal Region of Russia: **Aleksey Nikolaevich Ilyashenko**, Member of the Presidium of the Union of Criminalists and Criminologists, Deputy Chief on the Scientific Work of FSBEI HPE «Krasnodar University of the Ministry of Inner Affairs of the Russian Federation», Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)

Assistants to the Bulletin:

Konstantin Vladimirovich Chistyakov, Member of the Union of Criminalists and Criminologists, Associate Professor at Moscow Region State University, Russia, Moscow

Evgeniya Alekseevna Rybakova, Member of the Union of Criminalists and Criminologists, Senior Inspector of the Department of Applicants Attestation of the Scientific Activity Management Directorate, the Kutafin Moscow State Law University, Russia, Moscow

Copy Editor:

Svetlana Zubkova

Translators:

In English: **Natalia Dokuchaeva**

In German: **Ekaterina Serebryakova-Schibelbein**

Layout Designer:

Polina Samsonova

Address: Appart. 9, Building 65, Kutuzov Avenue, Moscow, 121357, Russia Telephone: 8(499)-244-85-62; 8-915-051-16-15
E-mail: skk_vkk@mail.ru Web-site: <http://crimescience.ru>; <http://criminology.ru>

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. – 2014. – № 2. – Moscow: MSJU by O.E. Kutafin, 2014. – 206 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).
Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-53307 on March 29, 2013.

Works in the sphere of criminal sciences and criminal politics are published.

Signed for press on 15.12.2014. Format 60*90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26. Circulation 1050. Open price.

© Matskevich I.M. © Orlov V.N.

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Мацкевич И. М.

Криминальные фоновые явления при предоставлении ритуальных услуг 213

Мацкевич И. М.

Союз криминалистов и криминологов во Вроцлавском университете 220

Барков А.В., Грачев Р.Ю.

Взаимодействие частных и публичных правовых средств в механизме предупреждения криминализации рынка ритуальных услуг: социально-предпринимательский аспект 223

Халабуденко О.А.

Правовой режим органов, тканей и клеток человека после смерти 231

Зайцев О.А., Грачев Р.Ю.

Прижизненный договор на оказание ритуальных услуг как правовое средство предупреждения криминализации похоронной сферы 240

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В РОССИИ.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Григорьев В.Н.

О начальном этапе уголовного преследования 246

Хамидуллин Р.С.

Досудебное соглашение о сотрудничестве как тактико-криминалистический элемент борьбы с организованной преступностью 250

Голубых Н.В.

Уличная преступность: состояние, причины и прогноз развития 256

Зайцев О.А.

Проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства 261

Ермакова О.В.

Особенности законодательной конструкции состава хищения предметов, имеющих особую ценность 270

Кадников Н.Г.

К вопросу о новеллах уголовного закона в свете теории криминализации и декриминализации 273

Леготин М.П.

Криминологическая характеристика экстремистских проявлений в молодежной среде (на примере УрФО) 277

Расулова Н.С.

Проблемы назначения и производства судебных экспертиз при проверке сообщений о преступлениях в экономической деятельности 282

Федорова И.А.

Об определении процессуального статуса пострадавшего в стадии возбуждения уголовного дела 287

Чашников В.А.

Антикоррупционное образование в органах внутренних дел Российской Федерации (на примере Уральского юридического института МВД России) 290

ТРИБУНА ВУЗА

Кудрявцева А.В.

О научной школе кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета 295

Зайцев О.А.

Научное наследие профессора Юрия Даниловича Лифшица 303

СТЕНОГРАММА

Мацкевич И.М., Антонян Е.А.

Стенограмма «круглого стола» на тему: «Незаконная трансплантология» 307

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В КАЗАХСТАНЕ

Ахпанов А.Н.

О процессуальной форме досудебного производства по уголовным делам в республике Казахстан 320

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Болсуновская Л.

Эффективность противодействия киберпреступности: проблемные вопросы 324

Денисов Е.В.

Актуальные проблемы и перспективы внедрения автоматизированных информационно-поисковых систем в оперативно-розыскную и следственную деятельность 329

САРАТОВСКИЙ ЦЕНТР ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ

Долотов Р.О.

Методические проблемы определения «цены» реакции общества на преступность 336

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Шевелева С.В.

Влияние идей детерминизма и индетерминизма на формирование концепта свободы воли в уголовном праве 343

Дорогин Д.А.

Декриминализация деяния как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность 354

КРИМИНОЛОГИЯ

Никитенко И.В.

Об опыте криминологического исследования миграционной безопасности Азиатской части России 358

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

Нуждин А.А.

Возможности автоматизированного рабочего места при расследовании преступлений 365

АВТОРЕФЕРАТЫ

Кадников Н.Г.

Категория тяжких преступлений по советскому уголовному праву 368

Kadnikov N.G.

The category of grave crimes in the Soviet criminal law 376

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ- КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Звягинцев А.Г.

Грозный баловень судьбы, или по законам своего времени 383

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ 391

ABOUT THE AUTHORS 393

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ» 395

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА (АНГЛ.) 398

INHALT

DIE SPALTE DES HAUPTREDAKTEURS

- I.M. Mazkewitsch*
Makarenkos Erfahrung in der Prävention gegen
Jugendkriminalität..... 213
- I.M. Matzkevitsch*
Die kriminellen Hintergrundphänomene
bei der Erbringung von Bestattungsdienstleistungen 220
- A.W. Barkow, R. J. Gratschew*
Zusammenwirken der privat- und öffentlich-rechtlichen
Mittel zur Prävention der Kriminalisierung des Markts
der Bestattungsdienstleistungen: unter dem Gesichtspunkt
vom sozialen Unternehmertum..... 223
- Chalabudenko, O.A.*
Die post mortem rechtliche Regelung der menschlichen
Organe, Gewebe und Zellen 231
- O.A. Saizew, R.J. Gratschew*
Bestattungsdienstleistungsvertrag zu Lebzeiten
als das rechtliche Mittel zur Prävention der Kriminalisierung
vom Bestattungsdienst 240

BEZIRKSAMT UNION KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGIE IN RUSSLAND. BEZIRKSAMT UNION KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGIE IN URAL FEDERAL DISTRICT

- W.N. Grigorjew*
Von Anfangsetappe kriminogener Verfolgung 246
- R.S. Chamidullin*
Außergerichtliche Einigung über Zusammenarbeit
als taktisch-kriminalistischer Bestandteil des Kampfs
gegen organisierte Kriminalität 250
- N.W. Golubych*
Straßenkriminalität:
Zustand, Gründe und Entwicklungsprognose 256
- O.A. Saizew*
Probleme des staatlichen Schutzes der Teilnehmer
in einem Strafverfahren 261
- O.W. Ermakowa*
Besonderheiten der rechtlichen Konstruktion
des Tatbestands eines Diebstahls von Gegenständen,
die besonderen Wert haben..... 270
- N.G. Kadnikow*
Zur Frage über Strafgesetznovellen unter dem Aspekt
von der Theorie der Kriminalisierung und Entkriminalisierung..... 273
- M.P. Legotin*
Kriminologische Charakteristik von extremistischen
Erscheinungen in der Jugendumgebung
(anhand vom Beispiel des Föderationskreises Ural) 277
- N.S. Rasulowa*
Probleme der Anordnung und Vornahme einer
Gerichtsexpertise bei der Prüfung der Mitteilungen über
die Verbrechen im Bereich der wirtschaftlichen Tätigkeit 282
- I.A. Fjodorowa*
Von der Feststellung der verfahrensrechtlichen Stellung als
Betroffener im Stadium der Einleitung eines Strafverfahrens..... 287
- W.A. Tschaschnikow*
Antikorruptionsfortbildung in Behörden für innere
Angelegenheiten der Russischen Föderation (am Beispiel
der Uraler Juristischen Hochschule des Ministeriums
für innere Angelegenheiten der Russischen Föderation)..... 290

TRIBUNE UNIVERSITY

- A.W. Kudriawtzewa*
Auf der wissenschaftlichen Schule der Abteilung der
Strafprozeßordnung und Kriminalistik der South Ural
State University 295

- O.A. Saizew*
Der wissenschaftliche Nachlass von Professor
Jurij Danilowitsch Lifschitz..... 303

STENO

- I.M. Mazkewitsch, E.A. Antonjan*
Steno «runder tisch» zum thema:
«Illegale transplantation» 307

AUSWÄRTIGES REPRÄSENTANZ UNION-FORENSIK UND KRIMINOLOGIE. REPRÄSENTANZ UNION-FORENSIK UND KRIMINOLOGIE IN KASACHSTAN

- A.N. Akhpanow*
Über die prozessuale Form der vorgerichtlichen Verhandlung
in den Strafsachen in der Republik Kasachstan 320

MOSKAU KRIMINOLOGICHESKIJ SCHRANK

- L. Bolsunowskaja*
Effektivität der Gegensteuerung von der Cyberkriminalität:
problemhafte Fragen 324
- E.W. Denissow*
Aktuelle Fragen und Aussichten der Umsetzung
von rechnergestützten Datensystemen
im Strafermittlungsverfahren und in den
Untersuchungshandlungen 329

SARATOV ZENTRUM FORSCHUNG ÜBER ORGANISIERTE KRIMINALITÄT UND KORRUPTION

- R.O. Dolotow*
Methodische Probleme der Feststellung des „Preises“
der gesellschaftlichen Reaktion auf die Kriminalität 336

KRIMINELL RECHT

- S.W. Schewelega*
Die Idee des Determinismus und Indeterminismus
und ihre Einwirkung auf die Formung des Konzepts
der Willensfreiheit im Strafrecht 343

- R.O. Dolotow*
Methodische Probleme der Feststellung des „Preises“
der gesellschaftlichen Reaktion auf die Kriminalität 354

KRIMINOLOGE

- I. V. Nikitenko*
Zur Erfahrung in der kriminologischen Forschung
von Migrationsicherheit im asiatischen Teil Russlands..... 358

CRIMINAL-VERFAHRENS RECHT

- A.A. Nuzhdin*
Eigenschaften workstation in die untersuchung
von verbrechen 365

ABSTRACTS

- N.G. Kadnikow*
Kategorie von schweren Verbrechen in dem Sowjetischen
Strafrecht 368

SCHRIFTSTELLER-PUBLIZIST KRIMINALIST-KRIMINOLOGE

- A.G. Zvyagintsev*
Terrible Glückskind, oder die Gesetze seiner zeit 383

AN DIE AUTOREN 391

ABOUT THE AUTHORS 393

BEDINGUNGEN UND ANFORDERUNGEN ZUR PUBLIKATION DER MATERIALIEN IN DER ZEITSCHRIFT «KRIMINALISTEN- UND KRIMINOLOGENVERBAND» 395

ANNOTATION UND SCHLÜSSELWÖRTER (ENGLISCH) 398

CONTENTS

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Matskevich I.M.

Criminal concomitant sides of funeral services..... 213

Matskevich I.M.

The Union of Criminalists and Criminologists
at the University of Wrocław 220

Barkov A.V., Grachev R.Yu.

Interaction of private and public legal means in the mechanism
of prevention of the funeral services market criminalization:
social entrepreneurship aspect..... 223

Khalabudenko O.A.

Legal regime of human organs, tissues and cells after death..... 231

Zaitsev O.A., Grachev R.Yu.

A lifetime funeral service contract as a way to prevent
the funeral sphere criminalization 240

REGIONAL DEPARTMENT OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN RUSSIA. URAL REGIONAL DEPARTMENT OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN RUSSIA

Grigor'ev V.N.

The initial stage of criminal prosecution 246

Khamidullin R.S.

Pretrial cooperation agreement as a tactical criminalistical
element of struggle against organized crime..... 250

Golubykh N.V.

Street crime: condition, reasons and development forecast... 256

Zaitsev O.A.

Problems of government protection of the participants of
criminal proceedings 261

Ermakova O.V.

Peculiarities of legal structure of the composition
of stealage of especially valuable objects 270

Kadnikov N.G.

On the issue of the novels of the criminal law in the light
of the theory of criminalization and decriminalization..... 273

Legotin M.P.

Criminological characteristics of extremism among youth
(the case of the Ural federal okrug) 277

Rasulova N.S.

Problems of assignment and execution of judicial expertise
when checking the reports about economic crimes 282

Fedorova I.A.

On the definition of a procedural status of an aggrieved
person on the stage of criminal proceedings
commencement 287

Chashnikov V.A.

Anticorruption education in the internal affairs bodies
of the Russian Federation (the case of the Ural Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)..... 290

A VOICE FOR THE HIGHER EDUCATION

Kudryavtseva A.V.

On the scientific school of the Department of Criminal
Procedure and Criminalistics of South Ural State University... 295

Zaitsev O.A.

The scientific legacy of Professor Iurii Danilovich Livshits 303

TRANSCRIPT

Matskevich I.M., Antonyan E.A.

The transcript of the "roundtable" on the issue of illegal
transplantology..... 307

FOREIGN OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS. KAZAKHSTAN OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

Akhpanov A.N.

On the procedural form of pre-trial criminal proceedings
in Kazakhstan..... 320

MOSCOW CRIMINOLOGY OFFICE

Bolsunovskaya L.

The effectiveness of cybercrime prevention:
problem aspects 324

Denisov E.V.

Topical problems and perspectives of automated
information-retrieval systems use in investigation
and search activities 329

THE SARATOV ORGANIZED CRIME AND CORRUPTION RESEARCH CENTER

Dolotov R.O.

Methodological problems of defining a "cost"
of social reaction to crime..... 336

CRIMINAL LAW

Sheveleva S.V.

Influence of ideas of determinism and indeterminism
on the formation of the freedom of the will concept
in criminal law..... 343

Dorogin D.A.

Decriminalization of a deed as a circumstance eliminating
criminal liability..... 354

CRIMINOLOGY

Nikitenko I.V.

Criminological study of migration security
in the Asian part of Russia..... 358

CRIMINAL PROCEDURE

Nuzhdin A.A.

The capacities of an automated workplace
in investigation of crimes 365

ABSTRACTS OF THESESES

Kadnikov N.G.

The category of grave crimes in the Soviet criminal law 368

WRITER-PUBLICIST CRIMINALIST-CRIMINOLOGIST

Zvyagintsev A.G.

The terrible favorite of fortune, or following the rules
of his time..... 383

ABOUT THE AUTHORS 393

THE ORDER OF REVIEWING

THE MATERIALS IN THE BULLETIN "THE UNION
OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS" 395

ANNOTATIONS AND KEYWORDS (ENGLISH) 398

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КРИМИНАЛЬНЫЕ ФОНОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ

Мацкевич И. М.

***Аннотация:** Рассматриваются особенности правонарушений и преступлений, связанных с оказанием ритуальных услуг населению. Установлено, что оказание ритуальных услуг является специфической формой предпринимательской деятельности. При этом такая деятельность регламентируется особым законодательством: Федеральным законом О защите конкуренции; Федеральным законом О погребении и похоронном деле; Указом Президента РФ О гарантиях прав граждан на предоставление услуг по погребению умерших; порядком проведения анализа и оценки конкурентной среды на товарных рынках, утвержденный приказом ФАС России от 25 апреля 2006 № 108; нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, среди которых наиболее интересным является Закон О погребении и похоронном деле в городе Москве. Метод и методология исследования. При подготовке и написании статьи применены методы анализа и синтеза, а также диалектический метод познания. Кроме того, методология статьи заключена в установлении основных характеристик правонарушений и преступлений в сфере предоставления ритуальных услуг. Научная новизна и выводы. Доказано, что предпринимательская деятельность по предоставлению ритуальных услуг является не только специфической формой предпринимательства, но и находится в значительной степени теневым видом предпринимательской деятельности. Из-за этого рассматриваемая предпринимательская деятельность обречена на прямую и опосредованную связь с различного вида злоупотреблениями, правонарушениями и даже преступлениями. При этом в УК РФ есть только одна статья (ст. 244 УК РФ), надругательство над телами умерших и местами их захоронения, которая предусматривает ответственность в сфере предоставления ритуальных услуг. Во всех остальных случаях уголовная ответственность наступает по общим основаниям (должностные преступления, преступления в сфере экономики).*

***Ключевые слова:** Предпринимательство, сверхдоходность, ритуальные услуги, похороны, трансплантология, теневой характер, типичные нарушения, кладбища, захоронения, преступления.*

В современном мире, в большинстве стран, а в, так называемых, цивилизованных странах, практически повсеместно оказание ритуальных услуг является одним из самых прибыльных видов экономической деятельности. Но при этом известно, что там, где присутствует сверхдоходность, всегда рядом идут злоупотребления, правонарушения и преступления.

Под ритуальными услугами здесь понимается комплекс юридических, медицинских и соци-

альных мероприятий, связанных с похоронами человека. В свою очередь рассматриваемый комплекс состоит из: а) захоронения (предание земле (помещение в склеп) тела (останков) человека после его смерти или урны с прахом после кремации, помещение урны с прахом в нишу стены скорби; б) предоставления места захоронения (могилы, ниши, стены скорби, склепа либо иного вместилища погребенного тела (останков) человека или

урны с прахом: в) обряда (символическая церемония, выполняемая в строго определенном порядке); г) похорон (обряд погребения тела (останков) человека после его смерти или урны с прахом после кремации); д) выделения похоронных принадлежностей (гробов, в том числе цинковых, урн для праха, траурных венков, гирлянд, траурных лент (в том числе с надписями), тапочек, покрывал и других предметов похоронного ритуала).

В законе под ритуалом понимается порядок проведения похоронного обряда.[1]

Примечательно, что в Федеральном законе О погребении и похоронном деле, [2] понятий, раскрывающих суть и характер ритуальных услуг, нет. В то же время есть довольно странное положение, что: оформление документов умершего, необходимых для погребения; предоставление и доставка гроба и других предметов, необходимых для погребения; перевозка тела (останков) умершего на кладбище (в крематорий); погребение (кремация с последующей выдачей урны с прахом) осуществляются на безвозмездной основе (ст. 9). Станным я назвал это положение потому, что ни разу не видел, чтобы эти услуги оказывались безвозмездно.

При этом есть ст. 5.41. КоАП РФ, которая устанавливает административную ответственность за непредоставление на безвозмездной основе услуг по погребению и невыплате социального пособия на погребение. Эффективность этой статьи мне представляется крайне сомнительной. В то же

возможность административного наказания должностных лиц, ответственных за безвозмездное предоставление такой помощи.

Между тем, в рассматриваемом Федеральном законе имеется закрепление похоронного дела, как самостоятельного вида деятельности. Причём, организация этого самостоятельного, и добавлю весьма специфического, вида деятельности возложена на органы местного самоуправления (ст. 25). Похоронное дело, или, как мне представляется более точным название, предоставление ритуальных услуг, в том виде, как они закреплены в законе, практически обречены на непрозрачность и закрытость, как вид предпринимательской деятельности. Хотя я предвижу возражения, что это не предпринимательская деятельность. По форме, возможно и нет, а по содержанию, – самая, что ни на есть предпринимательская. И не только в нашей стране.

Российский рынок ритуальных услуг никогда не бедствовал, а с начала 2000-х годов начал довольно быстро расти. Увеличивается количество предприятий, предоставляющих услуги по организации и проведению похорон, и увеличиваются затраты граждан на похороны. При этом уровень смертности населения с каждым годом снижается, то есть фактический спрос на услуги падает. С экономической точки зрения данное положение дел можно назвать парадоксальным.

Ниже приводятся открытые данные об объёме рынка по предоставлению ритуальных услуг.

Сведения об объемах продаж по услугам погребения способами захоронения в землю и кремации:

Наименование субъекта	Наименование городского округа или муниципального района	Способом кремирования	Способом захоронения в землю	Всего
Красноярский край	г. Норильск	842	147	989
Приморский край	г. Артем	1327	138	1465
Приморский край	г. Владивосток	1854	5275	7129
Новосибирская область	Новосибирский район	2307	1113	3420
Кемеровская область	г. Новокузнецк	4827	3254	8081
Челябинская область	г. Челябинск	403	9389	9792
Ростовская область	г. Ростов-на-Дону	134	11710	11844
Свердловская область	г. Екатеринбург	10342	10392	20741
Свердловская область	г. Нижний Тагил	1024	3611	4635
г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	32743	28676	61419
г. Москва	г. Москва	40975	94010	134985
	ИТОГО:	96778	167715	264500

время я бы предложил провести широкую социальную рекламу гарантий помощи гражданам при предоставлении ритуальных услуг, включая

В структуре рынка ритуальных услуг главное место занимает Центральный Федеральный Округ России, на долю которого в 2013 г. пришлось 35,8%

всего объёма подобного рода деятельности. По состоянию на 2014 г. в России действует более 3 тыс. специализированных ритуальных предприятий. При этом подавляющее большинство таких предприятий являются частными.

В 2004 г. было отменено лицензирование ритуальной деятельности. В настоящее время ритуальные предприятия только уведомляют контролирующие органы о начале своей работы. Разумеется, это упростило создание ритуальных предприятий и снизило уровень бюрократических процедур. Но проблема заключается в том, насколько это пошло на пользу обществу и конкретным людям, которые рано или поздно сталкиваются с такими услугами, которые подобные предприятия предоставляют.

Ритуальные услуги в России, как и в советское, так и в постсоветское время остаются одними из самых, как я уже сказал, закрытых и, как следствие, одними из самых теневых видов экономической деятельности. Вполне закономерно, что тень неизбежно падает и на социальные, и прочие службы, которые вовлечены в эту деятельность. В этой связи, любопытным является тот факт, что на территории Республики Ингушетия и Чеченской Республики предприятия, оказывающие ритуальные услуги, в том числе по погребению (захоронение, кремации) не выявлены. Поскольку сложно представить, что здесь люди вообще не умирают, остаётся предположить, что предприятия по оказанию ритуальных услуг на территории этих республик действуют нелегально.

Более того, проведённые проверки фиксируют многочисленные нарушения в деятельности легальных предприятий по предоставлению ритуальных услуг в подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации. Приводить весь перечень субъектов бессмысленно, но кто хотел бы с ним ознакомиться, я рекомендую посетить соответствующий раздел официальной страницы сайта Росстата.[3]

Наиболее типичными нарушениями являются: а) необоснованная передача муниципальных кладбищ в ведение специализированных служб; б) наделение предприятий по предоставлению ритуальных услуг функциями и правами муниципальных органов власти (выделение земельных участков для захоронений, инвентаризация захоронений и обновление книг захоронений, регистрация захоронений умерших в регистрационной книге, контроль за соблюдением порядка захоронений, установление режима работы на муниципальных кладбищах, содержание мест захоронений); в) заключение различных соглашений, которые при-

водят к недопущению, ограничению, устранению конкуренции на рынке ритуальных услуг.

Сам специфический характер такой деятельности обусловлен следующими обстоятельствами.

1. Отсутствует профессиональное обучение по оказанию ритуальных услуг, хотя очевидно, что эта деятельность весьма разнообразна, и в подготовке таких специалистов должны принимать участие юристы, психологи, медики, художники, социальные работники и т.п.

2. Реклама на рынке ритуальных услуг не работает, поскольку люди стараются не обращать на неё внимания из суеверных соображений, поэтому с конкретным ритуальным предприятием сталкиваются только в момент смерти близкого человека, т.е. ситуативно.

3. Качество предоставляемых услуг не может существенным образом отличаться и быть разнообразным, ассортимент услуг ограничен, и не может быть принципиально расширен.

4. Руководители вновь создаваемых ритуальных предприятий искусственно снижают цены, выдавливая конкурентов, а сами паразитируют на услугах других производителей, не утруждая себя заботой о создании хотя бы видимости работы, например, изготовлением гробов, памятников, специальной одежды и трикотажа. У новых ритуальных предприятий нередко отсутствуют даже демонстрационные залы.

5. Работники ритуальных предприятий не умеют общаться с родственниками умерших. Этому, как говорилось, их никто не учит. Они не обладают даже элементарными знаниями в области психологии и социального общения. Поэтому борьба между руководителями ритуальных предприятий идёт либо на грани закона, либо за его гранью. Например, в Челябинске был убит заместитель директора муниципального унитарного предприятия, которое называлось «Мемориал», Алексей Марьин.

Согласно экспертным оценкам в городах с миллионным населением ритуальных предприятий должно быть в пределах 8-10. В действительности их в 3-4 раза больше. В городах и посёлках, где проживает небольшое число людей, таких проблем, обычно, не возникает. Например, в Сургуте всего два ритуальных предприятия; одно муниципальное, другое частное. Они мирно сосуществуют, полностью перекрывая необходимые потребности в предоставлении их печальных услуг. Чем занимаются ритуальные предприятия в больших городах, в большой степени загадка. При сложившейся

ситуации криминальные проявления в этой сфере становятся практически неизбежными.

Из-за теневого характера деятельности по оказанию ритуальных услуг, борьбы за, если так можно сказать, клиентов, периодически возникают нелепицы, которые невозможно объяснить только, так называемым, чёрным юмором. Например, в том же Екатеринбурге одно ритуальное предприятие поздравило ветеранов Великой Отечественной войны с Днём Победы календарями с собственной рекламой.

Нередки случаи вымогательства со стороны работников кладбищ у родственников умерших денег за предоставление, как они это называют, «хороших» мест на кладбище. Более того, деньги вымогаются даже за то, чтобы похоронить умершего человека рядом с захоронением его родственников. Последнее действие было бы очевидно противозаконным, если бы на территории всей России действовало положение Закона города Москвы О погребении и похоронном деле в городе Москве, согласно которому существует понятие родственного участка, т.е. участка, на котором имеется могила, в которой захоронен супруг или родственник умершего.[4]

Непрозрачность ритуальных услуг привела, в том числе, к массовому появлению на кладбищах, особенно вблизи больших городов, монументов, саркофагов и целых склепов, поражающих своим траурным величием и неумеренной дороговизной, поставленных на могилах лиц с сомнительной, а чаще всего, с откровенно криминальной биографией.

В целях борьбы с конкурентами, руководители ритуальных предприятий устанавливают контакты с полицейскими и медиками, которые за незаконное вознаграждение первыми предоставляют им информацию о смерти человека. Стоимость такой информации варьируется в пределах 5 тыс. рублей.

Медицинские работники часто по надуманным основаниям отказываются оформлять документы о смерти человека, без которых его невозможно проводить в последний путь, без проведения вскрытия. При этом какие органы и для каких целей ими забираются, можно установить только путём проведения либо оперативных полицейских мероприятий, либо путём обжалования их действий в прокуратуру. В стрессовых ситуациях, в которых находятся родственники умершего, естественно, никто на это не идёт, чем и злоупотребляют медицинские работники. Проблема незаконной трансплантологии требует отдельного самостоятельного большого исследования, но то,

что эта проблема связана с криминальными сторонами предпринимательской деятельности по оказанию ритуальных услуг, мне представляется вполне очевидным.

В Челябинске медицинские работники одной из станций «скорой помощи» обратились с просьбой о проведении проверки на предмет несанкционированного прослушивания телефонных переговоров их диспетчеров. Дело в том, что в считанные минуты после сообщений в «скорую помощь» о смерти пациентов, в квартиру к их родственникам приезжают представители ритуальных предприятий и предлагают свои услуги. Отнюдь не на безвозмездной основе, хотел бы подчеркнуть. Более того, представители ритуальных предприятий стали приходить к родственникам людей, находившимся в критическом состоянии, которые экстренно вызывали медицинских работников даже раньше, чем к ним успевала приезжать машина «скорой помощи». Бывало даже так, что больного увозили в больницу, а представители ритуальных предприятий начинали предлагать свои услуги родственникам, будучи уверенными, что больной человек умер.

К чему приводит подобная теневая деятельность можно показать и на другом примере. Прокуратура Екатеринбурга установила факт преступной деятельности заместителя коммерческого директора ритуальной службы Мамедова. Как установлено следствием, летом 2010 г. Мамедов организовал преступную группу из четырёх человек, с целью физического воздействия на представителей конкурирующих ритуальных предприятий. Преступная группа по прямому указанию Мамедова принуждала конкурентов к отказу от совершения сделки на оказание ритуальных услуг на территории Екатеринбурга, а также совершала разбойные нападения на работников других ритуальных предприятий. При этом Мамедов ранее служил в органах внутренних дел и имел личные связи со своими бывшими коллегами. Мамедов инструктировал каждого члена преступной группы, как вести себя при возможном задержании, что говорить, что не говорить, какие документы подписывать, а какие не подписывать. После того, как Мамедов узнавал, о визите представителей других ритуальных предприятий к родственникам умерших, он выяснял их телефоны и домашние адреса. Затем, он направлял к этим людям членов преступной группы, которые под угрозой физического принуждения, а иногда и после прямого физического воздействия, заставляли их отказываться от уже заключённой сделки с родственниками умершего. В качестве оружия члены

преступной группы использовали бейсбольные биты, монтировки и резиновые палки.

Затем работники ритуального предприятия, подконтрольного Мамедову, направлялись в квартиру умершего и, представляясь либо сотрудниками полиции, либо сотрудниками специализированного муниципального предприятия, каковыми в действительности они, разумеется, не были, убеждали родственников заключать договора на оказание ритуальных услуг только с одним единственным предприятием, фактическим руководителем которого был Мамедов. При этом они заявляли, что агенты других ритуальных предприятий являются мошенниками.

Мамедов и его соучастники были привлечены к уголовной ответственности по пункту «в» части 2 статьи 179 УК РФ (принуждение к совершению сделки), и по пункту «а» части 4 статьи 162 УК РФ (разбой).

В другом случае, который произошёл в Ростовской области, директор ритуального предприятия Любимова, не в силах конкурировать с директором другого предприятия, просто заказал его убийство. С этой целью она наняла двух приезжих, которые за вознаграждение в 100 тыс. рублей согласились совершить это тяжкое преступление. В результате конкурент Любимовой был убит, но убийцы были арестованы, после чего они, как говорят в подобных случаях, «сдали» свою заказчицу.

Как утверждает Е.Н. Моисеева, организация похорон и приобретение ритуальных товаров и услуг является формой принудительного потребления, от которого невозможно отказаться. Сложность изучения механизма предоставления ритуальных услуг обусловлена следующим.

1. Табуированность темы смерти. Основная проблема, с которой сталкивается исследователь при изучении рынка ритуальных услуг, заключается в существовании строгого табу на тему смерти, что значительно усложняет исследование любых вопросов, связанных со смертью, в том числе похоронных ритуалов, практик и эмоционального опыта.

2. Специфика профессионального сообщества. Существуют трудности, связанные, например, с изучением работников похоронной сферы, как профессиональной группы. Ритуальные агенты и директора кладбищ свободно обсуждают (с присущим им специфическим чувством юмора, который я уже выше назвал – «чёрным») темы, которые являются сенситивными для всего остального общества, поскольку для них обслуживание смерти является повседневной рутинной практикой. Однако на вопросы, касающиеся

экономических аспектов своей деятельности, они отвечают не охотно и предпочитают не вдаваться в особенности профессии.

3. Закрытость ритуального предпринимательства. Российский рынок ритуальных услуг является монопольным рынком с несовершенной конкуренцией.

При этом основные правила ритуала погребения состоят в: 1) жёстко заданных временных рамках исполнения ритуала; 2) невозможности отказаться от проведения ритуала. В свою очередь эти обстоятельства трансформируются в следующие ограничения для родственников и близких умершего: 1) нельзя отказаться от покупки; 2) нельзя не уложиться в сроки; 3) нельзя обсуждать покупку заранее; 4) нельзя выбирать и сравнивать товары в разных фирмах; 5) нельзя торговаться. [5]

Справедливости ради, следует признать, что преступления и правонарушения в сфере оказания ритуальных услуг совершаются во многих странах.

Например, 60-летняя специалист по приёму донорской крови Шиллинг и 66-летняя сотрудница морга Крамп, проживавшие в штате Калифорния США, организовали несколько фальшивых похорон для получения страховых выплат и других компенсаций. Как установлено в ходе разбирательства, женщины в результате махинаций присвоили около 1 млн. долларов США. Суть махинаций заключалась в оформлении страховки на несуществующих людей (возможно, в некоторых случаях они использовали подлинные документы, украденные у живых людей), после чего организовывали фальшивые похороны. В одном случае они даже сумели осуществить мнимую эксгумацию тела и получили поддельную справку о его кремации.

После похорон мошенницы спокойно выжидали некоторое время, и обращались за деньгами в соответствующие службы, заявляя о смерти владельца страховки. Попались они на том, что предложили одному из медицинских работников взятку в 50 тыс. долларов США за то, чтобы тот подделал историю болезни покойных, которых на самом деле не было.

В городке Аллендейл (Allendale County), штат Южная Каролина, один из служащих бюро ритуальных услуг под названием Cave Funeral Services сообщил, что умерший от рака кожи некий афроамериканец оказался слишком длинным, чтобы поместиться в гроб. Тогда работники ритуального бюро ампутировали покойному ноги, после чего положили тело в гроб. Было решено провести проверку этого заявления. Тело эксгумировали и установили, что заявление служащего полностью

соответствует действительности. Вдова покойного, узнав о случившемся, отметила, что во время организации похорон она предупредила директора похоронного бюро, что её умерший супруг был необычайно высокого роста, на что, по её словам, директор заявил, что тело покойного «превосходно уложится в гроб».

В другом случае руководителя похоронной конторы Watson and Sons Funeral Home, в городке Бирмингем (Birmingham) штат Алабама, обвинили в том, что он выбросил тело умершей женщины, родственники которой не смогли оплатить ритуальные услуги, на улицу. Тело женщины было передано похоронной конторе в ноябре 2007 года. Родственники покойной хотели его кремировать, но так и не смогли из-за сложного материально положения собрать необходимую сумму денег. Когда владелец конторы 76-летний Гарольд Уотсон понял, что денег он не получит, он принял решение избавиться от тела, но не придумал ничего лучшего, чем просто выставить его на улицу. Через некоторое время, по естественным причинам, тело начало издавать трупный запах. Жители соседних домов обратились в полицию, и Уотсона арестовали. При этом действия Уотсона носили очевидный провокационный характер, поскольку он имел возможность попросить представителей муниципальных властей произвести захоронение тела женщины, как неостребованное родственниками, но не стал этого делать, надеясь, по всей видимости, всё-таки добиться от родственников оплаты его услуг. Другими словами, он хотел заработать на похоронах. Среди прочих обвинений, Уотсону было предъявлено обвинение в надругательстве над трупом.

Таким образом, необходимо признать, что существование теневого рынка по предоставлению ритуальных услуг обусловлено обострением конкурентной борьбы в этой специфической сфере предпринимательства.

В свою очередь, поскольку такие услуги недостаточно контролируются со стороны правоохранительных органов, они довольно часто связаны с нарушениями действующего законодательства, в том числе и уголовного.

Причин сложившегося положения дел несколько.

1. Рынок ритуальных услуг перенасыщен.

2. Традиционные методы конкуренции среди предприятий ритуальных услуг, как правило, не применяются.

3. Работники ритуальных предприятий откровенно паразитируют на чувствах родственников усопших.

4. В сфере оказания ритуальных услуг приходят работать люди с клеймом социального аутсайдерства, что на бытовом языке называется, – неудачники.

5. На рынке ритуальных услуг (особенно в больших городах с населением более, чем 1 млн. человек) наблюдается серьёзное обострение конкурентной борьбы.

6. Нельзя забывать о незаконной трансплантологии, которая процветает во всём мире и непосредственно связана с ритуальными услугами.

7. Существует особая закрытость сообщества лиц, занимающихся представлением ритуальных услуг.

8. Злоупотребления работников ритуальных предприятий часто связаны с вовлечением в незаконную деятельность медицинских работников и полицейских, которые первыми узнают о смерти человека.

9. В России традиционные способы захоронения (погребение тела в могилу) уже сегодня не обеспечены приспособленными для этого территориями, из-за чего возникает спекулятивная торговля участками под захоронения.

10. Привлечь к ответственности работников ритуальных предприятий бывает довольно трудно из-за принципиального несовершенства законодательства (невозможно придумать закон, карающий за чёрствость).

Библиография:

1. Закон города Москвы О погребении и похоронном деле в городе Москве. – Ведомости Московской Думы. № 6. 1997.
2. Федеральный закон от 12.01.1996 № 8-ФЗ (ред. от 29.12.2014, с изм. от 06.04.2015) – Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 146
3. <http://www.gks.ru/>
4. Закон города Москвы О погребении и похоронном деле в городе Москве. – Ведомости Московской Думы. № 6. 1997.
5. Моисеева Е.Н. Экономико-социологический анализ рынка ритуальных услуг. Автореф. канд. социол. наук. Москва. 2013

6. Указ Президента РФ О гарантиях прав граждан на предоставление услуг по погребению умерших. – Собрание законодательства РФ. № 27. Ст. 3235.
7. Сивашенкова Д. Мошенники по ритуальным услугам. – <http://www.mk.ru>
8. Гаврилина Т.А. Особенности правового регулирования налогообложения ритуальных услуг. – Финансовое право, 2014, № 10.
9. Грачев Р.Ю. Особенности антимонопольного регулирования рынка ритуальных услуг. – Вестник Пермского Университета. Юридические науки, 2012, № 1.
10. Фими́на Н.В. Сотрудник организации умер: правовые и налоговые последствия-Оплата труда: бухгалтерский учет и налогообложение, 2015, № 3.

References (transliterated):

1. Zakon goroda Moskvy O pogrebenii i pokhoronnom dele v gorode Moskve. – Vedomosti Moskovskoi Dumy. № 6. 1997.
2. Federal'nyi zakon ot 12.01.1996 № 8-FZ (red. ot 29.12.2014, s izm. ot 06.04.2015)-Sobranie zakonodatel'stva RF..1996. № 3. St.. 146
3. <http://www.gks.ru/>
4. Zakon goroda Moskvy O pogrebenii i pokhoronnom dele v gorode Moskve. – Vedomosti Moskovskoi Dumy. № 6. 1997.
5. Moiseeva E.N. Ekonomiko-sotsiologicheskii analiz rynka ritual'nykh uslug. Avtoref. kand. sotsiol. nauk. Moskva. 2013
6. Ukaz Prezidenta RF O garantiyakh prav grazhdan na predostavlenie uslug po pogrebeniyu umershih. – Sobranie zakonodatel'stva RF. № 27. St. 3235.
7. Sivashenkova D. Moshenniki po ritual'nykh uslugam. – <http://www.mk.ru>
8. Gavrilina T.A. Osobennosti pravovogo regulirovaniya nalogooblozheniya ritual'nykh uslug. – Finansovoe pravo, 2014, № 10.
9. Grachev R.Yu. Osobennosti antimonopol'nogo regulirovaniya rynka ritual'nykh uslug. – Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie nauki, 2012, № 1.
10. Fimina N.V. Sotrudnik organizatsii umer: pravovye i nalogovye posledstviya-Oplata truda: bukhgalterskii uchet i nalogooblozhenie, 2015, № 3.

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ ВО ВРОЦЛАВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Мацкевич И. М.

***Аннотация:** 21 ноября представители Союза криминалистов и криминологов приняли участие в конференции во Вроцлавском университете (Польша) на тему: «Правовые вопросы похорон, личные права умершего, отдельные аспекты наследственного права и свобода осуществления похоронной деятельности». В работе конференции приняли участие ученые, преподаватели и студенты Вроцлавского, Варшавского, Киевского, Белостокского университетов, Краковской Академии, Университетов Таджикистана, Молдовы, Чехии. Из России участвовали доцент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Капустина Мария Александровна, а также представители СКК профессора Олег Александрович Зайцев (проректор по научной работе Московской академии экономики и права), Алексей Владимирович Барков (кафедра гражданско-правовых дисциплин Московской академии экономики и права), Игорь Михайлович Мацкевич (советник при ректорате Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)). Среди проблематики, предложенной участниками конференции, освещались следующие аспекты: – «Использование новых технологий в наследственном праве»; – «Необходимость внесения изменений в закон о кладбищах и погребении умерших»; – «Защита авторских прав в польском праве. Традиции-современное положение-перспективы» – «Криминальные проявления в похоронном деле». Президент СКК Мацкевич и вице-президент СКК Зайцев выразили профессору Мазуркевичу отдельную благодарность за то, что конференция была организована и проведена на 2-х языках: – польском и – русском. А также за организованное посещение мемориальных кладбищ советских солдат, павших в боях с фашистской Германией.*

***Ключевые слова:** Вроцлав, университет, Польша, похороны, Право, личные права умершего, наследственное право, похоронная деятельность, авторские права, кладбища.*

21 ноября представители Союза криминалистов и криминологов приняли участие в конференции во Вроцлавском университете (Польша) на тему: «Правовые вопросы похорон, личные права умершего, отдельные аспекты наследственного права и свобода осуществления похоронной деятельности».

В работе конференции приняли участие ученые, преподаватели и студенты Вроцлавского, Варшавского, Киевского,

Белостокского университетов, Краковской Академии, Университетов Таджикистана, Молдовы, Чехии.

Из России участвовали доцент юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Капустина Мария Александровна, а также представители СКК профессора Олег Александрович Зайцев (проректор по научной работе Московской академии экономики и права), Алексей Владимирович Барков (кафедра

Выступление вице-президента СКК О.А. Зайцева

гражданско-правовых дисциплин Московской академии экономики и права), Игорь Михайлович Мацкевич (советник при ректорате Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Среди проблематики, предложенной участниками конференции, освещались следующие аспекты:

– «Использование новых технологий в наследственном праве»;

Выступление представителя СКК А.В. Баркова

*Барков, Зайцев, Мацкевич
на мемориальном кладбище
советских офицеров во Вроцлаве*

– «Необходимость внесения изменений в закон о кладбищах и погребении умерших»;

– «Защита авторских прав в польском праве. Традиции-современное положение-перспективы»

– «Криминальные проявления в похоронном деле».

Организовывал конференцию профессор Вроцлавского университета Яцек Мазуркевич.

Президент СКК Мацкевич и вице-президент СКК Зайцев выразили профессору Мазуркевичу отдельную благодарность за то, что конференция была организована и проведена на 2-х языках:

– польском и

– русском,

А также за организованное посещение мемориальных кладбищ советских солдат, павших в боях с фашистской Германией при освобождении Силезии и Бреслау

*Участники
конференции вместе
с дочерью профессора
Яцека Мазуркевича на
мемориальном кладбище
советских солдат
во Вроцлаве*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ В МЕХАНИЗМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ РЫНКА РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ: СОЦИАЛЬНО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ АСПЕКТ

Барков А.В., Грачев Р.Ю.

***Аннотация:** В настоящей статье обращается внимание на углубление криминализации российского рынка ритуальных услуг. В качестве одного из основных путей предотвращения криминализации рынка предлагается оптимизация частных и публичных правовых средств в механизме его регламентации. Обосновывается, что особенности данного механизма должны найти отражение в российском законодательстве о погребении и похоронном деле. В следующей части статьи исследуются тенденции и перспективы развития российского законодательства в данной сфере. Выявляя достоинства и недостатки двух активно обсуждаемых в России законопроектов: «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О погребении и похоронном деле»», подготовленным Федеральной антимонопольной службой и похоронным сообществом (ориентированным на саморегулирование похоронной отрасли), и «О похоронном деле», опубликованным Минстроем осенью 2014 г. (нацеленным на доминирование лицензионного порядка регулирования рынка ритуальных услуг), авторы делают вывод о необходимости сочетания достоинств двух моделей: саморегулирования и лицензирования. Метод или методология исследования: В процессе работы использовались общенаучные и частно-научные методы познания: диалектический, формально-логический, моделирование и структурно-функциональный. В качестве перспективного направления совершенствования законодательства о погребении и похоронном деле обосновывается возможность использования идеологии социального предпринимательства, получившего в развитых правовых системах практическое применение, которое, на взгляд авторов, позволит оптимизировать частные и публичные правовые средства в механизме регламентации рынка ритуальных услуг. **Ключевые слова:** Похоронное дело, рынок ритуальных услуг, лицензирование, саморегулирование, социальное предпринимательство, криминализация, бесконтрольность, услуга, государственный контроль, лицензия.*

На активную криминализацию похоронно-ритуальной сферы и необходимость противодействия этому процессу в целях совершенствования механизма правового регулирования рынка ритуальных услуг неоднократно обращалось внимание в средствах массовой информации [1]. Вместе с тем, несмотря на прилагаемые усилия, криминальная ситуация в данной сфере в ряде регионов России

только ухудшается. По оценке Российского информационного агентства «Ура.Ру», в Свердловской области на рынке ритуальных услуг «ситуация ухудшилась катастрофически» [2], так как услуги по организации погребения нередко предоставляются полукриминальными элементами с соответствующими методами работы. Российское информационное агентство «Ура.Ру» сообщает, что «в битве

за «клиента» черные похоронщики устраивают настоящие облавы друг на друга. «Вес» взятки за информацию об адресах покойников за три года увеличился в 10 раз, объем незаконных платежей оценивается в десятки миллионов рублей» [3].

По мнению экспертов, неблагоприятная ситуация на рынке ритуальных услуг сложилась в результате бесконтрольности со стороны государства. В связи с этим ответственность за контроль всего рынка в апреле 2014 г. была возложена на Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства (далее: Минстрой). Премьер-министр Д. Медведев в официальном документе по передаче Минстрою данной сферы указал причину такого шага: «В связи с криминализацией отрасли» [4].

В качестве первоочередной задачи реформирования похоронной отрасли в целях снижения уровня ее криминализации Минстрой определился в необходимости совершенствования нормативно-правовой базы рынка ритуально-похоронных услуг, основу которой составляет не отвечающий современным реалиям Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» [5]. О его несовершенстве на протяжении последних пятнадцати лет говорилось неоднократно при обсуждении различных вариантов его реформирования. Несовершенство закона связывалось в основном с тем, что в переходный период от административно-командной к рыночной экономике по инерции пытались использовать потенциал советской правовой модели. Поэтому неслучайно размещение Минстроем на своем официальном сайте в октябре 2014 г. проекта ФЗ «О похоронном деле» [6] для общественного обсуждения вызвало очередную активную дискуссию о тенденциях и перспективах развития правового обеспечения похоронной отрасли.

Эффективность правового регулирования рыночных отношений в похоронной сфере зависит от нахождения оптимального баланса публичных, общественных и частных интересов [7]. В связи с этим, на наш взгляд, в качестве противодействия криминализации рынка похоронных услуг следует рассматривать поиск баланса частных и публичных правовых средств регламентации рыночных отношений, на особенностях которых остановимся подробнее.

Отмечается, что в настоящее время в мировой практике наиболее успешно используются две модели (формы) государственного контроля и регулятивного воздействия на отдельные отрасли хозяйствования: выдача разрешений (лицензий) на осуществление отдельных видов работ, оказание

услуг, распространение товаров и саморегулирование. Обращая внимание на эволюцию моделей государственного правового воздействия на похоронную отрасль, следует отметить, что до 1996 г. доминировала первая. Лицензированию подлежала деятельность по оказанию следующих видов ритуальных услуг: прием заказа и заключение договора на организацию похорон; бальзамирование; санитарная и косметическая обработка трупов; захоронение и перезахоронение; услуги крематориев; уход за могилой; изготовление гробов; заключение прижизненного договора на оказание ритуальных услуг [8]. Затем в соответствии с Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 128 «О лицензировании отдельных видов деятельности» [9] лицензирование этой сферы было отменено.

С этого момента начинает более четко прослеживаться динамика перехода ко второй модели (форме) регулирования, коей является деятельность специализированных институтов профессионального общественного воздействия, созданию и развитию которых способствует государство. Указанные институты приобрели в России вид некоммерческих саморегулируемых организаций (СРО), каждой из которых соответствует определенный вид предпринимательской деятельности, ведомый ее членами. Следует особо подчеркнуть, что и тот, и другой механизмы имеют широкое распространение не только в нашей стране, но и в системах права абсолютного большинства зарубежных стран [10].

С вектором на саморегулирование связывалось реформирование законодательства о похоронном деле, инициатором которого выступала Федеральная антимонопольная служба и наиболее крупные саморегулируемые организации в данной сфере [11]. Среди мер, направленных на демополизацию рынка похоронных услуг, предполагались: создание саморегулируемой организации в сфере ритуальных услуг, устанавливающей требования к своим членам, к качеству услуг, правила похоронной этики, а также механизм компенсации ущерба, причиненного потребителям услуг – из компенсационного фонда СРО; установление прозрачности цен на ритуальные услуги путем введения требования о размещении в открытом доступе, в том числе на зданиях администраций кладбищ, на сайтах местных администраций и сайтах администраций кладбищ, в местных СМИ сведений о членах СРО и ценах на ритуальные услуги, и т.д.

Отмеченная нами выше тенденция к постепенной отмене лицензирования в отношении многих видов деятельности как процесс либерализации

экономической деятельности в целом в научной литературе рассматривалась положительно. Вместе с тем применительно к сфере оказания ритуальных услуг вставал вопрос «об адекватной замене лицензирования иными мерами, в частности, техническим регулированием» [12], в целом присущим и другим отмененным рассматриваемым законом ранее лицензируемым видам деятельности. Действительно, в соответствии с Законом РФ «О техническом регулировании» на изделия, объекты, процессы, предоставляющие потенциальную опасность для жизни и здоровья людей, имущества физических и юридических лиц, окружающей среды должны разрабатываться технические регламенты. Такие регламенты должны были заменить нормативные и директивные документы, в которых в настоящее время содержатся обязательные требования по безопасности изделий, объектов, процессов, в том числе документы: ГОСТ и ГОСТ Р, СНИПы, СанПиНы, рекомендации. Вместе с тем отмечалось, что применительно к ритуально-похоронной сфере следовало разработать технический регламент «Безопасность объектов, изделий, материалов, оборудования ритуально-похоронного назначения». Этот регламент, по мнению Р.Г. Набиева, должен был быть принят в качестве федерального закона. Предполагалось, что в него должны войти нормы действующих санитарных норм и правил СанПиН 2.1.1279-03 «Гигиенические требования к размещению, устройству и содержанию кладбищ, зданий и сооружений похоронного назначения». В регламенте, в частности, должны были быть установлены требования по безопасности к гробам, которые предназначены для использования при кремации тел умерших. Такая постановка вопроса Р.Г. Набиевым представляется вполне логичной [13]. Однако, несмотря на то, что данное предложение было высказано в 2007 г., реализация его несколько запоздала. Лишь с 1 января 2013 г. легализован ГОСТ Р 54611–2011 – «Услуги по организации и проведению похорон», что, несомненно, положительно скажется на качестве ритуально-похоронных услуг [14].

В законопроекте, подготовленном Минстроем, в противовес законопроекту, подготовленному ФАС, предполагается в качестве основной новеллы возрождение института лицензирования в отношении таких услуг, как прием заказа, заключение договора на организацию похорон и сопровождение похорон; подготовка и проведение обряда прощания; захоронение, эксгумация и перезахоронение останков и др. Согласно проекту закона, предла-

гается установить ответственность должностных и юридических лиц за правонарушения в сфере похоронного дела путем внесения соответствующих изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях. Например, сотрудников медучреждений и полиции смогут привлечь к административной ответственности за незаконную передачу данных о смерти лиц ритуальным агентствам. По информации министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации М.А. Меня [15], принятие данного закона планировалось в Госдуме осенью 2014 года. Следовательно, можно сделать вывод, что в настоящее время российский законодатель отдает приоритет модели государственного воздействия на похоронную отрасль, ориентированной на лицензирование, что, безусловно, оправданно в условиях высокой степени ее криминализации.

Ранее нами отмечалось, что регулятивное воздействие и контроль через механизмы лицензирования не только не является изжившим себя способом защиты государством публичных интересов, но, напротив, может и должен продолжать применяться в отдельных отраслях экономики и даже охватывать собой некоторые виды деятельности, осуществление которых ныне не требует специальных разрешений. Его главным преимуществом является возможность государства как главного выразителя публичного интереса поддерживать баланс между потребностями общества и отдельных лиц, осуществляющих экономическую деятельность.

В этом контексте вызывает некоторое беспокойство деятельность отдельных министерств и ведомств, а также Федерального Собрания, направленная на создание системы регулирования социально и экономически значимых видов деятельности, за малым изъятием исключительных разрешительных процедуры. Полный отказ от модели правового регулирования и контроля представляется ошибочным, так как разрешительный метод имеет немало преимуществ по отношению к саморегулированию [16]. Наряду с разработкой технических регламентов положительно оцениваем стремление легально возратить процедуру лицензирования оказания ритуальных услуг, практика которого имеется во многих странах мира, что, на наш взгляд, благотворно скажется на защите прав потребителей.

Как справедливо отмечает Р.З. Лившиц, «в природе рынка социальная защищенность человека просто не заложена. Чтобы обеспечить подобную защищенность, ее нужно ввести извне. В этом одно

из важнейших направлений деятельности государства и права как средства сохранения стабильности общества. Вот почему государственно-правовое вмешательство в экономику необходимо, ибо оно несет в себе социальную защищенность человека. Мера вмешательства государства и права, формы вмешательства здесь различны, они зависят от состояния общества» [17]. В связи с этим, на наш взгляд, с учетом реалий незавершенного этапа перехода к рыночной экономике представляется необходимым гармоничное и взвешенное сочетание достоинств двух моделей: лицензирования и саморегулирования.

В наиболее общем виде саморегулирование можно определить как деятельность некоммерческих организаций, специально созданных для защиты прав неограниченного круга лиц, обладающих контрольными и распорядительными функциями, свойственными органам государственной власти [18]. Саморегулирование с точки зрения многих специалистов является «одним из признаков цивилизованности отношений между государством и бизнесом» [19]. При этом его развитие может и по-прежнему должно рассматриваться как одно из приоритетных направлений в совершенствовании качества регулирования в России [20]. Данный способ организации регулирования и контроля отдельных видов деятельности имеет достаточно длительную историю в развитых странах и используется зачастую параллельно с лицензированием. Для отечественной же системы права саморегулирование является новой правовой конструкцией [21].

Как и лицензирование, саморегулирование имеет целый ряд положительных свойств. К ним, в частности, можно отнести частичную самостоятельность организации отраслевой деятельности лицами, участвующими в ней, что, безусловно, способствует повышению ее эффективности. Таким образом, непосредственные участники правоотношений в рамках отдельных видов деятельности получают возможность влиять на отраслевое регулирование, а не просто быть пассивными исполнителями государственной воли. Кроме того, субъекты саморегулируемой деятельности получают доступ к «форуму», в рамках которого они имеют возможность напрямую выразить свое мнение в отношении тех или иных аспектов государственного регулирования выполняемых ими работ, оказываемых услуг, реализации ими определенных видов товаров. Думается, что легализация необходимости приобретения статуса саморегулируемой организации отсечет от рынка ритуальных

услуг недобросовестных криминализированных «черных» похоронных агентств, не способных пройти корпоративную сертификацию, и послужит репутационной гарантией для организации, пожелавшей приобрести обязательную лицензию.

Таким образом, логика развития законодательства о похоронном деле и ритуальном обслуживании состоит на настоящем этапе в том, чтобы выработать и закрепить в виде нормативно установленных правил систему «сорегулирования», опирающуюся, с одной стороны, на саморегулируемую структуру профессионального сообщества, а с другой, на федеральный орган исполнительной власти в лице министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, что, на наш взгляд, обеспечит оптимальное взаимодействие частных и публичных правовых средств в механизме воздействия на рынок ритуально-похоронных услуг. Представляется, что в этом направлении и должно проходить последующее обсуждение проекта ФЗ «О похоронном деле».

Говоря о перспективах развития законодательства о погребении и похоронном деле, на наш взгляд, в качестве оптимального направления его совершенствования предлагается с учетом опыта развитых правовых систем использование правовой модели социального предпринимательства. Термины «социальное предпринимательство» (social entrepreneurship) в англо-американской традиции и «социальный предприниматель» (social entrepreneur) – в европейской вошли в научный оборот впервые сравнительно недавно, лишь в 60-е годы XX века. Суть социального предпринимательства наиболее четко выражена Биллом Дрейтоном, основателем компании «Ашока»: «Социальные предприниматели не довольствуются тем, чтобы просто дать человеку рыбы, или обучить, как ее ловить. Они не успокоятся до тех пор, пока не революционизируют саму рыбную отрасль» [22]. По мнению Грегори Диза (директора центра развития социального предпринимательства Университета Дюка США), «наше время созрело для того, чтобы решать социальные проблемы «предпринимательскими» средствами» [23]. В литературе под социальным предпринимательством понимается предпринимательская деятельность, нацеленная на смягчение или решение социальных проблем, характеризующаяся следующими признаками: социальное воздействие; инновационность; самокупаемость и финансовая устойчивость; масштабируемость и тиражируемость; предпринимательский подход [24]. Данное явление занимает особое место

в обществе и, находясь на стыке предпринимательства и благотворительности, впитывает в себя их положительные черты: от благотворительности – социальную направленность деятельности, от бизнеса – предпринимательские принципы, что позволяет социальному предпринимательству генерировать новый подход к решению социальных задач. Сегодня социальное предпринимательство переживает новый исторический этап развития, связанный с тем, что во многих современных правовых порядках оно рассматривается как продолжение государственной социальной политики, направленное на решение различных проблемных вопросов, от экологических до защиты социально уязвимых слоев общества.

Во многих странах данная идея получила практическое воплощение. Для решения различных социальных проблем общества в 2009 г. в Великобритании сформировано министерство социального предпринимательства, в 2010 г. в Южной Корее при правительстве создано Агентство по продвижению социального предпринимательства, в 2011 г. в США объявлено о формировании «четвертого сектора экономики», на базе которого с использованием инноваций социального предпринимательства будут решаться социальные проблемы.

В зависимости от определения роли и места государства как законодателя в организации решения социальных проблем выделяется две модели социального предпринимательства: американская и европейская [25]. В США большая часть внешнего финансирования получается от частных фондов. Особенность американского пути развития социального предпринимательства заключается в том, что в США существует достаточно разветвленная и устойчивая сеть частной поддержки в виде благотворительных фондов. В Европе роль государства в определении стратегии развития правовой политики социального предпринимательства огромна, так как основана на государственной поддержке органами государственной власти и Европейским союзом. Несмотря на некоторые различия в подходах к правовой регламентации социального предпринимательства и деятельности социальных предприятий Америки и Европы, общее, что объединяет их, – это стремление оказать поддержку социальному предпринимательству, рассматриваемому как обновленное направление государственной социальной политики [26]. Направлением совершенствования законодательства является правовое обеспечение межсекторного взаимодействия.

Вместе с тем, несмотря на заметный интерес к зарубежному опыту социального предприни-

мательства на самом высоком уровне, в России наблюдается тенденция отождествления социального предпринимательства с «предпринимательской деятельностью, осуществляемой с целью оказания социальных услуг» [27], что не вполне соответствует мировой практике. Как известно, по итогам встречи с предпринимателями в социальной сфере Председателем Правительства дано поручение по разработке дефиниции «предпринимательской деятельности, осуществляемой в целях оказания социальных услуг», а не «социального предпринимательства», о котором шла речь на встрече, что, очевидно, не одно и то же. Несмотря на активно обсуждаемые предложения о легализации понятия социального предпринимательства как социально ориентированной предпринимательской деятельности по оказанию социальных услуг [28], даже такая упрощенная дефиниция не получила отображение в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» [29]. В связи с этим в настоящее время особый интерес представляет выработка критериев социального предприятия, что обуславливает необходимость изучения передового зарубежного опыта.

В Великобритании Кабинет министров поставил задачу финансирования развития и поддержки социального предпринимательства, и Казначейство Великобритании (Министерство финансов) дало следующее легальное определение социальных предприятий. «Социальные предприятия являются частью «третьего сектора», охватывающей все неправительственные организации, которые принципиально реинвестируют прибыль в сообщество или организацию и стремятся к достижениям в общественной жизни и в защите окружающей среды, и не используют ее для максимизации доходов совладельцев или собственника предприятия. Третий сектор охватывает добровольные и общественные организации, благотворительные учреждения, социальные предприятия, общества взаимопомощи и кооперативы» [30]. Данное определение конкретизируется с учетом ряда пространственных, не вполне четких экономических и социальных критериев [31].

В Южной Корее, обобщившей британский опыт, критерии социального предприятия более конкретны. В Законе о развитии социального предпринимательства, принятом 7 января 2007 г., в соответствии со ст. 2 термин «социальное предприятие» распространяется на организации, занимающиеся деятельностью по производству и продаже товаров и услуг и преследующие социальные цели

повышения качества жизни местных жителей путем оказания социальных услуг и создания рабочих мест для незащищенных слоев населения при условии, что данные предприятия прошли процедуру сертификации, предусмотренную ст. 7 Закона[32]. Данное определение конкретизируется в Постановлении о реализации Закона о развитии социального предпринимательства, утвержденном в июле 2007 г. указом президента Кореи. Социальным признается предприятие в случаях:

1) если основной целью деятельности организации является трудоустройство незащищенных лиц. При этом доля занятых незащищенных лиц среди работников предприятия должна составлять не менее 50% (до июля 2011 – не менее 30%);

2) если основной целью деятельности организации является предоставление социальных услуг в соответствии с п. 3 ст. 2 Постановления. При этом доля незащищенных лиц среди всех лиц, которым оказаны услуги, должна составлять не менее 50% (до июля 2011 г. – 30%);

3) если основной целью деятельности организации является одновременно и трудоустройство незащищенных лиц, и предоставление им социальных услуг. При этом доля трудоустроенных незащищенных лиц среди всех работников предприятия и доля незащищенных лиц среди всех лиц, которым оказаны услуги, должны составлять не менее 30% (до июля 2011 г. – 20%).

В тех случаях, когда появляются трудности в определении того, реализуются ли социальные задачи в соответствии с требованиями закона,

решение о присвоении статуса социального предприятия принимается Министерством труда после рассмотрения данного вопроса Комитетом по поддержке[33]. В ст. 2 Постановления подробно перечисляются категории граждан, имеющих право на приобретение статуса «незащищенные слои населения». Ст. 3 Постановления дает определение критерия «социальные услуги». При этом Министерство труда вправе присвоить статус «социальная услуга» в индивидуальном порядке в том случае, если социально значимая деятельность не соответствует легальным критериям.

Представляется, что идеология социального предпринимательства применима и для совершенствования законодательства в сфере похоронного дела, где в связи с высокой социальной значимостью отрасли получение прибыли не должно стать доминирующим. Так, например, данный подход успешно реализуется в настоящее время в Финляндии, где социальные предприятия похоронной отрасли работают на самоокупаемости, не думая ни о какой прибыли в данной деликатной сфере[34]. В связи с этим представляется целесообразным по аналогии с британским социальным предприятием – компанией общественного интереса и ее южнокорейским аналогом закрепить за специализированной службой по вопросам похоронного дела необходимость реинвестирования 2/3 прибыли в развитие социальной сферы – похоронного дела, что положительно скажется на оптимизации цены и качества ритуальных услуг и значительно снизит уровень криминализации похоронной сферы.

Библиография:

1. HM Treasury, DTI, Home Office UK Exploring the Role of the Third Sector in Public Service Reform (February 2005) // Портал кооперативного движения Великобритании Co-operatives.uk. URL: http://www.uk.coop/sites/storage/public/downloads/se_action_plan_2006_0.pdf (дата обращения 02.08.2014).
2. Social Enterprise // Энциклопедический сайт Великобритании URL: http://en.wikiversity.org/wiki/Social_Enterprise (дата обращения 12.12.2014).
3. Барков А.В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2008. 625 с.
4. Дементьева Е. Похоронная отрасль в Финляндии глазами российских специалистов // С уважением к памяти. 2014. № 8 (72). URL: <http://funeralassociation.ru/ru/newspaper/archives/7214/7202/> (дата обращения: 11.01.2015).
5. Законопроект о похоронном деле рассмотрят в Госдуме осенью – глава Минстроя // РАПСИ. URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20140908/272073559.html#ixzz3I0aKfAzW (дата обращения 03.11.2014).
6. Киселева О. Саморегулируемый бизнес // Политический журнал. 2004. 7 сентября. URL: http://www.valuer.ru/files/ds/inf_070904.htm (дата обращения: 7.01.2012).
7. Крючкова П. О саморегулируемых организациях: эксп. ком. к законопроекту // На полпути к саморегулированию. URL: http://www.valuer.ru/files/ds/inf_290604.htm (Дата обращения: 7.01.2012).

8. Кузнецова О.А. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса. // Власть закона. 2011. № 4 (8). С. 87-95.
9. Кутепова М. «Вот где ад. За гробовые деньги бьются в кровь» // Российское информационное агентство «Ура.ру». URL: <http://ura.ru/content/svrd/21-08-2014/articles/1036262776.html> (дата обращения 06.01.2015).
10. Лившиц Р.З. Теория права: учебник. М.: Издательство БЕК, 1994. С. 178.
11. Минстрой России подготовил законопроект о похоронном деле // Официальный сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. URL: <http://minstroyrf.ru/press/minstroy-rossii-podgotovil-zakonoproekt-o-pokhoronnom-dele/> (дата обращения 03.11.2014).
12. Московский справочник ритуальных услуг: URL: <http://www.mos-ritual.ru/zakonodatelstvo/federalnoe-zakonodatelstvo/gost-r-546112011-uslugi-po-organizatsii-i-provedeniyu-pohoron> (дата обращения 23.12.2014).
13. Набиев Р.Г. Возмездное оказания ритуальных услуг в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 195 с.
14. О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 128 // СПС «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12123874/> (дата обращения 03.11.2014).
15. Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации: Федеральный закон от 13 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // Российская газета. 2013. 30 декабря.
16. Пилипчук А. Дело похоронной мафии / Информационный портал Право.ру. URL: <http://pravo.ru/process/view/30976/> (дата обращения 29.12.2014)
17. Плещачевский В. Саморегулируемые организации. Проблемы развития, законодательства и правоприменительной практики: выступление на парламентских слушаниях в Совете Федерации // На принципах саморегулирования. URL: http://www.valuer.ru/files/ds/inf_160604.htm (Дата обращения: 23.11.2011).
18. Положение о порядке лицензирования деятельности по оказанию ритуальных услуг: утв. постановлением Правительства РФ от 26 декабря 1995 г. № 1272.
19. Поручения по итогам встречи с предпринимателями в социальной сфере // Официальный сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/orders/7515> (дата обращения 10.07.2014).
20. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О погребении и похоронном деле»» // URL: regulation.gov.ru/get.php?doc_id=28599&view_id=12 (дата обращения 03.11.2014).
21. Сенаторы предлагают ввести понятие «социальный предприниматель» // Портал «Вместе с Россией». URL: <http://vmeste-rf.tv/news/19288.do> (дата обращения 10.07.2014).
22. Серова О.А. Признаки саморегулируемых организаций // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2007. № 1. С. 81-85.
23. Собрание законодательства РФ от 15.01.1996, № 3, ст. 146 (с изм. от 04.06.2014).
24. Социальное предпринимательство // Википедия.
25. Трушин Г. Частные кладбища в России: реальность или утопия? // Проект «Вести. Недвижимость». URL: <http://realty.vesti.ru/news/show/id/6721> (дата обращения 11.01.2015).

References (transliterated):

1. HM Treasury, DTI, Home Office UK Exploring the Role of the Third Sector in Public Service Reform (February 2005) // Portal kooperativnogo dvizheniya Velikobritanii Co-operatives.uk. URL: http://www.uk.coop/sites/storage/public/downloads/se_action_plan_2006_0.pdf (data obrashcheniya 02.08.2014).
2. Social Enterprise // Entsiklopedicheskii sait Velikobritanii URL: http://en.wikiversity.org/wiki/Social_Enterprise (data obrashcheniya 12.12.2014).
3. Barkov A.V. Rynok sotsial'nykh uslug: problemy pravogo regulirovaniya : dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 2008. 625 s.
4. Dement'eva E. Pokhoronnaya otrasl' v Finlyandii glazami rossiiskikh spetsialistov // S uvazheniem k pamyati. 2014. № 8 (72). URL: <http://funeralassociation.ru/ru/newspaper/archives/7214/7202/> (data obrashcheniya: 11.01.2015).

5. Zakonoproekt o pokhoronnom dele rassmotryat v Gosdume osen'yu – glava Ministroya // RAPSI. URL: http://rapsinews.ru/legislation_news/20140908/272073559.html#ixzz3I0aKfAzW (data obrashcheniya 03.11.2014).
6. Kiseleva O. Samoreguliruemyy biznes // Politicheskii zhurnal. 2004. 7 sentyabrya. URL: http://www.valuer.ru/files/ds/inf_070904.htm (data obrashcheniya: 7.01.2012).
7. Kryuchkova P. O samoreguliruemyykh organizatsiyakh : eksp. kom. k zakonoproektu // Na polputi k samoregulirovaniyu. URL: http://www.valuer.ru/files/ds/inf_290604.htm (Data obrashcheniya: 7.01.2012).
8. Kuznetsova O.A. Printsipy grazhdanskogo prava: sovremennoe sostoyanie voprosa. // Vlast' zakona. 2011. № 4 (8). S. 87-95.
9. Kutepova M. «Vot gde ad. Za grobovye den'gi b'yutsya v krov'» // Rossiiskoe informatsionnoe agentstvo «Ura.ru». URL: <http://ura.ru/content/svrd/21-08-2014/articles/1036262776.html> (data obrashcheniya 06.01.2015).
10. Livshits R.Z. Teoriya prava : uchebnik. M.: Izdatel'stvo BEK, 1994. S. 178.
11. Ministroy Rossii podgotovil zakonoproekt o pokhoronnom dele // Ofitsial'nyi sait Ministerstva stroitel'stva i zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii. URL : <http://minstroyrf.ru/press/minstroy-rossii-podgotovil-zakonoproekt-o-pokhoronnom-dele/> (data obrashcheniya 03.11.2014).
12. Moskovskii spravochnik ritual'nykh uslug: URL: <http://www.mos-ritual.ru/zakonodatelstvo/federalnoe-zakonodatelstvo/gost-r-546112011-uslugi-po-organizatsii-i-provedeniyu-pohoron> (data obrashcheniya 23.12.2014).
13. Nabiev R.G. Vozmezdnoe okazaniya ritual'nykh uslug v Rossiiskoi Federatsii : dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2007. 195 s.
14. O litsenzirovanii ot del'nykh vidov deyatel'nosti: Federal'nyi zakon ot 8 avgusta 2001 g. № 128 // SPS «Garant». URL: <http://base.garant.ru/12123874/> (data obrashcheniya 03.11.2014).
15. Ob osnovakh sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya v Rossiiskoi Federatsii : Federal'nyi zakon ot 13 dekabrya 2013 g. № 442-FZ // Rossiiskaya gazeta. 2013. 30 dekabrya.
16. Pilipchuk A. Delo pokhoronnoi mafii / Informatsionnyi portal Pravo.ru. URL: <http://pravo.ru/process/view/30976/> (data obrashcheniya 29.12.2014)
17. Pleskachevskii V. Samoreguliruemyye organizatsii. Problemy razvitiya, zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noi praktiki : vystuplenie na parlamentskikh slushaniyakh v Sovete Federatsii // Na printsipakh samoregulirovaniya. URL: http://www.valuer.ru/files/ds/inf_160604.htm (Data obrashcheniya: 23.11.2011).
18. Polozhenie o poryadke litsenzirovaniya deyatel'nosti po okazaniyu ritual'nykh uslug : utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 26 dekabrya 1995 g. № 1272.
19. Porucheniya po itogam vstrechi s predprinimatel'nyimi v sotsial'noi sfere // Ofitsial'nyi sait Pravitel'stva RF. URL:<http://government.ru/orders/7515> (data obrashcheniya 10.07.2014).
20. Poyasnitel'naya zapiska k proektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii i dopolnenii v Federal'nyi zakon «O pogrebenii i pokhoronnom dele»» // URL: regulation.gov.ru/get.php?doc_id=28599&view_id=12 (data obrashcheniya 03.11.2014).
21. Senatory predlagayut vvesti ponyatie “sotsial'nyi predprinimatel'» // Portal «Vmeste s Rossiei». URL: <http://vmeste-rf.tv/news/19288.do> (data obrashcheniya 10.07.2014).
22. Serova O.A. Priznaki samoreguliruemyykh organizatsii // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Pravo. 2007. № 1. S. 81-85.
23. Sobranie zakonodatel'stva RF ot 15.01.1996, № 3, st. 146 (s izm. ot 04.06.2014).
24. Sotsial'noe predprinimatel'stvo // Vikipediya.
25. Trushin G. Chastnye kladbishcha v Rossii: real'nost' ili utopiya? // Proekt «Vesti. Nedvizhimost'». URL: <http://realty.vesti.ru/news/show/id/6721> (data obrashcheniya 11.01.2015).

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОРГАНОВ, ТКАНЕЙ И КЛЕТОК ЧЕЛОВЕКА ПОСЛЕ СМЕРТИ

Халабуденко О.А.

Аннотация: В работе анализируется правовой режим органов, тканей, клеток и тела человека. Проводится анализ действующего национального и международного законодательства, регулирующего вопросы трансплантации органов, тканей и клеток человека. На примере национального и международного законодательства демонстрируются особенности совершения актов частноправовых актов *causa mortem*. Отмечается, что телесную оболочку человека нельзя признать отдельным самостоятельным объектом, поскольку при жизни человека она не существует сама по себе, а является неотъемлемой частью индивида. Метод или методология исследования: Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены общенаучные и частно-научные методы, а именно: анализа, синтеза, структурно-логический метод, статистический, метод сравнительно-правового анализа метод от конкретного к абстрактному и иные методы научного познания. Автор утверждает, что права в отношении названных объектов относятся к особой группе прав *sui generis* – соматических прав. Утверждается, что в отношении объектов этих прав действуют специальный правовой режим. Отмечается, что права в отношении рассматриваемых объектов могут быть объектом частноправовых актов *causa mortem* с учетом специального правового режима, установленного по отношению к ним.

Ключевые слова: Правовой режим, смерть, соматические права, частноправовые акты, персонифицированный характер, телесная оболочка, целостность личности, трансплантация, донор, физическое лицо.

Распоряжение органами, тканями и клетками человека при жизни и после смерти представляет собой частный случай реализации так называемых «соматических прав». В широком смысле эти права охватывают: свободу человека самостоятельно делать выбор между продолжением или прекращением своего физического существования, право человека относительно органов, тканей и клеток, возникающие у донора и реципиента, право распоряжения органами и тканями, удаленными в целях отличных от целей донорства, репродуктивные и сексуальные права и т.д. Выделение названной группы прав основывается на представлении о том, что каждый человек вправе самостоятельно распоряжаться своим телом. Эти права имеют

персонифицированный характер, они не отчуждаемы от правообладателя.

Отметим, что телесную оболочку человека нельзя признать отдельным самостоятельным объектом, поскольку при жизни человека она не существует сама по себе, а является неотъемлемой частью индивида. Физическое лицо не является собственником тела до тех пор, пока тело олицетворяет лицо[1]. Соответственно, пользование и распоряжение физическим лицом своим организмом происходит не путем осуществления правомочий собственника, а посредством совершения иных правомерных действий по осуществлению права на физическую неприкосновенность. Последнее, наряду с правом на психическую неприкосновенность, составляет единое неимущественное по

своей природе право на целостность личности. Физическая неприкосновенность предполагает автономное решение физическим лицом вопросов, связанных с его телом, а также отделенными от организма органами, тканями и клетками. В свою очередь психическая неприкосновенность – свободное совершение поступков в соответствии со своим сознанием и волей[2]. Таким образом, после заключения, например, договора донорства или в результате совершения одностороннего акта о распоряжении органом на случай смерти, объектом будет физическая неприкосновенность лица, рассматриваемая как компонента права на целостность личности. Наряду с правом на жизнь, право на целостность личности относится к основополагающим конституционным правам. В соответствии с ч. (1) ст. 24 Конституции Республики Молдова[3] государство гарантирует каждому человеку право на жизнь и на физическую и психическую неприкосновенность.

Право на целостность личности закреплено в ст. 3 Хартии об основных правах Европейского Союза[4] (далее – Хартия), согласно которой каждый человек имеет право на собственную физическую и психическую целостность. При этом Хартией признается, что в области медицины и биологии необходимо обеспечить, в частности: добровольное и свободное согласие заинтересованного лица в соответствии с установленным законом порядком; запрещение евгенической практики, прежде всего той, которая направлена на селекцию человека; запрещение использования тела человека и его частей как таковых в качестве источника финансовой выгоды; запрещение репродуктивного клонирования человеческих существ.

Интересующие нас соматические права, будучи составной частью права на целостность личности, относятся к телу организма. Сам термин «сома» (от др. – греч. *σῶμα* – тело) был введен в науку немецким зоологом А. Вейсманом в XIX в. для обозначения тела организма («смертной части»), в противоположность зародышевой плазме, передающейся из поколения в поколение через половые клетки. Из деления организма на соматическую составляющую и зародышевую плазму (наследственное вещество) следует справедливое утверждение о принципиальной невозможности наследования свойств, приобретаемых организмами под влиянием условий жизни в процессе их индивидуального развития[5]. В настоящее время прилагательное «соматический» широко применяется для обозначения телесных явлений в отличие от явлений психического характера. Данный тер-

мин получили распространение в научной сфере (например, в медицине традиционно выделяются соматические и психические заболевания, в биологии соматология занимается вопросами исследования человеческого тела) и т.д. Использование понятия «соматические права» в юридической науке признается дискуссионным[6].

Выделение в составе соматических прав, наряду с неприкосновенностью психики, права на физическую неприкосновенность восходит к традиционной для европейской культуры дихотомии тела и души, а точнее – к известному конфликту между идейными течениями, отвергавшими благость телесного начала, и учениями, рассматривающими *corpus* как благо, которое, следовательно, с юридической точки зрения способно быть объектом субъективного права, поскольку оно подчинено воле лица[7]. Признание телесного начала благом позволяет утверждать, что право на физическую неприкосновенность есть социальное благо, которым его обладатель волен распоряжаться, и что это право выступает объектом правовой охраны (защиты).

По своей природе это права – *sui generis*, их объектами служат органы, ткани и клетки человека. Следует согласиться с мнением исследователей, считающих целесообразным выделить несколько групп органов, тканей и клеток человека, положив в основу деления причину их отторжения (отчуждения) и цель дальнейшего использования[8]. Первую группу составляют трансплантаты – органы, ткани и клетки, которые изымаются в медицинских целях для дальнейшей пересадки. Забор этих органов и тканей влечет временное или постоянное ухудшение состояния здоровья и (или) риск такого ухудшения. По поводу трансплантатов могут быть заключены договоры донорства, комплексные договоры хранения и дальнейшей пересадки; оформляются односторонние распорядительные акты по распоряжению телом после смерти. Частноправовые акты [9] в отношении трансплантатов не направлены на приобретение имущественных прав и не являются актами по отчуждению имущественных прав. Однако донор вправе получить вознаграждение, размер которого ограничивается покрытием расходов и неудобств, причиненных ему, в частности: на возмещение потерь доходов и других обоснованных расходов живых доноров, вызванных донорством или связанными с ним медицинскими обследованиями, а также выплату обоснованных расходов на законные медицинские или технические услуги, связанные с донорством. Ко второй группе следует отнести органы и ткани, отчуждаемые в результате оказания медицинской

помощи. К ним относятся, например, ампутированные по причине заболевания или травмы части тела пациента. Наконец, третью группу составляют органы и ткани, отторжение которых не связано с заболеванием и (или) медицинским вмешательством и может не иметь определенной цели дальнейшего использования. К этой группе можно отнести, например, остриженные волосы.

Представляется, что любые органы, ткани и клетки человека с момента их отделения от организма, а также тело (прах) после смерти – это объекты материального мира, относящиеся к категории вещей со специальным правовым режимом [10]. «Неотделенные же части человеческого тела, составляя принадлежность личности, не могут подчиняться чужой власти» [11], а следовательно, не могут рассматриваться в качестве объектов прав. Правопорядок не признает право на чужое тело или на отдельные его части до момента их отделения от тела.

Одной из форм реализации права на физическую неприкосновенность является право человека относительно его органов, тканей и клеток. Согласно Закону о трансплантации органов, тканей и клеток человека [12] (далее – Закон о трансплантации), органом является жизненно важная отдельная часть человеческого тела, сформированная из различных тканей, которые поддерживают ее структуру, васкуляризацию и выполняют физиологические функции со значительной степенью автономии. Это та часть тела человека, которая, будучи полностью удалена, не может быть воспроизведена организмом человека. Тканями признаются все части (анатомические образования) человеческого тела, сформированные из клеток, в свою очередь клетками – отдельные клетки или конгломерат клеток, не связанные каким бы то ни было видом ткани. Органы, ткани и клетки человека используются для трансплантации (пересадки) от донора реципиенту в лечебных и других определенных законом целях.

Вопросам трансплантации посвящены, в частности, Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине [13] (далее – Конвенция), совершенная в Овьедо 4 апреля 1997 года и Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека [14] (далее – Протокол), подписанный в Страсбурге 25 января 2005 года. Указанные акты действуют в отношении государств – членов Совета Европы, Европейского Союза и иных Государств, присоединившихся к ним. Основная цель Конвенции состоит в принятии ее сторонами обязанности

защиты достоинства человека и гарантии каждому без исключения соблюдение целостности личности и других прав и основных свобод в связи с применением достижений биологии и медицины. Протокол применяется в отношении трансплантации органов, тканей и клеток человеческого происхождения.

Трансплантация в соответствии с Законом о трансплантации является медицинской деятельностью, имеющая целью восстановление функции человеческого организма путем пересадки органов, тканей и клеток от донора реципиенту. Трансплантация может производиться от одного лица другому (аллогенная) или собственными клетками, тканями и органами (аутогенная). Термин «аллогенная трансплантация» означает полный процесс удаления органа или ткани у одного лица и имплантацию этого органа или ткани другому лицу, включая все процедуры по подготовке, сохранности и хранению. Речь идет об удалении органов и тканей из организма родившегося человека, живого или умершего на момент операции, и имплантации органов и тканей человеческого происхождения другому человеку, который также уже родился. Аллогенная трансплантация возможна как от живого, так и от мертвого донора, а также от лица, проходящего медицинские процедуры для своего блага, давшего свое согласие на имплантацию своего удаленного органа другому лицу. Трансплантация определяется как целостный процесс, начинающийся с удаления органа или ткани у одного человека и заканчивающийся имплантацией данного органа или ткани другому человеку. Человек, у которого удалили материал, называется «донором», а человек, которому материал имплантирован, – «реципиентом» [15]. Таким образом, донором выступает лицо, которое отдает один или несколько органов, тканей и (или) клетки для терапевтического использования. Реципиентом (получателем) признается лицо, которому производится пересадка органов, и (или) тканей, и (или) клеток донора. Донорство может быть осуществлено при жизни данного лица или после смерти.

Конвенция, Протокол, равно как и национальное законодательство, регулирующие вопросы трансплантации, не применяется в отношении половых органов и тканям, служащим передаче генетического материала, эмбриональным органам и тканям и органам и тканям плода, в том числе эмбриональным стволовым клеткам. Дело в том, что трансплантация таких органов и тканей представляется имеющей последствия, отличные от последствий репродукции с использованием медицинских методов, и регулируется специаль-

ными правилами. В соответствии с Законом о репродуктивном здоровье [16] донорство половых клеток и эмбрионов представляет собой медицинскую технологию, посредством которой лицо предоставляет свои гаметы (сперматозоиды или яйцеклетки) либо эмбрионы другим лицам для наступления беременности. Право быть донорами половых клеток (сперматозоидов, яйцеклеток) и эмбрионов имеют мужчины и женщины в возрасте от 18 до 40 лет, соматически и психически здоровые, прошедшие соответствующее медико-генетическое обследование. Доноры половых клеток и эмбрионов не принимают на себя родительские обязанности по отношению к будущему ребенку и не несут ответственности за него. Они не вправе выяснять личность ребенка и его родителей. Донорство половых клеток и эмбрионов осуществляется при наличии добровольного письменного информированного согласия донора (доноров), которое должно содержать описание особенностей предстоящей медицинской процедуры, сведения о возможном риске, побочных эффектах и осложнениях, правовые последствия донорства.

Конвенция, Протокол, равно как и национальное законодательство, действующее в рассматриваемой сфере, не применяются к донорству крови и ее производным материалам, включая кровь и продукты, полученные из крови для использования при лечении переливанием крови в трансфузионной медицине. Таким образом, переливание крови и использование производных от крови продуктов регулируются специальным нормативно-правовыми актами. Согласно Закону о донорстве и переливании крови [17] донорство крови и ее компонентов является добровольным и безвозмездным актом. Донор крови и ее иммунных и изоиммунных компонентов, осуществляющий донорство после предварительной инокуляции соответствующих антигенов, имеет право на денежное вознаграждение, выплачиваемое в размере и порядке, установленном правительством.

Имплантация в традиционном понимании не включает использования тканей человеческого происхождения в форме медицинских препаратов или фармацевтической продукции. Не являются объектами трансплантации волосы, ногти, плацента и продукты жизнедеятельности человека.

Аллогенная трансплантация осуществляется при соблюдении специальных правил, установленных законом. Отметим, что особый правовой режим органов, тканей и клеток человека предполагает установление специального режима их распределения. Такое распределение должно производиться в

соответствии с медицинскими критериями. Данное понятие следует толковать в широком смысле в свете соответствующих профессиональных стандартов и обязательств и как распространяющееся на любую ситуацию, способную повлиять на состояние здоровья пациента, качество трансплантируемого материала или результаты трансплантации. В частности, при распределении должно учитываться совместимость органа или ткани с организмом реципиента, медицинская неотложность, время на транспортировку органа, время нахождения на листе ожидания, те или иные трудности в поиске подходящего органа для некоторых пациентов (например, пациентов с высокой степенью иммунизации или редкими характеристиками тканей) и ожидаемые результаты трансплантации.

Органы, удаленные у умерших лиц, должны предоставляться только пациентам, стоящим в официальном листе ожидания (данное требование не обязательно в отношении тканей). Закон о трансплантации предусматривает, что органы, ткани и клетки распределяются пациентам согласно листу ожидания в соответствии с правилами распределения. В случае отсутствия в списках совместимого получателя Агентство по трансплантации разрешает передачу органа, тканей, клеток другому признанному на национальном или международном уровне учреждению трансплантации, с которым оно заключило двусторонние соглашения. Агентство по трансплантации наделяется исключительным правом разрешать на основе двусторонних международных соглашений обмен органами, тканями и клетками для трансплантации и принимает все возможные меры, чтобы они соответствовали стандартам качества и безопасности.

Протоколом установлено правило, что система трансплантации должна предусматривать сбор и запись информации, требующейся для обеспечения отслеживания органов и тканей. Другими словами, организация трансплантации должна обеспечивать возможность отслеживания пути всех органов или тканей от донора к реципиенту. В пояснительном докладе к Протоколу отмечается, что это необходимое требование, поскольку невозможно полностью предотвратить риск передачи заболевания от донора к реципиенту и заражение законсервированного материала. Более того, могут появиться новые заболевания или риски их возникновения. Таким образом, как в целях общественного здравоохранения, так и по причине необходимости информировать доноров или реципиентов о потенциальных проблемах, которые могут возникнуть после трансплантации, важно иметь возможность проследить

путь любого трансплантируемого материала от донора к реципиенту и наоборот. Если передаваемое заболевание было обнаружено у реципиента не в самом начале, а позднее, необходимо найти доноров для определения источника заражения и отозвать неиспользованные продукты. При получении согласия, как доноры так и реципиенты должны быть предупреждены о таких долгосрочных последствиях трансплантации и возможной необходимости продолжительного наблюдения. Кроме того, может возникнуть необходимость в анализе того, как использовались органы и ткани, для определения незаконного или неэтичного использования такого материала, предотвращения незаконной торговли органами и тканями и валидации системы распределения. В этих целях система трансплантации должна предусматривать всеобъемлющую систему, позволяющую отслеживать весь трансплантируемый материал, без ущерба для положений о конфиденциальности [18].

Удаление органов и тканей у умерших физических лиц имеет свои, урегулированные правом особенности. В частности, органы и ткани не могут быть удалены у умершего лица, если это лицо не признано умершим в соответствии с законодательством (ст. 16 Протокола). Закон о трансплантации предусматривает, что органы, ткани и клетки могут быть изъяты у умершего лица лишь в случае констатации смерти согласно критериям, установленным Министерством здравоохранения. Таким образом, смерть лица должна быть засвидетельствована до того, как органы или ткани могут быть удалены в соответствии с законом. Известные сложности вызывает определение конкретной процедуры декларирования смерти, в то время как основные функции человека искусственно поддерживаются. В соответствии со ст. 11 Закона о трансплантации смерть должна быть констатирована одним из следующих способов:

- в случае полной и необратимой сердечно-дыхательной остановки у человека с нормальной или близкой к нормальной температурой смерть констатируется при проведении в течение не менее пяти минут всех реанимационных мероприятий, на протяжении которых все тесты однозначно показывают отсутствие кровоснабжения мозга и жизненно важных органов;
- у лица с необратимыми изменениями в жизненно важных центрах мозга при искусственной поддержке сердечно-дыхательной функции смерть констатируется специальными тестами (критериями), утвержденными Министерством здравоохранения.

Факт наступления смерти подтверждается врачами в рамках принятой процедуры, и только такая форма засвидетельствования смерти может сделать возможной процедуру трансплантации. Группа медиков, занимающаяся удалением, должна удостовериться, что требуемая процедура была выполнена, до начала операции по удалению. Данная процедура засвидетельствования смерти отлична от формальной выдачи свидетельства о смерти. Важной защитной мерой для засвидетельствования смерти служит требование того, чтобы группа врачей, констатирующая смерть, была отлична от группы, участвующей в процессе трансплантации на каких-либо стадиях. Согласно ст. 12 закона о трансплантации врачи, констатирующие смерть потенциального донора, должны быть иными, нежели врачи, которые непосредственно участвуют в изъятии какого-либо органа, ткани или клетки у умершего лица, участвуют в последующих процедурах трансплантации или несут ответственность за потенциального получателя.

Для удаления органов, тканей и клеток после смерти принципиальное значение имеет **согласие потенциального донора** или разрешение иных указанных в законе лиц. Руководящими принципами ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов [19] предусмотрено, что для проведения трансплантации клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тел умерших в случае, если получено согласие в форме, требуемой законом, и если нет оснований полагать, что умершее лицо возражало против такого изъятия.

Обратим внимание, что в зависимости от социальных, медицинских и культурных традиций каждой страны, а также от того, каким образом семья участвует в процессе принятия решений относительно своего здоровья в целом, согласие на получение органов и тканей от умерших может быть «четко выраженным» или «предполагаемым». В обеих системах любое надежное свидетельство неприятия человеком посмертного изъятия его клеток, тканей или органов воспрепятствует такому изъятию. В системе четко выраженного согласия, которую иногда называют системой «презумпции несогласия» (“*opting in*”), клетки, ткани и органы могут быть изъяты из тела умершего в случае, если умершим при жизни было недвусмысленно заявлено согласие на такое изъятие. В зависимости от существующего в стране закона изъятие согласия допускается в устной форме или может быть зафиксировано в карте донора, водительских правах или удостоверении личности, либо в медицинской карте или в реестре доноров. В

случае, если умерший при жизни не оставил ни положительного, ни четко отрицательного отношения к изъятию органа, разрешение должно быть получено от уполномоченного в правовом порядке лица, каковым обычно является член семьи [20].

Протокол (ст. 17) прямо предусматривает, что органы и ткани не удаляются у умершего лица, если требующееся в соответствии с законодательством согласие или разрешение на такое удаление не будет получено. Удаление не может быть осуществлено, если умершее лицо возражало против этого. В соответствии со ст. 13 Закона о трансплантации изъятие органа (ткани, клеток) у умершего для целей трансплантации возможно в случае наличия предсмертного согласия умирающего, выраженного в соответствии с законом. Во всяком случае, не допускается изъятие ни в какой форме, если при жизни умершее лицо выразило возражение против донорства посредством собственноручно написанного или иного законно составленного акта отказа. Однако при отсутствии согласия донорство возможно, если не имеется письменного возражения против донорства со стороны хотя бы одного из совершеннолетних членов семьи, других родственников первой степени родства или законного представителя умершего. Наконец, закон о трансплантации предусматривает, что донорство возможно без согласия близких родственников или законного представителя, если после законной констатации смерти никто из близких родственников или законный представитель не обратились с целью выражения мнения в отношении донорства, а сведения о близких родственниках или законном представителе умершего отсутствуют.

Другая система, которая является системой предполагаемого согласия, – иначе ее называют «презумпцией согласия» (*“opting (or contracting) out”*) – позволяет осуществить изъятие материала из тела умершего для трансплантации (и в ряде стран – для анатомического изучения либо в научных целях) в случае, если умерший при жизни не выразил своего возражения против изъятия органа, которое должно быть зафиксировано в официальном документе в установленном порядке, или в случае, если информированная сторона не поставит в известность о возражении, высказанном при жизни умершим против изъятия органа для трансплантации [21]. Принцип презумпции согласия узаконен, в частности, в Российской Федерации. Так, согласно ст. 8 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» [22] изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения

на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту. Очевидно, что для реализации «презумпции согласия» в случае отсутствия выраженных или имплицитных возражений против донорства должна быть предусмотрена соответствующая процедура намерений, отраженных в соответствующем реестре возражений, выраженных потенциальными донорами.

Во всяком случае, независимо от системы, если имеются сомнения в отношении воли умершего, группа врачей, ответственная за удаление органов, должна сначала предпринять попытку получения свидетельства родственников умершего. Если национальное законодательство не предусматривает обратного, такое разрешение не должно зависеть от предпочтений самих ближайших родственников в отношении донорства органов и тканей. Ближайшим родственникам должны быть заданы вопросы только о выраженных или предполагаемых пожеланиях умерших лиц. Решающим фактором при решении вопроса об удалении органов или тканей являются выраженные взгляды потенциального донора. Стороны должны четко определить, может ли быть произведено удаление органа или ткани, если пожелания умершего неизвестны и не могут быть определены на основании опроса родственников или друзей [23].

Органы, ткани и клетки умершего **не могут выступать объектом купли-продажи или иной материально-правовой сделки**, совершаемой его близкими родственниками. Имущественная компенсация таким лицам запрещена. Таким образом, закон прямо запрещает торговлю органами, тканями и клетками человека, а также получение финансовой выгоды или преимуществ от торговли телом человека и его частями. Торговля органами, тканями и клетками человека признается преступлением и преследуется в соответствии с уголовным законодательством. Законом также запрещена пропаганда необходимости трансплантации органов, тканей и (или) клеток с целью предложения или получения финансовой выгоды или преимуществ, связанных с этим. Руководящими принципами ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов отмечается, что идея оплаты клеток, тканей и органов чревата опасностью недобросовестного использования беднейших и наиболее уязвимых групп населения, при этом подрывается идея безвозмездного донорства, что в конечном итоге ведет

к спекуляции и торговле людьми. Подобные выплаты подразумевают, что некоторые люди лишены достоинства и являются всего лишь объектами для использования другими [24].

Изъятие органов (тканей, клеток) должно совершаться с учетом **уважения к телу умершего**. Закон обязывает врачей, осуществивших изъятие органов, тканей и клеток у умершего, произвести реставрацию трупа и его лица с применением специальных методов и средств, в том числе при необходимости хирургических, с целью придания достойного вида телу умершего (ст. 14 Закона о трансплантации).

Итак, распорядительные действия, совершаемые физическим лицом в отношении своих органов, тканей и клеток на случай смерти, представляют собой форму реализации права на целостность личности. Осуществление распорядительных действий в отношении органов, тканей и клеток человека регламентировано специальными нормативно-правовыми актами, устанавливающими особую процедуру реализации названных действий, осуществляемую в рамках трансплантационных процедур, исключая возможность получения имущественной выгоды от их совершения.

Библиография:

1. Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000/C 364/01)// Official Journal of the European Communities, 18.12.2000.
2. Ovidiu Ungureanu, Călina Jugastru. Drept civil. Persoanele. – București, 2003. P. 29.
3. БСЭ, 1969-1978 гг. [электронный ресурс]// режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article104448.html> (дата доступа: 21.12.2014); Лаврик М.А. К теории соматических прав человека//Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С.18.
4. Дополнительный протокол к Конвенции о правах человека и биомедицине в области биомедицинских исследований [электронный ресурс] //режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/195.htm> (дата доступа: 21.12.2014).
5. Закон о донорстве и переливании крови Nr. 241 от 20.11.2008 // Monitorul Oficial от 13.01.2009. Nr. 1-2, статья № 2.
6. Закон о репродуктивном здоровье Nr. 138 от 15.06.2012 // Monitorul Oficial от 28.09.2012. Nr. 205-207, статья № 673.
7. Закон Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека» № 4180-1 от 22 декабря 1992 года (в редакции Федеральных законов от 20.06.2000 № 91-ФЗ, от 16.10.2006 № 160-ФЗ, от 09.02.2007 № 15-ФЗ)
8. Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине [электронный ресурс]/The Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community entered into force on 1 December 2009//<http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/164.htm> (дата доступа: 21.12.2014).
9. Конституция Республики Молдова от 29.07.1994// Monitorul Oficial Nr. 1 от 12.08.1994, статья № 1.
10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права /Н. М. Коркунов; [сост., автор вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 157.
11. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001. С. 86-87.
12. Малеина М.Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность.// «Законодательство», 2003. № 11, ноябрь. С. 22-49.
13. Пояснительный доклад к Дополнительному протоколу к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека // <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Reports/Html/186.htm>
14. Пояснительный доклад к Дополнительному протоколу к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека [электронный ресурс]// режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Reports/Html/186.htm> (дата доступа: 21.12.2014).
15. Пояснительный доклад к Дополнительному протоколу к Конвенции о правах человека и биомедицине относительно трансплантации органов и тканей человека [электронный ресурс]// режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Reports/Html/186.htm> (дата доступа: 21.12.2014).

16. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов. Утверждены на Шестьдесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 г., резолюция WHA 63.22 [электронный ресурс]//режим доступа: http://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (дата доступа: 21.12.2014).
17. Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов. Утверждены на Шестьдесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 г., резолюция WHA 63.22 [электронный ресурс]//режим доступа: http://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (дата доступа: 21.12.2014).
18. См., например: Красс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43.; Красс В. И. Соматические права человека в соотношении православной антропологии С. Л. Франка и философии экологического кризиса В. Хесле // Медицина, этика, религия и право: материалы конф. М., 2000. С. 171–189; Красс В. И. Актуальные аспекты проблемы злоупотребления правами и свободами человека // Государство и право. 2002. № 7. С. 46–53; Красс В. И. К теории пользования конституционными правами // Государство и право; Дмитриев Ю. А. [Отклики] // Государство и право. 2003. № 1. С. 126 – 127; Лаврик М.А. К теории соматических прав человека Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 16-26; Лаврик М.А. Конституционные основания соматических прав человека: вопросы теории и практики зарубежных государств//Сибирский юридический вестник. 2006. №1. С.44-62.
19. Халабуденко О.А. Имущественные права. Книга 1. Вещное право. Кишинев, 2011. С. 26).
20. Халабуденко О.А. Имущественные права. Книга 1. Вещное право. С. 74-75.

References (transliterated):

1. Charter of Fundamental Rights of the European Union (2000/C 364/01)// Official Journal of the European Communities, 18.12.2000.
2. Ovidiu Ungureanu, Călina Juguastu. Drept civil. Persoanele. – București, 2003. P. 29.
3. BSE, 1969-1978 gg. [elektronnyi resurs]// rezhim dostupa: <http://bse.sci-lib.com/article104448.html> (data dostupa: 21.12.2014); Lavrik M.A. K teorii somaticheskikh prav cheloveka//Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2005. № 3. S.18.
4. Dopolnitel'nyi protokol k Konventsii o pravakh cheloveka i biomeditsine v oblasti biomeditsinskikh issledovaniy [elektronnyi resurs] //rezhim dostupa: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/195.htm> (data dostupa: 21.12.2014).
5. Zakon o donorstve i perelivanii krovi Nr. 241 ot 20.11.2008 // Monitorul Oficial ot 13.01.2009. Nr. 1-2, stat'ya № 2.
6. Zakon o reproductivnom zdorov'e Nr. 138 ot 15.06.2012 // Monitorul Oficial ot 28.09.2012. Nr. 205-207, stat'ya № 673.
7. Zakon Rossiiskoi Federatsii «O transplantatsii organov i (ili) tkanei cheloveka» № 4180-1 ot 22 dekabrya 1992 goda (v redaktsii Federal'nykh zakonov ot 20.06.2000 № 91-FZ, ot 16.10.2006 № 160-FZ, ot 09.02.2007 № 15-FZ)
8. Konventsiya o zashchite prav i dostoinstva cheloveka v svyazi s primeneniem dostizhenii biologii i meditsiny: Konventsiya o pravakh cheloveka i biomeditsine [elektronnyi resurs]/The Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community entered into force on 1 December 2009//<http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/164.htm> (data dostupa: 21.12.2014).
9. Konstitutsiya Respubliki Moldova ot 29.07.1994// Monitorul Oficial Nr. 1 ot 12.08.1994, stat'ya № 1.
10. Korkunov N.M. Lektsii po obshchei teorii prava /N. M. Korkunov; [sost., avtor vstup. st., komment. A. N. Medushevskii]. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2010. S. 157.
11. Maleina M.N. Lichnye neimushchestvennye prava grazhdan: ponyatie, osushchestvlenie, zashchita. – 2-e izd., ispr. i dop. – M., 2001. S. 86-87.
12. Maleina M.N. Status organov, tkanei, tela cheloveka kak ob'ektov prava sobstvennosti i prava na fizicheskuyu neprikosnovennost'./ «Zakonodatel'stvo», 2003. № 11, noyabr'. S. 22-49.

13. Poyasnitel'nyi doklad k Dopolnitel'nomu protokolu k Konventsii o pravakh cheloveka i biomeditsine otnositel'no transplantatsii organov i tkanei cheloveka // <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Reports/Html/186.htm>
14. Poyasnitel'nyi doklad k Dopolnitel'nomu protokolu k Konventsii o pravakh cheloveka i biomeditsine otnositel'no transplantatsii organov i tkanei cheloveka [elektronnyi resurs]// rezhim dostupa: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Reports/Html/186.htm> (data dostupa: 21.12.2014).
15. Poyasnitel'nyi doklad k Dopolnitel'nomu protokolu k Konventsii o pravakh cheloveka i biomeditsine otnositel'no transplantatsii organov i tkanei cheloveka [elektronnyi resurs]// rezhim dostupa: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Reports/Html/186.htm> (data dostupa: 21.12.2014).
16. Rukovodyashchie printsipy VOZ po transplantatsii chelovecheskikh kletok, tkanei i organov. Utverzhdeny na Shest'desyat tret'ei sessii Vsemirnoi assamblei zdravookhraneniya v mae 2010 g., rezolyutsiya WHA 63.22 [elektronnyi resurs]//rezhim dostupa: http://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (data dostupa: 21.12.2014).
17. Rukovodyashchie printsipy VOZ po transplantatsii chelovecheskikh kletok, tkanei i organov. Utverzhdeny na Shest'desyat tret'ei sessii Vsemirnoi assamblei zdravookhraneniya v mae 2010 g., rezolyutsiya WHA 63.22 [elektronnyi resurs]//rezhim dostupa: http://www.who.int/transplantation/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (data dostupa: 21.12.2014).
18. Sm., naprimer: Kruss V. I. Lichnostnye («somaticheskie») prava cheloveka v konstitutsionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy // Gosudarstvo i pravo. 2000. № 10. S. 43.; Kruss V. I. Somaticheskie prava cheloveka v sootnoshenii pravoslavnoi antropologii S. L. Franka i filosofii ekologicheskogo krizisa V. Khesle // Meditsina, etika, religiya i pravo: materialy konf. M., 2000. S. 171–189; Kruss V. I. Aktual'nye aspekty problemy zloupotrebleniya pravami i svobodami cheloveka // Gosudarstvo i pravo. 2002. № 7. S. 46–53; Kruss V. I. K teorii pol'zovaniya konstitutsionnymi pravami // Gosudarstvo i pravo; Dmitriev Yu. A. [Otkliki] // Gosudarstvo i pravo. 2003. № 1. S. 126 – 127; Lavrik M.A. K teorii somaticheskikh prav cheloveka Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2005. № 3. S. 16-26; Lavrik M.A. Konstitutsionnye osnovaniya somaticheskikh prav cheloveka: voprosy teorii i praktiki zarubezhnykh gosudarstv//Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2006. №1. S.44-62.
19. Khalabudenko O.A. Imushchestvennye prava. Kniga 1. Veshchnoe pravo. Kishinev, 2011. S. 26).
20. Khalabudenko O.A. Imushchestvennye prava. Kniga 1. Veshchnoe pravo. S.74-75.

ПРИЖИЗНЕННЫЙ ДОГОВОР НА ОКАЗАНИЕ РИТУАЛЬНЫХ УСЛУГ КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПОХОРОННОЙ СФЕРЫ

Зайцев О.А., Грачев Р.Ю.

Аннотация: В настоящей статье рассматриваются особенности прижизненного договора на оказание ритуальных услуг. Дается его правовая квалификация как средства предупреждения криминализации похоронной сферы. Обосновываются рекомендации по совершенствованию проекта федерального закона «О похоронном деле в Российской Федерации». Как правило, законом предусматривается письменная форма договора возмездного оказания услуг, так как в силу требования п. 1 ст. 161 ГК РФ в простой письменной форме должны совершаться сделки юридических лиц между собой и с участием граждан, а также сделки граждан между собой на сумму, превышающую более чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда. Метод или методология исследования: Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены общенаучные и частно-научные методы: анализ, синтез, структурно-логический метод и иные методы научного познания. вывод, что прижизненный договор об оказании ритуальных услуг представляет собой разновидность договора возмездного оказания ритуальных услуг в пользу третьего лица с отлагательным условием. Однако в целях повышения гарантий надлежащего исполнения данного договора представляется целесообразным легализовать конструкцию трехстороннего договора: с одной стороны это заказчик и плательщик ритуального обслуживания, выразивший волеизъявление быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, со второй стороны это исполнитель – служба ритуальных услуг, с третьей стороны – доверенное лицо, давшее согласие взять на себя обязанность исполнить волеизъявление заказчика в случае его смерти. В этом случае третье лицо – исполнитель волеизъявления обязан приобрести статус потребителя ритуальных услуг.

Ключевые слова: Прижизненный договор, ритуальные услуги, похоронное дело, ритуальное обслуживание, погребение, волеизъявление, услуга, исполнитель, похороны, заказчик.

В настоящее время в связи с криминализацией и плачевным состоянием похоронной сферы регламентация ее как одной из наиболее значимых отраслей народного хозяйства возложена на министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства. По оценке министра М.Меня, криминализация рынка похоронных услуг произошла оттого, что «государство перестало контролировать участников рынка, а клиенты – родственники, организующие похороны, фактически

потеряли какие-либо права в отстаивании своих интересов» [1]. В этих условиях в качестве одного из правовых средств предупреждения криминализации похоронной сферы может быть предложен прижизненный договор на оказание ритуальных услуг, правовую квалификацию которого в связи с этим можно считать важнейшей научно-теоретической проблемой.

Традиция заключения прижизненных договоров на ритуальное обслуживание существует

во многих странах мира, однако в России правоприменительная практика заключения таких договоров только начинает складываться. Опасения по поводу заключения подобного рода договоров связано, прежде всего, с суевериями и предрассудками о том, что эти действия повлекут за собой приближение момента смерти. Издревле на Руси, памятуя о смерти, в соответствии с традицией православной христианской церкви готовились к этому неизбежному событию. Бабушки собирали смертный узелок, шили себе саван-наряд, а деды заготавливали доски или сбивали домовину и хранили ее на чердаке дома. Как ранее, так и сегодня каждому важно быть уверенным, что его уход из жизни будет достойным. Однако сегодня среди клиентов, желающих заключить договор и заранее заказать весь комплект услуг, опасющихся остаться без погребения, в первую очередь отмечаются одинокие пожилые люди, о которых некому позаботиться[2].

В жизни каждого есть два важнейших события – рождение и смерть. Если момент собственного рождения подготовить еще никому из смертных не удавалось, то реальная возможность заранее позаботиться о себе, а также о дорогих и близких людях в случае ухода из жизни существует. Одним из средств правового регулирования этих отношений является прижизненный договор на оказание ритуальных услуг.

Правовая природа, сущность и содержание договора об оказании ритуальных услуг достаточно глубоко изучены в диссертации Р.Г. Набиева. Однако прижизненный договор ритуального обслуживания ранее не являлся предметом детального научного исследования. Р.Г. Набиев в своем исследовании ограничивается лишь следующим замечанием: «Заказчик по такому договору обязуется на случай своей смерти оплатить обусловленную сумму, а исполнитель обязуется предоставить комплекс ритуальных услуг согласно перечню. Действие такого договора обычно начинается со дня внесения заказчиком полной суммы по договору. Сроком исполнения обязательств по договору является смерть заказчика. В качестве преимуществ прижизненного договора компании, занимающиеся оказанием ритуальных услуг, отмечают отсутствие каких-либо затрат на погребение после смерти; наличие заранее определенного перечня действий по погребению; наличие гарантированного места по погребению (по общим основаниям)» [3].

Следует отметить, что особенности правового регулирования данных отношений несомненны,

поскольку, выступая заказчиком по данному договору, гражданин объективно не сможет иметь возможность удовлетворить свои имущественные потребности в ритуальных услугах. Выступая заказчиком и одновременно плательщиком по данному договору, гражданин должен принимать во внимание, что потребителем ритуальных услуг будет не он, а его близкие, и не в момент заключения, а в случае его смерти, которая является событием неопределенным и не может быть предусмотрена соглашением сторон.

Таким образом, на первый взгляд, конструкция прижизненного договора на оказание ритуальных услуг представляет собой договор возмездного оказания услуг в пользу третьего лица, указанного в договоре заказчиком, с отлагательным условием на случай его смерти. Однако проблема заключается в том, что заказчик в случае ненадлежащего оказания ритуальных услуг не может лично оценить их качество, и поэтому при жизни необходимо позаботиться о гарантиях надлежащего исполнения договора, а статус третьего лица настолько неопределен, что требует существенной законодательной корректировки.

Несмотря на то, что заключение прижизненного договора на оказание ритуальных услуг легально предусмотрено во многих региональных нормативно-правовых актах[4], регламентирующих ритуальное обслуживание в субъектах РФ, на федеральном уровне принятие данной новеллы предполагается статьей 21 обсуждаемого проекта Федерального закона «О похоронном деле в Российской Федерации» [5]. В этой статье определяется, что «в целях защиты прав и законных интересов граждан заключение прижизненного договора на оказание ритуальных услуг на территории Российской Федерации допускается специализированной службой по похоронному делу при наличии у него договора страхования гражданской ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по прижизненному договору на оказание ритуальных услуг». Следует положительно оценить введение страхования гражданской ответственности, что, несомненно, послужит гарантией надлежащего исполнения обязательства. Вместе с тем существенным недостатком данного предложения является то, что расходы по страхованию негативно отразятся на стоимости ритуальных услуг, что вряд ли сделает популярным данный вид договора среди социально незащищенных лиц[6]. В связи с этим возможны и другие варианты гарантий надлежащего исполнения обязательства исполнителя ритуальных услуг.

Гарантия погребения умершего с учетом его волеизъявления, выраженного лицом при жизни, заключается в п. 3 ст. 1 Закона о погребении. При этом под «волеизъявлением лица о достойном отношении к его телу после смерти» (далее – волеизъявление умершего) понимается пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, которое заключается в согласии или несогласии быть подвергнутым патолого-анатомическому вскрытию; согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела; а также быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, рядом с теми или иными ранее умершими, или быть подвергнутым кремации; доверии исполнить свое волеизъявление тому или иному лицу (с. 1 ст. 5 Закона о погребении).

Как правило, законом предусматривается письменная форма договора возмездного оказания услуг, так как в силу требования п. 1 ст. 161 ГК РФ в простой письменной форме должны совершаться сделки юридических лиц между собой и с участием граждан, а также сделки граждан между собой на сумму, превышающую более чем в десять раз установленный законом минимальный размер оплаты труда. Следовательно, в связи с этим в прижизненном договоре оказания ритуальных услуг должно быть предусмотрено волеизъявление лица в письменной форме, а не в устной в присутствии свидетелей, как допускается законом.

В соответствии со ст. 6 исполнителями подобного волеизъявления о порядке ритуального обслуживания могут являться лица, которые выразили свое согласие взять на себя обязанность исполнения волеизъявления умершего. Таким образом, в соответствии с требованием закона, для того чтобы были соблюдены гарантии надлежащего исполнения договора, необходимо присутствие в качестве третьей стороны исполнителя волеизъявления, так как он обязан выразить волеизъявление свободно.

Однако выразить волеизъявление и стать стороной договора – это не одно и то же, так как волеизъявление лица – это сделка односторонняя. Включение в договор лиц в качестве исполнителей волеизъявления умершего в соответствии с действующим законодательством – это еще не гарантия надлежащего исполнения договора об оказании ритуальных услуг. На наш взгляд, такой гарантией может стать легальная фиксация за исполнителем волеизъявления умершего статуса потребителя ритуальных услуг. Представляется, что для этого следует узаконить конструкцию многостороннего (трехстороннего) договора, при

заключении которого у каждой стороны возникнут соответствующие права и обязанности (у заказчика – право выбрать необходимый перечень ритуальных услуг и обязанность их оплатить; у исполнителя – обязанность исполнить заказ ритуального обслуживания и право потребовать оплату услуг; у третьего лица в соответствии с приобретенным статусом потребителя появится право требовать надлежащего исполнения ритуальных услуг). Таким образом, в данном случае конструкция прижизненного договора на оказание ритуальных услуг приобретает не форму договора в пользу третьего лица, а конструкцию многостороннего договора. С одной стороны, в нем участвуют заказчик и плательщик ритуального обслуживания, выразивший волеизъявление «быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям», исполнитель – служба ритуальных услуг и потребитель услуг – доверенное лицо, давшее согласие взять на себя обязанность исполнить волеизъявление заказчика в случае его смерти. Законом не исключается, что в качестве исполнителя волеизъявления умершего может выступить несколько лиц.

В связи с тем, что в соответствии со ст. 602 ГК РФ договором пожизненного содержания с иждивением может быть предусмотрена оплата плательщиком ренты ритуальных услуг, возникает вопрос о том, можно ли рассматривать это условие договора как разновидность прижизненного договора. По мнению Р.Г. Набиева, «плательщик ренты рассматривается его получателем как лицо, осуществляющее весь комплекс обусловленных договором услуг как при жизни, так и после смерти» [7]. Однако в данном договоре заказчиком услуг будет выступать не лицо, пожелавшее сделать распоряжение на случай смерти о порядке ритуального обслуживания, а плательщик ренты. Следовательно, данный договор нельзя рассматривать в качестве прижизненного договора на оказание ритуальных услуг.

В то же время Р.Г. Набиев, обращая внимание на это обстоятельство, считает целесообразным уточнить п. 1 ст. 602 ГК РФ, изложив ее в следующей редакции: «Договором пожизненного содержания с иждивением может быть предусмотрено заключение и оплата плательщиком ренты договора на оказание ритуальных услуг» [8]. На наш взгляд, диспозитивный характер данного предложения вряд ли будет отвечать интересам получателя ренты пожизненного содержания с иждивением. В соответствии с уточнением договором может быть как предусмотрено заключение и оплата договора,

так и не предусмотрено. В связи с этим представляется более оптимальным порядок регулирования данных отношений, предусмотренный ст. 749 Гражданского кодекса Украины. В соответствии с п. 3 этой статьи «приобретатель обязан в случае смерти отчуждателя похоронить его, даже если это не было предусмотрено договором пожизненного содержания с иждивением. Если часть имущества отчуждателя перешла к его наследникам, расходы на погребение должны быть справедливо распределены между ними и приобретателем» [9].

Вместе с тем представляется, что прижизненный договор, как и договор ренты пожизненного содержания с иждивением, имеет все основания быть отнесенным к группе договоров с элементами социального содействия. Аргументами, подтверждающими данный вывод, являются следующие тезисы.

Анализируя перспективы развития правового института оказания услуг, Е.Г. Шаблова делает интересный вывод, что в настоящее время целый ряд договоров об оказании отдельных видов услуг могут претендовать на специфический правовой режим в рамках гл. 39 ГК РФ. По ее мнению, это услуги связи, медицинские, образовательные, аудиторские, информационные, по туристическому обслуживанию и некоторые другие. Исследователь полагает, что в дальнейшем нормы, регулирующие оказание поименованных услуг, «обретут статус устойчивого договорного типа и “отпочкуются” в самостоятельный правовой институт» [10].

Исходя из специфической особенности социальной услуги как родового понятия, объединяющего ритуальные, социально-медицинские, социально-бытовые, социально-психологические, социально-юридические, социально-страховые и другие, отвечающие требованиям гражданско-правовой услуги, с точки зрения А.В. Баркова, правовое регулирование этих отношений может осуществляться различными договорами возмездного оказания социальных услуг с различными режимами правового регулирования. Учитывая вышеобозначенные тенденции развития договоров об оказании услуг, по его мнению, есть основание предположить, что договор возмездного оказания социальных услуг, также как договоры возмездного оказания медицинских или образовательных услуг, имеет уникальный гражданско-правовой режим, свидетельствующий о существовании нового типа договора, отражающий его видовые особенности в рамках гл. 39 ГК РФ. А. В. Барков обосновывает, что наличие в гражданско-правовых отношениях специфического субъекта – лица, находящегося в трудной жизненной ситуации, существенно влияет на изменения правового режима отношений с его уча-

стием, которые обозначаются ученым как «элементы социального содействия». Данный подход позволяет выделить в сфере оказания услуг группу договоров с элементами режима социального содействия: а) договор возмездного оказания услуг; б) договор поручения; в) договор доверительного управления имуществом; г) договор агентирования; д) договор личного (добровольного социального) страхования; е) договор пожизненного содержания с иждивением. Обоснованность выделения этой группы договоров в системе гражданских договоров обуславливается тем, что их юридическому режиму присущи следующие черты: а) специфическая направленность договора на достижение экономического и социального результата (социальное содействие в преодолении лицом трудной жизненной ситуации), возможный непредпринимательский характер отношений; б) их особый субъектный состав (обязательное участие лица, находящегося в трудной жизненной ситуации, а также обязательное или в ряде случаев возможное участие публичного образования в качестве стороны договора); в) предметом договоров является оказание социальных услуг; г) фидуциарный, возможный безвозмездный и неэквивалентный характер исследуемых договорных обязательств; д) иные особые требования, предъявляемые законодательством к договорным отношениям в данной сфере (публичность договоров; заключение договоров путем присоединения; обязательная нотариальная форма или письменное разрешение органов опеки и попечительства для некоторых из них и др.) и обычаями делового оборота (требования к сертификации и стандартизации социальных услуг, устанавливаемые саморегулируемыми организациями usługодателей социальных услуг) [11].

По нашему мнению, договор возмездного оказания ритуальных услуг также можно признать договором с элементами социального содействия. Любой гражданин при жизни может надеяться не только на государственную поддержку в виде пособия на погребение или безвозмездное оказание ритуальных услуг согласно гарантированному перечню, а при жизни, в соответствии с идеологией социального содействия, мобилизовав внутренний ресурс, позаботиться об оплате ритуальных услуг и тем самым оказать содействие своим близким по преодолению трудной жизненной ситуации, в которую они попадут в случае его смерти. Прижизненный договор возмездного оказания услуг может быть включен в группу договоров с элементами социального содействия на основании того, что его юридическому режиму присущи такие черты, как специфическая направленность договора на достижение экономического и социального результата (социальное содействие в

преодоления лицом трудной жизненной ситуации), их особый субъектный состав, фидуциарный характер. К правовому режиму данного вида договора предъявляются особые требования. Это договор публичный; присоединения; возможна нотариальная форма или письменная в присутствии свидетелей. Источником правового регулирования этих отношений может быть обычай.

Таким образом, можно сделать вывод, что прижизненный договор об оказании ритуальных услуг представляет собой разновидность договора возмездного оказания ритуальных услуг в пользу третьего лица с отлагательным условием. Однако в целях повышения гарантий надлежащего исполнения данного договора представляется целесообразным легализовать конструкцию трехстороннего договора: с одной стороны это заказчик и плательщик ритуального обслуживания, выразивший волеизъявление быть погребенным на том или ином месте, по тем или иным обычаям или традициям, со второй стороны это исполнитель – служба ри-

туальных услуг, с третьей стороны – доверенное лицо, давшее согласие взять на себя обязанность исполнить волеизъявление заказчика в случае его смерти. В этом случае третье лицо – исполнитель волеизъявления обязан приобрести статус потребителя ритуальных услуг.

Прижизненному договору на оказание ритуальных услуг присущи все признаки договора с элементами социального содействия, спецификой частного правового режима регулирования отношений по оказанию социальных услуг, оптимальность которого достигается его сочетанием с публично-правовыми элементами («элементами социального содействия»), наличие которых обуславливается гарантированным участием государства в формировании социально-ориентированной рыночной экономики[12].

На наш взгляд, дальнейшее изучение правовой природы данного договора будет способствовать совершенствованию правового режима этой договорной конструкции как средства предупреждения криминализации похоронной сферы.

Библиография:

1. Похоронная отрасль отдана в ведение Минстроя и ЖКХ // Сайт «Юридическая компания «Виктория». URL: <http://victory2011.ru/news/pohoronnaja-otrasl-otdana-v-vedenie-minstroja-i-zhkh.html> (дата обращения 15.03.2015).
2. Елютина М.Э., Филиппова С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 86-94.
3. Набиев Р.Г. Возмездное оказания ритуальных услуг в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2007. 195 с.
4. О погребении и похоронном деле в г. Москве: закон г. Москвы от 4 июня 1997 г. № 11. Ст. 5 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/3601419> (дата обращения 12.03.2015).
5. Минстрой России подготовил законопроект о похоронном деле // Официальный сайт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. URL: <http://minstroyrf.ru/press/minstroy-rossii-podgotovil-zakonproekt-o-pokhoronnom-dele/> (дата обращения 03.11.2014).
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: договоры о выполнении работ и оказании услуг. М., 2002. 1055 с.
7. Гражданский кодекс Украины // Портал «Кодексы Украины». URL: http://kodeksy.com.ua/ka/grajdanskij_kodeks_ukraini/statja-749.htm (дата обращения 01.02.2015).
8. Шаблова Е.Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2002. 45 с.
9. Барков А.В. Рынок социальных услуг: проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 60 с.

References (transliterated):

1. Pokhoronnaya otrasl' otdana v vedenie Minstroya i ZhKKh // Sait «Yuridicheskaya kompaniya «Viktoria». URL: <http://victory2011.ru/news/pohoronnaja-otrasl-otdana-v-vedenie-minstroja-i-zhkh.html> (data obrashcheniya 15.03.2015).

2. Elyutina M.E., Filippova S.V. Ritual'nye pokhoronnye praktiki: sodержatel'nye izmeneniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. № 9. S. 86-94.
3. Nabiev R.G. Vozmezdnoe okazaniya ritual'nykh uslug v Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2007. 195 s.
4. O pogrebenii i pokhoronnom dele v g. Moskve : zakon g. Moskvy ot 4 iyunya 1997 g. № 11. St. 5 // Elektronnyi fond pravovoi i normativno-tekhniceskoi dokumentatsii. URL: <http://docs.cntd.ru/document/3601419> (data obrashcheniya 12.03.2015).
5. Ministri Rossii podgotovil zakonoproekt o pokhoronnom dele // Ofitsial'nyi sait Ministerstva stroitel'stva i zhilishchno-kommunal'nogo khozyaistva Rossiiskoi Federatsii. URL: <http://minstroyrf.ru/press/minstroyrossii-podgotovil-zakonoproekt-o-pokhoronnom-dele/> (data obrashcheniya 03.11.2014).
6. Braginskii M.I., Vitryanskii V.V. Dogovornoe pravo. Kniga tret'ya: dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug. M., 2002. 1055 s.
7. Grazhdanskii kodeks Ukrainy // Portal «Kodeksy Ukrainy». URL: http://kodeksy.com.ua/ka/grajdanskiy_kodeks_ukraini/statja-749.htm (data obrashcheniya 01.02.2015).
8. Shablova E.G. Grazhdansko-pravovoe regulirovanie otnoshenii vozmezdnogo okazaniya uslug: avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2002. 45 s.
9. Barkov A.V. Rynok sotsial'nykh uslug: problemy pravovogo regulirovaniya : avtoref. dis. ... dokt. yurid. nauk. 60 s.

РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В РОССИИ. РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Григорьев В.Н.

О НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

***Аннотация:** На протяжении всего периода своего существования институт возбуждения уголовного дела подвергался систематическим попыткам ре-формировать его с целью устранения запрета на производство следственных действий и мер процессуального принуждения, в особенности задержания подозреваемого, до возбуждения уголовного дела. Простота начала уголовного преследования является проявлением свободы доступа к правосудию и отражает поступательное развитие гражданского общества, в котором становится востребованным правовой механизм защиты прав и свобод путем задействования института уголовного преследования. Метод или методология исследования: Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены следующие методы: анализа, структурно-логический метод и иные методы. В статье делается вывод о необходимости смены научной задачи. В науке уголовного процесса по предмету начала уголовного преследования традиционно исследуются проблемы стадии возбуждения уголовного дела, наиболее острая среди которых – допустимость проверочных средств, следственных действий и мер процессуального принуждения до принятия и оформления решения о возбуждении уголовного дела.*

***Ключевые слова:** Этап, уголовное преследование, дознаватель, уголовное обвинение, запрет, принуждение, защита, разумный срок, ограничение, права и свободы.*

По действующему законодательству в соответствии со ст. 21 УПК РФ, устанавливающей обязанность осуществления уголовного преследования, уголовное преследование от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляют прокурор, а также следователь и дознаватель, которые в каждом случае обнаружения признаков преступления принимают предусмотренные в УПК меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 1, 2).

В соответствии со ст. 140, 146 УПК РФ при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, и повода к возбуждению уголовного дела, орган дознания, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь возбуждают в пределах своей компетенции уголовное дело

Следовательно, начальный этап уголовного преследования совпадает с этапом, на котором решается вопрос о возбуждении уголовного дела.

Такое представление полностью совпадает с позицией Конституционного Суда Российской

Федерации, зафиксированной в Определении Конституционного Суда РФ от 16 мая 2007 года № 374-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Белюсовой Галины Николаевны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»: «Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации уголовное преследование от имени государства по делам публичного и частно-публичного обвинения осуществляет прокурор, следователь, орган дознания или дознаватель (статья 21). На реализацию целей уголовного преследования и направлены полномочия указанных должностных лиц по возбуждению уголовного дела при наличии к тому предусмотренных законом поводов и оснований, отказу в его возбуждении при их отсутствии и отмене незаконного или необоснованного постановления об отказе в возбуждении дела (статьи 140, 146-148)» [1].

В этой связи возникает вопрос, должно ли начало уголовного преследования быть для должностных лиц органов уголовного обвинения относительно свободным или его необходимо обставать какими-то дополнительными условиями, документально-бюрократическими и инстанционными барьерами. Данный вопрос обусловлен тем, что, с одной стороны, быстрое, без промедления начало уголовного преследования является залогом его успеха, а с другой – эта деятельность существенно затрагивает права и свободы граждан и не может допускаться произвольно.

Простота начала уголовного преследования является проявлением свободы доступа к правосудию и отражает поступательное развитие гражданского общества, в котором становится востребованным правовой механизм защиты прав и свобод путем задействования института уголовного преследования.

Вместе с тем, уголовное преследование связано с применением мер принуждения, сам факт уголовного преследования до сих пор является официальным отрицательным обстоятельством в биографии человека. Не говоря уже об изъятах ценностях, уничтоженном бизнесе, потерянной работе, утрате социальных связей и т.д.

В этой связи возникает вопрос о необходимости ограничения права на уголовное преследование, исключения случаев необоснованного, произвольного, без достаточных оснований уголовного преследования. Такая позиция прямо вытекает из конституционного положения о том,

что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации).

Значительный период своеобразную функцию барьера, препятствующего произвольному началу уголовного преследования, в российской правовой системе выполнял институт возбуждения уголовного дела. Наибольшее развитие этот институт получил с принятием УПК РСФСР 1960 года как реакция на утвердившуюся в первой половине 20 века в России практику произвольного уголовного преследования. Основная идея этого института состоит в том, что возможность производства следственных действий и применения мер процессуального принуждения допускается лишь при наличии документально подтвержденных достаточных данных, указывающих на признаки совершенного преступления, и оформлении в установленном порядке акта возбуждения уголовного дела.

На протяжении всего периода своего существования институт возбуждения уголовного дела подвергался систематическим попыткам реформировать его с целью устранения запрета на производство следственных действий и мер процессуального принуждения, в особенности задержания подозреваемого, до возбуждения уголовного дела. На сегодняшний день приходится констатировать очевидные тенденции к размыванию изначального назначения данного института служить своеобразным фильтром.

С одной стороны, все больший арсенал средств стал допускаться до возбуждения уголовного дела. Подтверждением этому служит Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [2], которым ст. 144 УПК РФ дополнена двумя частями, а части первая и третья изложены в новой редакции, в результате чего перечень проверочных действий, допускаемых до возбуждения уголовного дела, существенно и принципиально расширился. В частности, установлено, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе к дополнению к имеющимся в соответствии с ранее действовавшим законодательством проверочным действиям (производство документальных проверок, ревизий и привлечение к их участию специалистов; исследование документов, предметов, трупов; обязательное

для исполнения письменное поручение органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий) еще получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование.

С другой, в уголовно-процессуальном праве сложилась система норм, которая предоставляет возможность защищать права и законные интересы граждан и до возбуждения уголовного дела. Так, в соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник участвует в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК. В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ предусмотрено, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы, в том числе права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, круг которых определен п. 4 ст. 5 УПК, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа в порядке, установленном гл. 16 УПК. При необходимости безопасность участника досудебного производства обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК, в том числе при приеме сообщения о преступлении (часть 1.1 введена Федеральным законом от 04.03.2013 N 23-ФЗ).

Отмеченные изменения не являются случайными. Это своеобразный итог в развитии уголовно-процессуального законодательства последнего времени, свидетельствующий об изменении правовой ситуации. Суть произошедшего изменения состоит в тенденции к замене тотально-бюрократического варианта обеспечения прав и свобод вовлеченных в сферу деятельности правоохранительных органов граждан на точечно-диспозитивный. Первый вариант допускает незначительное количество проверочных действий до принятия

решения о возбуждении уголовного дела при малом объеме прав граждан и отсутствии судебного контроля и полный их арсенал, сопровождаемый средствами прокурорского надзора и судебного контроля, после возбуждения уголовного дела. Особенности второго состоят в том, что обеспечение прав граждан, в том числе средствами судебного контроля и прокурорского надзора, происходит независимо от принятия либо не принятия решения о возбуждении уголовного дела, – непосредственно по факту осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица.

В этой ситуации акт возбуждения уголовного дела начинает восприниматься как атавизм. Данный вариант уголовного преследования предполагает начало процессуальных действий по факту обращения с заявлением об уголовном преследовании, независимо от документальной констатации обнаружения признаков преступления. В такой ситуации основные усилия правоприменителя должны сосредотачиваться на соблюдении установленного порядка и обеспечении прав граждан при производстве конкретных процессуальных действий. Предполагается также усиление ответственности за обоснованность инициирования уголовного преследования со стороны заявителей.

Для подобных изменений усматриваются определенные конституционно-правовые основания. В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). Весьма эффективным среди таких способов является защита путем уголовного преследования в рамках и по правилам уголовного судопроизводства. В этом случае гражданин или организация обращаются с заявлением о совершенном в отношении них или других лиц преступлении, и уполномоченные правоохранительные органы начинают в установленном порядке уголовное преследование, а суд при наличии к тому оснований выносит виновному приговор.

Применение такого варианта в большей мере характерно для дел так называемого частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ). Однако современная ситуация, обусловленная потребностями развития гражданского общества, предполагает расширение диапазона правовых средств, с помощью которых граждане и организации могут защищать свои права, в том числе за счет облегчения доступа к средствам уголовного преследования. В этом проявляется общественная потреб-

ность в распространении механизма уголовного преследования, установленного по делам частного обвинения, на все категории дел, и прежде всего, дела публичного обвинения.

В ч. 1 ст. 47 Конституции РФ установлено, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Государство признает и обеспечивает возможность каждому гражданину защищать свои права и свободы путем обращения за уголовным преследованием. В постановлении Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» установлено, что правовое регулирование должно согласовываться с предписаниями Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года (ратифицирована Российской Федерацией 30 марта 1998 года), по смыслу статьи 6 которой право на судебную защиту, предполагающее обеспечение каждому при определении его гражданских прав и обязанностей доступа к правосудию в разумный срок, должно служить гарантией от чрезмерного, не обусловленного конституционно оправданны-

ми целями ограничения прав и свобод граждан, в частности, на досудебных стадиях производства по уголовному делу[3].

Таким образом, есть основания для вывода о том, что идет размывание традиционной для российского уголовного судопроизводства конструкции начального этапа уголовного преследования.

Сказанное приводит к выводу о необходимости смены научной задачи. В науке уголовного процесса по предмету начала уголовного преследования традиционно исследуются проблемы стадии возбуждения уголовного дела, наиболее острая среди которых – допустимость проверочных средств, следственных действий и мер процессуального принуждения до принятия и оформления решения о возбуждении уголовного дела. Между тем, в современной складывающейся ситуации разрабатывать следует систему сдержек и противовесов, определяющую допустимый барьер для начала уголовного преследования, факторы подвижности этой системы и организационно-правовой механизм реализации этой подвижности. Такой подход может повлечь размывание границ стадии возбуждения уголовного дела, однако он в большей мере отвечает задачам поиска адекватной современным потребностям гражданского общества модели начала уголовного преследования в Российской Федерации.

Библиография:

1. Вестник Конституционного Суда РФ. № 6. 2007.
2. Собрание законодательства РФ. 2013. № 9. Ст. 875.
3. Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.

References (transliterated):

1. Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF. № 6. 2007.
2. Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. № 9. St. 875.
3. Sobranie zakonodatel'stva RF. 1999. № 14. St. 1749.

ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ КАК ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Хамидуллин Р.С.

***Аннотация:** В статье говорится о том, что на фоне ухудшающейся экономической обстановке в Российской Федерации и в связи с падением уровня жизни населения, актуальной становится проблема борьбы с организованной преступностью. Ярким тому подтверждением являются сведения Единой межведомственной информационно-статистической системы, согласно которым в период с начала 2012 года по июнь 2014 года наблюдается рост количества предварительно расследованных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков совершенных организованными сообществами (преступными организациями). В рамках борьбы с организованной преступностью (на примере сферы незаконного оборота наркотических веществ) исследуется возможность привлечения к сотрудничеству с правоохранительными органами лиц, входящих в состав преступных сообществ и организаций, путем использование норм главы 40.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения» как тактико-криминалистического элемента. Метод, методология исследования. Для производства исследования применялись общенаучные и частно-научные методы, а именно: метод от конкретного к абстрактному, анализа, синтеза, структурно-логический метод, статистический, метод сравнительно-правового анализа и иные методы научного исследования. Новизна исследования, выводы. По мнению автора, использование норм главы 40.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в качестве тактического приема «привлечения лица к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения» позволит повысить уровень эффективности борьбы с организованной преступностью, в частности в сфере незаконного оборота наркотических средств. Так же использование такого тактического приема позволит раскрывать новые преступления и привлекать к ответственности лиц причастных к совершению преступлений.*

***Ключевые слова:** Досудебное соглашение, тактика, следователь, тактико-криминалистическое обеспечение, подозреваемый, обвиняемый, защитник, взаимодействие, планирование, прокурор.*

Длительное время Российская Федерация придерживалась административно-командной системы регулирования экономики, но лишь на рубеже 80-х и 90-х годов XX века начался переход к рыночным отношениям в экономике. Её важнейшим элементом осуществления

положительной динамики является спокойная криминальная обстановка в государстве, заключающаяся в эффективной борьбе с преступностью, что в свою очередь, не возможно без использования всего спектра мер для устранения угрозы безопасности личности, общества

и государства. Наибольшую опасность для развития экономических отношений представляет преступная деятельность организованных криминальных элементов, сопровождающаяся, как правило, коррупционными связями в различных государственных органах. Безусловно, с волной организованной преступности, захлестнувшей Российскую Федерацию в 90-е годы прошлого века, уже покончено, однако, отдельные её элементы продолжают заниматься преступной деятельностью, носящий латентный характер. В настоящее время ситуация осложнилась и обострилась мировым финансовым кризисом, затронувшим наше государство.

Так же существенный ущерб экономике России в виде кризисных явлений нанесли введенные санкции со стороны Европы и Соединенных Штатов Америки, а равно ответные меры принятые нашей страной. Безусловно слабая финансовая обстановка связана и с падением курса рубля. Экономический спад приводит к ухудшению уровня жизни населения, что напрямую влияет на уровень преступности в стране. Активизируются уже не просто организованные преступные группы, а целые сообщества с межрегиональными и международными связями, оснащенные современными техническими средствами и имеющие широкие коррупционные межгосударственные связи. Правоохранительным органам предстоит не допустить всплеска организованной преступности, как например, это произошло в нашей стране, после кризиса 1998 года, который сопровождался рейдерскими захватами, заказными убийствами и разделением сфер влияния организованных преступных сообществ.

На фоне изложенных событий на сегодняшний день наблюдается всплеск организованной преступности, особенно ярко проявляющийся в сфере незаконного оборота наркотических средств. Так, согласно статистическим данным Единой межведомственной информационно-статистической системы в период с начала 2012 года по июнь 2014 года, наблюдается рост количества предварительно расследованных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров или аналогов, сильнодействующих веществ в России, совершенных организованными сообществами (преступными организациями). Количество таких преступлений в 2012 году по России составили 570, по Свердловской области – 61, в 2013 году по

России – 898, по Свердловской области – 106 и за 6 месяцев 2014 года составляли по России – 532 (почти как за год 2012), по Свердловской области – 27 [1].

Анализ официальной статистики показал, что в настоящее время в полной мере не удастся добиться объективного снижения уровня организованной преступности. В связи, с чем возникает необходимость в повышении оптимизации деятельности правоохранительных органов по раскрытию и расследованию преступлений совершенных организованными преступными сообществами (преступными организациями). Для достижения указанных целей на вооружении оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов стоят широкие возможности криминалистического обеспечения их деятельности. К сожалению, практика показывает, что немногие из числа следователей и оперуполномоченных знают о возможностях современной криминалистической техники, тактики и методики, а уж тем более умеют в совершенстве применять данные возможности на практике. Из-за чего им довольно часто приходится сталкиваться с конфликтными, проблемными ситуациями в случаях, когда подозреваемые или обвиняемые, а так же третьи лица оказывают активное противодействие расследованию преступлений. Особенно остро эта проблема проявляется в процессе раскрытия и расследования преступлений связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Общеизвестно, что торговля наркотиками это хорошо организованный, законспирированный, а в некоторых случаях и коррупционный вид преступной деятельности. На выявление и привлечение к ответственности лиц, занимающихся указанной деятельностью, правоохранительные органы затрачивают огромные средства и силы. Мы считаем, что повышение эффективности борьбы с наркопреступностью можно добиться путем привлечения лиц, задействованных в сложных схемах незаконного наркооборота к сотрудничеству с правоохранительными органами. Такая возможность в настоящее время законодательно регламентирована главой 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ) «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения», данное соглашение позволяет получить ценную информацию и доказательства от подозреваемых или обвиняемых, непосредственно входящих в состав

преступной организации. Показания таких лиц имеют огромное значение для раскрытия и расследования уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Во-первых, с процессуальной стороны они имеют доказательственное значение, в отличие от объяснений полученных оперативным путем.

Во-вторых, такие показания позволяют экономить силы и средства на производство предварительного следствия, уменьшая сроки расследования, так как при правильном планировании расследования отпадает необходимость в производстве большего объема следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на получение информации о количестве и особенностях участников преступных формирований, моменте ее создания, распределении ролей, источнике поступления наркотических средств.

В-третьих, в комплексе с результатами оперативно-розыскной деятельности такие показания позволяют раскрывать и доказывать новые преступные эпизоды, достигая при этом большей объективности в процессе расследования. [2]

Как отмечается в юридической научной литературе, сущность досудебного соглашения о сотрудничестве состоит в заключении между сторонами обвинения и защиты двустороннего уголовно-процессуального договора, предметом которого являются обязательства выполнения подозреваемым или обвиняемым определенных действий, способствующих раскрытию и расследованию преступлений, на условиях применения особого порядка судебного разбирательства, сокращения наказания и обеспечения мер государственной защиты как для подозреваемого или обвиняемого, так и для его родственников, и близких лиц [3].

В досудебном соглашении о сотрудничестве могут быть отражены множества следственных действий, при участии в которых подозреваемый (обвиняемый) обязуется изобличить соучастников и рассказать о новых преступных эпизодах. Но именно его показания, данные в ходе допросов при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, являются наиболее ценными при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, когда в условиях дефицита информации правоохранительным органам необходимо установить каналы поставок наркотических средств, места их возможного

хранения, адреса расположения наркопритонов и т.д. Привлечение лица, обладающего такими сведениями к сотрудничеству, может позволить в кратчайшие сроки получить доказательства причастности иных лиц к незаконному обороту наркотиков и принять меры превентивного характера. В результате обысков обнаружить и изъять наркотические средства и прекратить деятельность наркопритонов.

Конечно, применение следователем тактических приемов и средств, направленных на привлечение подозреваемого или обвиняемого к сотрудничеству, будет завистью от следственной ситуации, сложившейся в этот период времени. Для начала необходимо понять, что подразумевается под следственной ситуацией. В науке криминалистике сформировались различные точки зрения в определении понятия следственной ситуации. Так, В.К. Гавло определил следственную ситуацию как «совокупность фактических данных, отражающих существенные черты события на определенный момент расследования преступления» [4]. Аналогичную позицию поддерживает Л.Я. Драпкин, по мнению которого, следователю, прежде чем действовать, необходимо получить информацию о существенных свойствах (признаках, чертах) внешней (объективной) среды и создать ее адекватную (в той или иной степени) модель [5]. Именно этой информационной модели следственной ситуации мы и придерживаемся.

Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и выполнение его условий подозреваемым (обвиняемым) напрямую зависит от выбранной следователем тактики расследования. По нашему мнению, положения главы 40.1. УПК РФ можно использовать в качестве тактического приема для привлечения к сотрудничеству подозреваемого или обвиняемого, обладающего ценной для следствия информацией. Наиболее результативно такой тактический прием можно использовать при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств на этапе задержания подозреваемого. Прежде чем раскрыть сущность указанного тактического приема необходимо дать его понятие. На сегодняшний день существуют несколько подходов к определению понятия тактико-криминалистического приема (тактического приема). Например по мнению Л.Я. Драпкина: «Тактическим приемом следует считать не противоречащий закону научно обоснованный способ, метод выполнения

какого-либо следственного действия, свободно избираемый следователем с учетом конкретной ситуации и направленный на повышение эффективности отдельных процессуальных действий или расследования в целом», по его мнению, тактический прием почти всегда является частью следственного действия или тактической операции, комбинации. Но при этом Л.Я. Драпкин отмечает, что тактический прием недопустимо отождествлять с конкретным следственным действием [6]. Другое понятие дается А.Г. Филипповым, который считает, что криминалистический прием – это наиболее целесообразная линия поведения при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств и предотвращении преступлений. А под тактико-криминалистическим приемом он понимает приемы подготовки и проведения следственных действий [7].

На наш взгляд, наиболее полно и точно определили сущность понятия тактический прием А.С. Князьков, который, проведя анализ, пришел к выводу, что под тактическим приемом следует понимать рекомендованный криминалистической наукой рациональный, законный и этический способ воздействия на материальные и идеальные объекты с целью изменения их состояния, позволяющего получить информацию, необходимую для раскрытия и расследования преступления [8]. В указанном определении изложена основанная цель применения тактического приема – раскрытие и расследование преступлений, а так же отсутствует привязка к следственным действиям, что по нашему мнению является правильным.

Кроме того следует отметить, что на ряду с тактическими приемами в практической деятельности широко используется следующий элемент криминалистической тактики – тактико-криминалистическая рекомендация (тактическая рекомендация). Под тактической рекомендацией принято понимать обоснованный и апробированный практический совет, касающийся выбора и применения тактических приемов.

При раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, на этапе задержания подозреваемого в качестве тактико-криминалистических рекомендаций можно предложить реализацию целого ряда действий. После задержания необходимо с первых же минут общения с подозреваемым, установить психологический контакт и спокой-

но выслушать его точку зрения произошедшего. Далее так же спокойно объяснить ему причины его задержания и сущность подозрения, разъяснив перед этим его права и обязанности. Если изначально пойти на конфликт с задержанным, то в такой следственной ситуации поскольку, лицо вряд ли будет сотрудничать со следствием, а уж тем более заключать какие-либо соглашения о сотрудничестве. Необходимо вызвать у подозреваемого понимание того, что следователь не ставит перед собой цель любой ценой привлечь его к ответственности, как говорится «вменив ему все, что можно».

Создав необходимые благоприятные условия, можно приступить к использованию тактического приема «привлечение лица к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве», выполнив это согласно следующему алгоритму действий:

1. Перед допросом подозреваемого, разъяснить права, предусмотренные главой 40.1. УПК РФ – заявлять ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, обратив при этом особое внимание на то, что данное соглашение будет наилучшим выходом из ситуации, в которую попал подозреваемый. Необходимо, что бы подозреваемый понял, что в случае если он займет позицию отрицания или отказа от дачи показаний, то последствия, к которым он может прийти будут для него намного негативнее, чем при выполнении условий досудебного соглашения о сотрудничестве.
2. Обратить внимание подозреваемого на поощрительные меры (п. 2 и п. 4 ч. 1 ст. 62 УК РФ), которые могут быть применены судом в случае выполнения им условий досудебного соглашения о сотрудничестве.
3. Привести несколько положительных примеров рассмотрения реальных уголовных дел в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. Наилучшего эффекта можно добиться путем предъявления подозреваемому для ознакомления копий приговоров, вступивших в законную силу по такой категории дел.
4. Создать впечатление осведомленности об обстоятельствах совершения преступлений, сославшись при общении с подозреваемым на некоторые известные следователю факты. Можно использовать результаты оперативно-розыскных мероприятий,

предъявив, например, аудиозаписи прослушивания телефонных переговоров.

5. Предложить задуматься о том, что лица, «благодаря» которым подозреваемый окажется привлеченным к уголовной ответственности, могут остаться на свободе и продолжать жить полноценной жизнью, пока он будет отбывать своё наказание.
6. Обратить внимание подозреваемого, что позиция, которую он займет по уголовному делу, будет напрямую учитываться при избрании в отношении него меры пресечения.
7. Разъяснить, что в случае возникновения угрозы его жизни или здоровью, а так же близким подозреваемого, то к нему или его родным могут применяться меры государственной защиты.
8. В заключении порекомендовать подозреваемому проконсультироваться с защитником и определиться с позицией. Это должно вызвать доверие подозреваемого к следователю и еще раз подчеркнет объективность следствия «в глазах» подозреваемого.

Указанный алгоритм действий применения тактического приема не является универсальным и исчерпывающим. Отдельные элементы могут и не использоваться, либо использоваться в совокупности с другими действиями в зависимости от морально-психологической обстановки и следственной ситуации.

Для достижения цели привлечения к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения, например, подозреваемого, задержанного

при сбыте наркотических средств, следователю может помочь и другой тактический прием – последовательное предъявление доказательств (в порядке нарастания). В данном случае у подозреваемого подсознательно возникнет вопрос: «А стоит ли дальше отрицать свою причастность, если им уже все известно и у них есть доказательства?». Результатом этого может стать полное содействие подозреваемого (обвиняемого) и его ходатайство на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, которое, как уже ранее отмечалось, позволит в кратчайшие сроки провести предварительное расследование, используя при этом минимальный объем сил и средств правоохранительных органов.

Использование тактического приема «привлечение подозреваемого или обвиняемого к сотрудничеству путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве», конечно, зависит от необходимости для следователя такого сотрудничества и это решение не будет принято без его мотивированного постановления. Но все же мы рекомендуем по возможности заключать такие соглашения, так как они будут служить источником информации, которая крайне важна в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и остальными видами преступных посягательств. В случае невыполнения условий досудебного соглашения о сотрудничестве подозреваемым или обвиняемым оно будет расторгнуто и производство по уголовному делу будет продолжено в обычном порядке, согласно ч. 3 ст. 317.8 УПК РФ.

Библиография:

1. URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (дата обращения: 04.02.2015).
2. Удовиченко В.С. . Следственные ситуации допроса подозреваемого и обвиняемого по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотических средств.//Известия Алтайского государственного университета. 2012 № 2-1. С. 118-121.
3. Головинский М.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве. Диссертация ... канд. юрид. наук. Владимир, 2011. – С. 6–9.
4. Гавло В.К. О первоначальных следственных действиях при расследовании преступлений: доклад на итоговой науч. конф. юрид. факультетов. – Томск, 1968. – Ч. 3.
5. Драпкин Л.Я. Теория криминалистических ситуаций: этапы развития, структура, система // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2010. – №2.
6. Криминалистика: учебник для вузов/под ред. Л.Я. Драпкина. – Москва «Высшая школа», 2000. Издание второе. С. 230.
7. Криминалистика. Углубленный курс/под ред. А.Г. Филиппов – Москва 2012. С. 241.
8. Князьков А.С. Признаки тактического приема и критерии допустимости его применения.// Вестник Томского государственного университета. 2012 № 355. С. 101.

9. Рычкалова Л.А. Противодействие раскрытию и расследованию преступлений. // Полицейская деятельность. – 2011. – 1. – С. 42 – 49.

References (transliterated):

1. URL: <http://www.fedstat.ru/indicators/start.do> (data obrashcheniya: 04.02.2015).
2. Udovichenko V.S. . Sledstvennyye situatsii doprosa podozrevaemogo i obvinyaemogo po ugolovnym delam v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskikh sredstv.//Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012 № 2-1. S. 118-121.
3. Golovinskii M.M. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve. Dissertatsiya ... kand. yurid. nauk. Vladimir, 2011. – S. 6–9.
4. Gavlo V.K. O pervonachal'nykh sledstvennykh deistviyakh pri rassledovanii prestuplenii: doklad na itogovoi nauch. konf. yurid. fakul'tetov. – Tomsk, 1968. – Ch. 3.
5. Drapkin L.Ya. Teoriya kriminalisticheskikh situatsii: etapy razvitiya, struktura, sistema // Byulleten' Mezhdunarodnoi assotsiatsii sodeistviya pravosudiyu. – 2010. – №2.
6. Kriminalistika: uchebnik dlya vuzov/pod red. L.Ya. Drapkina. – Moskva «Vysshaya shkola», 2000. Izdanie vtoroe. S. 230.
7. Kriminalistika. Uglublennyi kurs/pod red. A.G. Filippov – Moskva 2012. S. 241.
8. Knyaz'kov A.S. Priznaki takticheskogo priema i kriterii dopustimosti ego primeneniya.// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012 № 355. S. 101.
9. Rychkalova L.A. Protivodeistvie raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenii. // Politseiskaya deyatel'nost'. – 2011. – 1. – С. 42 – 49.

УЛИЧНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ, ПРИЧИНЫ И ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ

Голубых Н.В.

***Аннотация:** В данной статье приведен анализ современного состояния и динамики уличной преступности, наибольшая опасность которой заключается, прежде всего, в многообразии ее форм и методов воздействия одновременно на большие массы людей. Автор статьи также уделяет значительное внимание криминогенной детерминации исследуемого преступного явления. На основании проведенного исследования предложены два варианта прогноза развития криминальной ситуации, приведен прогноз развития и распространения уличной преступности на среднесрочную перспективу, а также меры направленные на предупреждение уличной преступности. Метод или методология исследования: Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены общенаучные и частно-научные методы, а именно: анализа, синтеза, структурно-логический метод, статистический, метод сравнительно-правового анализа метод от конкретного к абстрактному и иные методы научного познания. Научная новизна и выводы: На основании проведенного исследования современного состояния и основных тенденций распространения и развития уличной преступности, посредством использованных методов в статье предложены меры общесоциального и специально-криминологического характера, которые могут лечь в основу успешного противодействия анализируемого противоправного деяния.*

***Ключевые слова:** Улицы, преступность, система, Динамика, Информация, прогноз, структура, преступление, Виктимологическая профилактика, материальная окружающая среда.*

Понятие уличной преступности неразрывно связано со специфическими особенностями пространства, где совершаются преступления данного типа, и возникающими здесь криминальными ситуациями. Улицы, наряду с площадями, проездами, набережными, скверами и бульварами, относятся к территории общего пользования, пространству, которым беспрепятственно пользуется неограниченный круг лиц, и одновременно – к местам постоянного пользования. Как правило, уличная преступность совершается лицами и в отношении лиц, не связанных между собой укладом повседневной жизни.

Таким образом, под уличной преступностью понимается система преступлений, проявляющаяся на открытой для доступа части инфраструктурной территории населенного пункта (характеризующейся неравномерностью социального контроля, преобладающей анонимностью поведения) и требующая специфических государственных антикриминогенных мер воздействия. Уличная преступность как системное явление имеет ряд закономерностей возникновения, развития, функционирования, зависящих от характеристик городов, общего уровня их развития, социально-демографических особенностей

населения, как социальное явление во многом связана с элементом случайности.

Состояние анализируемого вида преступности в Российской Федерации определяется общим количеством зарегистрированных преступлений, а также числом лиц, их совершивших, на конкретной территории за календарный год. Так, в 2013 г. было зарегистрировано на улицах, площадях, в парках и скверах 463685 (-0,5%) преступлений, в том числе: 204570 (-2,7%) краж, 51853 (-15,7%) грабежа, 6563 (-13,6%) разбойных нападения. Удельный вес уличной преступности на территории Российской Федерации за 2013 год составил 21,01 %. Всего за период с 2010 по 2013 год было зарегистрировано 1740037 преступлений, совершенных на улицах, площадях, в парках и скверах.

Динамика исследуемой преступности за последние шесть лет, в целом, характеризуется ростом, но в отдельные периоды, в том числе и в 2013 году, – незначительным спадом: так, в 2010 г. было зарегистрировано – 397870 преступлений, в 2011 г. – 412406 (+3,7 %), в 2012 г. – 466076 (+13 %), в 2013 – 463685 (-0,5 %). Рост зарегистрированных преступлений на улицах, площадях, в парках и скверах с 2010 г. по 2013 г. составил 65815 преступлений (т.е. произошло увеличение уличной преступности в 1,2 раза).

(январь-май 2014 г. +5,7%)

В Свердловской области количество зарегистрированных преступлений анализируемой категории составило в 2013 году 16345, что представляет 23,6% от общего числа преступлений, зарегистрированных на территории региона (69231). В 2013 году в регионе совершено 3940 тяжких и особо тяжких преступлений на улицах, площадях, в парках и скверах, что составляет 24,1% от общего числа преступлений анализируемой категории. Наиболее часто на улицах совершаются кражи – 7221 преступление, что составляет 44,1% в общей структуре. Следующим по распространенности уличным преступлением является грабеж – 2041 (12,4%). На третьем месте находится неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения – 1055 преступлений (6,4%).

В 2010 году на территории Свердловской области было выявлено 18051 преступление рассматриваемой категории, что составило 18,7% в общей структуре преступности (96422 преступления). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в 2010 году составил 28,2% (5103 преступления). Кражи (5847)

и грабежи (3847) заняли лидирующие позиции в 2010 году в структуре уличной преступности, третьим по численности было причинение тяжкого вреда здоровью (3491).

В 2011 году на территории Свердловской области было выявлено 13127 преступлений анализируемой группы, что составило 16,9% в общей структуре преступности (77347 преступлений). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в 2011 году составил 28,6% (3765 преступлений). Кражи (4654) и грабежи (2217) заняли лидирующие позиции и в 2011 году, на третье место переместились угоны (917).

В 2012 году на территории Свердловской области на улицах, площадях, в парках и скверах было выявлено 13793 преступления рассматриваемой категории, что составило 19,2% в общей структуре преступности (71549 преступлений). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в 2012 году составил 24,5% (3393 преступления). Самыми распространенными стали кражи (5525), грабежи (2153) и угоны (973).

Таким образом, характеризуя динамику уличной преступности на территории Свердловской области за истекшие четыре года, можно отметить снижение количества преступлений анализируемой категории в 2011 году на 4924 преступления (-27,2%), небольшой рост в 2012 году на 666 преступлений (+5%), и достаточно существенное увеличение в 2013 году на 2552 преступления (+18,5%). Всего за четыре года уличная преступность на территории региона снизилась на 1706 преступлений (-9,4%). Можно отметить увеличение за истекший период удельного веса уличной преступности в общей структуре преступности в Свердловской области (+4,9%). На 1163 преступления уменьшилось за четыре года количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных на улицах (-22,7%). Кроме того, можно отметить снижение удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре уличной преступности на 4,1%. Кражи и грабежи являются наиболее часто совершаемыми на улице преступлениями в течение всех четырех лет, однако если по грабежам наблюдается снижение количества зарегистрированных преступлений (-46,9%), то по кражам – рост (+23,4%). Существенное снижение за четыре года наблюдается по причинению тяжкого вреда здоровью (-90,1%). Примерно на одном уровне находится количество угонов, которые в последние три года занимают третье место в общей структуре уличной преступности региона.

Информация о состоянии уличной преступности на территории Свердловской области за период с 2010 по 2013 гг.

	2010	2011	2012	2013
Количество преступлений, зарегистрированных в общественных местах	20825	15686	19072	22783
Количество преступлений, зарегистрированных на улице	18051	13127	13793	16345
Из них:				
– тяжких и особо тяжких преступлений	5103	3765	3393	3940
– убийств	66	69	50	69
– причинения тяжкого вреда здоровью	3491	304	320	343
– грабежей	3847	2217	2153	2041
– разбойных нападений	300	233	287	306
– хулиганств	112	60	81	104
– краж	5847	4654	5525	7221
– угонов	1056	917	973	1055

На состояние уличной преступности оказывает негативное влияние ряд региональных факторов экономического, социального, политического, демографического и географического характера:

- международный финансовый кризис и безработица;
- резкое расслоение населения по имущественному признаку;
- слабая социальная защищенность граждан, низкий уровень жизни отдельных категорий граждан, проживающих в Свердловской области, и, как следствие, высокий уровень социальной напряженности;
- неравномерная плотность населения на территории Свердловской области и концентрация основной части населения в крупных индустриальных центрах;
- нерегулируемое перемещение сельского населения в города из-за распада агропромышленного комплекса;

– низкий антикриминогенный гражданский потенциал, заключающийся не просто в снижении доверия к правоохранительным органам, но и в ослаблении толерантного отношения граждан к правоохранительной деятельности и ее результатам;

– сохранение значительного числа негативных фоновых явлений, в частности проституции, бродяжничества, игромании, наркотизма и алкоголизма;

– низкий уровень образования лиц, совершающих преступления; слабая организация досуга несовершеннолетних, недостаточное количество спортивных секций (в силу климатических условий отсутствует возможность занятий видами спорта на открытой местности), слабая пропаганда здорового образа жизни и низкая доступность бесплатного образования;

– высокая концентрация исправительных учреждений, а соответственно, и лиц, ранее судимых, то есть контингента, традиционно

используемого в освоении территорий и природных ресурсов региона и находящегося в сложных условиях постпенитенциарной адаптации;

– наличие в ряде районов региона благоприятных условий для рынков сбыта наркотиков и удобного транзита для наркокурьеров;

– интенсивная миграция и активное освоение территории гражданами ближнего и дальнего зарубежья;

– высокая мобильность и плотность населения мегаполисов; обезличенность и анонимность поведения на улицах городов; архитектура, планировка городских кварталов; недостаток социального контроля уличного пространства; несовершенство в организации работы отдельных социальных предприятий и учреждений;

– недостаточная освещенность улиц, информационность уличных указателей; небольшое количество камер видеонаблюдения в местах массового пребывания людей.

В связи с вышеизложенным можно предложить два варианта прогноза развития криминальной ситуации на улице на среднесрочную перспективу.

Один из них оптимистический, предполагающий снижение степени влияния негативных факторов на ситуацию на улицах, площадях, в парках и скверах.

В соответствии с данным сценарием развития ситуации не следует ожидать существенного роста уличной преступности в Свердловской области, ее значительное увеличение в 2013 году не нужно рассматривать как тенденцию, а, скорее, следует считать результатом изменения методики подсчета ее показателей. Соответственно, в ближайшие пять лет будет наблюдаться постепенное снижение показателей уличной преступности, как и понижение ее доли в общей преступности региона.

Скорее всего, продолжит свое развитие и наметившаяся тенденция по изменению в лучшую сторону характера уличной преступности в регионе. Продолжит сокращаться удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, примерно на 0,5-1,5% ежегодно, что к 2018 году должно привести к показателю около 19%.

Вполне вероятно сокращение показателей основных преступлений, образующих структуру уличной преступности. Так, продолжится снижение количества уличных грабежей на 5% ежегодно, что приведет к 2018 году к показателю примерно в 1580 преступлений. Возможны незначительные колебания показателей убийств, при-

чинения вреда здоровью, разбойных нападений, хулиганства, угонов. Скорее всего, не удастся переломить ситуацию увеличения числа совершаемых на улицах краж чужого имущества, что к 2018 году, возможно, приведет к показателю в 9000 таких преступлений.

Структура уличной преступности в Свердловской области в ближайшие пять лет вряд ли изменится, по-прежнему будут преобладать имущественные преступления, прежде всего кражи.

Второй вариант прогноза – пессимистический, предполагающий усиление степени влияния ранее перечисленных негативных факторов экономического, социального, демографического, политического характера.

В этом случае продолжится рост уличной преступности. При этом если учитывать динамику последнего периода, возможно возрастание показателей на 18-19% ежегодно, что к 2018 году приведет к показателю, превышающему 38000 преступлений. Возрастет и доля преступлений, совершаемых на улицах, в общей структуре преступности Свердловской области. Замедлится снижение удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в общей структуре уличной преступности. Намечается прирост преступлений данных категорий, причем если учитывать годовой прирост в 2013 году – на 16% ежегодно.

Если сравнивать только показатели 2013 и 2012 годов, то можно обнаружить рост показателей почти всех основных преступлений, образующих уличную преступность. Если рассматривать данный факт как наметившуюся тенденцию, то к 2018 году можно спрогнозировать увеличение количества совершаемых на улицах убийств до 342 преступлений (+38% ежегодно), причинения тяжкого вреда здоровью – до 479 преступлений (+7% ежегодно), разбоев – до 407 преступлений (+6% ежегодно), хулиганства – до 354 преступлений (+28% ежегодно), краж – до 26808 преступлений (+30% ежегодно), угонов – до 1548 преступлений (+8% ежегодно).

Для исключения развития ситуации по подобному сценарию необходимо предпринять ряд мер, направленных на предупреждение роста уличной преступности:

1. Введение и совершенствование работы аппаратно-программных комплексов «Безопасный город».

(установлено по области 985 камер уличного видеонаблюдения, объединенных в 36 систем

наблюдения, с выводом информации на сервера диспетчерских центров дежурных частей территориальных органов МВД России по муниципальным образованиям СО.

Функционируют 5176 кнопок тревожной сигнализации с выводом сигнала на пункт централизованной охраны отделов вневедомственной охраны, установленные в местах с массовым пребыванием граждан.

Населением используется 82 (на уровне 2013 г.) аппарата экстренной связи «гражданин-полиция» для незамедлительного сообщения в ОВД о совершаемых (совершенных) правонарушениях, из них 23 (на уровне 2013 г.) функционируют на объектах Екатеринбургского метрополитена.

С помощью АПК «Безопасный город» зафиксировано 2117 административных правонарушений, раскрыто 415 преступлений).

Увеличение количества нарядов патрульно-постовой службы полиции на территории обслуживания и оптимизация маршрутов патрулирования в зависимости от времени суток, дня недели, конкретных дат и т.д.

2. Оснащение подразделений патрульно-постовой службы полиции современными средствами связи и коммуникации, специальными средствами, транспортом.
3. Оборудование всех улиц освещением, а также продление времени его работы ночью.

4. Установка систем видеонаблюдения и сокращение времени работы увеселительных заведений.
5. Оснащение технических объектов средствами связи с полицией;
6. Активное привлечение населения к патрулированию улиц посредством возвращения народных дружин в соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 2 апреля 2013 года № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка».
7. Виктимологическая профилактика и работа с населением в отношении того, как не стать жертвой уличного преступления, в том числе в школах, детских досуговых учреждениях и пр.
8. Осуществление работы по социальной адаптации лиц, отбывших наказание за преступления, совершенные на улицах.
9. Совершенствование методов превентивной работы с лицами, склонными к совершению преступлений на улицах, а равно по выявлению таких лиц.

Таким образом, комплексное воздействие на материальную окружающую среду вкупе с виктимологической профилактикой позволит не только значительно сократить число уличных преступлений, но и повысить эффективность работы органов внутренних дел по их предупреждению.

Библиография:

1. Виктимологический аспект уличной преступности // Право, политика, экономика: проблемы развития и взаимосвязи: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 19 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004.
2. Детерминанты уличной преступности // Современное общество и правоохранительные органы: проблемы теории и практики: Сб. трудов докторантов, адъюнктов и соискателей. Вып. 18. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003.
3. Клейменов М.П. Криминология: учебник. Изд. 2-е, испр. и доп. М.:Норма, 2012.

References (transliterated):

1. Viktimologicheskii aspekt ulichnoi prestupnosti // Pravo, politika, ekonomika: problemy razvitiya i vzaimosvyazi: Sb. trudov doktorantov, ad'yunktov i soiskatelei. Vyp. 19 / Pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb.: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2004.
2. Determinanty ulichnoi prestupnosti // Sovremennoe obshchestvo i pravookhranitel'nye organy: problemy teorii i praktiki: Sb. trudov doktorantov, ad'yunktov i soiskatelei. Vyp. 18. Chast' 2 / Pod obshch. red. V.P. Sal'nikova. SPb.: Sankt-Peterburgskii universitet MVD Rossii, 2003.
3. Kleimenov M.P. Kriminologiya: uchebnik. Izd. 2-e, ispr. i dop. M.:Norma, 2012.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Зайцев О.А.

***Аннотация:** В настоящей статье рассматриваются проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Свое развитие государственная защита субъектов процесса получила только в последнее десятилетие прошлого века. Отдельно автор останавливается на необходимости решения проблем, связанных с государственной защитой следователей. Накопление фактического и научного материала по вопросам государственной защиты участников уголовного судопроизводства, происшедшее за последнее время в Российской Федерации, ставит перед научными работниками задачи их систематизации и осмысления. Метод или методология исследования: В процессе исследования были применены общенаучные методы анализа, синтеза и сравнения, а также функциональный метод и системный подход. Научная новизна и выводы: Проведенные исследования показали, что в современный период противоправное воздействие на свидетелей, потерпевших, судей, следователей и других участников уголовного процесса приобрело характер сложной и многоаспектной социально-правовой проблемы. В настоящее время это новое явление распространилось практически на все категории уголовных дел. Также выделяются приоритетные направления проблемы исследований государственной защиты участников уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** Анализ, источник, проблема, государственная защита, участник, уголовное судопроизводство, система, безопасность личности, свидетель, процессуальные действия.*

Обращение к анализу юридических источников позволило сделать вывод о том, что до 1990 года специальных фундаментальных научных исследований, посвященных непосредственно государственной защите участников уголовного судопроизводства, в нашей стране не осуществлялось.

Свое развитие государственная защита субъектов процесса получила только в последнее десятилетие прошлого века. В этот период в нашей стране произошли существенные социально-политические и экономические изменения, что привело к значительному развитию организованной и межнациональной преступности, и, соответственно, к появлению ранее неизвестных

судебно-следственной практике случаев воздействия на участников уголовного судопроизводства. В связи с этим появились первые научные исследования, которые основывались на анализе деятельности следственных подразделений правоохранительных органов, расследующих дела о преступлениях, совершенных участниками организованных структур[1]. Опыт и результаты работы указанных подразделений нашли отражение в многочисленных публицистических статьях в периодической печати[2], информационных и аналитических материалах в юридических журналах [3].

К середине девяностых годов прошлого века противоправное воздействие на участ-

ников уголовного судопроизводства распространилось и на другие категории уголовных дел, в связи с чем, оно приобрело характер масштабной социально-правовой проблемы. Причем давление стало все чаще оказываться не только на свидетелей, потерпевших, и других лиц, содействующих правосудию, но и на следователей, прокуроров и судей, в связи с их профессиональной деятельностью.

К сожалению, правоохранительные органы нашей страны не были готовы к обеспечению государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Это побудило к созданию соответствующих методических материалов, предназначенных для практических работников. ВНИИ МВД России выпустило в 1994 году методическое пособие по обеспечению личной безопасности потерпевших и свидетелей на предварительном следствии, которое было направлено Следственным комитетом МВД РФ во все территориальные подразделения для практического использования[4]. Кроме того, в Информационном бюллетене Следственного комитета были опубликованы статьи, содержащие методические материалы по обеспечению государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации [5].

Авторским коллективом ВНИИ МВД России подготовлено справочное пособие, содержащее подборку законодательных и ведомственных нормативных актов, судебных постановлений по конкретным вопросам, возникающим в практике органов предварительного следствия и дознания при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений. Специальный раздел этой работы был посвящен государственной защите субъектов уголовно-процессуальных отношений[6].

Создавшуюся ситуацию крайне усложнила слабая теоретическая разработанность ранее неизвестных проблем, связанных с массовым противоправным воздействием на участников уголовного судопроизводства. Существовавших научных знаний в области уголовно-процессуального права и смежных с ним наук оказалось недостаточным для решения новых задач познания, ответы на которые явно не укладывались в рамки прежних теоретических представлений[7].

Российские ученые вынуждены были прибегнуть к изучению зарубежного опыта, где достаточно эффективно функционируют развитые системы институтов и механизмов, которые гарантируют защиту прав и свобод свидетелей,

потерпевших и других участников уголовного судопроизводства[8].

В девяностых годах прошлого столетия были проведены первые диссертационные исследования, посвященные государственной защите участников уголовного судопроизводства. Причем эти научные работы привели к открытию новых ранее неизвестных проблем, свидетельствующих о масштабе общей социально-правовой проблемы охраны прав и законных интересов человека и гражданина в рассматриваемой сфере деятельности.

Отдельные авторы проводили специальные исследования криминологических и уголовно-процессуальных вопросов, связанных с правовым статусом конкретных субъектов уголовно-процессуальных отношений[9], уголовно-правовых проблем, возникающих в связи с оказанием гражданами содействия правосудию[10], криминалистических аспектов противодействия преступным посягательствам на лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства [11]. Были защищены кандидатские диссертации, содержание которых составляют непосредственно вопросы обеспечения безопасности определенных групп участников процесса конкретными правоохранительными органами [12].

В большинстве работ был сделан вывод о том, что для создания системы надежных гарантий государственной защиты личности требуется соответствующая правовая база института обеспечения безопасности участников уголовного процесса, что влечет за собой внесение изменений и дополнений, в частности, в уголовно-процессуальное законодательство [13].

Особо значимыми работами для становления института государственной защиты участников судопроизводства стали докторские диссертации, направленные на разрешение комплекса фундаментальных теоретических и прикладных проблем обеспечения личной безопасности в сфере уголовного процесса.

Первой докторской диссертацией в рассматриваемой области стала работа О.А. Зайцева «Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации», защищенная в 1999 году во ВНИИ МВД России, в которой была разработана целостная концепция государственной защиты субъектов уголовно-процессуальных отношений. В ее содержание вошли теоретические положения об объекте концепции, содержании ее

отдельных элементов, месте в системе научного знания, значении для теории и практики работы правоохранительных органов, задачах дальнейшего научного исследования. Основное содержание в системе концепции составили научно обоснованные и апробированные на практике принципы и стандарты государственной защиты участников уголовного судопроизводства, выработанные международным сообществом и воспринятые большинством цивилизованных стран. Другими элементами концепции стали теоретические положения о правовом и организационном обеспечении государственной защиты участников уголовного процесса в Российской Федерации, особенностях расследования уголовных дел, связанных с посягательствами на субъектов процессуальных отношений [14].

Разработанная теоретическая концепция открыла дальнейшие перспективы проведения научных исследований в сфере государственной защиты субъектов уголовно-процессуальных отношений в Российской Федерации. Так, в начале текущего столетия появился целый ряд докторских диссертационных работ, развивающих институт государственной защиты участников уголовного судопроизводства.

В 2003 году в НИИ проблем законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ Л.В. Брусницыным была защищена докторская диссертация «Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию». Несомненным достоинством данной работы является изучение практики Европейского Суда по правам человека, решения которого имеют важное значение для определения допустимости мер защиты в национальном законодательстве. В диссертации изучен опыт ряда зарубежных стран, эффективно применявших меры по защите участников уголовного судопроизводства. Особое внимание заслуживают выявленные Л.В. Брусницыным особенности обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, а также в постпенитенциарный период [15].

Также необходимо отметить докторскую диссертацию Епихина А.Ю. «Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства», защищенную в 2004 году в Нижегородской академии МВД России. В данной работе автор определил общие условия

эффективности функционирования института государственной защиты участников уголовного судопроизводства, обосновал необходимость обеспечения безопасности любого лица, вовлекаемого в процессуальную сферу. Несомненным достоинством данной диссертации является то, что автор комплексно проанализировал нормативно-правовые акты (в том числе новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ), действие которых может быть направлено на защиту участников уголовного судопроизводства [16].

В последствии появился целый ряд кандидатских диссертаций, связанных с различными процессуальными аспектами государственной защиты отдельных групп субъектов уголовно-процессуальной деятельности [17], а также посвященные исследованию проблем обеспечения личной безопасности конкретных участников уголовного судопроизводства [18]. Были защищены кандидатские диссертации, в которые авторы выявляли особенности применения мер безопасности на различных стадиях уголовного судопроизводства [19], в том числе и в отношении определенных субъектов уголовно-процессуальной деятельности [20].

Большинство авторов обращает внимание на создание нового для отечественного законодательства института государственной защиты участников уголовного судопроизводства, позволяющего гарантировать важнейшие конституционные права и свободы личности, обеспечивать безопасность всех лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений [21].

Проведенные исследования показали, что в современный период противоправное воздействие на свидетелей, потерпевших, судей, следователей и других участников уголовного процесса приобрело характер сложной и многоаспектной социально-правовой проблемы. В настоящее время это новое явление распространилось практически на все категории уголовных дел.

При оказании противоправного воздействия на субъектов уголовно-процессуальных отношений, как правило, преследуются самые различные цели. Характер выдвигаемых требований во многом зависит от категории лиц, участвующих в сфере уголовного судопроизводства.

Среди многочисленных способов воздействия на участников уголовного процесса следует выделить следующие:

- преследование с целью оказания психического воздействия, выражающегося в угрозах убийством, расправы, уничтожения

личного имущества, похищения детей и близких, надругательства над престарелыми и малолетними и т.д. (59%);

- подкуп в любом виде и форме (43%);
- шантаж (27%);
- применение физического насилия (16%);
- оскорбление или клевета (13%);
- умышленное уничтожение или повреждение имущества (8%);
- похищение родственников и иных близких (3%);
- совершение террористических актов (2%).

Преступники зачастую не ограничиваются лишь одной формой воздействия и в том случае, если она не дала ожидаемого результата, прибегают к другой, с их точки зрения, более эффективной.

Преступные посягательства и попытки иных противоправных воздействий на участников процесса могут осуществляться самым широким кругом лиц: непосредственно подозреваемыми или обвиняемыми, находящимися на свободе (48%); их родственниками или знакомыми (46%); людьми из окружения лиц, совершивших преступления (35%), не выявленными соучастниками (11%); работниками административных органов (8%); работниками правоохранительных органов (8%); специально нанятыми людьми (7%); лицами, совершившими преступление и находящимся под стражей (3%).

Таким образом, можно сделать вывод, что субъектами преступных посягательств на участников процесса могут быть любые лица, в той или иной степени заинтересованные в принятии незаконных решений по уголовным делам. В орбиту таких посягательств вовлекается достаточно широкий круг людей, порой не имеющих непосредственного отношения к событию расследуемого преступления.

Вероятность противоправных посягательств на участников процесса возрастает в зависимости от тяжести преступного деяния, а его эффективность повышается, если они осуществляются несколькими лицами.

Особую озабоченность вызывает противоправное воздействие на таких участников процесса, как свидетель. Признаками подобного рода воздействия является не просто изменение свидетельских показаний в сторону смягчения вины обвиняемого, а представление целой системы сведений и доказательств, существенным образом изменяющих юридическую формулу обвинения или исключаящую уголовное пре-

следование. При этом свидетели вполне логично объясняют причины появления первоначальных, якобы не соответствующих действительности показаний, мотивы дачи новых «правдивых» показаний и т.п. [22].

Судебной практике известны случаи, как только следствие выходило на ключевые фигуры свидетелей, то они просто устранялись посредством пули наемного убийцы, криминальных взрывов, организацией автокатастроф или других «несчастных случаев» [23].

Но самыми страшными являются расправы преступников над свидетелями, которые в силу своего возраста или других субъективных особенностей не могут оказать им достойного сопротивления. Правоприменительной практике уже известны случаи убийств малолетних, пожилых женщин и других беспомощных свидетелей, которые являлись главными очевидцами преступлений [24].

Отдельно хотелось бы остановиться на необходимости решения проблем, связанных с государственной защитой следователей. В частности, в ходе проведенного исследования авторским коллективом ВНИИ МВД России [25] были получены следующие интересные данные:

Чаще всего в адрес практических работников, осуществляющих предварительное расследование, высказывались угрозы: физической расправы (83%); убийством (33%); насилия над близкими (17%); разглашения сведений, порочащих честь и достоинство (12%); уничтожения имущества (12%).

Накопление фактического и научного материала по вопросам государственной защиты участников уголовного судопроизводства, происшедшее за последнее время в Российской Федерации, ставит перед научными работниками задачи их систематизации и осмысления. Приоритетными направлениями исследований при этом, по мнению автора, являются:

- теоретическое обоснование понятия, видов, оснований и порядка применения государственной защиты участников процесса;
- изучение процесса возникновения и развития концепции государственной защиты субъектов уголовно-процессуальной деятельности, определение ее структуры и содержания;
- характеристика роли и значения общепризнанных международно-правовых принципов и стандартов в сфере государственной

- защиты участников уголовного судопроизводства;
- обобщение наиболее развитых зарубежных систем институтов и механизмов, гарантирующих защиту прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу правосудия;
- выявление новых, более совершенных, приемлемых для нашей страны гуманитарно-правовых средств и способов усиления защищенности участников уголовного судопроизводства;
- разработка системы правовых мер и механизмов государственной защиты субъектов уголовно-процессуальных отношений в Российской Федерации и определение конкретных путей ее реализации на практике;
- определение особенностей возбуждения уголовных дел, производства следственных и процессуальных действий при расследовании посягательств на участников уголовного процесса, особенности судебного разбирательства дел рассматриваемой категории.

Библиография:

1. См.: Зайцев О.А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса по делам организованной преступности. М., 1994; Катков С.А. Проблемы предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных участниками преступных структур // Актуальные проблемы теории и практики борьбы с организованной преступностью в России. М., 1994. Вып. 1. С. 73-76; Данилова Р.В., Новоселов С.А. Противодействие расследованию по делам об организованной преступной деятельности // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1996. С. 24-26 и др.
2. См., напр.: Синдром жертв нападения – это серьезно // За рубежом. 1991, 11-17 окт.; Свидетелей не судят. Их просто убивают // Моск. комсомолец. 1993, 14 апр.; Преступник спокоен, пока защищен свидетель // Труд. 1993, 20 авг.; Свидетелей – в красную книгу // Моск. комсомолец. 1994, 19 мая; Свидетели меняют показания // Известия. 1994, 1 нояб.; Охота на судей // Известия. 1994, 21.январь.; и мн. др.
3. См., напр.: Ведерникова О. Фонд для жертв преступлений // Соц. законность. 1990, № 11. С.26; Латыпов У. Чьи права защищает закон // Сов. милиция. 1990, № 12. С.14; Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса // Сов. юстиция. 1992, № 9-10. С.16; Акрамходжаев Б.Т. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего от преступления. Бюллетень ГСУ МВД. 1991, № 3. С. 33-36; Щерба С.П., Зайцев О.А. Как обеспечить безопасность участников уголовного процесса // Вестник МВД России. 1993, № 5. С.24-29; и др.
4. См.: Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение личных, имущественных и иных прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии // М., 1994.
5. См.: Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии // Информационный бюллетень СК МВД РФ. 1994, № 2 (79). С.35-41; Щерба С.П., Зайцев О.А., Сарсенбаев Т.Е. Обзор следственной практики по расследованию преступлений, совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего // Информационный бюллетень Следственного комитета МВД России. 1995, № 4. С. 19-21; Жулев В.И., Зайцев О.А. и др. Предложения по совершенствованию системы мер государственной защиты жизни, здоровья и имущества следователей и лиц, производящих дознание // Информационный бюллетень Следственного комитета МВД России. 1997, № 2 (91). С. 20-24.
6. Зайцев О.А. Обеспечение безопасности участников процесса // Вопросы расследования преступлений. М., 1995. С.256-260; Зайцев О.А. Обеспечение безопасности участников процесса // Вопросы расследования преступлений. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1997. С.322-331.
7. См.: Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2002. С. 8.
8. См., напр.: Защита свидетелей полицией // Борьба с преступностью за рубежом. 1993. № 9. С. 7-9; Щерба С.П., Зайцев О.А. Защита свидетеля в США // Рос.юстиция. 1994. № 8. С. 52; Защита жертв преступлений в Нидерландах, США и Польше // Опыт правоохранительной деятельности в зарубежных странах. М., 1994. С. 180-182; Князев В.В. Защита свидетелей за рубежом // Полиция и борьба с преступностью за рубежом. М., 1994. С. 17-26; Безнесюк А., Абабков А. Государственная защита лиц, содействующих уголовному судопроизводству (зарубежный опыт, отечественные проблемы) // Рос.юстиция. 1997. № 8. С.38-40 и др.

9. См.: Акрамходжаев Б.Т. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии: Дис... канд. юрид. наук. М., 1992; Вавилова Л.В. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): Дис... канд. юрид. наук. М., 1995; Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. М., 1995; Сарсенбаев Т.Е. Расследование преступлений, совершенных с использованием беспомощного состояния потерпевшего: Дис... канд. юрид. наук. М., 1995; Тихонов А.К. Уголовно-процессуальные меры обеспечения чести, достоинства и личной безопасности потерпевшего и свидетеля: Дис... канд. юрид. наук. М., 1995.
10. См.: Галактионов Е.А. Уголовно-правовые средства борьбы с организованной преступностью: Дис... канд. юрид. наук. М., 1993; Кузьмина С.С. Лжесвидетельство (уголовно-правовые, процессуальные и криминалистические аспекты): Дис... канд. юрид. наук. СПб, 1991; Минеева Г.П. Уголовно-правовая охрана свидетеля и потерпевшего: Дис... канд. юрид. наук. М., 1993; Новичков В.Е. Применение уголовно-правовых норм, поощряющих или обязывающих граждан, оказывать помощь правоохранительным органам: Дис... канд. юрид. наук. М., 1991.
11. См.: Журавлев С.Ю. Противодействие деятельности по раскрытию и расследованию преступлений и тактика его преодоления: Дис... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1992; Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию: Дис... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1992.
12. См., напр.: Марченко С.Л. Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1994; Брусницин Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию, в условиях вооруженных сил Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997; Юнусов А.А. Обережение участников уголовного процесса и их близких: Дисс. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 1998.
13. См.: Зайцев О.А. Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 1999.
14. См.: Брусницын Л.В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: Дисс. ... докт. юрид. наук. М., 2003.
15. См.: Епихин А.Ю. Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: Дисс. ... докт. юрид. наук. Н.Новгород, 2004.
16. См.: Войников В.В. Тактика обеспечения безопасности в уголовном судопроизводстве: Дисс. ... канд. юрид. наук., Калининград, 2002; Жариков Е. В. Дифференциация уголовного процесса как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Дисс. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2004; Шевченко К.Д. Процессуальные аспекты государственной защиты потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004; Фадеева М.П. Теория и практика государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Левченко О.В. Уголовно-процессуальные меры безопасности участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, содействующих правосудию: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
17. Игнатьева М.В. Процессуальные и организационные вопросы соблюдения прав и законных интересов потерпевших и обеспечение их личной безопасности: Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000; Евстратенко Е.В. Защита свидетелей и потерпевших в уголовном процессе России: Дисс. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004; Тимошенко А.А. Сохранение в тайне данных о личности потерпевшего и свидетеля как уголовно-процессуальная мера безопасности: Дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006; Мищенко И.А. Защита свидетелей и потерпевших в российском уголовном судопроизводстве: Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008; Крайнов В.И. Особенности государственной защиты потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
18. См.: Янин С.А. Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005; Москаленко А.В. Особенности государственной защиты участников уголовного процесса в ходе судебного заседания. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
19. Бабкина Е.В. Обеспечение безопасности свидетелей при производстве предварительного расследования по УПК РФ: Дисс. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009; Харитонов И.В. Уголовно-

- процессальные меры безопасности, применяемые в отношении потерпевшего в досудебных стадиях: Дисс. ...канд.юрид.наук. М., 2010; Курбанмагомедов Т.К. Государственная защита потерпевших при производстве в суде первой инстанции в уголовном процессе России: Дисс. ...канд.юрид.наук. М., 2011.
20. См., напр.: Брусницын Л. В. Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2003. С. 135.
 21. См.: Бабаева Э., Ефимов И. Противодействие изменению показаний обвиняемыми и свидетелями // Законность. 1997. N 1. С.5-8.
 22. См.: Глушенков С.А. Организованное противодействие расследованию уголовных дел: теория и практика // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации. М., 1997. С.152.
 23. См.: Ребенка-свидетеля грабители утопили в ванне // Моск.комсомолец. 1995, 11 марта; Лучший свидетель-мертвый свидетель // Рос.газета. 1995. 24 нояб.
 24. Авторским коллективом НИЛ-4 ВНИИ МВД России в составе В.Г.Баяхчева, В.И.Жулева, О.А.Зайцева, Е.И.Майоровой и Т.И.Степановой проведено анкетирование и опрошено 128 следователей и лиц, производящих дознание, работающих в системе органов внутренних дел Москвы, Вологды, Волгограда, Саратова, Рязани и ряда других регионов РФ.

References (transliterated):

1. См.: Zaitsev O.A. Obespechenie bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo protsessa po delam organizovannoi prestupnosti. M., 1994; Katkov S.A. Problemy predvaritel'nogo sledstviya po delam o prestupleniyakh, sovershennykh uchastnikami prestupnykh struktur // Aktual'nye problemy teorii i praktiki bor'by s or-ganizovannoi prestupnost'yu v Rossii. M., 1994. Vyp. 1. S. 73-76; Danilova R.V., Novoselov S.A. Protivodeistvie rassledovaniyu po delam ob organizovannoi prestupnoi deyatel'nosti // Organizovannoe protivodeistvie raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenii i mery po ego neutralizatsii. M., 1996. S. 24-26 i dr.
2. См., напр.: Sindrom zhertv napadeniya – eto ser'ezno // Za rubezhom. 1991, 11-17 okt.; Svidetelei ne sudyat. Ikh prosto ubivayut // Mosk.komsomolets. 1993, 14 apr.; Prestupnik spokoen, poka bezzashchiten svidetel' // Trud. 1993, 20 avg.; Svidetelei – v krasnuyu knigu // Mosk. komsomolets. 1994, 19 maya; Svidetelei menyayut pokazaniya // Izvestiya. 1994, 1 noyab.; Okhota na sudei // Izvestiya. 1994, 21.yanv.; i mn. dr.
3. См., напр.: Vedernikova O. Fond dlya zhertv prestuplenii // Sots. zakonnost'. 1990, № 11. S.26; Latypov U. Ch'i prava zashchishchaet zakon // Sov. militsiya. 1990, № 12. S.14; Shcherba S.P., Zaitsev O.A. Obespechenie bezopasnosti uchastnikov ugolovnogo protsessa // Sov. yustitsiya. 1992, № 9-10. S.16; Akramkhodzhaev B.T. Obespechenie prav i zakonnykh interesov poterpevshego ot prestupleniya. Byulleten' GSU MVD. 1991, № 3. S. 33-36; Shcherba S.P., Zaitsev O.A. Kak obespechit' bezopasnost' uchastnikov ugolovnogo protsessa // Vestnik MVD Rossii. 1993, № 5. S.24-29; i dr.
4. См.: Shcherba S.P., Zaitsev O.A. Obespechenie lichnykh, imushchestvennykh i inykh prav po-terpevshevik i svidetelei na predvaritel'nom sledstvii // M., 1994.
5. См.: Shcherba S.P., Zaitsev O.A. Obespechenie prav poterpevshevik i svidetelei na pred-varitel'nom sledstvii // Informatsionnyi byulleten' SK MVD RF. 1994, № 2 (79). S.35-41; Shcherba S.P., Zaitsev O.A., Sarsenbaev T.E. Obzor sledstvennoi praktiki po rassledovaniyu prestuplenii, sovershennykh s ispol'zovaniem bespomoshchnogo sostoya-niya poterpevshego // Informatsionnyi byulleten' Sledstvennogo komiteta MVD Ros-sii. 1995, № 4. S. 19-21; Zhulev V.I., Zaitsev O.A. i dr. Predlozheniya po sovershenstvo-vaniyu sistemy mer gosudarstvennoi zashchity zhizni, zdorov'ya i imushchestva sledovatelei i lits, proizvodiyashchikh doznanie // Informatsionnyi byulleten' Sledstvennogo ko-miteta MVD Rossii. 1997, № 2 (91). S. 20-24.
6. Zaitsev O.A. Obespechenie bezopasnosti uchastnikov protsessa // Voprosy rassledova-niya prestuplenii. M., 1995. S.256-260; Zaitsev O.A. Obespechenie bezopasnosti uchast-nikov protsessa // Voprosy rassledovaniya prestuplenii. Izd. 2-e, pererab. i dop. M., 1997. S.322-331.
7. См.: Zaitsev O.A. Gosudarstvennaya zashchita uchastnikov ugolovnogo protsessa. M., 2002. S. 8.

8. Sm., napr.: Zashchita svidetelei politsiei // Bor'ba s prestupnost'yu za rubezhom. 1993. № 9. S. 7-9; Shcherba S.P., Zaitsev O.A. Zashchita svidetelya v SShA // Ros.yustitsiya. 1994. № 8. S. 52; Zashchita zhertv prestuplenii v Niderlandakh, SShA i Pol'she // Opyt pravookh-ranitel'noi deyatel'nosti v zarubezhnykh stranakh. M., 1994. S. 180-182; Knyazev V.V. Za-shchita svidetelei za rubezhom // Politsiya i bor'ba s prestupnost'yu za rubezhom. M., 1994. S. 17-26; Beznesyuk A., Ababkov A. Gosudarstvennaya zashchita lits, sodeistvuyushchikh ugovnomu sudoproizvodstvu (zarubezhnyi opyt, otechestvennye problemy) // Ros.yustitsiya. 1997. № 8. S.38-40 i dr.
9. Sm.: Akramkhodzhaev B.T. Obespechenie prav i zakonnykh interesov poterpevshego na predvaritel'nom sledstvii: Dis... kand. yurid. nauk. M., 1992; Vavilova L.V. Organi-zatsionno-pravovye problemy zashchity zhertv prestuplenii (po materialam zarubezhnoi praktiki): Dis... kand. yurid. nauk. M., 1995; Epikhin A.Yu. Zashchita zakonnykh prav i interesov svidetelya v ugovnom protsesse: Dis... kand. yurid. nauk. M., 1995; Sarsenbaev T.E. Rassledovanie prestuplenii, sovershennykh s ispol'zovaniem bespomoshchnogo sostoyaniya poterpevshego: Dis... kand. yurid. nauk. M., 1995; Tikhonov A.K. Ugolovno-protsessual'nye mery obespecheniya chesti, dostoinstva i lichnoi bezopasnosti poterpevshego i svidetelya: Dis... kand. yurid. nauk. M., 1995.
10. Sm.: Galaktionov E.A. Ugolovno-pravovye sredstva bor'by s organizovannoi pre-stupnost'yu: Dis... kand. yurid. nauk. M., 1993; Kuz'mina S.S. Lzhesvidetel'stvo (ugo-lovno-pravovye, protsessual'nye i kriminalisticheskie aspekty): Dis... kand. yurid. nauk. Spb, 1991; Mineeva G.P. Ugolovno-pravovaya okhrana svidetelya i poterpevshego: Dis... kand. yurid. nauk. M., 1993; Novichkov V.E. Primenenie ugovno-pravovykh norm, pooshchryayushchikh ili obyazyvayushchikh grazhdan, okazyvat' pomoshch' pravookhranitel'nym organam: Dis... kand. yurid. nauk. M., 1991.
11. Sm.: Zhuravlev S.Yu. Protivodeistvie deyatel'nosti po raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenii i tak-tika ego preodoleniya: Dis... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 1992; Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodeistviya predvaritel'-nomu rassledovaniyu: Dis... dokt. yurid. nauk. Ekaterinburg, 1992.
12. Sm., napr.: Marchenko S.L. Obespechenie bezopasnosti uchastnikov ugovnogo protsessa: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 1994; Brusnitsin L.V. Pravovoe obespechenie bezopasnosti lits, sodeistvuyushchikh ugovnomu pravosudiyu, v usloviyakh vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii: Diss. ...kand. yurid. nauk. M., 1997; Yunusov A.A. Oberezhenie uchastnikov ugovnogo protsessa i ikh blizkikh: Diss. ...kand. yurid. nauk. N.Novgorod, 1998.
13. Sm.: Zaitsev O.A. Teoreticheskie i pravovye osnovy gosudarstvennoi zashchity uchast-nikov ugovnogo sudoproizvodstva v Rossiiskoi Federatsii: Diss. ...dokt.yurid.nauk. M., 1999.
14. Sm.: Brusnitsyn L.V. Teoretiko-pravovye osnovy i mirovoi opyt obespecheniya bezo-pasnosti lits, sodeistvuyushchikh ugovnomu pravosudiyu: Diss. ...dokt.yurid.nauk. M., 2003.
15. Sm.: Epikhin A.Yu. Kontseptsiya obespecheniya bezopasnosti lichnosti v sfere ugovnogo sudoproizvodstva: Diss. ...dokt.yurid.nauk. N.Novgorod, 2004.
16. Sm.: Voinikov V.V. Taktika obespecheniya bezopasnosti v ugovnom sudoproizvodstve: Diss. ... kand. yurid. nauk., Kaliningrad, 2002; Zharikov E. V. Differentsiatsiya ugovnogo protsessa kak sredstvo obespecheniya bezopasnosti lits, sodeistvuyushchikh ugo-lovnomu sudoproizvodstvu: Diss. ... kand. yurid. nauk. Barnaul, 2004; Shevchenko K.D. Protsessual'nye aspekty gosudarstvennoi zashchity poterpevshevik, svidetelei i drugikh lits, sodeistvuyushchikh ugovnomu sudoproizvodstvu: Diss. ... kand.yurid.nauk. M., 2004; Fadeeva M.P. Teoriya i praktika gosudarstvennoi zashchity lits, sodeistvuyushchikh ugo-lovnomu sudoproizvodstvu: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2006; Levchenko O.V. Ugo-lovno-protsessual'nye mery bezopasnosti uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva so storony zashchity, sodeistvuyushchikh pravosudiyu: Diss. ...kand.yurid.nauk. M., 2008.
17. Ignat'eva M.V. Protsessual'nye i organizatsionnye voprosy soblyudeniya prav i zakonnykh interesov poterpevshevik i obespechenie ikh lichnoi bezopasnosti: Diss. ... kand. yurid. nauk. M., 2000; Evstratenko E.V. Zashchita svidetelei i poterpevshevik v ugovnom protsesse Rossii: Diss. ...kand.yurid.nauk. Che-lyabinsk, 2004; Timoshenko A.A. Sokhranenie v taine dannykh o lichnosti poterpevshego i svidetelya kak ugovno-protsessual'naya mera bezopasnosti: Diss. ... kand. yurid. nauk. SPb., 2006; Mishchenkova I.A. Zashchita svidetelei i poterpevshevik v rossiiskom ugovnom sudoproizvodstve: Diss. ...kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2008; Krainov V.I. Osobennosti gosudarstven-noi zashchity poterpevshego i svidetelya v ugovnom sudoproizvodstve. Diss. ...kand. yurid. nauk. M., 2008.

18. См.: Yanin S.A. Pravovye i organizatsionno-takticheskie problemy gosudarstvennoi zashchity lits, sodeistvuyushchikh ugovnomu sudoproizvodstvu, na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: Diss. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2005; Moskalenko A.V. Osobennosti gosudarstvennoi zashchity uchastnikov ugovnogo protsessa v khode sudebnogo zasedaniya. Diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2006.
19. Babkina E.V. Obespechenie bezopasnosti svidetelei pri proizvodstve predvaritel'nogo rassledovaniya po UPK RF: Diss. ...kand.yurid.nauk. Vladimir, 2009; Kharitonov I.V. Ugolovno-protsessal'nye mery bezopasnosti, primenyaemye v otnoshenii poterpevshego v dosudebnykh stadiyakh: Diss. ...kand.yurid.nauk. M., 2010; Kurbanmagomedov T.K. Gosudarstvennaya zashchita poterpevshikh pri proizvodstve v sude pervoi instantsii v ugovnom protsesse Rossii: Diss. ...kand.yurid.nauk. M., 2011.
20. См., напр.: Brusnitsyn L. V. Teoretiko-pravovye osnovy i mirovoi opyt obespecheniya bezopasnosti lits, sodeistvuyushchikh ugovnomu pravosudiyu: Dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2003. S. 135.
21. См.: Babaeva E., Efimov I. Protivodeistvie izmeneniyu pokazanii obvinyaemymi i svidetelyami // Zakonnost'. 1997. N 1. S.5-8.
22. См.: Glushenkov S.A. Organizovannoe protivodeistvie rassledovaniyu ugovnykh del: teoriya i praktika // Organizovannoe protivodeistvie raskrytiyu i rassledovaniyu prestuplenii i mery po ego neutralizatsii. M., 1997. S.152.
23. См.: Rebenka-svidetelya grabiteli utopili v vanne // Mosk.komsomolets. 1995, 11 marta; Luchshii svidetel'-mertvyi svidetel' // Ros.gazeta. 1995. 24 noyab.
24. Avtorskim kollektivom NIL-4 VNII MVD Rossii v sostave V.G.Bayakhcheva, V.I.Zhuleva, O.A.Zaitseva, E.I.Maierovoi i T.I.Stesnovoi provedeno anketirovaniye i oprosheno 128 sledovatelei i lits, proizvodyashchikh doznanie, rabotayushchikh v sisteme organov vnutrennikh del Moskvy, Vologdy, Volgograda, Saratova, Ryazani i ryada drugikh regionov RF.

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ СОСТАВА ХИЩЕНИЯ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

Ермакова О.В.

***Аннотация:** В настоящей статье рассматриваются особенности конструкции состава хищения предметов, имеющих особую ценность, связанные с тем обстоятельством, что данный состав объединяет различные формы хищений, составы которых по конструкции объективной стороны не совпадают, поскольку разбой сконструирован по типу усеченного состава. Сложности в определении законодательной конструкции негативно сказываются на установлении момента окончания хищения предметов, имеющих особую ценность, а также на квалификации данного преступления. Метод или методология исследования: Применив общенаучные методы анализа и сравнения, проанализирована законодательная конструкция состава хищения предметов, имеющих особую ценность, а также момент окончания данного преступления. Научная новизна и выводы: На основе проведенного исследования конструкции состава хищения предметов, имеющих особую ценность, автором предлагается конструировать все формы хищения по типу материального состава, изменив конструкцию состава разбоя. В этом случае, состав хищения предметов, имеющих особую ценность однозначно будет считаться материальным, а преступление окончено с момента изъятия имущества и получения виновным возможности пользоваться или распоряжаться похищенным по своему усмотрению.*

***Ключевые слова:** Особенность, законодательная конструкция, состав, хищение, предмет, особая ценность, материальный состав, имущественный ущерб, владелец имущества, утрата имущества.*

Предупреждение любых преступлений невозможно без правильной квалификации, позволяющей привлечь виновное лицо к уголовной ответственности и назначить справедливое наказание. Вместе с тем, квалификация преступления неосуществима без разрешения вопроса окончено ли преступление либо представляет собой неоконченную преступную деятельность. В свою очередь момент окончания преступления основывается на особенностях конструкции состава преступления. И в том случае, если правоприменительные органы не могут определить конструкцию состава след-

ствие особенностей ее построения, квалификация преступления всегда вызывает сложности.

Примером такой сложной конструкции, порождающей ошибки в квалификации преступления, выступает конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ. Особенность объективной стороны хищения предметов, имеющих особую ценность, заключается в том, что ответственность наступает независимо от способа совершения хищения (его формы). Однако конструкции составов и моменты окончания различных форм хищений в настоящее время не

совпадают. Если кража, мошенничество, присвоение, растрата, грабеж имеют по действующему законодательству материальный состав, то разбой – формальный, в связи с чем он признается оконченным не с момента причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества, а с момента нападения, совершенного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

Анализ научной литературы показывает, что по вопросу о моменте окончания хищения предметов, имеющих особую ценность, высказаны две точки зрения.

Одни авторы придерживаются мнения о том, что при определении конструкции состава и момента окончания преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, необходимо руководствоваться понятием хищения, закрепленным в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, независимо от особенностей момента окончания конкретных форм хищения[1]. Например, Н.А. Лопашенко указывает: «Поскольку законодатель определяет преступление как хищение, постольку деяние обладает всеми его признаками. Момент окончания этого хищения, как и хищения в целом, определяется согласно примечанию статьи 158 УК РФ. Состав преступления материальный. Следует специально оговорить, что это положение распространяется и на такую форму хищения как разбой, который по ст. 162 УК РФ имеет более раннюю стадию окончания преступления. Предложенное толкование является единственно возможным в связи с тем, что законодатель оперирует понятием «хищение», которое точно определяется в примечании к статье 158 УК РФ» [2].

Другие исследователи при определении конструкции состава и момента окончания хищения предметов, имеющих особую ценность, предлагают руководствоваться правилами установления момента окончания конкретных форм хищений[3]. Так, А.П. Севрюков отмечает: «...общепризнано, что состав разбоя не материальный, а формальный. В этой связи указанное деяние признается оконченным в момент нападения, а не в момент завладения имуществом. При разбойном нападении с целью хищения предметов или документов, имеющих особую ценность, юридическая природа разбоя не изменяется, преступление остается оконченным с момента нападения со всеми вытекающими из этого факта юридическими последствиями» [4].

Вторая позиция является более распространенной в научной литературе. Ее придерживается и Верховный Суд РФ, если судить по разъяснениям, данным им в отношении хищения либо вымога-

тельства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ). Этот состав также сформулирован законодателем таким образом, что сам факт ответственности не ставится в зависимость от формы хищения, некоторые способы совершения преступления влияют лишь на дифференциацию ответственности. Поэтому возникает аналогичный вопрос о моменте окончания преступления в случае совершения его в форме разбоя. В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» сказано: «Хищение огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств путем разбойного нападения ... следует считать оконченным с момента нападения с целью завладения этими предметами, соединенного с насилием, опасным для жизни или здоровья, или с угрозой применения такого насилия» [5].

На наш взгляд, поскольку законодатель в ч. 1 ст. 164 УК РФ использует термин «хищение», все признаки хищения, вытекающие из примечания 1 к ст. 158 УК РФ, должны относиться и к хищению предметов, имеющих особую ценность. Исходя из родового понятия хищения, преступление, предусмотренное ст. 164 УК РФ, имеет материальный состав и должно считаться оконченным с момента причинения ущерба собственнику или иному владельцу имущества. Кроме того, указание в ст. 164 УК РФ на тот факт, что «способ хищения» значения не имеет, еще раз подчеркивает необходимость при определении момента окончания руководствоваться общей нормой о хищении, независимо от особенностей момента окончания конкретной формы хищения.

С другой стороны, можно согласиться и с тем доводом, что определение одного и того же преступления, в частности, разбоя, в ст. 162 УК РФ в качестве формального состава, а в ст. 164 УК РФ – в качестве материального, невозможно, это приводит к парадоксальной ситуации, которая описывается в научной литературе. Так, О.Ф. Шишов указывает на то, законодательная конструкция ст. 164 УК РФ порождает казусы: разбойное нападение на винно-водочную палатку будет считаться оконченным в момент нападения на сторожа, а разбойное нападение на музей с целью похищения картин, являющихся шедеврами мирового искусства, будет признано оконченным не в момент нападения на охранника, соединенного с применением насилия,

опасного для жизни или здоровья, а в момент фактического завладения музейными сокровищами[6].

Для разрешения сложившегося противоречия наиболее оптимальным будет изменение конструкции состава разбоя. Думается, преступления, объединенные понятием «хищение», должны отвечать признакам последнего, а именно, иметь материальный состав и признаваться оконченными

только при причинении имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества, выраженного в утрате имущества. Если момент окончания всех хищений определять единообразно в соответствии с примечанием 1 к ст. 158 УК РФ, то вопрос об определении момента окончания хищения предметов, имеющих особую ценность, будет исчерпан.

Библиография:

1. Братанов В.В. Формы хищения предметов, имеющих особую ценность // Уголовное право. – 2007. – № 1. – С. 8-10.
2. Верин В.П. Преступления в сфере экономики : учебно-практическое пособие. – М., 2003.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. О.Ф. Шишова. – М., 1998.
4. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности: теоретико-прикладное исследование. – М., 2005.
5. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону. – М., 2006.
6. Севрюков А.П. Хищение имущества: криминологические и уголовно-правовые аспекты. – М., 2004.

References (transliterated):

1. Bratanov V.V. Formy khishcheniya predmetov, imeyushchikh osobuyu tsennost' // Uголовное право. – 2007. – № 1. – S. 8-10.
2. Verin V.P. Prestupleniya v sfere ekonomiki : uchebno-prakticheskoe posobie. – M., 2003.
3. Kommentarii k Uголовnomu kodeksu RF / pod red. O.F. Shishova. – M., 1998.
4. Lopashenko N.A. Prestupleniya protiv sobstvennosti: teoretiko-prikladnoe issledovanie. – M., 2005.
5. Lopashenko N.A. Prestupleniya v sfere ekonomiki: avtorskii kommentarii k uголовnomu zakonu. – M., 2006.
6. Sevryukov A.P. Khishchenie imushchestva: kriminologicheskie i uголовno-pravovye aspekty. – M., 2004.

К ВОПРОСУ О НОВЕЛЛАХ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В СВЕТЕ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ

Кадников Н.Г.

Аннотация: В данной статье приведен анализ современного состояния уголовного закона в свете теории криминализации и декриминализации. Автор статьи также уделяет значительное внимание тенденции уголовной политики в которой в полной мере отражаются процессы криминализации и декриминализации деяний. Автор отмечает, что декриминализация может осуществляться путем исключения уголовной наказуемости деяния и признанием его не общественно опасным или правомерным либо переводом его в разряд административного, дисциплинарного или гражданско-правового деликта. Метод или методология исследования: Использование исторического, формально-логического, системного методов познания позволило автору проанализировать уголовного закона в свете теории криминализации и декриминализации. Недостатки уголовно-правового законотворчества, издержки криминализации могут привести к нежелательным последствиям: к появлению пробелов в уголовно-правовом регулировании, избыточной репрессивности, отсутствию необходимого толкования. Чрезмерная криминализация подрывает сразу два принципа уголовно-правовой политики: принцип экономии уголовной репрессии, поскольку к ответственности привлекается неоправданно большое число граждан, и принцип неотвратимости ответственности, поскольку еще чаще такой закон на практике применяться перестает.

Ключевые слова: Новелла, уголовный закон, теория криминализации, пробел, преступление, признак, состав, принцип, определение, де-криминализации.

Криминализация и декриминализация – это понятия неразрывно связанные с уголовной политикой. Тенденции уголовной политики в полной мере отражаются в процессе криминализации и декриминализации деяний. Криминализация – это процесс выявления общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых. Соответственно декриминализацию можно определить

как процесс установления оснований отпадения общественной опасности деяний, признания нецелесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и отмены их уголовной наказуемости. При этом декриминализация может осуществляться путем исключения уголовной наказуемости деяния и признанием его не общественно опасным или правомерным либо переводом его в разряд административного, дисциплинарного или гражданско-правового деликта.

Недостатки уголовно-правового законотворчества, издержки криминализации могут

привести к нежелательным последствиям: к появлению пробелов в уголовно-правовом регулировании, избыточной репрессивности, отсутствию необходимого толкования. Чрезмерная криминализация подрывает сразу два принципа уголовно-правовой политики: принцип экономии уголовной репрессии, поскольку к ответственности привлекается неоправданно большое число граждан, и принцип неотвратимости ответственности, поскольку еще чаще такой закон на практике применяется перестает.

Одним из наиболее распространенных способов криминализации является отнесение определенных общественно опасных деяний к числу преступных путем закрепления признаков составов соответствующих преступлений в нормах Особенной части уголовного законодательства. Именно по такому пути идет процесс криминализации в последнее время. Однако и этот с виду простой способ криминализации требует научного подхода и соблюдения определенных правил. Важно четко определить, в чем состоит опасность деяния, какова его распространенность, не будет ли противоречить криминализация деяния нормам Конституции РФ, есть ли возможность противостояния данному деянию с помощью норм иных отраслей законодательства, возможно ли объективно осуществлять доказывание этого деяния. Увы, но все чаще законодатель не в полной мере соблюдает соответствующие правила, что влияет на качество вновь принимаемых норм и отражается на практике их применения.

Можно для примера взять несколько новелл уголовного закона и сделать вывод об обоснованности криминализации соответствующих деяний.

Яркий пример спорной криминализации – декриминализация и через год вновь криминализация клеветы (ст.128¹ УК). Что изменилось в опасности этого деяния, какие аргументы убедили законодателя, осталось невыясненным.

Декриминализировали оскорбление гражданина, но оставили оскорбление участников судопроизводства в рамках неуважения к суду (ст.297 УК) представителя власти (ст.319 УК) и ввели новый самостоятельный состав в ст. 148 УК – оскорбление чувств верующих. В этом случае есть противоречия с Конституцией РФ, в соответствии с которой честь и достоинство человека имеют приоритет.

В соответствии со ст.28 Конституции РФ: «Каждому гарантируется свобода совести,

свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними». Согласно ст. 3 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013): «1. В Российской Федерации гарантируются свобода совести и свобода вероисповедания, в том числе право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними...3. Установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается». По мнению законодателя, оскорблять чувства верующих запрещено уголовным законом, а чувства неверующих остались вне уголовно-правовой охраны.

Не в полной мере соответствует правилам криминализации включение в УК специальных норм о мошенничестве в различных сферах. Кто определил приоритетные сферы, как определялось наказание в общей и специальных нормах, до сих пор идут споры о целесообразности таких норм. Суды по одинаковым деяниям нередко принимают разные решения: о признании мошенничества как преступления против собственности и как деяния в предпринимательской сфере. Судебное толкование по применению специальных норм об ответственности за мошенничество отсутствует.

Следует согласиться с законодателем по поводу декриминализации товарной контрабанды и с дифференциацией контрабанды на различные составы, исходя из опасности предмета преступления (наиболее точная новелла – ст.226¹ УК РФ, где речь идет о наркотических средствах и психотропных веществах), но вот контрабанда по ст.229¹ УК РФ вообще охватывает совершенно разные предметы, что не отвечает принципам системности и дифференциации. Наиболее спорно выделение контрабанды денежных сумм или денежных инструментов (ст.200¹ УК). Такая контрабанда напоминает товарную, т.к. деньги также являются товаром и не изъяты из свободного гражданского оборота. Таможня находится под контролем и было бы достаточно

административной ответственности, тем более, что разница между преступлением и правонарушением в размере перевозимых денег, которые также сложно считать, если это совершается группой лиц. Распространенность таких деяний очень низкая – 10 дел в год. Наряду с этим есть и самостоятельная статья в этой сфере – ст. 194 УК (Уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица). Трудно представить себе лицо, пытающееся перевезти мешки наличных денег с учетом современных технологических возможностей.

Можно поддержать законодателя в том, что потребление незаконных услуг сексуального характера представляет опасность для общества, государства, граждан, особенно с точки зрения общественной нравственности, здоровья населения. Однако криминализировали только получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240¹ УК). Но получается, что фактически узаконили оказание сексуальных услуг совершеннолетними, хотя проституция признана административным правонарушением. Может быть, здесь с учетом административной преюдиции предусмотреть состав преступления для всех субъектов, независимо от возраста, получающих незаконные услуги сексуального характера?

Не в полной мере соответствует правилам криминализации, на наш взгляд, установление уголовной ответственности за нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия (статья 243¹ УК) и незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания (статья 243² УК). Опасность этих действий вряд ли соответствует уровню преступления, тем более что власть сама мало заботится о сохранении таких объектов, заменяя их новоделами. На наш взгляд, достаточно административно-правовой ответственности.

Существенная неточность допущена при криминализации деяния в рамках ст. 263¹ УК (Нарушение требований в области транспортной безопасности). Во-первых, ч.1 и 2 данной статьи ответственность установлена, по сути, за аналогичные деяния (диспозиции этих норм могли бы быть объединены в одну). В ч. 3 и 4

данной статьи предусмотрена повышенная ответственность за действия, совершенные в ч.1 и 2, но в соучастии, хотя такая конструкция противоречит субъективным признакам соучастия. Деяния, представленные в ч.1 и 2 данной статьи, являются неосторожными преступлениями, в связи с чем их квалифицированные виды не могут быть умышленными преступлениями и тем более не могут совершаться в соучастии. Если указанные лица действовали в соучастии, т.е. предвидели наступление последствий своего бездействия, желали либо допускали их. В таких случаях их деяния содержат признаки диверсии, ответственность за которую предусмотрена ст.281 УК.

Не совсем ясно, в чем состоит опасность деяния, ответственность за которое установлена ст.330² УК (Неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве)? Как это отражается на безопасности государства, на управленческой политике? Санкции за это преступление фактически подтверждают его отношение к иным правонарушениям (наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года либо обязательными работами на срок до четырехсот часов). Данному деянию можно противодействовать в рамках административной противоправности.

Следует поддержать законодателя в его стремлении подчеркнуть опасность нацизма и его реабилитации, как наиболее опасного проявления деяний, посягающих в конечном итоге на мир и безопасность человечества. В ст. 354¹ (Реабилитация нацизма) устанавливается ответственность за публичное отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором. Вместе с тем, установление в этой части данной статьи ответственности за распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны не в полной мере соответствует общему названию статьи и представляет, на наш взгляд, самостоятельный состав преступления.

Кроме того, в ч. 3 ст. 354¹ УК РФ предусмотрена ответственность за два совершенно не связанных с реабилитацией нацизма деяния: распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично. Это внешне напоминает специальные составы клеветы (в части распространения сведений) и оскорбления (в части осквернение символов воинской славы России), но и в этом случае сформулированных не в полном соответствии с критериями юридической техники. Эти проблемы могут возникнуть и при практическом применении данной статьи. В связи с наличием данных проблем требуется тщательное официальное либо судебное толкование.

Есть и другие новеллы, которые не в полной мере, на наш взгляд, соответствуют правилам криминализации.

Однако нельзя не сказать об отдельных законодательных решениях в сфере уголовно-правового регулирования, не способствующих сохранению такого важного принципа, как системность норм уголовного права.

Например, внесены изменения в ст.15 УК, в соответствии с которыми источником уголовного права становится не только уголовный закон, но и решение суда о снижении категории преступления. У суда есть много других возможностей, чтобы индивидуализировать наказание, а не создавать прецеденты изменения закона по судебному решению, а не по воле законодателя.

В ст.35 УК признаки преступного сообщества не в полной мере соответствуют признакам преступного сообщества, определенного в ст.210 УК, что может привести к неправильной квалификации.

В последнее время взят курс на включение в УК новых норм, предусматривающих самостоятельную ответственность за приготовление к преступлению, пособничество и подстрекательство, т.е. не соблюдение правил квалификации преступлений со ссылкой на ст.30 и 33 УК (например: в ч.3 ст. 205¹ содержится самостоятельный состав – «Пособничество в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 настоящего Кодекса»; в ст. 205³ закреплён состав преступления, фактически означающий приготовление к террористической деятельности – «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности»; в ч.5 ст.291¹ установлена ответственность за приготовление к посредничеству во взяточничестве – «Обещание или предложение посредничества во взяточничестве». Как представляется, игнорирование правил, установленных нормами Общей части уголовного права, приведет к трудностям в судебной практике.

Важное и своевременное решение принято законодателем по механизму уголовно-правового регулирования и осуществлению официального толкования по применению уголовного закона в новых субъектах Федерации (Республика Крым и г. Севастополь), это позволит минимизировать возникающие проблемы (Федеральный закон от 05.05.2014 № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»). Однако удивляет одна неточность в терминологии. Преступление в законе о применении уголовного закона в новых субъектах федерации названо уголовным правонарушением (выделяются также состав и событие уголовного правонарушения). Уголовное право РФ не оперирует такими понятиями, в данном случае речь идет о преступлении. Возможно, это сделано для последующего изменения закона, но было бы лучше не менять устоявшиеся понятия и определения.

Библиография:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. N 25 ст. 2954, в редакции федерального закона от 23 мая 2015 г. N 129-ФЗ

References (transliterated):

1. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii // Sbranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17 iyunya 1996 g. N 25 st. 2954, v redaktsii federal'nogo zakona ot 23 maya 2015 g. N 129-FZ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ УРФО)

Леготин М.П.

***Аннотация:** В данной статье приведен анализ современного состояния и динамики распространения экстремизма на территории Российской Федерации и Уральского федерального округа. Посредством применения методов общенаучного и частнонаучного толка дана криминологическая характеристика наиболее опасной из форм проявления экстремистской деятельности – молодежному экстремизму. В данной статье обосновывается необходимость разработки эффективных мер, которые направлены на борьбу с экстремизмом в молодежной среде, как теоретическом, так и в практическом аспектах. Метод или методология исследования: Для достижения цели более глубокого осознания проблемы распространения экстремизма в молодежной среде были применены общенаучные и частно-научные методы, а именно: метод от конкретного к абстрактному, анализа, синтеза, структурно-логический метод, статистический, метод сравнительно-правового анализа и иные методы научного исследования. Научная новизна и выводы: На основании проведенного нами исследования одних из наиболее ярких аспектов проявления преступности экстремистской направленности, совершаемых молодежью, посредством использованных методов в статье предложены меры, которые могут лечь в основу успешной борьбы с указанным противоправным явлением, которые носят общесоциальный и специально-криминологический характер.*

***Ключевые слова:** Характеристика, экстремизм, молодежь, социальная группа, скинхеды, Конфликт, семья, занятость, образование, поколение.*

На сегодняшний день проблема противодействия молодежному экстремизму является крайне актуальной. Молодежь – это особая социально-возрастная группа, отличающаяся возрастными рамками и своим статусом в обществе, характеризующаяся переходом от детства и юности к социальной ответственности. Согласно Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 г., под молодежью следует понимать граждан Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет[1]. В научной литературе одно из первых определений

понятия «молодежь» в отечественной социологии было дано в 1968 г. В. Т. Лисовским, который отмечал, что «молодежь – поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [2]. Иное и более детализированное определение было дано И.С. Коном: «Молодость как определенная фаза, этап жизненного цикла биологически универсальна, но ее конкретные возрастные рамки, связанный с ней социальный статус и социально-

психологические особенности имеют социально-историческую природу и зависят от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации» [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что молодежь – одна из социальных групп, наиболее подверженных в силу своих психофизиологических качеств вовлечению в занятие экстремизмом, под которым автором понимается многоаспектное противоправное общественно-опасное явление, носящее асоциальный характер, субъекты которого имеют целью подрыв государственных и общественных устоев посредством крайних насильственных методов, выраженное в непринятии иных суждений, безапелляционности и категоричности, а равно в силовом перлюкутивном навязывании собственных догм обществу и государству.

В рамках описанного выше видится необходимым детально изучить современное состояние, динамику и структуру экстремистской преступности, поскольку основным направлением противодействия последней является описание свойств, закономерностей, факторов и последствий их влияния, что предоставит в дальнейшем возможность наиболее верно определить направления и методы предупредительного воздействия на исследуемую категорию преступности.

Криминологическому изучению экстремизма в молодежной среде были посвящены научные исследования Ю. М. Антоняна, Л. С. Арутюнова, Н. Б. Бааль, С. В. Борисова, Ю. Р. Вишневого, М. А. Касьяненко, М. П. Клейменова, А. А. Козлова, Р. О. Кочергина, В. А. Мамедова, А. В. Павлинова, С. Н. Фридинского, В. Т. Шапко, В. Е. Эминова и др.

Состояние экстремистской преступности в Российской Федерации определяется общим количеством зарегистрированных преступлений, а также числом лиц, их совершивших, на конкретной территории за календарный год. Так, в 2013 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 896 преступлений экстремистской направленности [4]. Удельный вес экстремистской преступности на территории Российской Федерации за 2013 год составил 0,04 %. Всего за период с 2008 по 2013 гг. было зарегистрировано 3878 преступлений экстремистского толка.

Динамика исследуемой разновидности преступности за последние шесть лет характеризуется существенным ростом: в 2008 г. было зарегистрировано 460 преступлений (0,0 %), в 2009 г.

– 548 (+19,1 %), в 2010 г. – 656 (+19,7 %), в 2011 г. – 622 (– 5,2 %), в 2012 г. – 696 (+11,9 %), в 2013 г. – 896 (+28,7 %) [5]. Так, рост зарегистрированных преступлений экстремистской направленности с 2008 по 2013 гг. составил 436 преступлений (т. е. произошло увеличение экстремистской преступности в 1,9 раза (94,8 %)). Приведенные статистические данные иллюстрируют общее состояние экстремистской преступности.

Латентность указанного вида преступлений можно с определенной долей вероятности охарактеризовать высоким уровнем [6]. Это можно связать с проблемами квалификации и отсутствием необходимого объема доказательственной базы исследуемой категории преступлений, с недостаточной активностью работы правоохранительных органов и неспособностью последних адекватно и эффективно реагировать на динамику изменения способов и методов «маскировки» лиц, совершающих преступления экстремистской направленности. Потерпевшие от таких преступлений зачастую не обращаются с соответствующими заявлениями в правоохранительные органы, поскольку не редко нелегально находятся в стране, плохо знают русский язык, запуганы и опасаются совершения более тяжких преступлений против себя.

Исследование экстремистской преступности на уровне региона демонстрирует следующие показатели: наибольшее число деяний экстремистской направленности, пресеченных сотрудниками полиции, зарегистрировано в Центральном – 171 (+21,3 %) и Приволжском – 138 (+26,6 %) федеральных округах. Самый значительный рост отмечается в Уральском федеральном округе – 69 (+60,5 %). Таким образом, показатель территориального распределения экстремистской преступности на территории Уральского федерального округа составил 0,08.

Анализ состояния и динамики преступлений экстремистской направленности на макро- и микроуровнях позволяет выявить общие закономерности в криминологической характеристике экстремистской преступности: 1) распространенность указанного вида преступления; 2) появление тенденции к росту в 2008–2013 гг.

Особое место среди преступлений экстремистского характера принадлежит экстремистским проявлениям молодежи. Проявляют активность представители неформального объединения неонацистского толка «скинхеды», которые представляют наибольшую опасность по экстремистским проявлениям и

совершению сопутствующих тяжких и особо тяжких преступлений.

Так, 6 июня 2011 г. был постановлен приговор в отношении Ф. и Б., проживающих в г. Каменск-Уральском Свердловской области, являющихся участниками движения скинхедов, которые по мотивам ненависти и вражды к социальной группе «панки» совершили умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшее кратковременное расстройство здоровья потерпевшего С[7].

Стремительное развитие информационных технологий приводит к тому, что многие явления социальной жизни все в большей мере находят отражение в так называемых «виртуальных мирах», носителями которых выступают как средства массовой информации, так и глобальные компьютерные телекоммуникационные сети и системы. Сеть Интернет стала для членов экстремистских организаций исключительно удобным средством преодоления географической разобщенности и эффективным способом конспирации и безопасного обмена информацией. Опасность выхода экстремистских сил в киберпространство многократно усугубляется уникальностью Интернета как новейшего средства массовой коммуникации, определяемого таковым не только с технологической, но и моральной, этической, правовой стороны его функционирования. Зачастую члены интернет-сообществ не знакомы друг с другом лично и свои акции организуют в режиме флэш-моб.

Так, например, Приговором Артемовского городского суда Свердловской области от 20 августа 2013 г. осужден к уголовной ответственности ранее судимый за аналогичные преступления гражданин В., который вновь совершил противоправное деяние, предусмотренное ч.1 ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации – действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично. Гражданин В., используя персональный компьютер, имеющий подключение к сети Интернет, разместил на сайте социальной сети «В Контакте» на своей персональной открытой странице под псевдонимом ряд аудио– и видео файлов, направленных на возбуждение ненависти и вражды по

признаку национальности, расы, происхождения и принадлежности к социальной группе[8].

Таким образом, исследуя сущностную природу молодежного экстремизма, можно выделить следующие детерминанты, способствующие его распространению:

1. Кризис экономической системы, обуславливающий острое расслоение между социальными группами, что, в свою очередь, способствует росту преступности молодежи.
2. Кризис семейного и образовательного воспитания, который негативно влияет на формирование правовой культуры в молодежной среде.
3. Конфликты в семье и в отношениях со сверстниками, которые формируют неправильное развитие психических и интеллектуальных способностей молодых людей, что характеризует повышение уровня агрессии в межличностном общении, замкнутость, скрытность, интолерантность и иные формы неадекватного (неправильного) восприятия различных норм и правил поведения.
4. Криминальная среда общения, влияющая на организованный (групповой) характер преступности экстремистской направленности в молодежной среде.
5. Проблема занятости молодежи, являющаяся на сегодняшний день одной из самых сложных социальных проблем. Из-за недостаточной ориентации системы образования на рынок труда, низкого уровня работы по профессиональной ориентации, риск безработицы особенно опасен среди выпускников учреждений профессионального образования.
6. Открытость средств массовой информации и сети Интернет, позволяющие не только получать доступ к материалам экстремистского толка, но и распространять их в массовом порядке и неограниченному кругу лиц, а также создавать подобного рода материалы.

Проведенный нами анализ с учетом особенностей современного состояния, динамики распространения и структурных характеристик молодежного экстремизма позволил выделить ряд мер, которые могут способствовать успешной превентивной работе правоохранительных органов:

1. Постоянный мониторинг деятельности неформальных общественных объединений для подготовки описаний субкультуры и (или) выявления их динамики.
2. Устранение разрыва связей между поколениями современного общества, когда старые

ценности уже не способны адекватно и в полном объеме удовлетворить духовные потребности социальных групп, а новые ценности еще не выработаны.

3. Отслеживание проэкстремистских настроений в средствах массовой информации и на открытых Интернет-ресурсах. Для выполнения данного пункта, на наш взгляд, необходимо создание межведомственных групп, в состав которых помимо сотрудников правоохранительных органов входили бы психологии, социологи, политологи.
4. Совершенствование превентивно-карательного потенциала УК РФ, а равно использование технико-юридических средств дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания.
5. Пресечение каналов финансирования экстремистских организаций.
6. Формирование агитационных и пропагандистских материалов в области борьбы с экстремизмом и распространение их в образовательных учреждениях всех уровней.
7. Привлечение к совместной работе по дискредитации идей экстремизма лидеров молодежных, политических, религиозных движений и координация этой деятельности.

Исследование также показало, что было бы целесообразно:

1. Предусмотреть комплекс и механизм реализации мер правового, идеологического, экономического и политического толка, что обеспечило бы успешную государственно-правовую и социальную превентивную работу в области противодействия молодежному экстремизму.
2. Системно проводить криминологический анализ экстремистской преступности на факт криминализации и (или) декриминализации отдельных аспектов этого негативного явления.
3. Прийти к фундаментальному определению понятия «экстремизм» посредством проведения герменевтического и этимологического анализа, что способствовало бы более глубокому научному пониманию данного феномена и, как следствие, открыло бы новые возможности для более эффективной разработки мер борьбы с ним.

Подводя итог проведенному исследованию, мы пришли к выводу, что работа по предупреждению молодежного экстремизма должна носить комплексный характер и заключаться в содействии всех институтов общества, а не в использовании только репрессивно-карательных функций государства.

Библиография:

1. Кон И. С. Социология молодежи. В кн.: Краткий словарь по социологии М., 1988.
2. Социология молодежи. Под ред. В. Т. Лисовского. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1996.
3. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (дата обращения: 21.05.2014).
4. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. N 1760-р) (С изменениями и дополнениями от: 12 марта 2008 г., 28 февраля, 16 июля 2009 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru> (дата обращения: 21.05.2014).
5. Доклад Российской Федерации «О выполнении положений Международной конференции о ликвидации всех форм расовой дискриминации» (Объединенные 20-й, 21-й и 22-й доклады Российской Федерации для представления в Комитет Организации Объединенных Наций по ликвидации расовой дискриминации в соответствии со ст.9 Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации). Режим доступа: www.minregion.ru/upload/documents/260613/250613_doklad.doc.
6. Архив Артемовского городского суда Свердловской области. Уголовное дело № 1-150/2013.
7. Дело № 1-70/ 2011 год // Архив городского суда г. Каменск-Уральский Свердловской области.

References (transliterated):

1. Kon I. S. Sotsiologiya molodezhi. V kn.: Kratkii slovar' po sotsiologii M., 1988.
2. Sotsiologiya molodezhi. Pod red. V. T. Lisovskogo. SPb.: Izd-vo SPbGU. 1996.
3. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/> (data obrashcheniya: 21.05.2014).

4. Strategiya gosudarstvennoi molodezhnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 18 dekabrya 2006 g. N 1760-r) (S izmeneniyami i dopolneniyami ot: 12 marta 2008 g., 28 fevralya, 16 iyulya 2009 g.)[Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.garant.ru> (data obrashcheniya: 21.05.2014).
5. Doklad Rossiiskoi Federatsii «O vypolnenii polozhenii Mezhdunarodnoi konferentsii o likvidatsii vsekh form rasovoi diskriminatsii» (Ob'edinennye 20-i, 21-i i 22-i doklady Rossiiskoi Federatsii dlya predstavleniya v Komitet Organizatsii Ob'edinennykh Natsii po likvidatsii rasovoi diskriminatsii v sootvetstvii so st.9 Mezhdunarodnoi konventsii o likvidatsii vsekh form rasovoi diskriminatsii). Rezhim dostupa: www.minregion.ru/upload/documents/260613/250613_doklad.doc.
6. Arkhiv Artemovskogo gorodskogo suda Sverdlovskoi oblasti. Ugolovnoe delo № 1-150/2013.
7. Delo № 1-70/ 2011 god // Arkhiv gorodskogo suda g. Kamensk-Ural'skii Sverdlovskoi oblasti.

ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ И ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ ПРОВЕРКЕ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Расулова Н.С.

Аннотация: В данной статье приведен анализ современного состояния назначения и производства судебных экспертиз при проверке сообщений о преступлениях в экономической деятельности. Масштабы экономической преступности, ее распространенность, усилившаяся криминальная экспансия в экономику относятся к числу наиболее острых проблем в жизни общества и государства. Угрожая стабильности экономическим институтам, экономическая преступность превратилась в один из главных источников деструктивного воздействия на процессы социального, экономического и политического развития страны. На основании проведенного исследования выявлены противоречия и несовершенство уголовно-процессуального законодательства, препятствующие реализации назначения уголовного судопроизводства. Метод или методология исследования: Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены общенаучные и частно-научные методы: анализ, синтез, структурно-логический метод, статистический и иные методы научного познания. Научная новизна и выводы: На основании проведенного анализа современного состояния назначения и производства судебных экспертиз при проверке сообщения о преступлениях в экономической деятельности, посредством использованных методов в статье сформулированы причины, являющиеся препятствием эффективного применения норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации. **Ключевые слова:** Проблема, производство, судебная экспертиза, сообщение, преступление, экономическая деятельность, Криминалистическая классификация, заключение эксперта, пробел, доказательство.

Указом Президента России от 12.05.2009 № 537 (в ред. от 01.07.2014) «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» одним из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности определен сохраняющийся рост преступных посягательств, направленных против экономической безопасности, а также связанных с коррупцией [1].

Таким образом, целью расследования преступлений, совершаемых в экономической деятельности, является обеспечение экономической

безопасности государства и хозяйствующих субъектов, служащей залогом достижения эффективного экономического роста в Российской Федерации [2]. В связи с чем, правоохранительные органы нуждаются в эффективных научных рекомендациях и методических приемах, направленных на повышение качества работы по раскрытию и расследованию преступлений указанной категории, что в конечном итоге будет способствовать решению задач «охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопас-

ности, окружающей среды, конституционного строя РФ от преступных посягательств, а также предупреждения преступлений» [3].

Однако, анализ современного уголовно-процессуального законодательства и следственной практики показывает, что действующие нормы, касающиеся проверки сообщений о преступлениях в сфере экономической деятельности, не совершенны и требуют осмысления.

В уголовном праве под экономическими преступлениями понимаются запрещенные уголовным законом, умышленные общественно опасные деяния (действия и бездействия), посягающие на общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование экономики, причиняющие или создающие возможность причинения вреда участникам экономических отношений, социальным ценностям и благам.

Криминалистическая классификация объединяет экономические преступления в группу посягательств, подпадающих при уголовно-правовой квалификации под признаки самых различных статей Уголовного кодекса Российской Федерации (кража, мошенничество, незаконное предпринимательство, незаконное получение кредита и т.д.).

В соответствии с Указаниями Генеральной прокуратуры и МВД Российской Федерации к «экономическим преступлениям» относятся некоторые преступления, совершенные против собственности:

– преступление, совершенное в процессе осуществления производственно-хозяйственной и финансовой деятельности либо под видом ее осуществления, в том числе в отношении юридических и физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, независимо от формы собственности и организационно-правовой формы, официально зарегистрированных в качестве предпринимателей, а также объединений (граждан, юридических лиц), не являющихся юридическими лицами;

– преступления, предусмотренные ст. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.4, 159.5, 159.6 УК РФ, совершенные физическими лицами с целью завладения имуществом граждан для осуществления производственно-хозяйственной и финансовой деятельности, а также под видом ее осуществления (например, финансовые пирамиды) [4].

Анализ официальных статистических данных ИЦ ГУ МВД России по Свердловской области за период 9 месяцев 2013-2014 г.г. позволяет сделать вывод, что наиболее распространенными преступлениями в экономической деятельности данного

региона являются: мошенничество, присвоение и растрата, незаконное предпринимательство.

Так, за указанный период были выявлены следующие преступления:

– ст. 159 УК РФ «Мошенничество»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 3021, в суд направлено – 1403, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 2813, в суд направлено – 1011;

– ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 196, в суд направлено – 104, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 152, в суд направлено – 62;

– ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 121, в суд направлено – 93, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 97, в суд направлено – 71;

– ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием платежных карт»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 87, в суд направлено – 54, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 53, в суд направлено – 39;

– ст. 159.4 УК РФ «Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 61, в суд направлено – 11, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 82, в суд направлено – 26;

– ст. 159.5 УК РФ «Мошенничество в сфере страхования»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 2, в суд направлено – 0, в 2014 г. уголовных дел не возбуждалось;

– ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 14, в суд направлено – 12, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 29, в суд направлено – 14.

– ст. 160 УК РФ «Присвоение или растрата»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 897, в суд направлено – 690, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 706, в суд направлено – 669;

– ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 12, в суд направлено – 0, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 6, в суд направлено – 9 (из них 5, возбужденные в 2013 г.);

– ст. 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 22, в суд направлено – 1, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 20, в суд направлено – 7;

– ст. 176 УК РФ «Незаконное получение кредита»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 5, в суд направлено – 0, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 3, в суд направлено – 3;

– ст. 170.1 УК РФ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 3, в суд направлено – 1, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 4, в суд направлено – 2;

– ст. 171.2 УК РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 2, в суд направлено – 0, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 1, в суд направлено – 0;

– ст. 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 2, в суд направлено – 0, в 2014 г. уголовные дела не возбуждались;

– ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»: в 2013 г. возбуждено уголовных дел – 5, в суд направлено – 3, в 2014 г. возбуждено уголовных дел – 1, в суд направлено – 0.

Не принимались решения о возбуждении уголовных дел по ст. 169 УК РФ «Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности», по ст. 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с землей», ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» [5].

Однако, отсутствие возбужденных уголовных дел не означает, что противоправные деяния не совершаются. Зачастую при выявлении преступлений в экономической деятельности наибольшую сложность представляет отграничение уголовно-наказуемого деяния от гражданско-правовых отношений, установление имущественного вреда, размера дохода либо причиненного ущерба, что отличает преступление от административного правонарушения.

Например, для принятия решения о возбуждении уголовного дела по ст. 171 УК РФ необходимо установить крупный размер дохода, для чего потребуется производство бухгалтерской либо экономической судебных экспертиз. Незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ) квалифицируется как уголовно-наказуемое деяние, в случае установления крупного ущерба, что возможно посредством производства финансово-аналитической судебной экспертизы, выводы которой позволят подтвердить наличие либо отсутствие реальной финансовой возможности выполнять обязательства заемщика по кредитному договору, а соответственно – умысел на совершение преступления. Для определения состава преступления, предусмотренного ст. 171.2 УК РФ «Незаконная организация и проведение азартных игр», необходим крупный размер дохода от незаконной деятельности.

В качестве примера следует привести уголовное дело №111367108, возбужденное в августе 2011 г. отделом дознания УМВД России по г. Екатеринбургу по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст. 171 УК РФ [6]. Однако, в ходе проверки сообщения о преступлении не был установлен размер дохода, полученного от незаконной деятельности. В ходе расследования уголовного дела посредством производства экономической судебной экспертизы доход в крупном размере не нашел подтверждения, в связи с чем уголовное дело прекращено по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ – отсутствие в деянии состава преступления [7]. Соответственно, определение размера дохода при проверке сообщения о преступлении позволило бы избежать преждевременного и необоснованного принятия решения о возбуждении уголовного дела, и, как следствие, неоправданных ресурсных затрат (объем уголовного дела составил 47 томов).

Таким образом, производство судебной экспертизы при выявлении экономических преступлений является, прежде всего, обеспечением правильного применения уголовного законодательства, соответственно необходимой предпосылкой для реализации назначения уголовного судопроизводства, предусмотренного ст. 6 УПК РФ.

Однако, анализ уголовно-процессуального законодательства, позволил выявить ряд противоречий, которые на сегодняшний день не допускают возможности производства судебных экспертиз при проверке сообщения о преступлении в экономической деятельности.

Так, заключение эксперта – это представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Таким образом, назначить судебную экспертизу может лицо, в производстве которого находится уголовное дело, то есть следователь дознаватель. При проверке сообщения о преступлении нет ни уголовного дела, ни производства по нему, ни лица, которое его ведёт.

Далее, из названия и содержания ст. 199 УПК РФ «Порядок направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы» усматривается отсутствие процессуального механизма назначения и производства судебных экспертиз на основании материалов проверки сообщения о преступлении.

Кроме того, для производства бухгалтерских, экономических, финансово-аналитических судебных экспертиз в распоряжение эксперта необходимо представить определенные материалы

(первичные бухгалтерские документы, подтверждающие наличие определенной деятельности организации, финансовой и налоговой отчетности и т.д.). Норма ч.1 ст. 144 УПК РФ позволяет в ходе проверки сообщения о преступлении изымать документы и предметы в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом. Однако, обнаружить и изъять объекты возможно посредством производства следственных действий: осмотр места происшествия, обыск и выемка, последние из которых производятся только в ходе расследования уголовного дела. Процессуальный порядок осмотра места происшествия не позволяет в полном объеме изъять документы, как это было бы возможно при обыске или выемки. Таким образом, вопрос относительно процедуры получения в ходе проверки сообщения о преступлении документов в объеме, достаточном для исследования и формулирования выводов, на сегодняшний день не разрешен. Важным элементом в выявлении экономических преступлений является противодействие со стороны злоумышленников, соответственно добровольное предоставление материалов, интересующих правоохранительные органы, абсолютно исключается.

Отдельное внимание заслуживают вопросы, касающиеся сроков производства бухгалтерских, экономических, финансово-аналитических и др. судебных экспертиз, юридического значения заключения эксперта, процессуального статуса лица,

в отношении которого назначается и производится судебная экспертиза.

Таким образом, вопрос о производстве судебной экспертизы по преступлениям в экономической деятельности до возбуждения уголовного дела остается проблемным и требует своего разрешения. Опрос следователей ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области, специализирующихся на расследовании экономических преступлений, сотрудников ОЭБ и ПК, экспертов ЭКЦ ГУ МВД по Свердловской области, показал, что при проверке сообщений об экономических преступлениях судебные экспертизы не назначаются и не производятся.

На основании изложенного, представляется возможным сделать следующий вывод:

1. назначение и производство судебных экспертиз при проверке сообщений о преступлениях в экономической деятельности в законодательном порядке не обеспечены.
2. заключения судебных экспертиз, полученные при проверке сообщений о преступлениях, из-за сбоев законодательной техники не могут отвечать требованиям допустимости и признаваться в качестве доказательств.
3. пробелы в законодательном обеспечении возможности назначения и производства судебных экспертиз в стадии возбуждения уголовного дела продолжают оставаться актуальными и требуют теоретического осмысления.

Библиография:

1. Данные ИЦ ГУ МВД по Свердловской области за 9 месяцев 2013-2014 гг.
2. Трунцевский Ю.В. Экономические и финансовые преступления: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» / Ю.В. Трунцевский, О.Ш. Петросян. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – 288 с.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // СПС КонсультантПлюс
5. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (в ред. от 01.07.2014 с изменениями, вступившими в силу с 01.07.2014) «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // СПС «КонсультантПлюс»
6. Указания Генеральной прокуратуры РФ № 387-11 и МВД РФ № 2 от 11.09.2013 (в ред. от 24.04.2014) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС КонсультантПлюс
7. Уголовное дело №111367108 // архив СУ УМВД России по г. Екатеринбург

References (transliterated):

1. Dannye ITs GU MVD po Sverdlovskoi oblasti za 9 mesyatsev 2013-2014 gg.

2. Truntsevskii Yu.V. Ekonomicheskie i finansovye prestupleniya: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti 030501 «Yurisprudentsiya» / Yu.V. Truntsevskii, O.Sh. Petrosyan. – M.: YuNITI-DANA: Zakon i pravo, 2008. – 288 s.
3. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 g. № 63-FZ (s imz. i dop.) // SPS Konsul'tantPlyus
4. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 g. № 174-FZ (s imz. i dop.) // SPS Konsul'tantPlyus
5. Ukaz Prezidenta RF ot 12.05.2009 № 537 (v red. ot 01.07.2014 s izmeneniyami, vstupivshimi v silu s 01.07.2014) «O Strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda» // SPS «Konsul'tantPlyus»
6. Ukazaniya General'noi prokuratury RF № 387-11 i MVD RF № 2 ot 11.09.2013 (v red. ot 24.04.2014) «O vvedenii v deistvie perechnei statei Ugolvnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, ispol'zuemykh pri formirovani statisticheskoi otchetnosti» // SPS Konsul'tantPlyus
7. Ugolovnoe delo №111367108 // arkhiv SU UMVD Rossii po g. Ekaterinburgu

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОСТРАДАВШЕГО В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Федорова И.А.

***Аннотация:** В настоящей статье исследуется процессуальное положение личности пострадавшей от преступного посягательства на стадии возбуждения уголовного дела. В частности, рассматривается понятие «Пострадавший» в уголовно процессуальном законодательстве и теории Российской Федерации и зарубежных стран, определяется круг полномочий, которыми необходимо наделить указанное лицо. Также в статье большое внимание было уделено аспектам наделяния лица статусом участника уголовного процесса на первоначальном этапе расследования в свете изменений в уголовно-процессуальном законодательстве. Метод или методология исследования: В процессе работы использовались общенаучные и частно-научные методы познания: диалектический, формально-логический, моделирование и структурно-функциональный. Научная новизна и выводы: в результате анализа законодательства России и зарубежных стран выведено определение понятия «Пострадавший», определен круг полномочий, которые составляют процессуальный статус лица, пострадавшего от преступления на первоначальном этапе уголовного судопроизводства. Внесение разработанных изменений окажет положительное влияние на регулирование практики применения норм УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела, а также на обеспечение соблюдения прав, свобод и законных интересов личности, пострадавшей от преступления.*

***Ключевые слова:** Процессуальный статус, личность, уголовное дело, Участник, уголовный процесс, Потерпевший, жалоба, обязанность, экспертиза, безопасность.*

Процессуальный статус личности в стадии возбуждения уголовного дела – актуальная проблема современного отечественного уголовного процесса. Нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие процессуальное положение лиц участвующих в стадии проверки сообщения о преступлении не были предусмотрены ни в УПК РСФСР, ни в УПК РФ, не смотря на то, что в указанную стадию вовлекается множество субъектов.

Проблема регламентации процессуального статуса лица в стадии возбуждения уголовного

дела приобретает особую актуальность в связи с вступившими 4 марта 2014 года изменениями в УПК РФ. Законодатель значительно расширил круг проверочных действий в стадии возбуждения уголовного дела, теперь кроме производства осмотра места происшествия, осмотра трупа и освидетельствования, должностные лица, которым поручена проверка сообщения о преступлении имеют право назначать экспертизу и получать образцы для сравнительного исследования. Кроме того получать объяснения, истребовать материалы, производить документальные проверки и

ревизии, привлекать специалистов для производства исследований. Все эти действия несут в себе определенные ограничения прав, свобод и законных интересов лиц, вовлекаемых в производство доследственной проверки, следовательно, указанные лица должны обладать определенным процессуальным статусом. В ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ законодатель указал, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности, предусмотренные настоящим Кодексом, и обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Но о каких именно субъектах уголовно-процессуальной деятельности и их правах говорить? Так в некоторых статьях кодекса на этапе проверки сообщения о преступлении упоминается «заявитель», «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», «лицо, дающее объяснение», «очевидцы», однако, таких наименований нет в разделе 2 УПК РФ «Участники уголовного процесса», что указывает на отсутствие определенного уголовно-процессуального статуса этих лиц, что порождает проблемы применения указанной нормы на практике.

Зачастую главным лицом обладающим информацией о совершенном преступлении является пострадавший, что обуславливает необходимость законодательного закрепления его процессуального статуса в нормах УПК РФ, для обеспечения полноценного участия в производстве органом, осуществляющим доследственную проверку, проверочных действий.

Как о лице, пострадавшем от преступления в некоторых статьях глав 19 и 20 УПК РФ говорится о заявителе, одной отдельной статьи регламентирующей его права и обязанности в УПК РФ нет, что не дает возможности называть его полноправным участником уголовно-процессуальной деятельности. Тем более необходимо отметить, что лицо, заявившее о преступлении не всегда является пострадавшим, С.А. Синенко указывал на две возможные ситуации: 1) лицу, выступающему в роли заявителя, преступным деянием причинен вред, и в дальнейшем оно может быть признано потерпевшим; 2) заявителю вреда преступлением не причинено и в дальнейшем он может быть признан свидетелем[1].

Потерпевшим лицо признается только на стадии предварительного расследования, то есть

уже после возбуждения уголовного дела, следовательно, и процессуальным статусам наделяется именно с этого момента. Однако в практической деятельности на этапе проверки сообщения о преступлении пострадавший играет активную роль хоть и не имеет определенного законом статуса, а его показания фиксируются в форме объяснений, что порождает необходимость после возбуждения уголовного дела перевода данных им ранее показаний в форму протокола допроса потерпевшего.

Исходя из этого, в уголовно-процессуальную деятельность на этапе доследственной проверки необходимо ввести такого участника, как пострадавший, который бы наделялся процессуальным статусом с момента регистрации сообщения о преступлении[2] и на правах полноценного субъекта участвовал в производстве проверочных действий, что способствовало бы разрешению некоторых проблем на практике. Так, например, по УПК Франции, всякое лицо, которое считает себя пострадавшим от преступления, может занять это положение путем подачи жалобы компетентному лицу, что влечет обязательное уголовное преследование и потерпевший может вступать в процесс в качестве стороны обвинения[3]. В ст. 55 УПК Украины 2012 г. указано, что права и обязанности потерпевшего возникают у лица с момента представления заявления о совершении относительно него уголовного правонарушения[4].

Для реализации указанных положений в УПК РФ необходимо внести значительные изменения в части регламентации статуса участников стадии возбуждения уголовного дела. В частности считаем необходимым регламентировать процессуальный статус пострадавшего как самостоятельного участника уголовно-процессуальных правоотношений на этапе доследственной проверки, определить момент наделения лица этим статусом, а также указать круг его процессуальных прав и обязанностей. Предлагаем дополнить главу 6 УПК РФ статьей «Пострадавший», в которой определить пострадавшего как «физическое лицо, заявившее о совершении в отношении него преступного деяния, которым ему причинен физический, имущественный либо моральный вред». Также необходимо наделить указанного участника первоначального этапа уголовного судопроизводства кругом правомочий:

- правом давать объяснения,
- правом ознакомления с материалами проверки,

– правом заявления ходатайства об истребовании материалов и документов,

– правом представления предметов, которые могут быть признаны вещественными доказательствами,

– правом ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы, правом принимать участие в ее производстве,

– правом ознакомления с заключением эксперта.

Также к общепризнанным конституционными правам, которыми участники стадии возбуждения уголовного дела наделены в соответствии со вступившими в силу 4 марта 2013 года изменениями в УПК РФ (ч. 1.1. ст. 144), – не свидетельствовать против самого себя и своих

близких родственников, пользоваться услугами адвоката, а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения правоохранительных органов, необходимо право давать показания на родном языке и пользоваться услугами переводчика. Также необходимо применение комплекса мер направленных на обеспечение безопасности участников указанной стадии.

Полагаем, что внесение указанных изменений окажет положительное влияние на регулирование практики применения норм УПК РФ на стадии возбуждения уголовного дела, а также на обеспечение соблюдения прав, свобод и законных интересов личности, пострадавшей от преступления.

Библиография:

1. Головкин Л.В. Допрос и предварительное следствие в уголовном процессе Франции. М., 1995.
2. Жеребят'ев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: Монография. Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004.
3. Синенко С.А. Правовой статус лица, потерпевшего от преступления, в стадии возбуждения уголовного дела // Российский следователь. – 2012. – № 2.
4. Уголовный процессуальный кодекс Украины / Закон от 13.04.2012 № 4651-VI // Ведомости Верховной Рады Украины. – 2013. – № 11-12, ст.88.

References (transliterated):

1. Golovko L.V. Doznanie i predvaritel'noe sledstvie v ugovnom protsesse Frantsii. M., 1995.
2. Zherebyat'ev I.V. Lichnost' poterpevshego v sovremennom ugovnom sudoproizvodstve Rossii: Monografiya. Orenburg: RIK GOU OGU, 2004.
3. Sinenko S.A. Pravovoi status litsa, poterpevshego ot prestupleniya, v stadii vzbuzhdeniya ugovnogo dela // Rossiiskii sledovatel'. – 2012. – № 2.
4. Ugolovnyi protsessual'nyi kodeks Ukrainy / Zakon ot 13.04.2012 № 4651-VI // Vedomosti Verkhovnoi Rady Ukrainy. – 2013. – № 11-12, st.88.

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛЬСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ)

Чашников В.А.

Аннотация: В статье рассматривается антикоррупционное образование как эффективная мера профилактики коррупции в органах внутренних дел Российской Федерации. В статье представлен опыт преподавания дисциплины «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел» на примере Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации в соответствии с квалификационными требованиями, предъявляемыми к выпускникам по специальностям 031001.65 Правоохранительная деятельность, 030901.65 Правовое обеспечение национальной безопасности. Метод, методология исследования. В процессе исследования применялись общеполитические методы (диалектика, системный метод, анализ, синтез, аналогия, дедукция, наблюдение, моделирование), правовые методы (формально-логический), а также методы, используемые в конкретно-социологических исследованиях (статистические, экспертные оценки и др.). Новизна исследования, выводы. Автор считает, что одной из важнейших мер профилактики коррупции в органах внутренних дел является антикоррупционное образование. Автор делает вывод о том, что цель антикоррупционного образования заключается в получении, обновлении знаний, совершенствовании навыков сотрудников органов внутренних дел в сфере противодействия коррупции, формировании антикоррупционного стандарта поведения. Кроме того, антикоррупционное образование сотрудников органов внутренних дел должно охватывать общие вопросы государственной антикоррупционной политики, опыт зарубежных государств по профилактике и противодействию коррупции, соответствующее уголовное законодательство, так и специальные мероприятия и механизмы противодействия коррупции, реализуемые в органах внутренних дел (представление сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера, организация уведомления сотрудниками органов внутренних дел представителя нанимателя о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, проведение антикоррупционных проверок и другие).

Ключевые слова: Антикоррупционное образование, органы внутренних дел, принцип, служба, коррупция, поведение, мораль, нравственность, стандарт, мероприятия.

Общеизвестно, что основными принципами государственной службы являются служение обществу и государству, а свою деятельность сотрудник полиции должен строить на уважении к личности, строгом соблюдении закона и бескорыстии. Последний принцип лежит в основе стандартов антикоррупционного поведения[1].

Коррупционно опасным поведением принято считать такое действие или бездействие должностного лица, которое в ситуации конфликта интересов создаёт предпосылки и условия для получения им корыстной выгоды и преимуществ как для себя, так и для иных лиц, организаций, учреждений, чьи интересы прямо или косвенно отстаиваются лицом, незаконно использующим своё служебное положение. Коррупционно опасной будет являться любая ситуация в служебной деятельности, которая создает возможность нарушения норм, ограничений и запретов, установленных законодательством Российской Федерации для государственного служащего.

Такие ситуации пагубно сказываются на авторитете власти, подрывают доверие к ней со стороны населения. В целях создания действительно работоспособной структуры власти необходимо у каждого сотрудника полиции, каждого государственного и муниципального служащего сформировать навыки антикоррупционного поведения, что в первую очередь предусматривает сознательное возложение им на себя моральных обязательств, ограничений и запретов.

Нравственные обязательства не позволяют сотруднику полиции заниматься предпринимательской деятельностью, выстраивать отношения личной заинтересованности с лицами, занимающимися предпринимательской деятельностью, составлять им протекцию, использовать служебное положение для организации своей карьеры в бизнесе, управлении политическими партиями и организациями, давать личные обещания, расходящиеся с должностными обязанностями, принимать какие-либо почести, вознаграждения, поощрения, связанные с определенными условиями, не предусмотренными официальным регламентом.

Морально недопустимым для сотрудника полиции считается получение подарков (услуг, приглашений и любой другой выгоды) в благодарность за совершение каких-либо официальных действий. При этом ему запрещено давать какие-либо основания или поводы для попытки вручения подарка или другого вида вознаграждения.

Формирование таких стандартов поведения начинается, прежде всего, с предъявления требований к самому себе, воспитания необходимых черт характера. Нравственная чистоплотность, неподкупность сотрудника полиции, его преданность интересам службы, верность служебному долгу составляют основу профессионально-этического стандарта антикоррупционного поведения. И те свойства человеческого характера, которые традиционно рассматривались как высокоморальные устои личности, являются неотъемлемой стороной служебной деятельности полицейского, показателем совершенства его профессионального мастерства, уровня его нравственного и культурного развития[2].

В Российской Федерации формируется многоуровневая система антикоррупционного образования, в которой принимают с разной степенью активности участие государственные органы и учреждения, субъекты образовательной деятельности и институты гражданского общества[3]. Особенно важным является антикоррупционное образование сотрудников правоохранительных органов, которые, с одной стороны, находятся на переднем крае борьбы с соответствующими правонарушениями, а, с другой, сами в значительной степени подвержены рискам коррупционного разложения. Нарботанный специалистами отдельных образовательных организаций высшего профессионального образования, расположенных в субъектах Российской Федерации, на наш взгляд, может быть использован и в этой сфере[4].

Антикоррупционное образование сотрудников органов внутренних дел является одним из наиболее эффективных и перспективных направлений противодействия коррупции. Об этом постоянно упоминают большинство специалистов в области противодействия коррупции, объясняя это тем, что для антикоррупционной деятельности необходимы подготовленные (хорошо обученные) кадровые ресурсы[5].

На формирование навыков активной антикоррупционной деятельности направлен и недавно принятый Министерством образования и науки России федеральный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Юриспруденция»[6]. Стоит отметить, что ведение специальных курсов, дисциплин по изучению антикоррупционного законодательства и способах борьбы с коррупцией стало обыденной практикой [7].

В Уральском юридическом институте МВД России преподается дисциплина «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел» в соответствии с квалификационными требованиями, предъявляемыми к выпускникам по специальностям 031001.65 Правоохранительная деятельность, 030901.65 Правовое обеспечение национальной безопасности. Она имеет комплексный управленческий и правовой характер. Цель изучения дисциплины – подготовить к формированию установки на соблюдение стандартов антикоррупционного поведения у сотрудников органов внутренних дел.

Задачи дисциплины состоят в получении и закреплении знаний о проводимой в Российской Федерации антикоррупционной политике; выработке навыков и умений антикоррупционного поведения у сотрудников органов внутренних дел в процессе осуществления правоохранительной деятельности; соблюдении антикоррупционного стандарта поведения.

Процесс изучения дисциплины направлен на формирование общекультурных и профессиональных компетенции, среди которых способность осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры; способность осуществлять профилактику, предупреждение преступлений и иных правонарушений на основе использования закономерностей преступности, преступного поведения и методов их предупреждения, выявлять и устранять причины и условия, способствующие совершению правонарушений; способность выявлять и содействовать пресечению коррупционных проявлений в служебном коллективе и другие.

В результате изучения дисциплины обучающиеся должны знать о сущности коррупции как негативного социально-правового явления общественной жизни и проводимой в Российской Федерации антикоррупционной политике, основных направлениях противодействия коррупции в органах внутренних дел и формирования антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел; уметь противодействовать коррупционным проявлениям, организовывать, планировать и осуществлять антикоррупционные мероприятия в служебном коллективе; владеть навыками антикоррупционного поведения в процессе осуществления оперативно-служебной деятельности.

В программу дисциплины включены вопросы, раскрывающие поставленные задачи: понятие и содержание коррупции как негативного социально-правового явления; основные цели и задачи государственной политики в сфере противодействия коррупции; приоритетные направления деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия коррупции; система противодействия коррупции и формирования антикоррупционного поведения сотрудников и служащих ОВД; организационно-правовые основания и пути формирования антикоррупционного поведения сотрудников и служащих ОВД; особенности воспитательной работы по обеспечению антикоррупционного поведения сотрудников и служащих ОВД; условия, методы и приемы противодействия попыткам криминальных и асоциальных лиц стимулировать коррумпируемые действия сотрудников и служащих ОВД[8].

Материал дисциплины изучается на лекциях, семинарах и практических занятиях, а также в процессе самостоятельной работы обучающихся.

В ходе лекций обучающиеся получают теоретические знания по вопросам, обозначенным в тематическом плане. На семинарских занятиях слушатели закрепляют полученные знания путем устных или письменных ответов на поставленные вопросы. В ходе практических занятий обучающиеся решают задачи, опрашиваются теоретически, исследуют уголовные дела, делают небольшие доклады по отдельным вопросам темы.

Для обеспечения образовательного процесса при реализации дисциплины «Предупреждение коррупции в органах внутренних дел и формирование антикоррупционного поведения сотрудников и работников органов внутренних дел» в соответствии с квалификационными требованиями, предъявляемыми к выпускникам по специальностям 031001.65 Правоохранительная деятельность, 030901.65 Правовое обеспечение национальной безопасности созданы учебно-методические комплексы, которые включают в себя: рабочие программы учебных дисциплин, тексты лекций, методические разработки для проведения семинарских и практических занятий, методические материалы для организации активных форм обучения по практическим и семинарским занятиям (деловые игры, тренинги, учения), методические рекомендации для организации самостоятельной работы обучающихся, тематику (задания) письменных работ и мето-

дические рекомендации по их написанию, фонд оценочных материалов, разработанные на кафедре учебники (в том числе электронные), курсы лекций, учебные, учебно-методические пособия, альбомы схем, сборники статей и прочее.

В Уральском юридическом институте МВД России также проводится работа по обеспечению антикоррупционного поведения среди сотрудников института. В рамках правовой подготовки проводятся занятия по разъяснению антикоррупционного законодательства с участием специалистов и практических работников органов внутренних дел.

Для получения информации и оперативного реагирования на коррупционные и иные правонарушения в институте осуществляются следующие организационно-практические мероприятия:

– размещен специальный почтовый ящик для обращений, заявлений и жалоб граждан и организаций, в том числе для получения информации о возможных фактах коррупционных правонарушений среди личного состава;

– организована работа «телефона доверия» в круглосуточном режиме;

– осуществляется работа по сбору и мониторингу информации о возможных фактах коррупционных правонарушений, размещенной в сети Интернет, СМИ, и из иных источников;

На плановой основе реализуются совместные мероприятия института с ГУ МВД России по

Свердловской области и отдела по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции прокуратуры Свердловской области.

Таким образом, в Министерстве внутренних дел Российской Федерации большое внимание уделяется статусу сотрудника органов внутренних дел, что определяется современными потребностями борьбы с коррупционными проявлениями в органах внутренних дел. В таком случае необходимо ввести в статус сотрудника органа внутренних дел антикоррупционные механизмы предупреждающего, реагирующего, наказывающего характера.

Выработка единого образца поведения антикоррупционного содержания для сотрудника органа внутренних дел позволит предупредить совершение коррупционных проступков, снизить вероятность их совершения, оказать информационное содействие сотруднику органа внутренних дел при использовании алгоритма поведения в случае установления факта коррупционного действия в отношении сотрудника органа внутренних дел. Соответствующее теоретическое осмысление уже состоялось, что нашло отражение в законодательстве. Однако изменяющиеся формы коррупционных проявлений вызывают потребность регулярного научного и законодательного сопровождения содержания стандарта антикоррупционного поведения сотрудника органа внутренних дел.

Библиография:

1. Ахметова Н.А., Гузенко В.Н. Основы антикоррупционного образования в современном учебном процессе / Н.А. Ахметова, В.Н. Гузенко // Известия Волгоградского государственного технического университета. – 2013. – Т. 10. – № 13 (116). – С. 16–18.
2. Борзенко Ю.А. Антикоррупционное образование курсантов / Ю.А. Борзенко // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 4 (17). – С. 127–130.
3. Губарева Т.И. Воспитательная функция в юридическом образовании в свете проводимой антикоррупционной политики / Т.И. Губарева // Юридическое образование и наука. – 2013. – № 3. – С. 12–14.
4. Емельянова Н.И. Антикоррупционное образование в российских учебных заведениях / Н.И. Емельянова, М.Л. Подкатилина // Юридическое образование и наука. – 2014. – № 2. – С. 15–18.
5. Кабанов П. А. Антикоррупционное образование в органах внутренних дел Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития / П. А. Кабанов // Следователь. – 2011. – № 2. – С. 36–40.
6. Костенников М.В. К вопросу о противодействии коррупции в полиции / М.В. Костенников // Административное и муниципальное право. – 2013. – № 1. – С. 48–50.
7. Николаев С.М. Специальное антикоррупционное образование в России: системный подход / С.М. Николаев // Инновации в образовании. – 2014. – № 6. – С. 138–146.
8. Приказ Минобрнауки России от 5 декабря 2014 № 1538 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации)» // Российская газета. – 2015. – № 21.

References (transliterated):

1. Akhmetova N.A., Guzenko V.N. Osnovy antikorrupcionnogo obrazovaniya v sovremenном uchebном protsesse / N.A. Akhmetova, V.N. Guzenko // *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. – 2013. – Т. 10. – № 13 (116). – S. 16–18.
2. Borzenko Yu.A. Antikorrupcionnoe obrazovanie kursantov / Yu.A. Borzenko // *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. – 2013. – № 4 (17). – S. 127–130.
3. Gubareva T.I. Vospitatel'naya funktsiya v yuridicheskom obrazovanii v svete provodimoi antikorrupcionnoi politiki / T.I. Gubareva // *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. – 2013. – № 3. – S. 12–14.
4. Emel'yanova N.I. Antikorrupcionnoe obrazovanie v rossiiskikh uchebnykh zavedeniyakh / N.I. Emel'yanova, M.L. Podkatilina // *Yuridicheskoe obrazovanie i nauka*. – 2014. – № 2. – S. 15–18.
5. Kabanov P. A. Antikorrupcionnoe obrazovanie v organakh vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya / P. A. Kabanov // *Sledovatel'*. – 2011. – № 2. – S. 36–40.
6. Kostennikov M.V. K voprosu o protivodeistvii korruptsii v politsii / M.V. Kostennikov // *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*. – 2013. – № 1. – S. 48–50.
7. Nikolaev S.M. Spetsial'noe antikorrupcionnoe obrazovanie v Rossii: sistemnyi podkhod / S.M. Nikolaev // *Innovatsii v obrazovanii*. – 2014. – № 6. – S. 138–146.
8. Prikaz Minobrnauki Rossii ot 5 dekabrya 2014 № 1538 «Ob utverzhenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovaniya po napravleniyu podgotovki 40.06.01 Yurisprudentsiya (uroven' podgotovki kadrov vysshei kvalifikatsii)» // *Rossiiskaya gazeta*. – 2015. – № 21.

Трибуна ВУЗа

О НАУЧНОЙ ШКОЛЕ КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ ЮЖНО-УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кудрявцева А.В.

Аннотация: В статье автор отмечает отсутствие требований к критериям понятия «научная школа». Обосновывает необходимость выработки таких критериев и предлагает свое решение данной проблемы. Применяя предложенные им позиции к деятельности кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета, автор приходит к обоснованному выводу, о том, что имеются все основания утверждать о существовании научной школы по специальности 12.00.09 – уголовный процесс на кафедре «Уголовный процесс и криминалистика» ФГБОУ ВПО «Южно-Уральский государственный университет» (НИУ). Метод, методология исследования. В процессе исследования применялись общеправовые методы (диалектика, системный метод, анализ, синтез, аналогия, дедукция, наблюдение, моделирование), правовые методы (формально-логический), а также методы, используемые в конкретно-социологических исследованиях (статистические, экспертные оценки и др.). Прошло время, накапливался и развивался научный и учебный потенциал, работали преподаватели, работали студенты. 150 диссертационных исследований, защищенных в диссертационном Совете при ЮУрГУ по специальности 12.00.09, победы студентов на олимпиадах, установленное сотрудничество с ведущими кафедрами уголовного процесса России, постоянное поступательное развитие кафедры «вопреки», интересные оригинальные темы исследования – это ли не свидетельство эффективности работы кафедры на основе традиций научной школы, заложенной Ю.Д. Лившицем.

Ключевые слова: Расследование, безопасность, защищенность, уголовное право, наука, требование, кафедра, адвокат, диссертация, преподаватель.

В сложный современный период перемен и бесконечного реформирования образования в России, в том числе и послевузовского, одним из требований, которым должен отвечать ВУЗ для открытия аспирантуры, докторантуры или диссертационного совета по определенной научной специальности, является наличие научной школы. Причем сложно где-то найти критерии, которым должна отвечать кафедра, иное научное сообщество, Вуз в целом, для

того, чтобы считаться школой, которая готовит научные кадры высочайшей квалификации. Нет четких требований в нормативных документах Министерства образования и науки России, предъявляемым к тем, кто может учиться в аспирантуре и докторантуре. Неясно, является ли обучение в аспирантуре привилегией тех, кто в будущем видит себя преподавателем ВУЗа или уже таковым является, или к священному кругу юридической науки могут быть допущены и так

называемые практически работники: следователи, дознаватели, прокуроры, судьи, нотариусы, юрисконсульты, адвокаты.

Почему-то одно время считалось, что если защищается практический работник, то обязательной проверке подлежит факт того, сам ли он создал диссертационное исследование и все соискатели степени кандидата и доктора юридических наук «неаспиранты», и «непреподаватели Вузов» вызывались на заседание экспертного Совета ВАК России вместе с представителем диссертационного совета (чаще всего его председателем и заместителем) для выяснения вопроса насколько соискатель владеет темой, сам ли проводил исследование.

Как показала практика, чаще всего данные процедуры подтверждали владение темой, квалификацию претендента на научную степень и однозначного негативного отношения к практикам, которые защищают диссертации так и не сформировалось. Более того, полагаем, что взгляд практика на пробелы и недостатки теории и закона более объективен, остр и, как правило, такие работы имеют актуальное теоретическое и практическое значение.

На многочисленных совещаниях, посвященных послевузовскому образованию, весьма уважаемые ученые и чиновники от Министерства образования и науки, одним из критериев права высшего учебного заведения заявить о необходимости открытия аспирантуры, докторантуры, диссертационного совета по той или иной специальности, называют наличие «научной школы». При этом попытка получить ответ на вопрос, в каких нормативных документах выдвинуты требования к критериям «научной школы» в Вузе, не увенчалась успехом. Они попросту отсутствуют. А это означает, что кто-то будет оценивать наличие или отсутствие научной школы исходя из субъективного мнения, причем, не будучи специалистом в этой отрасли знания, руководствоваться соображениями неизвестного свойства.

Совершенно очевидно, что нужны определенные критерии существования научной школы по определенной специальности, а также объективизированное их выражение в документах, изучив которые чиновник Министерства образования и науки РФ мог бы разрешить вопрос о наличии или отсутствии научной школы по определенной специальности.

Нам представляется, что научная школа в Вузе, на кафедре должна отвечать следующим требованиям, критериям.

Во-первых, научная школа должна иметь научного лидера – интегратора идей, научный багаж которого фундаментален, интересен, уважаем и известен в других Вузах.

Во-вторых, в Вузе, на кафедре должны быть сильные кандидаты наук, доценты или доктора наук, занимающиеся собственными исследованиями и помогающие молодым ученым, тем, кто только встал на путь науки, т.е. по данной научной специальности должна осуществляться подготовка исследований, уровень которых должен быть подкреплен подтверждением присвоения ученых степеней и званий.

В-третьих, студенты данного Вуза должны показать свои знания на олимпиадах в соответствующей отрасли науки, что подтверждает также высокий уровень преподавания и владения предметом членом кафедры.

В-четвертых, темы исследований должны быть посвящены вопросам, разрабатываемым в данном Вузе в качестве направлений научных исследований. Эти направления исследований должны постоянно углубляться и расширяться. Другими словами на данной кафедре, в данном Вузе должна быть определенная преемственность, нацеленная на будущую смену поколений при условии высоких и актуальных требованиях к качеству научных работ.

При выяснении вопроса, существует ли Вузе школа по той или иной специальности следует также учитывать негативные тенденции, влияющие на развитие Вузовской науки и качества преподавания. Для всех уже очевидно, что престиж профессии преподавателя Вуза очень низок, что подтверждается как размерами оплаты труда вузовских преподавателей, так и необходимостью выработки человеко-часов для поддержания минимально достойного звания преподавателя уровня жизни. Бесконечное присутствие в аудиториях преподавателя, дабы заработать на «хлеб насущный» и вследствие чего отсутствие времени на собственное развитие и проведение исследований, поскольку, чаще всего занятия наукой осуществляются на «бездомной основе», из любви к науке не способствует развитию вузовской науки и повышению качества преподавания. Дело иногда доходит до «крайностей»: администрации Вуза проще принять, «неостепененного» преподавателя, взвалить на него максимальное количество аудиторной нагрузки, поскольку можно меньше платить, чем оплачивать труд преподавателя,

имеющего научные степени и звания. И вряд ли в этом надо винить администрацию Вуза.

Количество учебных и рабочих программ, формы которых меняются раз в полгода, отчетов, иных бесконечных бумаг, занимающих у преподавателя все время, оставшееся от занятий в аудиториях, не только не способствуют занятию наукой, но и препятствуют качественной подготовке самого преподавателя к занятиям. Поэтому в шутке, что наукой в Вузе занимаются «вопреки», есть очень малая доля шутки.

И все-таки в таких условиях находятся «смельчаки», которые дерзают создавать научные труды, диссертации и даже смеют их защищать. Наличие защит на кафедре, на мой взгляд, и является определяющим критерием наличия школы, при этом, конечно, необходимо учитывать качество защищаемых работ, актуальность тематики, наличие диссертационного совета в Вузе. Особого уважения заслуживают те кафедры, которые в условиях огромной аудиторной и внеаудиторной учебной нагрузки, отсутствия диссертационных Советов все-таки проводят научные исследования и защищают их в диссертационных Советах других Вузов.

Южно-Уральскому государственному университету, безусловно, повезло, с 1 сентября 1993 года кафедру уголовного и гражданского права и процесса, только созданную в техническом Вузе Челябинска возглавил профессор, доктор юридических наук Ю.Д. Лившиц. Но еще больше, чем Челябинскому техническому университету (в настоящее время ЮУрГУ), повезло тем, кто работал рядом с этим человеком. Человеческие качества этого Ученого у каждого, кто его знал, вызывают восхищение. Кроме высоких требований к преподавательской и научной деятельности он создал на кафедре атмосферу творчества и доброжелательности, любви каждого члена кафедры к своему преподавательскому труду и твердое понимание того, что преподавание в Вузе без занятия наукой невозможно. Отношения на кафедре и к заведующему были построены на необходимости, важности преподавательского труда, а отношение на кафедре определялись счастьем осознания общности дела, интересов, пониманием высоты выполняемой миссии, творчеством и радостью общения друг с другом и со студентами.

Из общей кафедры «всех юридических наук» отделилась кафедра уголовного процесса и криминалистики, которую Ю.Д. Лившиц возглавлял почти 10 лет. Кому-то покажется срок

не очень большим, но именно за это время сформировалась основа кафедры из преподавателей, которые и составляют, сейчас ее костяк, которые продолжают заниматься научной деятельностью и исследованиями, развивая и углубляя идеи, заложенных в трудах Ю.Д. Лившица.

Идеи, которые были заложены в научных трудах Ю.Д. Лившица, давали понимание того, что право – это сама жизнь и право – это искусство справедливости и человеколюбия.

Его монография «Воспитательная функция советского уголовного судопроизводства», вышедшая в издательстве Карагандинской высшей школы милиции МВД СССР очень небольшим тиражом, и уже переизданная после его ухода из жизни его учениками, рассматривала уголовное судопроизводство как способ разрешения конфликта между гражданином и государством, основной идеей этой книги был ответ на вопрос, как можно выйти из этого конфликта с наименьшими для всех потерями. Этой же теме была посвящена диссертация Ю.Д. Лившица на соискание степени доктора юридических наук. Диссертация и монография отражают, прежде всего, нравственные начала уголовного судопроизводства. Интерес к этой теме практически угас в настоящее время. Однако тема воспитательного воздействия в уголовном судопроизводстве во многом связана с принципом справедливости уголовного судопроизводства, когда каждое решение, действие понятно лицам, не являющимися профессиональными участниками уголовного судопроизводства и вызывает у них чувство верности, правильности, справедливости принятых решений и произведенных действий. В современный период тотального недоверия к судам и правоохранительным органам, неверия граждан в справедливость судебной системы, воспитательная функция уголовного судопроизводства приобретает особое значение. Изучение наследия наших учителей, от нас совсем недалекого, когда память о Ю.Д. Лившице и его трудах еще очень свежа, а его ученики помнят его идеи человеколюбия и понимания права как искусства справедливости позволит передать эти идеи последующим поколениям.

Основной посылкой существования воспитательной функции уголовного судопроизводства является тезис, сформулированный Ю.Д. Лившицем: «Уголовное судопроизводство как регулируемая уголовно-процессуальным правом деятельность представляет собой форму социального общения субъектов, так или

иначе с нею соприкасающихся, поскольку чисто социальный аспект взаимодействия здесь стоит на первом месте, ибо социальные роли четко определены, урегулированы правом» [1]. Социально общение, в том числе и в рамках уголовного судопроизводства оказывает, безусловно, воспитательное воздействие, поскольку происходит «психологический контакт, обмен информацией, действуют различные формы влияния на психику человека». Ю.Д. Лившиц рассматривал содержание воспитательной функции уголовного судопроизводства не только как правильное применение норм процессуального права, как например, рассматривала воспитательную функцию Н.А. Чечина [2]. К такому же, на наш взгляд очень «узкому» пониманию сводит справедливость судебного разбирательства и уголовного судопроизводства Европейский Суд по правам человека, который справедливость понимает как соблюдение норм уголовно-процессуального права в процессе расследования и разрешения уголовных дел. В содержание воспитательной функции Ю.Д. Лившиц включал точное и последовательное осуществление принципов советского уголовного судопроизводства, строгое соблюдение всех уголовно-процессуальных норм, вскрытие их политического и нравственного содержания, а равно конкретных для данного дела уголовно-процессуальных отношений и всех его обстоятельств, доведение этого до сознания участников процесса, всех присутствующих и знающих о деле, установление отрицательных черт личности обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и воздействие на них, стремление развить положительные черты личности, формирование правильного общественного мнения вокруг совершенного преступления.

Чем доступнее и понятнее участникам уголовного судопроизводства, гражданам, находящимся в зале судебного разбирательства процедура судебного разбирательства, основания и мотивы принятия тех или иных решений в процессе судебного разбирательства, тем большим воздействием обладают процессуальные действия и решения судопроизводства.

В связи с этим Ю.Д. Лившиц верно отмечал, что отрицать или недооценивать воспитательную функцию как определенное направление уголовно-процессуальной деятельности и считать, что все задачи уголовного судопроизводства будут выполнены, если преступление будет раскрыто и преступник понесет заслуженное наказание, значит совершенное неоправданно

приносить роль субъективного фактора в воспитательном процессе.

На наш взгляд одним из условий выполнения воспитательной функции уголовного судопроизводства является доступность и понятность происходящего в зале судебного заседания. Это условия связано с такими понятиями как адресат доказывания и направленность воспитательной функции на участников уголовного судопроизводства. Еще А.А. Эйсмэн верно писал, что адресатом доказывания является не профессиональные участники уголовного судопроизводства, а такая общность субъектов как общественность, т.е. адресатом воспитательной функции и процесса доказывания являются обвиняемый, потерпевший, свидетели, т.е. те лица которых мы называем непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства и неопределенное количество лиц, которое так или иначе получило информацию об уголовном деле, интересуется обстоятельствами уголовного дела, присутствует в зале судебного заседания. Другими словами воспитательное воздействие направлено как на конкретную личность, так и на и на группу людей. Поэтому субъекту уголовно-процессуальной деятельности при этом необходимо учитывать как индивидуальное правосознание и психологию так и групповое.

Продолжением идей, заложенных Ю.Д. Лившицем, стала докторская диссертация З.В. Макаровой, посвященная вопросам гласности, доступности уголовного судопроизводства. Зинаида Валентиновна работала на кафедре в течение длительного времени, затем уходила на другой факультет, возвращалась, но всегда принимала активное участие в работе кафедры, занималась с аспирантами, участвовала в принятии наиболее судьбоносных решений кафедры, активно работала в диссертационном совете. Ее научные работы и учебные пособия «Участие адвоката-защитника на предварительном следствии», «Судебная речь», «Культура судебного процесса», безусловно, продолжили научную школу Ю.Д. Лившица в Южно-Уральском университете, привнес в нее «ленинградский дух», поскольку сама профессор считает себя выходцем из ленинградской школы, ученицей Н.А. Алексеева.

Для осуществления воспитательной функции важно точное и неуклонное соблюдение уголовного и уголовно-процессуального законов при осуществлении правосудия. Это еще одно из условий осуществления воспитательной

функции уголовного судопроизводства, причем условие первостепенное.

Продолжателем идей, единомышленником Ю.Д. Лившица в этом направлении стал друг и ученик Ю.Д. Лившица, работавший с ним еще в Казахстане, профессор, доктор юридических наук Л.В. Виницкий, который сотрудничает с ЮУрГУ уже 15 лет, его монографии, выполненные им совместно с его учениками, написанные и созданные на кафедре уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ говорят о разносторонности интересов профессора и нестандартности его мышления в области уголовно-процессуального права. Перечислим некоторые из них, изданные за последние пять лет: «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии предварительного расследования» (совместно с Русман Г.С. и Русман А.А.) М., 2011; Актуальные вопросы прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (совместно с Нагуляк М.В.), М., 2012; Участие прокурора в ходе предварительного следствия (совместно с Буглаевой Е.А.), М., 2013; Явка с повинной в уголовном судопроизводстве (совместно с Классеном М.А. и Классеном А.Н.) Челябинск, 2013; Справедливость приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России. М., 2014; Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве (в соавторстве с Кубриковой М.А.) М., 2015; Участие психолога на стадии предварительного расследования (совместно с Сурменевой С.В.) М., 2015.

Заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики доктор юридических наук, профессор С.М. Даровских, ученица Ю.Д. Лившица, наследница его идей и мыслей, смело и продуманно ведущая кафедру по пути развития в сложный период реформирования образования продолжила идеи Ю.Д. Лившица. За последние пять лет ей подготовлена и защищена докторская диссертация, результаты которой опубликованы в следующих статьях и монографиях: Понятие «правовая позиция» в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право», 2009 г.; Факторы, влияющие на формирование и реализацию «правовых позиций» Конституционного Суда в уголовном судопроизводстве // Вестник ЮУрГУ Серия «Право». 2010 г.; Проявление судебного прецедента как источника права в российском уголовном судопроизводстве. Вестник ЮУрГУ Серия «Право». 2011г.; Особое мнение судьи как разновидность доктринальной судебной правовой позиции. // Проблемы права.

2011 г.; Реализация Функции защиты в уголовном судопроизводстве по правовым позициям Конституционного Суда РФ // Бизнес в законе. 2011 г.; Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве (Монография) М., 2011 г.

Ю.Д. Лившиц в процессе расследования и разрешения конкретного уголовного дела видел большие возможности для осуществления воспитательного воздействия в психологическом плане. Ведь лица, попадающие в его орбиту, не могут оставаться безучастными к тому, что происходит. Впечатления от совершенного преступления пробуждают определенный личный и общественный интерес к производству по уголовному делу, вызывают внимание к нему не только у граждан, как-либо связанных с этим делом, но и у других лиц. Эффективность воспитательного воздействия в данном случае во многом зависит от глубины интереса к тому или иному уголовному делу, от концентрации внимания на нем, которая во многом предопределяется качеством самой организации производства по делу.

Продолжателями этих идей является «среднее» поколение преподавателей нашей кафедры, которые подготовили свои кандидатские диссертации под руководством Ю.Д. Лившица, некоторые из них защищались уже после его смерти: доцент, к.ю.н. Дмитриева А.А., доцент, к.ю.н. Кочетова А.В. доцент к.ю.н., Печорина (Яцишина) О.Е., доцент к.ю.н. Русман Г.С. доцент к.ю.н. Тетюев С.В., доцент к.ю.н. Хашимов Р.А., доцент к.ю.н. Ястребова Т.И., и преподаватель с «большой буквы» доцент к.ю.н. И.И. Пиндюр. Эти преподаватели – основание, фундамент кафедры, люди, которые каждый день по многу часов пропадают в студенческих аудиториях, которые несут студентам идеи человеколюбия, доброты, справедливости, прививают любовь к уголовно-процессуальной науке, решают с ними практические задачи, проводят деловые игры в виде судебных разбирательств, и следственных действий. По кафедре уголовного процесса и криминалистики защищали работы сотрудники юридического факультета ЮУрГУ, успешно работающие на других кафедрах. Тимошенко А.В., Евстратенко Е.В., Беляева И.М., Полякова Н.А.

Диссертации и исследования этих ученых посвящены следующим направлениям: вопросам общетеоретического характера уголовного процесса: категории «цель» в уголовном процессе, уголовно-процессуальной ответственности. В

рамках данного направления последовательное применение целевого подхода к пониманию уголовного процесса как явления общественной жизни позволяет рассмотреть отражение целей уголовного судопроизводства на нормативном уровне, а также исследовать механизм теологического толкования норм уголовно-процессуального права и отразить тенденции смены концепций целей в уголовном процессе. Исследуются также понятие, сущность и правовая природа оснований уголовно-процессуальной ответственности как противоправного поведения, проявляющегося в сфере уголовно-процессуальной деятельности; Диссертации посвящены также вопросам доказательств и процесса доказывания: функция защиты, участие защитника обвиняемого (подозреваемого) и адвоката-представителя потерпевшего в доказывании, вещественным доказательствам, в данном направлении разрабатываются средства и способы, а также исследуются формы и структура участия защитника в процессе доказывания. На кафедре разрабатываются также проблемы теории и практики предварительного расследования: допрос несовершеннолетнего. Это направление исследует проблемные вопросы участия педагога (психолога) в уголовном процессе, особенности проведения такого следственного действия как допрос; использование специальных знаний в уголовном процессе. В данном направлении, изучается понятие, признаки и структура специальных знаний в уголовном процессе, в качестве критерия классификации форм использования специальных знаний на процессуальные и непроцессуальные предложен характер результата, получаемого при использовании специальных знаний, а также определена структура специального знания с точки зрения особенностей внутренних и внешних компонентов человеческой деятельности в виде системы трех взаимосвязанных и взаимозависимых блоков динамического характера. Специалист и эксперт определяются через цель их деятельности, а не через характер знания, как это делается традиционно. Значительная часть исследований посвящена принципам уголовного судопроизводства: оценке доказательств, состязательности, гласности. Данное направление разрабатывает понятие «внутреннее убеждение», а также вопросы природы внутреннего убеждения как основания оценки доказательств. Исследуя весь комплекс проблем связанных с применением принципа состязательности, определяется его место в смешанном российском уголовном судопроизвод-

стве, а также разрабатываются пути реализации данного принципа в судебной, прокурорской, адвокатской и следственной практике; гарантии прав участников уголовного судопроизводства: применение мер уголовно-процессуального принуждения, институт реабилитации, защита свидетелей и потерпевших в уголовном процессе. В работе по данному направлению с новых позиций интерпретируются ряд теоретических положений и выводов, определяющих понятие, систему, юридическую природу, социальную обусловленность уголовно-процессуального принуждения, а также исследуется механизм реализации реабилитированными лицами права на возмещение вреда, причиненного в результате незаконного и необоснованного уголовного преследования или осуждения. Еще одним направлением исследования являются перерывы в уголовном судопроизводстве: оно изучает природу приостановления, отложения и перерыва в уголовном судопроизводстве, на основе этого сделаны предложения по совершенствованию этого института уголовно-процессуального права и уголовно-процессуального законодательства.

К сожалению, нынешнее поколение аспирантов, после окончания аспирантуры уже не мечтает остаться на кафедре, по соображениям непрестижности преподавательской профессии и желания зарабатывать себе на жизнь самостоятельно. Однако кафедра гордится теми диссертациями, которые были выполнены на кафедре уголовного процесса и криминалистики и защищены в диссертационном Совете по специальности 12.00.09, за все годы существования диссертационного совета по этой специальности с 2001 по 11 января 2015 года, последняя дата является датой закрытия Совета в силу его «неэффективности». Для опровержения данной оценки хотелось бы привести количественные данные о тех преподавателях из других Вузов, которые защитили свои диссертации в диссертационном Совете при ЮУрГУ по специальности 12.00.09 из Оренбургского государственного университета – 24 человека, из Башкирского государственной университета – 10 чел., Казанского государственного университета – 4 человека, Уральской государственной юридической академии – 6 чел, Саратовского института МВД России – 2 чел, Уфимского юридического института МВД России – 5 человек, Удмуртского государственного университета – 17 человек, Академии МВД Республики Казахстан-1, Кустанайского государ-

ственного университета – 1 человек Республики Казахстан, Омского государственного университета – 2 человека, Омской академии МВД России – 2 человека и других Вузов России, Республики Казахстан и практических работников, которые в форме соискательства, аспирантуры, докторантуры обучались на кафедре уголовного процесса и криминалистики, выполнили исследования, защитили свои диссертации и успешно работают.

Справедливости ради следует отметить, что не все аспиранты и соискатели нашей кафедры сумели выйти на защиту, по разным причинам, некоторые разочаровались в науке, некоторые по материальным причинам не смогли продолжить обучаться в аспирантуре, некоторые в силу специфики работы не смогли выполнить исследование в силу отсутствия свободного времени.

На кафедре, начиная с 1993 года, было выполнено и защищено 63 кандидатских диссертаций, три докторские диссертации, все из них получили утверждение ВАК России, все из защитившихся продолжают писать статьи, проводить исследования, издавать монографии, даже работая на практике и не прерывают научные связи с кафедрой. Всего в Диссертационном совете при Южно-Уральском государственном университете, который существовал под разными номерами, с 2001 года по май 2014 года по специальности 12.00.09, было защищено 148 диссертаций, которые были утверждены ВАК России, из них одна докторская диссертация. Кандидатская диссертация и три докторские, выполненные на кафедре уголовного процесса и криминалистики, были успешно защищены в диссертационных Советах других учебных заведений.

Можно ли считать работу такого Совета неэффективной? А научную школу на кафедре уголовного процесса и криминалистики несуществующей? О чем так упорно сообщают нам чиновники Министерства образования и науки Российской Федерации. При таких показателях количественных и качественных нет никаких оснований говорить о неэффективности диссертационного Совета, об отсутствии научной школы в Южно-Уральском государственном университете. Скорее всего, закрытие диссертационного Совета по специальности 12.00.09 при ЮУрГУ – свидетельствует о непродуманности решений Министерства образования и науки, отсутствии у чиновников объективных показателей работы Совета, и об отсутствии у

них профессиональной заинтересованности в продвижении Вузовской науки.

Есть все основания утверждать о существовании научной школы по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, есть основатель школы – Ю.Д. Лившиц, пять докторов наук, работающих на кафедре по данной специальности, есть основное звено, отвечающее самым высоким критериям, требования к ученым и исследователям, на кафедру ежегодно принимаются аспиранты, которые успешно защищают диссертации на протяжении уже более двадцати лет. У кафедры есть планы дальнейшего развития, как научной школы, так и преподавания дисциплин кафедры, развитие магистерских программ, совершенствование преподавания на бакалавриате.

Для подтверждения разнообразия и актуальности направлений исследований кафедры хотелось бы отметить наиболее важные и интересные исследования, которые были проведены на кафедре и успешно воплотились в кандидатские и докторские диссертации. В 2006 году Вепрев В.С. защитил диссертацию «Основания уголовно-процессуальной ответственности», Горлова С.В. в этом же 2006 году защитила диссертацию на тему «Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе», Даровских О.И. «Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России» защитила диссертацию и издала монографию в 2013 году, Хашимов Р.А. защитил диссертацию в 2006 году на тему «Категория «цель» в уголовном процессе», Полякова Н. А. – «Правосознание присяжных заседателей как основание вынесения вердикта» (2007), Зигура Н.А. «Компьютерная информация как вид доказательств в уголовном процессе России», Дик Д.Г. «Соотношение познания и доказывания на предварительном слушании по уголовным делам»; (2011), Кузин Е.Б. «Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия» Маганкова А.А. Актуальные вопросы справедливости приговора суда первой инстанции в современном уголовном процессе России (2013 г.); Корнеев О.А. «Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России (2005); Худякова Ю.В. Вещественные доказательства в уголовном процессе (2006 г.) Мельник С.В. «Актуальные вопросы экспертной инициативы (2005 г.). Названы только отдельные темы, которые носят общетеоретический характер, поскольку, на наш взгляд, начиная с 90-х годов, общетеоретических направлений исследований в области уголовно-процессуаль-

ного права стало намного меньше и тем ценнее работы, общетеоретического свойства в уголовном судопроизводстве, сделанные молодыми учеными-исследователями.

Кроме того, на протяжении длительного времени студенты, проходящие подготовку на кафедре уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ, становились победителями региональных и окружных олимпиад в номинации уголовный процесс и криминалистика. В 2012 году команда юридического факультета заняла второе место в окружном туре по Уральскому федеральному округу Всероссийской студенческой олимпиады, в личном зачете студентка Копьева С. Ю. (руководитель Кочетова А.В.) заняла второе место, в финале всероссийской олимпиады третье место заняла студентка пятого курса Бикбаева Э.А., перед этим ею был выигран региональный тур всероссийской студенческой олимпиады. В 2014 году победителем олимпиад стал Пухов Я.С. – третье место в заключительном туре всероссийской студенческой олимпиады, проводимой на базе Уральской государственной академии, и он же занял первое место на олимпиаде, проводимой в Омском государственном университете им Ф.М. Достоевского.

Высокопоставленные должностные лица, работающие в правоохранительных органах Челябинской области в конце девяностых годов прошлого века в средствах массовой информации делали «громкие» заявления о недопустимости подготовки юристов в технических Вузах и тем более о недопустимости принятия на работу в правоохранительные органы выпускников данных Вузов. Сейчас выпускники кафедры уголовного процесса и криминалистики ЮУрГУ успешно работают следователями, судьями, прокурорами, адвокатами, юрисконсультами, стали успешными преподавателями.

Прошло время, накапливался и развивался научный и учебный потенциал, работали преподаватели, работали студенты. 150 диссертационных исследований, защищенных в диссертационном Совете при ЮУрГУ по специальности 12.00.09, победы студентов на олимпиадах, установленное сотрудничество с ведущими кафедрами уголовного процесса России, постоянное поступательное развитие кафедры «вопреки», интересные оригинальные темы исследования – это ли не свидетельство эффективности работы кафедры на основе традиций научной школы, заложенной Ю.Д. Лившицем.

Библиография:

1. Лившиц Ю.Д. Воспитательная функция уголовного судопроизводства // В кн. Избранные труды. Челябинск. 2004. С.134
2. Чечина Н.А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права. Л., 1972. С.7

References (transliterated):

1. Livshits Yu.D. Vospitatel'naya funktsiya ugolovnogo sudoproizvodstva // V kn. Izbrannye trudy. Chelyabinsk. 2004. S.134
2. Chechina N.A. Vospitatel'naya funktsiya sovetskogo grazhdanskogo protsessual'nogo prava. L., 1972. S.7

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА ЮРИЯ ДАНИЛОВИЧА ЛИФШИЦА

Зайцев О.А.

***Аннотация:** Статья посвящена одному из ярких звезд отечественной юридической науки, заслуженному работнику высшей школы, доктору юридических наук, профессору Лифшицу Юрию Даниловичу. Показан его вклад в создание и развитие уголовно-процессуальной научной школы Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Научные идеи профессора Ю.Д. Лифшица получили свое развитие в комплексе исследований актуальных проблем развития и совершенствования российского уголовного судопроизводства, осуществляемых сотрудниками кафедры. Результатом этой деятельности стали монографии, выпущенные сотрудниками кафедры **Метод или методология исследования: В процессе работы** использовались общенаучные и частно-научные методы познания: диалектический, формально-логический, моделирование и структурно-функциональный. Под руководством Юрия Даниловича было подготовлено 5 докторов и более 30 кандидатов юридических наук, которые продолжают реализовывать его научные идеи. Профессор всегда был внимательным и заботливым научным руководителем для своих учеников, умел словом и делом оказать существенную поддержку. Он опекал каждого из них, максимально создавал комфортные условия для занятий наукой, вырастил не одно поколение ученых. Многие его ученики получали необходимые консультации профессора не только на работе, но и у него дома. Они стали друзьями семьи, а Юрий Данилович – добрым страшим другом и наставником для них.*

***Ключевые слова:** Личность, безопасность, уголовно-процессуальное право, принуждение, юриспруденция, мера пресечения, источник, эксперт, специалист, кафедра.*

Уникальный человек и масштабная личность, Юрий Данилович Лифшиц – видный ученый, крупный специалист в области уголовно-процессуального права, широко известный, как во всех бывших советских республиках, так и далеко за их пределами. Его всегда выделяли богатый опыт научно-исследовательской, преподавательской и общественной деятельности, достижения в разработке приоритетных направлений юридической науки и подготовке научно-педагогических кадров.

После окончания Алма-Атинского юридического института в 1952 году Юрий Данилович Лифшиц был принят на работу в этот же ВУЗ на кафедру уголовного процесса и криминалистики в должности лаборанта – ассистента, а в 1954 году переведен на должность преподавателя. Именно с этого момента его жизнь связана с наукой уголовно-процессуального права.

С 1955 года до 1993 года Юрий Данилович работал в системе высшего и среднего образова-

ния органов внутренних дел СССР и Казахстана, где он прошел путь от преподавателя до начальника кафедры, профессора. Мне посчастливилось испытать на себе профессиональный талант профессора в стенах Карагандинской высшей школы МВД СССР, где я сначала обучался на следственно-криминалистическом факультете, и позднее, когда стал преподавателем кафедры уголовного процесса данного ВУЗа. Для всех нас было значительным событием каждый приезд Юрия Даниловича в Караганду, возможность общения с ним. Мы с благодарностью принимали его научные мысли и идеи, с которыми он щедро делился. При этом каждому преподавателю кафедры он уделял достаточное внимание и уважение, несмотря на свою занятость.

Более пятидесяти лет своей деятельности Ю.Д. Лившиц посвятил юридической науке. Он является автором более 100 научных и учебно-методических работ, в том числе двух монографий, ставших «бестселлерами» в уголовно-процессуальной науке и не утративших актуальности до настоящего времени.

В 1959 году Ю.Д. Лившиц защитил кандидатскую диссертацию на тему «Меры процессуального принуждения в уголовном процессе» в Московском государственном университете под руководством профессора Дмитрия Сергеевича Карева. По результатам проведенного диссертационного исследования в 1964 году впервые в истории науки уголовно-процессуального права советского периода в издательстве «Юридическая литература» была издана монография «Меры пресечения в советском уголовном процессе», которая получила большой резонанс среди ученых-процессуалистов.

Заслуга Юрия Даниловича состоит в том, что эта работа одна из первых в советский период посвящена научной разработке проблем охраны прав и законных интересов личности при применении мер уголовно-процессуального принуждения. В монографии дано авторское определение

мер процессуального принуждения, как мер государственного принуждения предупредительного характера, которые, не будучи наказанием, применяются в целях осуществления задач правосудия лишь в случаях действительной к тому необходимости к субъектам уголовно-процессуальной деятельности в строгом соответствии с законом и с учетом прав и интересов этих лиц. Профессор разработал и научно обосновал систему мер пресечения, применяемых в уголовном судопроизводстве.

Актуальность данной работы не снижается до настоящего времени. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что российский законодатель впервые ввел в новом Уголовно-процессуальном кодексе РФ специальный раздел, посвященный мерам процессуального принуждения.

Спустя десять лет в 1974 году выходит в свет следующая монография Юрия Даниловича Лифшица «Воспитательная функция советского уголовного судопроизводства», а в 1977 году он защищает докторскую диссертацию, посвященную теоретическим проблемам воспитательного воздействия советского уголовного процесса. Автор обосновывает предупредительно-воспитательное воздействие уголовного судопроизводства. Юрий Данилович определяет воспитательную функцию как целенаправленную деятельность соответствующих субъектов уголовного процесса, регламентированную законом. Особо выделяются такие методы воспитательного воздействия, как убеждение, принуждение, приучение, поощрение. К принципам, оказывающим воспитательное воздействие, Ю.Д. Лившиц отнес законность и гласность. Повышенное внимание в работе уделено объекту воспитательного воздействия, который рассматривается как активная категория, а воспитательный процесс как взаимодействие воспитателя и воспитуемого. В монографии также показана необходимость изучения личности обвиняемого в уголовном судопроизводстве в процессуально-криминалистическом, уголовно-правовом, криминологическом и психолого-педагогическом аспектах [1].

Научные интересы профессора не были ограничены только указанными темами, которые он разрабатывал в своих диссертационных исследованиях. В научном плане и в настоящее время представляют интерес подготовленные им научные статьи. Достаточно назвать некоторые из них: «Вопросы теории доказательств и их правовая регламентация», «Независимость суда», «О суде и принципах его организации». Особо следует выделить работы, написанные в соавторстве с другими учеными-процессуалистами, например, с А.В. Кудрявцевой «Принцип законности в уголовном процессе», «Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе», с С.М. Даровских «Состязательность в судебном разбирательстве: этические и психологические аспекты», «Некоторые процессуальные вопросы рассмотрения судами уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств», «Суд и стороны в системе доказывания в уголовном процессе России»,

с Н. В. Ткачевой «Социальная обусловленность института мер пресечения», с А.А. Дмитриевой «Понятие и признаки уголовно-процессуального представительства», с Р.А. Хашимовым «Цели в уголовно-процессуальном праве» и др.

В 1993 года профессор Ю.Д. Лившиц возглавил кафедру уголовного и гражданского права и процесса, с которой началась специальность «юриспруденция» в Южно-Уральском государственном университете (город Челябинск). Уже в 1998 году в данном учебном заведении была открыта аспирантура по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность, а в 2002 году начал работу диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по этой же специальности. Выполнение обязанностей председателя были возложены на Юрия Даниловича. Научная добросовестность Ю.Д. Лившица, его нетерпимое отношение к небрежности, халатности стали определяющими в деятельности этого диссертационного совета, который успешно действует до настоящего времени. После ухода Юрия Даниловича состав диссертационного совета и его руководство менялось, диссертационный совет возглавляли профессоры А.В. Кудрявцева, В.И. Майоров, но планка высокой требовательности к качеству диссертационных исследований, поднятая Ю.Д. Лившицем, сохранена до настоящего времени.

Под руководством Юрия Даниловича было подготовлено 5 докторов и более 30 кандидатов юридических наук, которые продолжают реализовывать его научные идеи. Профессор всегда был внимательным и заботливым научным руководителем для своих учеников, умел словом и делом оказать существенную поддержку. Он опекал каждого из них, максимально создавал комфортные условия для занятий наукой, вырастил не одно поколение ученых. Многие его ученики получали необходимые консультации профессора не только на работе, но и у него дома. Они стали друзьями семьи, а Юрий Данилович – добрым страшим другом и наставником для них.

Творческое наследие Юрия Даниловича Лившица явилось той базовой основой, на которой проводят свои научные исследования его ученики и последователи, в том числе преподаватели кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета. Профессор Ю.Д. Лившиц фактически являлся научным консультантом по докторской диссертации Анны Васильевны Кудрявцевой на тему «Судебная экспертиза как институт уголов-

но-процессуального права», которая блестяще была защищена в 2001 году.

Особо хотелось бы выделить следующие кандидатские диссертации, по которым научным руководителем был Юрий Данилович: «Принцип состязательности в уголовном процессе России и механизм его реализации» (С.М. Даровских), «Информационное обеспечение уголовного процесса» (С.В. Зуев), «Процессуальные и организационные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела в уголовном процессе России» (Б.М. Сергеев). Именно профессор Ю.Д. Лившиц проложил данным ученым путь в большую науку, что позволило им в дальнейшем защитить докторские диссертации по актуальным проблемам уголовного судопроизводства и стать профессорами.

Кроме того, следует назвать кандидатскую диссертацию Н.В. Ткачевой

на тему «Теория и практика мер пресечения, не связанных с заключением под стражу», которая в своей работе продолжила и развила идеи своего научного руководителя, Юрия Даниловича Лившица, касающиеся проблемных вопросов реализации мер пресечения.

Идеи Ю.Д. Лившица также были успешно реализованы в кандидатских диссертациях таких молодых, но перспективных ученых, как Г.С. Русман, А.А. Русман, Р.А. Хашимов, С.В. Тетюев, В.С. Вепрев, с которыми профессор начинал работать как научный руководитель. Любовь Юрия Даниловича к своей профессии поражала, а его авторитет настолько значим, что это сказалось на выборе профессии его учениками. Многие из них (Н.В.Ткачева, Г.С. Русман, Р.А. Хашимов, С.В. Тетюев и др.) после защиты кандидатских диссертаций работают преподавателями, в том числе и на кафедре уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета. Они являются продолжателями творческого наследия профессора Ю.Д. Лившица, ведут активную научную работу, выступают рецензентами и оппонентами по кандидатским диссертациям, публикуют научные статьи, монографии, учебные пособия и активно работают со студентами, приобщая их к научной деятельности.

Следует отметить, что основной состав кафедры, сформированный еще при Ю.Д. Лившице, практически не менялся. Особая заслуга в этом профессора Анны Васильевны Кудрявцевой, ученицы Юрия Даниловича, которая эффективно руководила кафедрой более 7 лет, успешно возглавляла диссертационный совет, обеспечивая качество его работы, руководила кандидатскими

диссертациями, в том числе и тех аспирантов, с которыми начинал работать Юрий Данилович. Благодаря профессиональному таланту и человеческим качествам профессора А.В. Кудрявцевой, во многом поддерживаются добрые традиции, которые зарождал на кафедре и факультете профессор Ю.Д. Лифшиц. Анна Васильевна убедительно показывает научной общественности значение трудов и всей деятельности Ю.Д. Лифшица для развития современного уголовно-процессуального права и других наук [2]. При ее непосредственном участии были изданы избранные труды Юрия Даниловича.

Научные идеи профессора Ю.Д. Лившица получили свое развитие в комплексе исследований актуальных проблем развития и совершенствования российского уголовного судопроизводства, осуществляемых сотрудниками кафедры. Результатом этой деятельности стали монографии, выпущенные сотрудниками кафедры: «Меры пресечения, не связанные с лишением свободы в уголовном процессе России» (Н.В. Ткачева), «Прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон на стадии предварительного расследования» (Л.В. Виницкий, Г.С. Русман, А.А. Русман), «Внутреннее убеждение как основание свободы оценки доказательств» (О.Е. Яцишина), «Актуальные вопросы методики расследования краж цветных металлов» (Т.И. Ястребова), «Специальные знания в уголовном процессе России» (И.И. Трапезникова), «Правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся реализации принципа состязательности в уголовном судопроизводстве» (С.М. Даровских), «Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве России»

(А.В.Кудрявцева, Ю.А.Кудрявцева), «Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России» (О.И. Даровских).

Уголовно-процессуальная научная школа Южно-Уральского государственного университета, вклад в создание и развитие которой внес Юрий Данилович Лившиц, связана с исследованиями приоритетных проблем уголовно-процессуального права как теоретического, так и прикладного характера. Особое внимание уделяется актуальным проблемам использования специальных знаний в уголовном процессе, проблемам источников уголовно-процессуального права, вопросам разграничения компетенций эксперта и специалиста, особенностям получения, проверки и оценки доказательственной информации в уголовном процессе. Эти проблемы требуют постоянного научного осмысления в целях эффективной разработки предложений по совершенствованию норм права.

Юрий Данилович был не просто старшим другом и соратником, но и мудрым Учителем с большой буквы не только для своих многочисленных учеников, но и для всех нас. На его жизненном пути было много хороших людей, известных ученых и верных друзей, которые всегда поражались многогранному таланту профессора в совершенно различных сферах жизни, особому, уважительному отношению к людям, щедростью его души.

Заслуженный авторитет и любовь друзей и близких Юрий Данилович заработал честным трудом, и в том ему помогали высокое чувство долга, профессионализм, требовательность, прежде всего, к себе. При этом он не допускал подлости или обмана, был справедливым, порядочным, интеллигентным и очень скромным человеком.

Библиография:

1. Кудрявцева А.В. Значение научного наследия Ю.Д. Лифшица в развитии современного уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2004 г.: Материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию и памяти профессора Ю.Д. Лифшица. – 1-2 апреля 2004 г., – Челябинск, 2004. Ч. I. С. 121-123.
2. Лифшиц Ю.Д. Избранные труды. – Челябинск, Книга, 2004. – 216 с.

References (transliterated):

1. Kudryavtseva A.V. Znachenie nauchnogo naslediya Yu.D. Lifshitsa v razvitii sovremennogo ugotovno-protsessual'nogo prava // Aktual'nye problemy prava Rossii i stran SNG-2004 g.: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu i pamyati professora Yu.D. Lifshitsa. – 1-2 aprelya 2004 g., – Chelyabinsk, 2004. Ch. I. S. 121-123.
2. Lifshits Yu.D. Izbrannye trudy. – Chelyabinsk, Kniga, 2004. – 216 s.

СТЕНОГРАММА

СТЕНОГРАММА «КРУГЛОГО СТОЛА» НА ТЕМУ: «НЕЗАКОННАЯ ТРАНСПЛАНТОЛОГИЯ»

Мацкевич И.М., Антонян Е.А.

Аннотация: 12 сентября 2014 года на базе Федерального казенного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России» (ВИПК МВД России) совместно с Региональной общественной организацией «Союз криминалистов и криминологов» был проведен совместный круглый стол на тему: «Незаконная трансплантология». Данное мероприятие было организовано и проведено в рамках запланированных мероприятий Союза криминалистов и криминологов на 2014 год. Площадкой проведения данного мероприятия явилось образовательное учреждение, имеющее важное значение в деле повышения квалификации сотрудников полиции. Это очень важная проблема в рамках изучения транснациональной организованной преступности. В работе круглого стола приняли участие известные ученые в области криминологии, уголовного права, криминалистики, уголовного процесса, психологии и практики. Все высказанные позиции ученых и практиков представляли интерес и вызвали острую дискуссию, что еще раз подчеркивало важность проведенного мероприятия. Единым мнением всех являлось то, что необходимо бороться с подобным злом, т.к. оно является и одной из причин пропажи людей без вести в нашей стране. По итогам проведенного круглого стола была принята резолюция, включающая практические позиции для повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, ведущих борьбу с незаконной трансплантологией.

Ключевые слова: Расследование, рынок ритуальных услуг, лицензирование, похороны, трансплантология, экономическая деятельность, услуга, миграционные процессы, захоронения, заказчик.

Место проведения: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России» (ВИПК МВД России), зал ученого совета Главного учебного корпуса.

Участники «круглого стола»:

- делегация Союза криминалистов и криминологов;
- профессорско-преподавательский состав кафедры ОРД ОВД;
- доктора наук Института.

Мацкевич Игорь Михайлович:

Уважаемые коллеги, как всегда и бывает при проведении подобных мероприятий, несколько участников нашего круглого стола в силу объективных причин не смогли сегодня присутствовать, тем не менее они передавали привет и пожелание хорошей работы нам. В частности, не смог приехать Федоров Александр Вячеславович, заместитель председателя Следственного комитета России, который еще вчера вечером собирался к нам приехать, но так как у него сегодня утром проходит совещание,

он не смог приехать. Поэтому я предоставляю слово Абшилаве Георгию Валерьяновичу, председателю Уральского регионального отделения Союза криминалистов и криминологов, доктору юридических наук, профессору.

Абшилава Георгий Валерьянович:

Уважаемые коллеги, я хочу сказать, что не так давно занимаюсь этой проблемой, но хочу отметить, в одиночку мы ее не можем решить, как и проблему борьбы с коррупцией. Я для себя избрал такую тему сегодня: «О гуманитарных аспектах незаконной трансплантации органов»

Все мы знаем, что есть Федеральный закон РФ от 22.12.1992 N 4180-1 (ред. от 29.11.2007) «О трансплантации органов и (или) тканей человека». Этот закон устанавливает условия, разрешающие трансплантацию указанных органов, как это ни печально. Назовем эти условия.

Трансплантация органов и (или) тканей от живого донора или трупа может быть применена только в случае, если другие медицинские средства не могут гарантировать сохранения жизни больного (реципиента) либо восстановления его здоровья.

Изъятие органов и (или) тканей у живого донора допустимо только в случае, если его здоровью по заключению консилиума врачей-специалистов не будет причинен значительный вред.

Трансплантация органов и (или) тканей допускается исключительно с согласия живого донора и, как правило, с согласия реципиента.

Органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи. Купля-продажа органов и (или) тканей человека влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Операции по трансплантации органов и (или) тканей реципиентам производятся на основе медицинских показаний в соответствии с общими правилами проведения хирургических операций.

Изъятие органов и (или) тканей для трансплантации не допускается у живого донора, не достигшего 18 лет (за исключением случаев пересадки костного мозга) либо признанного в установленном порядке недееспособным.

Изъятие органов и (или) тканей не допускается, если установлено, что они принадлежат лицу, страдающему болезнью, представляющей опасность для жизни и здоровья реципиента. Изъятие органов и (или) тканей для трансплантации у лиц, находящихся в служебной или иной зависимости от реципиента, не допускается.

Принуждение любым лицом живого донора к согласию на изъятие у него органов и (или) тканей влечет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту.

В соответствии со статьей 8 указанного Закона «Презумпция согласия на изъятие органов и (или) тканей» изъятие органов и (или) тканей у трупа не допускается, если учреждение здравоохранения на момент изъятия поставлено в известность о том, что при жизни данное лицо либо его близкие родственники или законный представитель заявили о своем несогласии на изъятие его органов и (или) тканей после смерти для трансплантации реципиенту.

Необходимо также отметить, что согласно Федеральному закону от 12.01.1996 N 8-ФЗ «О погребении и похоронном деле» волеизъявление лица о достойном отношении к его телу после смерти – это пожелание, выраженное в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, в частности, о согласии или несогласии на изъятие органов и (или) тканей из его тела. Действия по достойному отношению к телу умершего должны осуществляться в полном соответствии с волеизъявлением умершего, если не возникли обстоятельства, при которых исполнение волеизъявления умершего невозможно, либо иное не установлено законодательством Российской Федерации. В случае отсутствия волеизъявления умершего право на изъятие органов и (или) тканей из его тела, разрешение на это дают супруг, близкие родственники (дети, родители, усыновленные, усыновители, родные братья и родные сестры, внуки, бабушка, бабушка), иные родственники либо законный представитель умершего.

На этот счет имеется, кроме того, Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2003 N 459-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека», законодатель в данном Законе установил модель презумпции согласия на изъятие органов и (или) тканей человека

после его смерти («неиспрошенное согласие» или «предполагаемое согласие»), трактующую невыражение самим лицом, его близкими родственниками или законными представителями своей воли либо отсутствие соответствующих документов, фиксирующих ту или иную волю, как наличие положительного волеизъявления на осуществление такого изъятия – при том, что никто после смерти не может быть подвергнут данной процедуре, если известно об отрицательном отношении к этому самого лица, его близких родственников, законных представителей.

Органы и ткани для трансплантации (пересадки) могут быть изъяты у трупа после констатации смерти.

Органы и ткани человека могут быть использованы для трансплантации, если имеются бесспорные доказательства смерти, выраженные в заключении консилиума врачей-специалистов. Заключение о смерти дается в случае необратимой гибели головного мозга. В диагностике смерти запрещается участие специалистов-трансплантологов.

Изъятие органов и (или) тканей у трупа производится с разрешения главного врача учреждения здравоохранения при условии соблюдения требований настоящего Закона.

В том случае, когда требуется проведение судебно-медицинской экспертизы, разрешение на изъятие органов и (или) тканей у трупа должно быть дано также судебно-медицинским экспертом с уведомлением об этом прокурора.

Объектами трансплантации могут быть сердце, легкое, почка, печень, костный мозг и другие органы и (или) ткани, перечень которых определяется федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения и социального развития, совместно с Российской академией медицинских наук.

Не могут быть объектами трансплантации органы, их части и ткани, имеющие отношение к процессу воспроизводства человека, включающие в себя репродуктивные ткани (яйцеклетку, сперму, яичники, яички или эмбрионы), а также на кровь и ее компоненты.

Из этого можно было бы сделать вывод, что осуществление принуждения к изъятию органов и тканей человека, которые не перечислены в названном Законе, не охватывается составом преступления, предусмотренного статьей 120 УК РФ.

Однако, это будет неправильно. Уголовный закон не конкретизирует, к изъятию каких органов принуждается потерпевший. Это первое. А во вторых, ФЗ «О трансплантации органов и тканей человека» – не единственный нормативный правовой акт, регламентирующий трансплантацию. В частности, есть Закон РФ «О донорской крови и ее компонентах» от 9 июня 1993 года. Поэтому принуждение человека к согласию на изъятие любых органов и (или) тканей образует состав преступления.

По нашему мнению, уголовно-правовая охрана прав и свобод человека была бы в большей степени реализована, если бы в данной норме было бы указано, что органы и ткани виновный желает получить для трансплантации. Не исключены случаи изъятия органов и тканей человека для проведения экспериментов и такие деяния не менее опасны для человека. Поэтому мы предлагаем включить данное деяние в УК РФ в качестве состава преступления.

Самостоятельным составом следует предусмотреть понуждение человека к участию в любых экспериментах, опасных для жизни и здоровья по аналогии с уголовным кодексом Франции. На наш взгляд, является общественно-опасным понуждение беременной женщины к аборту с целью изъятия эмбриональных тканей для изготовления лекарственных препаратов, проведения экспериментов, а также для трансплантации.

Ровно год назад в материале Игоря Травина «Потрошители гнезд» приведены слова известного российского детского доктора Леонида Рошала. Леонид Рошаль активно лоббировал изменения в законе, разрешающего изъятие органов для трансплантации у детей. При соблюдении всех правил – я принципиально ЗА.

Интересен сам отсыл к опыту мировой практики, когда доморощенные правозащитники ратуют за отмену смертной казни и при этом оппонентов убеждают единственным аргументом – опасностью судебной ошибки. В суде по военным преступлениям Республики Сербии продолжается рассмотрение дела о преступной торговле органами граждан Югославии, убитых косовскими боевиками в период войны 1998-1999 года. По данным сербской стороны, жертвами группировки, поставлявшей донорские органы трансплантологам ряда европейских стран, стали несколько сотен человек, убитых в Косово. Сейчас пересадка органов от живого донора разрешается только его генетическим родственникам. И полностью запрещена детская трансплантация

Что же происходит в мировой практике? В Японии запрещена трансплантация – народ там нравственно чуткий. Наши лоббисты говорят еще и про Китай и Иран, где почка стоит 6 тысяч долларов. Но лоббисты не говорят о китайской практике за незаконную трансплантацию – смертной казни.

Откроем поисковую систему Яндексa, напишем: «куплю почку». История запросов за месяц – 330 тысяч со всего мира. Изъятая почка хранится до 48 часов в специальном растворе, сердце – 10 часов. За границей почка стоит 10 тысяч долларов – жирный кусок. А если твой единственный долгожданный ребенок при смерти, то ты отдашь последние деньги, чтобы спасти его, пойдешь на что угодно ради этого – голос крови заглушит все твои нравственные и гуманные принципы.

От мирового опыта – к новой религии: «Все позволено». И вот ты несешь хирургу сердце чужого ребенка, горячее и пульсирующее. Раньше человек свое сердце нес людям, а теперь вырезают у младенца и мать тут же пересчитывает мировую валюту.

По неофициальным данным МВД России существуют десятки подпольных «операционных», где производится изъятие органов и тканей человека. В России перинатальная и младенческая смертность в 6 раз выше, чем в Европе. Трансплантологи засучат рукава. Смертность детей от одного года до четырнадцати лет порядка 130 тысяч в год. В пересадке же органов нуждается ежегодно от 1600 до 2 тысяч детей. Куда же отправляются еще живые органы от остальных мертвых или умерщвленных детей? Если за всю историю российской трансплантологии было сделано всего 350 операций, и ни одной ребенку. Каждый год в мире выполняется порядка 100 тысяч операций по трансплантации органов и 200 тысяч по трансплантации тканей человека. Лидерами по количеству данных операций являются США и Германия.

КТО ЛЯЖЕТ ПОД НОЖ? В России смертность детей в бедных семьях в 1.35 раз выше, чем у обеспеченных родителей. Исполнительный директор ЮНИСЕФ Энн Венеман в одном из своих отчетов писал, что причины детской смертности и болезней кроются в первую очередь, в бедности, которая оборачивается слабым здоровьем матерей и недостаточным питанием и болезнями ребенка. Численность детей в малоимущих семьях составляет 17,3 млн. человек. (доходы ниже прожиточного минимума, а также в малообеспе-

ченных семьях – 2-5 прожиточных минимумов). Когда директор института трансплантологии Сергей Готье говорит о том, что «в России много ресурсов для получения трупных органов», я сразу думаю о 700 тысячах детей в детских домах, о 600 детях, которых вывезли из Волгоградской области в США и чьи судьбы неизвестны, – сказал депутат Госдумы, член комитета по делам женщин и детей Нина Останина.

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ? По новому закону, трансплантологии смогут объявить трупом человека с неработающим мозгом, но с бьющимся сердцем. И врачам, занятым в незаконной трансплантологии, будет выгоднее не пытаться спасти ребенка, а, наоборот, признать его трупом. В отношении научного определения необратимой смерти – смерти мозга остается некоторая неясность. В какой именно момент врач должен констатировать смерть и прекращать реанимационные действия? Например, в 2000 году в Норвегии спасли жизнь лыжнице, которая провела больше 7 часов в состоянии клинической смерти. При этом температура её тела упала до 14 °С. Но врачи продолжали реанимацию в течение нескольких часов, а не поспешили выпотрошить безнадежную пациентку. Детское посмертное донорство связано ещё и с серьезными медицинскими и психологическими проблемами. Органы у ребенка необходимо брать сразу после смерти мозга, но при этом ещё могут сохраняться дыхание и сокращения сердца. Все ли врачи сделали для спасения дитя? И как вырезать сердце, если оно еще бьется? А ребенок -дышит?

ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА. Почкойный Академик В.И.Шумаков в предисловии к «Руководству по трансплантологии» ставит задачу организации стратегии «научно обоснованной пропаганды донорства». Стратегия пропаганды должна быть ориентирована на преодоление «мифического» на их языке, а по сути дела, традиционного религиозного отношения к смерти, к телу, к сердцу человека как средоточию духовной жизни.

– Очень бы не хотелось, чтобы российская наука вновь вставала на тупиковый путь противопоставления науки и веры, – говорит Ирина Васильевна Силуянова, заведующая кафедрой биомедицинской этики Российского государственного медицинского университета им. Н.И.Пирогова.

В Символе веры утверждается «чаяние воскресения мертвых». Будет ли при общем

воскресении воссоздано в целости тело, которое стало жертвой трансплантологической практики? Все мировые религии охраняют почтительное отношение к телу покойного. Почтение к усопшему непосредственно связано с уважением к живущим. Кстати, усопший это не мертвый, а тот кто усоп, уснул. А его режут на части. Утрата почтения к усопшему, нанесение повреждений телу, влечет за собой потерю уважения и к живущим. Свидетельств этому множество.

Использование трупов в медицине ускоряет рост потребительского отношения к человеку. Жизнь человека стоит ровно столько, сколько стоят его органы. С учетом износа. И ни цента больше... Трансплантологическая практика свидетельствует о постоянной подмене добра злом. Стремление спасти человеческую жизнь оборачивается уничтожением другой жизни. Потрошение трупов сводит сакральность человека к биологической субстанции как хранилищу запасных частей. Торжествует принцип целесообразности и необходимости.

ПОЧЕМУ ЗАТЯНУЛАСЬ ПЕТЛЯ... Во время очередной операции по забору сердца у младенца вдруг дернулось веко. Наталья выронила скальпель. Коллеги-американцы лишь улыбнулись: так часто бывает, непроизвольные рефлексии. Мы ничего. Абсолютно! Не знаем. О жизни! О смерти! Только чувствуем. Наталья тогда это почувствовала: нельзя трансплантологу вмешиваться в план Создателя. Никому нельзя. Наталья лишила жизни ребенка. Наталья уничтожила и его бессмертную сущность. Своей смертью Наталья пыталась остановить конвейер смерти русских детей из нищих семей.

Одной из серьезнейших проблем человечества стало незаконное использование донорских органов. По федеральному закону согласие стать посмертным донором органов россияне могут давать как в письменной, так и в устной форме. То же самое касается разрешений на проведение вскрытия, распоряжения органами, определения места захоронения, а также передачи права распоряжения своим телом родственникам.

Конечно, не всем в мире хватит органов, которые нужно пересадить, но в эпоху потрясающих сложностей жесточайших конфликтов эта торговля приобретает просто невероятные масштабы. В Косово в частности были отработаны технологии, как это поставить на поток. Как на забой скота приводили людей в лагеря, где у них изымали органы. Не нужно утруждать себя транс-

плантологическим туризмом, не нужно платить баснословные деньги. Можно взять серба, пленного русского, цыгана и удалить всё, что нужно.

Отмена письменного заявления об изъятии органов приведет к тому, что изымать органы будут без вашего письменного согласия и согласия ваших родственников. При нынешнем падении нравственности, безнаказанности, продажности чиновников – какие перспективы для обогащения открывают такие законы, какие необъятные горизонты открываются для тех, кто нечист на руку. Поэтому надо быть готовыми, что данный закон, который принимался на федеральном уровне, «из лучших побуждений», будет использован для обогащения кучки людей. Как известно, благими намерениями вымощена дорога в ад.

Лидерами по незаконной торговле человеческими органами по сей день остаются страны СНГ. Мировые масштабы данного явления выросли в несколько раз. В 2012 году было проведено более 10 тыс. «черных операций по трансплантации». По данным Всемирной организации здравоохранения, сделки по купле-продаже нелегально полученных органов проводятся каждый час. С 2008 года лидером по сбыту человеческих органов остается Молдавия, далее идут Белоруссия, Азербайджан и Россия. Новая почка стоит \$150–200 тыс., из них сам донор получает максимум \$10–30 тыс. Остальные деньги идут на оплату операции и в карман посредников. «Черная трансплантология» также аспространена в Пакистане, Израиле и Китае. Если в 2006–2007 годах мы наблюдали спад в трансплантационном туризме, то сейчас торговля снова начала активно развиваться. Потребность в органах многократно увеличилась, и предложений огромное количество, – рассказывает Люк Ноэль, врач и специалист Всемирной организации здравоохранения по мониторингу тенденций в незаконной трансплантации. – Во многих странах нет карательного закона для черных продавцов, зато есть финансовый стимул. Когда негде заработать, начинаешь продавать себя.

Незаконная трансплантация является глобальной международной транснациональной проблемой. Самостоятельно, без помощи всех заинтересованных стран эту проблему не разрешить. Соблюдение гуманистических принципов трансплантологии в одиночку невозможно. Международные законодательные органы должны способствовать к принятию законодательных актов в сфере правового регулирования трансплантации органов.

Спасибо за внимание.

Мацкевич Игорь Михайлович:

Спасибо, Георгий Валерьянович. Уважаемые коллеги, в программе, в числе прочего есть проект резолюции по результатам сегодняшнего нашего круглого стола. Просьба в ходе нашего сегодняшнего обсуждения – в письменном виде давать свои предложения по конкретным пунктам. В частности, по выступлению Георгия Валерьяновича, вырисовывается как минимум один пункт по поводу правил и механизма изъятия органов, которые должны быть четко прописаны в законодательстве. Все материалы наших выступлений будут опубликованы в журнале Союза криминалистов и криминологов России, который выходит в бумажном и электронном виде, а также в виде стенограммы Союза криминалистов и криминологов, и кроме того, как мы договорились с Романом Владимировичем Кулешовым, стаи будут опубликованы в журнале «Вестник ВИПК МВД России». И еще один момент. Резолюция, которую мы сегодня примем, мы доведем до сведения органов власти, в частности, до Парламента и силовых структур. А теперь мы предоставляем слово профессору Кадникову Николаю Григорьевичу.

Кадников Николай Григорьевич:

Уважаемые коллеги! Спасибо огромное за то, что предоставили возможность выступить. Тема такая, я бы сказал, щепетильная. Позиции нравственные здесь присутствуют, религиозные, философские. Но юристы, они всегда живут конкретикой. Есть статья закона – она должна работать. Я всегда говорю о том, что прежде, чем статья появилась, должна быть криминологическая обусловленность. Опасность, распространенность, возможность доказывания, невозможность урегулировать другими отраслями права эту сферу. Вот если все это в совокупности есть, значит мы идем по правильному пути.

В нашей же ситуации столько всего: вроде есть криминологическая обусловленность, опасность, нравственность и так далее, а вот распространенности-то нет. Ведь мы опираемся на статистику – ноль преступлений. Было «дело врачей», когда в операционную вбежали ОМОН, СОБР и прямо из операционной увели врачей в следственный изолятор. Вот там как раз они ошиблись, якобы с констатацией смерти, и четверо человек были привлечены к ответственности за приготовление к убийству с целью использования органов или тканей человека. Но потом это все сошло на оправдательный приговор. Нет ста-

тистики. Почему? Потому что закон, он какой-то хромой, несовершенный.

Уважаемый Георгий Валерьянович! Не так все страшно. Ваши слова о том, что все печально, когда мы говорим о трансплантологии, я бы, наверное, не поддержал. Почему? Потому что, если мы возьмем мировую цивилизацию, а мы от нее не должны уходить, то вскоре, по прогнозам специалистов лет через 10-15, каждая вторая операция будет проводиться с использованием трансплантологии. Потому что это наиболее рациональный способ помочь человеку превозмочь тот или иной недуг. Это может быть искусственная или донорская трансплантология. И уходить с этого направления мы не должны, мы должны быть тоже где-то рядом. Конечно, нравственность необходимо соблюдать. Но вот в Испании, например, хотя это достаточно религиозная страна, на дверях многих церквей написано: «Не берите свои органы на небо – там они вам не пригодятся. Оставьте их здесь, на земле».

Вы, Георгий Валерьянович, кстати, правильно сказали о том, что тысячи людей стоят в очереди за органами, но где их брать? А детей сколько стоит в этой очереди! А мы говорим, что это безнравственно, где их брать и так далее. Но вместе с тем, у нас 30 тысяч смертей от нарушения правил дорожного движения. И органы этих погибших людей могут помочь больным людям. Вот, например, в Америке, любому гражданину в водительские удостоверения ставят отметку о том, что он согласен отдать свои органы в случае ДТП. То есть там уже идут к людям, легализуют этот момент. А у нас легализации нет, запретов очень много, поэтому нам кажется, что у нас страшная ситуация. Запреты – это показатель страшной ситуации. А статистики нет, еще раз повторяю. Какие-то дела врачей, продажа детей в Италию, в Испанию... А все заканчивается условным наказанием одного врача, одного должностного лица. Нет такого количества детей, которых увозят на трансплантацию. Или у нас плохо работают правоохранительные органы.

Почему есть проблемы? Надо развивать именно законную трансплантологию. Диспозиции статей уголовного кодекса, к сожалению, отсылают к большому количеству нормативных актов и мы не знаем, как это все переваривать, что законно, а что незаконно. Вот есть презумпция согласия на получение донорских органов. Она прописана в вышеупомянутом законе о трансплантации. А есть закон о погребении, в котором сказано о презумпции несогласия на

изъятие органов и тканей. Два противоречащих друг другу закона и мы не знаем, какой применять. А еще есть постановление Правительства, в котором указано, в какой момент смерть наступила, а также приказ Минздрава и т.д. И порой подзаконный акт является по своему внутреннему значению более сильным, чем закон. Разве такое возможно? Значит надо законодательную базу привести в нормальное состояние.

Теперь переходим к уголовному законодательству. У нас очень много законов, которые защищают эту сферу. Это, например, статьи 105, 111 УК РФ. Но законодатель не уточнил – для чего изымаются органы. Слова трансплантация в УК нет. А может, кто-то хочет повесить у себя в квартире глаз человека – бывают же такие отклонения. А если бы было прописано в законе – в **целях трансплантации**, значит такого человека уже нельзя привлечь к уголовной ответственности, так как он эту цель не преследовал. Есть понятия в УК – для **использования** и для **изъятия** органов и тканей. Это уже игра терминами, а необходимы точные формулировки. И, наконец, статья 120 УК РФ «Принуждение к изъятию органов и тканей». Конечно, это основная статья, но и она несовершенна. У нас есть статья «Незаконное изъятие органов и тканей человека». Она должна называться «Незаконное изъятие органов и тканей человека для трансплантации» И в ней две части – 1. У трупа; 2. У живого человека.

120 статья УК – принуждение только с насилием (физическим или психическим). А есть еще такое понятие как шантаж. Оно не включено в данный состав.

Еще одна проблема – степень тяжести преступления. Этот состав относится к категории преступлений средней тяжести. Но ведь ценности, на которые посягает это преступление – здоровье человека – это наиболее охраняемый объект. Почему не сделать этот состав преступления тяжким, а в определенных случаях даже особо тяжким.

Следует не забывать, что у нас есть еще такой состав преступления как торговля людьми. Но данная статья не охватывает действия по купле-продаже органов и тканей человека. Некоторые говорят о том, что есть Конвенция по борьбе с организованной преступностью, и в ней прописано, что торговля людьми включает в себя торговлю и органами и тканями человека. Но в нашем законодательстве такой позиции нет.

Далее – статья 153 и 154 УК РФ – Подмена ребенка и незаконное усыновление. Но закон

ничего не говорит с точки зрения ответственности, если детей усыновляют для того, чтобы в дальнейшем использовать их органы и ткани. Ведь после того, как детей усыновили и увезли за границу, мы не можем достоверно знать, что с ними произошло.

У нас есть статья 235 УК РФ – незаконное осуществление медицинской деятельности. Но ответственность наступает только в случае наступления каких-либо последствий. А если клиника будет заниматься незаконной трансплантологией? Этот признак тоже надо включить в закон. Ответственность необходима. Ее тоже надо включить в закон.

Есть позиция крайней необходимости. Когда человека срочно привезли на «скорой» и ему срочно нужен донор и нужно делать операцию. Может, какие-либо дополнительные позиции надо предусмотреть и в этой статье УК.

И с точки зрения посмертного изъятия органов, именно незаконного. Есть статья 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших». А у нас вообще что такое надругательство? Если человек умысла на надругательство не имеет, а имеет умысел забрать у трупа орган. То есть нужна отдельная статья о незаконном изъятии органов и тканей у живых лиц и трупов. И тогда мы будем полностью в этом плане вооружены.

Но при этом донорство должно расширяться, а не сужаться. Легализация донорства – в этом направлении надо двигаться. Поэтому полагаю, что уголовное право в целом имеет определенную законодательную базу, но нужны какие-то определенные изменения.

Спасибо за внимание.

Лебедев Семен Яковлевич:

Мне бы хотелось добавить к сказанному Николаем Григорьевичем. Дело все в том, что Ваше выступление расширяет в целом границы научного обоснования этой проблемы не только с уголовно-правовой, криминологической и со всех иных точек зрения. И мне думается, что главная проблема, которая сегодня возникает в части обеспечения контроля государства, лежит в компромиссе между целями медицинскими и собственно юридическими. Дело все в том, что медицинские цели – они абсолютно гуманны с одной стороны, и они обеспечиваются, с другой стороны, абсолютно достойным потенциалом. А мы все время пытаемся искать какие-то юридические фиксаторы безупречных каких-то призна-

ков, которые подпадают под соответствующие статьи уголовного закона, дабы определить, есть тут преступление или нет, забывая о целях вообще контроля над какими бы то ни было сферами. Ведь наша главная цель – в обеспечении безопасности людей, которые могут стать жертвами недобросовестных медицинских работников. Поэтому наша задача – поиск компромиссов между медицинскими и юридическими целями, когда мы говорим о крайних вариантах, в прямом смысле этого слова, события. Когда речь идет о насилии, шантаже (еще до момента трансплантации), о психическом давлении не только на сам объект, но и на его окружение, о коррупции. То есть некий конгломерат преступлений, которые, безусловно, сопровождают эту сферу, и когда эти преступления себя обнаруживают, мы решаем проблему не только воздействия на эту сферу, но главное, мы решаем проблему защиты людей, которые могут стать объектами этих преступлений. И именно криминологический аспект должен сегодня обзреваться в большей степени, потому что нет безупречных признаков преступления, абсолютно точно соответствующих уголовному закону, и даже если мы их обозначим в уголовном законе, это не значит, что мы их зафиксируем, потому что процессуальные гарантии уже могут быть таковы, что они не позволяют нам фиксировать это все. А видеть в каждом враче изначально преступника – мне кажется, что это неправильно. В связи с этим в качестве примера мне бы хотелось привести такой идеальный сюжет. Есть такой доктор медицинских наук, профессор Огнерубов Николай Алексеевич, профессор Тамбовского государственного университета имени Державина, врач-онколог. Еще несколько месяцев назад он защитил кандидатскую диссертацию, которая называется «Профессиональные преступления в среде медицинских работников». Двадцатилетний медицинский опыт вывел его на эту криминологическую дорогу. Он, основываясь на своем опыте, говорит: «Нет ни одного дежурства в моей практике, когда какие-то манипуляции с привезенным бомжом или еще кем-то не были использованы медицинскими работниками в целях защиты или обеспечения безопасности тех, кто в этом нуждается больше. Я не имею права судить, кто из них: сам Огнерубов или бомж больше значат в этой жизни, ведь это с любой точки зрения неправильно и абсурдно, негуманно. Но я имею ввиду, что медики гораздо больше в подобных ситуациях разбираются. И уголовный закон должен быть может быть даже

в какой-то степени избирательным. Эта избирательность должна находить для себя ту сферу, где гораздо большее количество преступлений совершается и они более общественно-опасны. Поэтому необходимо сконцентрировать внимание правоохранительных органов на тех преступлениях в области трансплантологии, которые сопряжены с насилием, шантажом, коррупцией. То есть все то, что обеспечивает эту самую незаконную трансплантологию, которая большей частью, для специалистов, медицинских работников, незаконной не является. Она является их профессиональным делом. Можно даже в резолюции нашей сегодняшней указать на этот компромисс целей – медицинских и юридических.

Спасибо за внимание.

Мацкевич Игорь Михайлович:

Я хочу предоставить слово члену Союза криминалистов и криминологов профессору, доктору юридических наук Григорьеву Виктору Николаевичу, а после этого выступления мы немного подискутируем на тему «круглого стола».

Григорьев Виктор Николаевич:

Спасибо, Игорь Михайлович. Уважаемые коллеги, я хотел бы начать с живых и с такой категории как «намоленное место». Эту категорию обычно употребляют в клерикальных ситуациях, а я немного ближе к нашему собранию. Я оказался перед включением микрофонов свидетелем пререкания двух известнейших профессоров, которые спорили, будут ли они выступать. А я хочу сказать, уважаемые коллеги, все вас так ждали в этих стенах. И уже одно то, что вы приехали сюда – большое счастье для всех присутствующих, не говоря уже о вашем выступлении. Поэтому я хочу присоединиться к приветствию Кулешова Романа Владимировича и сказать, что для ВИПК МВД России большая честь принимать в своих стенах таких известных деятелей науки как Антонян Юрий Миранович, Эминов Владимир Евгеньевич, Мацкевич Игорь Михайлович. Уважаемые коллеги, я прошу не обижаться, что я не перечислил всех.

Суть моего выступления обозначена на экране. Это «Незаконная торговля органами и тканями человека как предмет расследования в условиях международного вооруженного конфликта». Я хочу начать с небольшой ремарки в адрес уголовно-правовой составляющей этой проблемы. Если разобрать подробно тему моего доклада, то может показаться, что и расследо-

вать-то нечего – нет такого состава. Здесь я прошу меня не цеплять, потому что мы с вами речь ведем об общественно-опасной стороне этого явления, отдавая отчет, что у этого явления есть много прогрессивного и современного и есть будущее. Тем не менее, для того, чтобы уголовно-правовая составляющая этого явления работала, необходимо, чтобы это явление расследовалось. Если в обществе относительно стабильная ситуация, и здесь я хочу согласиться с профессором Кадниковым, и такие явления носят, даже с учетом латентности, единичный характер, то и расследование не получает актуального звучания. При распространении конфликтов в обществе эти явления ширятся. И при вооруженных конфликтах, когда людей делят на разные масти (национальности, принадлежности к этническим группам, различным государствам), получается, что вырезать органы у соплеменника – это отвратительно, а вырезать органы у врага – в этом можно даже найти социальную полезность.

В свое время профессор Лебедев Семен Яковлевич в своем журнале «Криминологический журнал» посчитал возможным опубликовать статью о структуре и содержании теории расследования преступлений в чрезвычайных условиях. Будучи причастным к этой публикации, я тогда меньше всего полагал, что в эта криминалистическая статья получит криминологическое звучание в соответствии с тем источником, где она была опубликована. В этой статье была представлена структура расследования преступлений в чрезвычайных условиях, которая складывалась из четырех элементов:

- Теоретические основы
- Правовое обеспечение расследования
- Организация расследования
- Методика расследования.

Каждый из этих элементов имеет собственную структуру. Например, правовое обеспечение расследования. Оно складывается из специальных международных предпосылок расследования, из норм, касающихся введением особого правового режима и с вопросов, касающихся приспособления обычной уголовно-процессуальной процедуры к применению ее в чрезвычайных условиях деятельности.

Таким же образом можно обозначить структуру теоретических основ расследования преступлений, которая включает в себя собственно концептуальные основы характеристики чрезвычайных условий, факторов, определяющих специфические закономерности расследования

и криминалистической характеристики преступлений, составляющих предмет расследования в чрезвычайных условиях. И в последнем элементе определяется, а что в чрезвычайных условиях надо расследовать. Понятно, что с точки зрения чистой теории и законодательства, расследовать надо все. Но когда горит государство, а общество разваливается, то проблемы, связанные с оскорблением, клеветой, причинением легкого вреда здоровью, бытовыми преступлениями – они отодвигаются на второй план. И на первый план выходят преступления, которые послужили поводом или составляют содержание тех самых чрезвычайных условий, которые вызвали катаклизм в обществе. Что же входит в предмет расследования в чрезвычайных условиях? Это зависит от того, с какими чрезвычайными условиями мы сталкиваемся. Речь может идти о расследовании массовых беспорядков, преступлений, совершенных на почве межнациональной розни, в боевой обстановке, расследовании военных преступлений, расследовании преступлений в зоне международного конфликта. Например, при массовых беспорядках обычно расследуются групповые действия, нарушающие общественный порядок, нарушение расового равноправия, вандализм, разжигание национальной, расовой или религиозной вражды, публичные призывы к насильственному свержению конституционного строя. При расследовании последнего преступления следователи сталкиваются с тем, что еще прибавляется государственная измена, насильственный захват власти.

Когда чрезвычайные условия сложились в результате военных действий, то расследуются преступления против мира и человечности, убийства, истребления, порабощения и т.д.

При расследовании преступлений в зоне вооруженного конфликта предмет расследования определяется по аналогичной схеме и здесь мне бы хотелось обратиться к материалам оперативно-служебной деятельности моего ученика Антонова Андрея Николаевича, который в прошлом – наш с вами коллега, преподаватель Краснодарского университета МВД. Он лет 10 назад, в силу того, что обладал хорошим здоровьем, светлой головой и прекрасным знанием английского языка, оказался в миротворческой миссии ООН в Косово, затем в Руанде, Сьерра Лионе и Судане. Сейчас он опять в одной из миссий в Косово, причем он является руководителем группы, которая рассматривает жалобы на действия миссии ООН в Косово, которая рабо-

тала там в девяностые годы. Антонов сообщил мне, что среди преступлений, совершаемых в ходе военного конфликта в Косово, есть, в том числе, и торговля органами и тканями человека. То, что совершение этих преступлений является источником финансирования незаконных вооруженных формирований, террористических групп – это уже давно известно. Вообще, структуры ООН, Евросоюза очень инертны, зашорены. Вот хотя бы последний пример. Они вчера ввели санкции в ответ на действия России, которые были предприняты месяц назад – введение вооруженных формирований на территорию Украины (по их версии). Ситуация развернулась ровно на 180 градусов и сегодня в результате российских усилий там перемирие – а санкции еще только наступают. Так вот, в международных следственных структурах, действующих под эгидой ООН, предметом расследования не является торговля органами и тканями человека. А когда признаки этого преступления обнаруживаются, время уже упущено. Цель моего короткого выступления – обратить ваше внимание на эту проблему. Ведь про Украину уже тоже появились сообщения, что там совершаются указанные преступления. Представьте себе, что пленных пригоняют в лагеря, более менее приспособленные для проведения хирургических операций – а дальше уже: кто выживет, а кто и не выживет. Вывод у меня такой: имеются основания при расследовании международного вооруженного конфликта включить в его предмет незаконную торговлю органами и тканями человека. Это рекомендация, прежде всего, для сфер действия международных следовательских структур. Но и в случае возникновения внутренних конфликтов в нашей стране, хотя я сейчас не располагаю такими сведениями, наши следственные подразделения также могут использовать данную рекомендацию. Кроме того, если наше сообщество найдет возможность включить вышеизложенное в нашу резолюцию, я думаю, что это будет перспективно.

Благодарю за внимание.

Мацкевич Игорь Михайлович:

Уважаемые коллеги, у нас список докладчиков исчерпан. Он сознательно был составлен не очень объемным, для того, чтобы все желающие могли принять участие в дискуссии. Я предлагаю выступить Юрию Мирановичу Антонову, члену президиума Союза криминалистов и криминологов.

Антонян Юрий Миранович:

Уважаемые коллеги, я внимательно выслушал всех троих докладчиков и предварительно тоже ознакомился с тем, что есть у науки по этой проблеме. И я пришел к двум выводам. Первый вывод – не оригинален, он прозвучал и у первого, и у второго докладчика. Законодательство действительно отстает от нужд практики, и оно нуждается в дополнении, улучшении и так далее. И второе, на что я хотел обратить внимание, у нас возникают проблемы и вопросы, не в последнюю очередь, а может быть в первую, что у нас нет никакого эмпирического материала по этому вопросу. Мы не знаем ни масштабов, ни способов – ничего не знаем об этом. Мы можем рассуждать о законодательстве, гуманитарных аспектах – это все важно. Но все таки важно знать об этом явлении как можно больше – этого у нас как раз нет. Поэтому я призываю, Игорь Михайлович, в резолюции отметить, что необходимо провести эмпирические исследования в области трансплантологии – и законной, и незаконной. Я думаю, что никто и не писал об этом на основании эмпирического материала. И только в этом случае мы сможем добиться результатов в борьбе с этим явлением.

Спасибо.

Ображеев Константин Викторович:

Уважаемые коллеги, я хотел бы обратить ваше внимание на то, что не совершенство уголовного законодательства является первопричиной тех проблем, которые мы сегодня озвучили. В первую очередь не достаточно эффективно регулятивное законодательство. Именно в этом проблема. И поэтому в проекте нашей резолюции я не согласен с одним из первых пунктов – не совершенство уголовного законодательства, как будто это корень всех проблем. Нам необходимо отметить, что отсутствие полноценного регулирования этих всех процессов, этой группы общественных отношений является первопричиной этих проблем. Но конечно, игнорировать не совершенство уголовного законодательства мы не вправе. Статью 120 Уголовного кодекса можно назвать образцом вопиющей безграмотности. Она, если позволите, дырявая, как швейцарский сыр, который попал под санкции. Там пробел на пробеле, и Николай Григорьевич совершенно верно указал, что там выпадает целый ряд способов – шантаж и т.д. Что цель, которая там указана, ограничивает сферу применения этой нормы. И у нас получается юридический пара-

докс: принуждение к изъятию органов и тканей человека уголовно наказуемо, а само изъятие является преступлением. И еще один момент. Характерной особенностью нашего уголовного законодательства является умножение специальных норм. Вспомните специальные нормы по мошенническим составам. Так вот, умножая количество этих норм, мы возвращаем наш уголовный кодекс к Русской Правде. Проблема здесь в том, что у нас недостаточно общих норм. И в ситуации с принуждением – эта проблема. Наш уголовный кодекс реализует несколько видов принуждения: к изъятию органов и тканей, к совершению сделки и вымогательство также похожий состав. Попробуйте привлечь к уголовной ответственности за принуждение к производству аборта, к самоубийству, к смене религий. У нас целый ряд общественно-опасных деяний выпадает из поля зрения наших законодателей. Зато они тратят свою законотворческую энергию на другие моменты, с которыми можно было справиться и с помощью других отраслей права. И в этой связи мы должны очень внимательно относиться к опыту наших белорусских коллег. У них наряду с нормами за отдельные разновидности принуждения, есть общая норма, которая предусматривает ответственность за принуждение лица к совершению деяния помимо его воли, если это сопряжено с применением насилия, угрозы применения насилия, угрозы распространения нежелательных сведений и т.д. Мы вряд ли можем предусмотреть все разнообразие деяний, которые могут человека принуждать. А вот про запас иметь норму, которая будет действовать при посягательстве на свободу человека в качестве объекта, я думаю, нам бы не помешало. И, возвращаясь к нашей резолюции, хочу отметить, что мы не вправе ставить телегу впереди лошади, и сначала навести порядок в базовом, позитивном законодательстве, а потом уже говорить об уголовно-правовых проблемах.

Спасибо за внимание.

Орлов Владислав Николаевич:

У нас в настоящее время развивается ряд криминологических учений. Не для всех является новостью, что развивается и медицинская криминология. И ряд проблем, в том числе и незаконная трансплантология, касается незаконной медицинской деятельности. Может даже здесь проблему надо рассматривать более комплексно, как отдельное научное направление, с привлечением медицинских работников, сотрудников

психологических служб. Поэтому если можно, хотелось бы отразить, что это одна из проблем в целом научного направления.

Спасибо за внимание.

Мацкевич Игорь Михайлович:

Я так понимаю, что дискуссия у нас завершается. Еще раз, уважаемые коллеги, по поводу публикаций. Мы с Романом Владимировичем решили, что члены Союза криминалистов и криминологов будут сдавать материалы мне, а сотрудники Института – Роману Владимировичу. Данные материалы будут опубликованы, в том числе и стенограмма «круглого стола». По поводу резолюции – как правило, через месяц после мероприятия мы согласовываем в министерстве и затем публикуем окончательный вариант на сайте Союза криминалистов и криминологов России, а в журнале чуть позже. Уважаемые коллеги, я хотел бы сказать следующее. Я был в Китае и эту проблему, проблему трансплантологии они подняли сами. В Китае 90 % молодежи настроено атеистически, и поэтому большинство китайцев, достигнув возраста правовой ответственности, подписывают документы о том, что в случае их смерти они не возражают против изъятия у них органов и готовы отдать их для спасения жизни другого человека. У них это прописано, что нельзя отобрать органы ни для чего другого, только вот для этой цели. Другое дело, что там существует бюрократия. То есть существует международный опыт, который мы слабо знаем.

Что касается реплики Владислава Николаевича Орлова, то у нас с ним давний спор по поводу этой градации и детализации криминологии, как и любой другой науки. Я к этому очень осторожно отношусь. Я помню слова известного профессора Миньковского, который когда-то сказал по поводу разделения криминологии на семейную, военную и т.д.. Он сказал: «Пока я жив, этого не будет». И его слова сбылись. Как только его не стало, все это и пошло.

Есть у кого-то еще реплики, коллеги?

Эминов Владимир Евгеньевич:

Я считаю совершенно справедливым, и меня в этом опередил Юрий Миранович, что для того, чтобы ответить на вопрос, какими средствами противодействовать, нужно проводить исследования. Поэтому у меня есть предложение, чтобы мы в своих рекомендациях указали на необходимость проведения научного исследования по

рассматриваемой проблеме и предусмотрели это в планах. Это исследование должно носить целенаправленный характер, а не эпизодический.

Мацкевич Игорь Михайлович:

Спасибо. Мне бы хотелось поблагодарить участников «Круглого стола», а также подчерк-

нуть, что у нас здесь присутствовали как ученые, так и практические работники. Это представители МВД, Министерства юстиции, Следственного комитета. Я думаю, что каждый из вас сможет донести до своего непосредственного руководства озабоченность этой проблемой как минимум. Спасибо. [1]

Приложение

Состав делегации Союза криминалистов и криминологов на круглый стол, посвящённый проблемам незаконной трансплантологии

12 сентября 2014 г. Домодедово
ВИПК МВД России

1. Мацкевич Игорь Михайлович Президент Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, **доктор юридических наук, профессор**
2. Эминов Владимир Евгеньевич Вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, **доктор юридических наук, профессор**
3. Кадников Николай Григорьевич Член президиума Союза криминалистов и криминологов, начальник кафедры уголовного права Московского университета МВД России **доктор юридических наук, профессор**
4. Комиссаров Владимир Сергеевич Член президиума Союза криминалистов и криминологов, заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, **доктор юридических наук, профессор**
5. Абшилава Георгий Валерьянович Председатель Уральского регионального отделения Союза криминалистов и криминологов **доктор юридических наук, профессор**
6. Антонян Юрий Миранович Член президиума Союза криминалистов и криминологов, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России **доктор юридических наук, профессор**
7. Астанин Виктор Викторович Проректор Российской правовой академии Минюста России **доктор юридических наук, профессор**
8. Багмет Анатолий Михайлович Ректор Академии Следственного комитета РФ **кандидат юридических наук**

9. Дмитренко Андрей Петрович Заместитель начальника кафедры уголовного права Московского университета МВД России
доктор юридических наук, профессор
10. Коваленко Вера Ивановна Докторант ВНИИ МВД России
кандидат юридических наук, доцент
11. Лаврентьева Мария Сергеевна **Кандидат юридических наук, доцент**
12. Лебедев Семён Яковлевич Член президиума Союза криминалистов и криминологов, начальник кафедры криминологии Московского университета МВД России
доктор юридических наук, профессор
13. Ображеев Константин Викторович Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ
кандидат юридических наук, доцент
14. Орлов Владислав Николаевич Ответственный секретарь Союза криминалистов и криминологов, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
кандидат юридических наук
15. Побегайло Эдуард Филиппович Член президиума Союза криминалистов и криминологов, профессор Современной гуманитарной академии
доктор юридических наук, профессор
16. Разгильдиев Бяшир Тагирович Профессор кафедры уголовного права Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, профессор
17. Фёдоров Александр Вячеславович Заместитель Председателя Следственного комитета России
кандидат юридических наук
18. Щербаков Алексей Дмитриевич Аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Библиография:

1. Стенограмма

References (transliterated):

1. Stenogramma

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В КАЗАХСТАНЕ

О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Ахпанов А.Н.

***Аннотация:** Проект новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – Проект) заменяет собирательный термин «предварительное расследование» на «досудебное расследование» в связи с реформированием системы досудебного производства по уголовным делам. Проектом унифицирована процессуальная форма дознания и предварительного следствия. В ходе их производства составляются постановление о квалификации деяния подозреваемого (аналог привлечения в качестве обвиняемого), обвинительный акт (по УПК РК – обвинительное заключение), а не протокол обвинения для полного дознания, не обвинительное заключение для следствия и не суммарный протокол упрощенного досудебного производства (включающий привлечение в качестве обвиняемого и обвинительное заключение). Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены общенаучные и частно-научные методы, а именно: анализа, синтеза, структурно-логический метод, статистический, метод сравнительно-правового анализа и иные методы научного познания. Научная новизна: проект установил строго определенный перечень условий, препятствующих данной форме производства. Ускоренное расследование не допускается, если:– преступление квалифицируется как особо тяжкое;– в совокупности преступлений хотя бы одно является особо тяжким;– преступление совершено лицом, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство;– преступление совершено в отношении лиц, обладающих привилегиями или иммунитетом от уголовного преследования;– хотя бы одним из соучастников преступления не признал своей вины;– преступление совершено несовершеннолетним или лицом, которое в силу своих физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществить свое право на защиту;– по уголовным делам в протокольной форме.*

***Ключевые слова:** Процессуальная форма, прокурор, досудебное производство, уголовное дело, протокол, следователь, дознаватель, доказывание, признание вины, защитник.*

Проект новой редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее – Проект)[1] заменяет собирательный термин «предварительное расследование» на «досудебное расследование» в связи с реформированием системы досудебного производства по уголовным делам.

Классические формы расследования (предварительное следствие и дознание) дополнены

новыми, предназначение которых заключается в дифференциации процессуальной формы посредством ускорения и упрощения уголовного производства[2].

Условно можно разграничить 7 форм досудебного расследования:

- предварительное следствие;
- ускоренное предварительное следствие;

– дознание;
– ускоренное дознание;
– досудебное расследование (предварительное следствие, дознание) при заключении процессуального соглашения в форме сделки о признании подозреваемым, обвиняемым вины в совершении преступления;

– досудебное расследование (предварительное следствие, дознание) при заключении процессуального соглашения в форме сотрудничества с органами уголовного преследования;

– протокольная форма досудебного расследования уголовных проступков.

Предварительное следствие производится:

– следователями органов национальной безопасности, внутренних дел и финансовой полиции по признакам разграниченной между ними предметной, а также персональной подследственности (преступления, совершенные несовершеннолетними или лицами, которые в силу своих физических или психических недостатков не могут сами осуществить свое право на защиту, уголовные дела, о которых подследственны органам дознания);

– дознавателями соответствующего органа дознания по уголовным делам о преступлениях, отнесенных к его подследственности, по которым не известно лицо, подозреваемое в совершении преступления, кроме дел частного обвинения.

Дознание проводится в зависимости от признака предметной подследственности органами внутренних дел, финансовой полиции, военной полиции Министерства обороны, Внутренних войск МВД и Комитета национальной безопасности, пограничной службы КНБ, государственной противопожарной службы МЧС, юстиции, Службой охраны Президента РК, таможенным органом.

Проектом унифицирована процессуальная форма дознания и предварительного следствия. В ходе их производства составляются постановление о квалификации деяния подозреваемого (аналог привлечения в качестве обвиняемого), обвинительный акт (по УПК РК – обвинительное заключение), а не протокол обвинения для полного дознания, не обвинительное заключение для следствия и не суммарный протокол упрощенного досудебного производства (включающий привлечение в качестве обвиняемого и обвинительное заключение).

Ускоренное досудебное расследование[3] возможно при соблюдении определенных условий:

– ясность и простота преступления;
– достоверность и достаточность доказательств о совершении преступления именно подозреваемым;

– полное признание подозреваемым своей вины;
– его согласие с предъявленным гражданским иском;

– разъяснение ему правовых последствий данной формы расследования (*срок или размер наказания не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса*).

При такой форме расследования может быть сужены предмет и пределы доказывания. Они ограничиваются соответственно обстоятельствами преступления и собиранием доказательств, подтверждающих участие подозреваемого в его совершении. При этом производятся только те следственные и иные процессуальные действия, результаты которых закрепляют следы преступления и иные доказательства вины подозреваемого, обвиняемого.

Согласия подозреваемого и потерпевшего на ведение данной формы расследования не требуется. Косвенное согласие подозреваемого выражается в признании в полном объеме своей вины в совершении преступления.

Решение об ускоренном расследовании принимает следователь, дознаватель либо начальник следственного отдела или органа дознания и оно должно быть завершено в течение 15 суток с момента регистрации повода к началу досудебного расследования (или совершения первого неотложного следственного действия) без возможности продления данного срока. При такой необходимости дознание или следствие возвращаются в обычный режим.

Между тем, Проект оставляет пробельным вопрос о процессуальном оформлении соответствующим постановлением перехода в ускоренное расследование и отказа от него.

Процессуальная форма дознания и предварительного следствия при их ускорении не подвергается упрощенной трансформации. В этом случае имеют место все этапы данной стадии процесса (привлечение в качестве подозреваемого, ознакомление с материалами дела, составление обвинительного акта и т.д.)

Проект установил строго определенный перечень условий, препятствующих данной форме производства. Ускоренное расследование *не допускается*, если:

– преступление квалифицируется как особо тяжкое;
– в совокупности преступлений хотя бы одно является особо тяжким;

- преступление совершено лицом, не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство;
- преступление совершено в отношении лиц, обладающих привилегиями или иммунитетом от уголовного преследования;
- хотя бы одним из соучастников преступления не признан своей вины;
- преступление совершено несовершеннолетним или лицом, которое в силу своих физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществить свое право на защиту;
- по уголовным делам в протокольной форме.

Досудебное расследование *в протокольной форме* осуществляется дознавателями указанного выше органа дознания (за исключением МЧС) по делам об уголовных проступках в зависимости от предметной подследственности. Обстоятельства уголовного проступка, как правило, в пределах трёх суток устанавливаются следственными и процессуальными действиями и отражаются в протоколе наряду с данными о личности подозреваемого, приведением соответствующих доказательств.

Уголовное дело в протокольной форме после ознакомления с ним подозреваемого и его защитника и утверждения протокола начальником органа дознания направляется с прилагаемыми к нему материалами через прокурора в суд.

Мерами процессуального принуждения, обеспечивающими надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого, подсудимого могут быть обязательство о явке по вызовам органов дознания, суда и сообщении о перемене места жительства или уголовно-процессуальное задержание.

По делам об уголовных проступках производство дознания не обязательно и собранные материалы являются основанием для рассмотрения дела в суде. Но по усмотрению осуществляющего надзор прокурора дело об уголовном проступке может быть им возвращено для производства дознания либо предварительного следствия.

Суммарное досудебное производство с элементами ускорения и упрощения представлено видом особого производства – заключение процессуального соглашения в форме *сделки о признании подозреваемым, обвиняемым вины* в совершении преступления либо в форме *сотрудничества подозреваемого, обвиняемого (подсудимого, осуждённого) с органами уголовного преследования*.

Ускорение и полнота расследования зависят от усмотрения ведущего процесс органа расследования либо прокурора после подписания сторонами процессуального соглашения. Упрощение процессуальной формы состоит в том, что вместо постановления о

квалификации деяния и обвинительного акта составляется процессуальное соглашение о производстве в форме сделки о признании вины либо о сотрудничестве с органами уголовного преследования.

Оба вида процессуального соглашения запрещены по уголовным делам с участием:

- несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых;
- лиц, совершивших запрещенное уголовным законом деяние в состоянии невменяемости или заболевших после совершения преступления психическим расстройством.

Сделка о признании вины заключается по преступлениям небольшой, средней тяжести и тяжким преступлениям при условиях добровольности, согласия всех подозреваемых, обвиняемых с подозрением (обвинением), неоспаривания доказательств, характера и размера причиненного вреда, а также согласия всех потерпевших и неизменности их требований о размере гражданского иска, а также при обязательном участии защитника.

Ходатайство о заключении сделки о признании вины в стадии досудебного расследования могут заявить подозреваемый, обвиняемый, её вправе инициировать органы расследования и прокурор.

Сделка о признании вины может заключаться с момента регистрации повода к началу досудебного расследования и в любой момент его производства. Подозреваемый, обвиняемый вправе отказаться от неё. Отказ не препятствует заявлению повторного ходатайства в последующем до удаления суда в совещательную комнату.

Сделка о признании вины письменно заключается между прокурором и подозреваемым (обвиняемым) с участием защитника, подписывается ими. Перед составлением соглашения о сделке прокурор проверяет её юридические и фактические основания, соблюдение условий, разъясняет последствия её заключения, права подозреваемого, обвиняемого, излагает свои условия. До подписания процессуального соглашения подозреваемый, обвиняемый имеют право наедине и конфиденциально обсудить его положения со своим защитником.

Предмет такой сделки образуют, с одной стороны, действия, которые подозреваемый, обвиняемый обязуется совершить после её заключения, и, с другой, последствия их выполнения в виде ходатайства прокурора перед судом о смягчении уголовной ответственности, изменении вида и снижении размера наказания, освобождении от уголовной ответственности и наказания.

Доказывание, как правило, завершается после подписания сторонами соглашения (сделка о признании вины) и уголовное дело незамедлительно

направляется прокурором в суд без обвинительного акта. При необходимости по указанию прокурора следователь, дознаватель ограничиваются дополнительным собиранием доказательств только в объеме, достаточном для подтверждения вины подозреваемого, обвиняемого. В этой связи сроки расследования сокращаются до минимума.

Процессуальное соглашение о сотрудничестве с органами уголовного преследования может заключаться при его утверждении следственным судьей в досудебном производстве (либо судом при рассмотрении уголовного дела).

Соглашение о сотрудничестве возможно с начала досудебного расследования и до стадии исполнения приговора включительно, как по инициативе подозреваемого, обвиняемого (подсудимого и осужденного), так и прокурора.

Общие условия процессуального соглашения о сотрудничестве выражаются в том, что подозреваемый, обвиняемый (подсудимый, осужденный) способствует изобличению лиц, совершивших особо тяжкие преступления, преступления в составе преступной группы, а также экстремистские и террористические преступления. При этом не имеет значения категория преступления, по которому привлекается (привлечено) к уголовной ответственности лицо, имеющее намерение сотрудничать с органами уголовного преследования.

Условия его заключения со стороны лица, сотрудничающего со следствием: добровольность, осознание последствий, реальность намерений, неприменение к нему пыток и других видов жестокого обращения, согласие с обговариваемым видом и размером наказания, обязательное участие защитника.

Условия его выполнения со стороны прокурора: принятие им мер к организации раскрытия и расследования преступлений – предмета соглашения, изобличение лиц в совершении вышеуказанных преступлений, вынесение в отношении них постановления о квалификации деяния подозреваемого и/или применение меры пресечения в

виде содержания под стражей либо постановление обвинительного приговора.

Процессуальная форма соглашения о сотрудничестве подозреваемого, обвиняемого аналогичная сделке о признании вины. При этом, гласит Проект, при необходимости органы расследования и прокурор обязаны предпринять меры по обеспечению конфиденциальности и безопасности в соответствии с законодательством. Полагаем, что с учётом реальных угроз интересам организованной, террористической, экстремистской преступности и возможностям противодействия разоблачению такие меры должны быть обязательным, а не факультативным средством защиты жизни, здоровья, имущества сотрудничающих лиц и их близких родственников.

Процессуально-правовые преференции для таких лиц должны сводиться исключительно к освобождению от уголовной ответственности и/или наказания с продолжением обеспечения конфиденциальности и безопасности и разумным материальным стимулированием такого рода сотрудничества пропорционально к объему реально возмещенного государству и потерпевшим вреда. В противном случае риск мести, угроза жизни и здоровью нивелирует эффективность данной формы процессуального соглашения.

Для обычного дознания и предварительного следствия Проектом по-прежнему установлены фиксированные сроки (соответственно один и два месяца). Поэтому норма о том, что «досудебное расследование должно быть закончено *в разумный срок* с учетом сложности уголовного дела, объема следственных действий и достаточности исследования обстоятельств дела, но не более срока давности уголовного преследования, установленного Уголовным кодексом Республики Казахстан» становится правовой фикцией.

По смыслу Проекта использование понятия «разумный срок» только применительно к продлению прокурором сроков досудебного расследования может породить на практике волонтаристское их определение в сторону уменьшения. Такой подход противоречит дефиниции «разумность».

Библиография:

1. Практические аспекты производства предварительного следствия и дознания в упрощенном порядке в РК. – Астана, 2009.

References (transliterated):

1. Prakticheskie aspekty proizvodstva predvaritel'nogo sledstviya i doznaniya v uproshchennom poryadke v RK. – Astana, 2009.

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ

Болсуновская Л.

Аннотация: В статье рассматривается проблема противодействия киберпреступности уделялось значительное внимание. Как уже упоминалось, определение границ киберпреступности имеет принципиальное значение. Решая вопрос о круге деяний, относимых к сфере киберпреступлений, прояснится структура киберпреступности. Поскольку на базе МВД создан специальный отдел «К», постольку именно этот отдел должен заниматься делами о киберпреступлениях. Непоследовательная реализация данного подхода в правоохранительной системе приведет на практике к беспорядку и злоупотреблениям со стороны сотрудников правоохраны. Метод или методология исследования: (не менее 15 слов) Применив общенаучные методы анализа и сравнения, проанализирована законодательная конструкция состава хищения предметов, имеющих особую ценность, а также момент окончания данного преступления. Интерес представляет статистический отчет, подготовленный неофициальным субъектом учета, специалистами лаборатории криминалистики международной компании Group-IB за 2011-2014 годы. Так, согласно данным отчета Group-IB, объем рынка киберпреступности в РФ и СНГ составил: в 2011 г. – 2,055 млрд \$, в 2012 г. – 1,938 млрд \$, в 2013 г. (вторая половина) – 2014 г. (первая половина) – 2,501 млрд \$. Составителями отчета киберпреступность, во-первых, понимается в узком смысле слова, а во-вторых, как экономическая модель преступности. **Ключевые слова:** Эффективность, противодействие, киберпреступность, проблема, вопрос, предупреждение, ликвидация, компьютерные атаки, информационные ресурсы, экономическая модель преступности.

В рамках Двенадцатого Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (12-19 апреля 2010 г., Салвадор, Бразилия) проблеме противодействия киберпреступности уделялось значительное внимание.

В материалах Конгресса [1] были обозначены два исторических этапа развития киберпреступности.

Первый этап датирован периодом с 1960 по 1980 годы. Характеризуется преступными посягательствами на конфиденциальность, целостность и доступность данных. Второй этап

связывают с появлением графического интерфейса для работы с компьютерами и развитием публичной сети – с 1990 года по настоящее время. Для данного периода характерно качественное видоизменение киберпреступности: преступления преимущественно связаны с сетью.

К основным причинам, вызывающим трудности при выработке мер социально-правового контроля, относятся [2]:

– различия в подходах на уровне национального законодательства (круг криминализованных деяний);

– неясность масштабов (отсутствие криминальной статистики по отдельным видам преступлений);

– транснациональный аспект (киберпреступность носит в значительной степени транснациональный характер);

– киберпреступность рассматривается в контексте новой формы организованной преступности.

В документах Десятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (10-17 апреля 2000 г., Вена) [3] обобщаются подходы к пониманию киберпреступности, которая рассматривается в широком и узком смысле.

В публикации Международного Союза Электросвязи «Понимание киберпреступности: руководство для развивающихся стран»[4], а также в Конвенции Совета Европы о киберпреступности 2001 года [5] (далее по тексту Конвенция) с учетом положений дополнительного Протокола к Конвенции от 2003 года[6] концептуально закрепляется понимание киберпреступности в широком смысле слова. И, соответственно, киберпреступность определяется как совокупность деяний, в которых инструментом, целью или местом преступных действий являются компьютеры или сети.

В национальном правовом порядке доминирует подход к пониманию киберпреступности в узком смысле слова. Речь идет о гл. 28 УК РФ – преступления в сфере компьютерной информации, и о составе – мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) [7].

Вопрос об определении границ в описании киберпреступности, тем не менее имеет принципиальное практическое значение.

Во-первых, от круга деяний, относимых к сфере киберпреступлений, зависит и система мер, направленных на снижение уровня киберпреступности.

Во-вторых, станет возможной постановка вопроса об оценке эффективности противодействия киберпреступности.

Анализ официальных статистических данных МВД России за период с 1997 по 2014 годы [8] показывает, что пик регистрируемой компьютерной преступности приходится на 2009 год и составляет 11636 преступлений. По итогам 2014 года по отношению к 2009 году количество зарегистрированных преступлений уменьшилось в 6,7 раз. Но, при этом, по отношению к 1997 году, прирост учтенных преступлений,

предусмотренных гл. 28 УК РФ, составил 24843%, то есть увеличение числа регистрируемой компьютерной преступности в 248 раз.

Вызывают вопросы сведения, полученные из доклада начальника Бюро специальных технических мероприятий МВД России А. Н. Мошкова.

На национальном уровне, начиная с 2001 года, на регулярной основе проводится национальный форум информационной безопасности[9]. Так, в рамках 15-го форума глава отдела «К» МВД сообщил[10], что в 2012 году в России зарегистрировано на 28% больше высокотехнологичных преступлений в сравнении с предыдущим годом. Однако, согласно статистике МВД прирост за обозначенный период по гл. 28 УК РФ составил 4,5%. Далее, «наиболее массовыми и прибыльными видами преступлений, совершаемыми с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий, являются мошенничества и кражи денежных средств со счетов граждан и организаций»[11]. Так, в 2012 году подразделением «К» МВД было зарегистрировано 3645 подобных преступлений, а в 2011 году их было 2123, то есть, прирост на 72%. Кроме того, в 2012 году было возбуждено 169 уголовных дел за «изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет)» (п. «г» ч.2 ст. 242.1)[11].

Первое, что обращает на себя внимание – как соотносятся цифры 28% прироста высокотехнологичных преступлений с приростом на 72% компьютерных хищений? Второе, что вкладывается в понятие высокотехнологичные преступления, и как это понятие соотносится с понятием киберпреступность? И какова структура киберпреступности?

Сравним положения Конвенции и дополнительного Протокола с положениями национального уголовного закона. Если применить подход, закрепленный в Конвенции к пониманию киберпреступности в широком смысле слова, нам придется согласиться с тем, что к киберпреступлениям относятся: преступления в сфере компьютерной информации (гл. 28 УК РФ), мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), оборот детской порнографии (п. «г» ч.2 ст. 242.1, п. «г» ч.2 ст. 242.2 УК РФ), нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ) и преступления ненависти (ст. 282 УК РФ).

Но, согласно Уголовно-процессуальному кодексу России[12] не все обозначенные пре-

ступления подследственны МВД и, в частности, отделу «К».

Так, дела о преступлениях ненависти (ст. 282 УК РФ), использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ) и нарушение авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ) подследственны Следственному Комитету.

Осложняет ситуацию в оценке эффективности противодействия киберпреступности Указ Президента России от 15 января 2013 года за № 31с (выписка) «О создании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы РФ»[13].

Во исполнение положений Указа Президента ФСБ РФ подготовлен ряд законопроектов[14]. В интересующей нас части изменения направлены на преступления в сфере компьютерной информации. Вводятся особо квалифицированные составы в статью 272 и статью 274 УК РФ «деяния, ..., если они повлекли ущерб безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации или создали угрозу его наступления»[14]. Названные преступления согласно законопроекту подследственны органам ФСБ РФ. Основная цель законопроекта «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ» заключается в предотвращении компьютерных инцидентов, в том числе вызванных компьютерной атакой. Согласно ст. 2 вышеназванного законопроекта компьютерная атака – целенаправленное воздействие на информационные ресурсы программно-техническими средствами, осуществляемое в целях нарушения безопасности информации в этих ресурсах. Компьютерный инцидент (ст. 2) – факт нарушения (или прекращения) функционирования объекта критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, в том числе вызванный компьютерной атакой. Фактически, под компьютерной атакой понимается DDos-атака, если пользоваться международной терминологией, которая определяется как атака, направленная на отказ в обслуживании[15].

Вопрос об установлении уголовной ответственности за DDos-атаки в уголовно-правовой науке поднимался уже давно[16]. И данное решение стоит расценивать положительно. Но проблема заключается в том, что ст. 272 УК РФ предполагает неправомерный доступ к информации. Который, во-первых является несанкционированным обладателем[17] информации, (субъект

не имеет право на информацию, доступ к которой он получает), во-вторых, в отношении подобной информации установлен особый режим, режим ограниченного доступа[18]. Особенность атаки, направленной на отказ в обслуживании, состоит в том, что доступ к компьютерной информации в таком деянии правомерный. То есть, субъект преступления воздействует на публичную информацию. И результатом такой атаки является блокирование компьютерной информации, к примеру, Интернет-сайта, или при очень высокой мощности атаки может быть заблокирован доступ ко всем информационным ресурсам, которые находятся на атакуемом сервере. Соответственно, установление особо квалифицированного состава преступления в ст. 272 УК РФ приведет к нарушению принципа законности (ч. 2 ст. 3 УК РФ). В этом случае необходима самостоятельная уголовно-правовая норма, устанавливающая ответственность за компьютерные атаки, направленные на отказ в обслуживании. Но данная проблема может быть решена и иначе, нежели уголовно-правовыми средствами, и решение будет более эффективным с точки зрения минимизации последствий атак. А в ряде государств некоторыми общественными движениями и политическими партиями предлагается легализовать DDos-атаки[19], рассматривая их как акт протеста. Что касается предложения об установлении особо квалифицированного состава в ст. 274 УК РФ, то данное решение не противоречит принципу законности (ч.2 ст. 3 УК РФ).

Интерес представляет статистический отчет, подготовленный неофициальным субъектом учета, специалистами лаборатории криминалистики международной компании Group-IB за 2011-2014 годы [20].

Так, согласно данным отчета Group-IB, объем рынка киберпреступности в РФ и СНГ составил: в 2011 г. – 2,055 млрд \$, в 2012 г. – 1,938 млрд \$, в 2013 г. (вторая половина) – 2014 г. (первая половина) – 2,501 млрд \$.

Исходя из анализа отчета, можно заключить, что составителями отчета киберпреступность, во-первых, понимается в узком смысле слова, а во-вторых, как экономическая модель преступности.

Как уже упоминалось, определение границ киберпреступности имеет принципиальное значение. Решая вопрос о круге деяний, относимых к сфере киберпреступлений, прояснится структура киберпреступности. Поскольку на базе МВД создан специальный отдел «К», постольку

именно этот отдел должен заниматься делами о киберпреступлениях. Непоследовательная реализация данного подхода в правоохранительной системе приведет на практике к беспорядку и злоупотреблениям со стороны сотрудников правоохраны. Безусловно, гл. 28 УК РФ нуждается в реформировании. В качестве ориентира могут выступать положения Конвенции. Поскольку со-

циально-правовой контроль над преступностью включает и предупреждение (профилактику), то, как нам представляется, из конкретных мер, направленных на минимизацию последствий киберпреступности, эффективнее всего будет виктимологическая профилактика. А также комплекс аппаратно-программных, или технических, мер предупреждения киберпреступности.

Библиография:

1. Двенадцатый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и уголовному правосудию. A/CONF.213/1
2. Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. A/CONF.187/1
3. www.itu.int/ITU-D/cyb/cybersecurity/legislation.html (дата обращения: 05.04.2015)
4. <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/185.htm> (дата обращения: 05.04.2015)
5. Дополнительный Протокол к Конвенции Совета Европы о киберпреступности (Страсбург, 28 января 2003 года), доступен в системе СПС «КонсультантПлюс»
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.03.2015), доступен в системе «КонсультантПлюс»
7. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ «Состояние преступности в России»
8. <http://infoforum.ru/about> (дата обращения: 05.04.2015)
9. <https://mvd.ru/news/item/830615/> (дата обращения: 01.04.2015)
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2015), доступен в системе «КонсультантПлюс»
11. Собрание законодательства РФ, 21.01.2013, N 3, ст. 178
12. Проект ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», Проект Федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты РФ в связи с принятием ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры РФ» (документы доступны в системе «КонсультантПлюс»)
13. Русский рынок компьютерных преступлений. Состояние и тенденции. 2011г. (www.group-ib.ru) (дата обращения: 05.04.2015)
14. Зинина У.В. «Преступления в сфере компьютерной информации в Российском и Зарубежном уголовном праве», канд. дисс. г. Москва, 2007 г. – С. 149 (Хотя автор предлагает ввести уголовную ответственность за Dos – атаки, но это не принципиальная разница)
15. ст. 6 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (с изм. и доп), доступен в системе «КонсультантПлюс»
16. Степанов-Егиянц В.Г. Объективная сторона неправомерного доступа к компьютерной информации по Уголовному кодексу РФ // Статья, доступна в системе «КонсультантПлюс»
17. Минин А. Я. «Кибербезопасность и защита информационных систем» // Статья (доступна в системе «КонсультантПлюс»)
18. www.group-ib.ru (дата обращения: 05.04.2015)

References (transliterated):

1. Dvenadtsatyi Kongress Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po preduprezhdeniyu prestupnosti i ugovnomu pravosudiyu. A/CONF.213/1
2. Desyatyi Kongress Organizatsii Ob"edinennykh Natsii po preduprezhdeniyu prestupnosti i obrashcheniyu s pravonarushitelyami. A/CONF.187/1
3. www.itu.int/ITU-D/cyb/cybersecurity/legislation.html (data obrashcheniya: 05.04.2015)

4. <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/185.htm> (data obrashcheniya: 05.04.2015)
5. Dopolnitel'nyi Protokol k Konventsii Soveta Evropy o kiberprestupnosti (Strasburg, 28 yanvarya 2003 goda), dostupen v sisteme SPS «Konsul'tantPlyus»
6. Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 N 63-FZ (red. ot 30.03.2015), dostupen v sisteme «Konsul'tantPlyus»
7. FKU «Glavnyi informatsionno-analiticheskii tsentr» MVD RF «Sostoyanie prestupnosti v Rossii»
8. <http://infoforum.ru/about> (data obrashcheniya: 05.04.2015)
9. <https://mvd.ru/news/item/830615/> (data obrashcheniya: 01.04.2015)
10. Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii" ot 18.12.2001 N 174-FZ (red. ot 08.03.2015) (s izm. i dop., vstup. v silu s 20.03.2015), dostupen v sisteme «Konsul'tantPlyus»
11. Sobranie zakonodatel'stva RF, 21.01.2013, N 3, st. 178
12. Proekt FZ «O bezopasnosti kriticheskoi informatsionnoi infrastruktury Rossiiskoi Federatsii», Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v zakonodatel'nye akty RF v svyazi s prinyatiem FZ «O bezopasnosti kriticheskoi informatsionnoi infrastruktury RF» (dokumenty dostupny v sisteme «Konsul'tantPlyus»)
13. Russkii rynek komp'yuternykh prestuplenii. Sostoyanie i tendentsii. 2011g. (www.group-ib.ru) (data obrashcheniya: 05.04.2015)
14. Zinina U.V. «Prestupleniya v sfere komp'yuterno informatsii v Rossiiskom i Zarubezhnom ugolovnom prave», kand. diss. g. Moskva, 2007 g. – S. 149 (Khotya avtor predlagaet vvesti ugolovnyuyu otvetstvennost' za Dos – ataki, no eto ne printsipial'naya raznitsa)
15. st. 6 FZ «Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii» ot 27.07.2006 № 149-FZ (s izm.i dop), dostupen v sisteme «Konsul'tantPlyus»
16. Stepanov-Egiyants V.G. Ob'ektivnaya storona nepravomernogo dostupa k komp'yuterno informatsii po Ugolovnomu kodeksu RF // Stat'ya, dostupna v sisteme «Konsul'tantPlyus»
17. Minin A. Ya. «Kiberbezopasnost' i zashchita informatsionnykh sistem» // Stat'ya (dostupna v sisteme «Konsul'tantPlyus»)
18. www.group-ib.ru (data obrashcheniya: 05.04.2015)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМ В ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ И СЛЕДСТВЕННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Денисов Е.В.

***Аннотация:** В настоящей статье изучается российский и зарубежный опыт исследования и внедрения в следственную и оперативно-розыскную практику автоматизированных информационно-поисковых систем (АИПС), предназначенных для построения психологических профилей неустановленных преступников, преимущественно совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления против личности, также предлагается авторская концепция общей архитектуры и функционирования данных систем. Приводятся данные об эффективности работы АИПС, целесообразности их применения по определённым категориям дел. Даются теоретическое обоснование возможности построения психологического портрета преступника исходя из возможностей математической статистики и психоанализа. Метод или методология исследования: В процессе исследования были применены общенаучные методы анализа, синтеза и сравнения, а также функциональный метод и системный подход. Анализовались математические и психологические методы исследования информации о преступлении. Научная новизна и выводы: На основе отечественных и зарубежных источников проанализированы алгоритмы работы различных АИПС, дана оценка достоверности и надёжности предоставляемых ими данных. Исследована программная архитектура действующих зарубежных программных комплексов и аналогичных систем, разрабатываемых в России, на основании чего сделаны предложения по концепции функционирования новой отечественной АИПС, предназначенной для построения психологических портретов, выявления признаков серийности между преступлениями и ведения учёта лиц из групп риска. Сделаны выводы об обоснованности профилирования тяжких и особо тяжких преступлений с точки зрения математической статистики и психоанализа.*

***Ключевые слова:** Профилирование, географический профиль, аиис, *modus operandi*, криминалистическая характеристика, базы данных, анализ версий, информатизация расследования, признаки серийности, преступник.*

Анализируя проблему раскрываемости преступлений за последние 3 года, можно констатировать, что нераскрытыми остаются 43-44% от общей массы преступлений. Количество нераскрытых тяжких и особо тяжких преступлений колеблется на уровне 24%, равно как и их процент от общего числа[1]. У этого явления несколько причин, одна из которых – подготовка квалифицированных ка-

дров. В данном аспекте необходимо выделить два критерия: первый – качество образования в вузе и второй – опыт работы.

В части, касающейся первого критерия, можно сказать, что во многих регионах нет необходимой кадровой преподавательской базы для подготовки сотрудников правоохранительных органов. Большинство преподавателей региональных юридиче-

ских вузов и их филиалов являются «выходцами» из системы МВД (для службы в которой не предусмотрено требования об обязательном высшем юридическом образовании даже в следственных подразделениях[2]), многие не имеют учёных степеней по юридическим наукам, не имея интереса к профессиональному росту, они теряют квалификацию. В результате некоторые следователи Следственного комитета и Федеральной службы безопасности Российской Федерации не имеют достаточного опыта в области ведения предварительного следствия, теории ОРД и юриспруденции; у значительного числа следователей территориальных органов СКР отсутствуют знания о методах сбора образцов для генотипического исследования, свойствах веществ (выделений), содержащих ДНК; подчас сотрудники не обладают навыками обнаружения, фиксации и изъятия следов пальцев рук и пониманием специфики их выявления на различных поверхностях.

Относительно второго критерия считаем нужным отметить, что по состоянию на 2010 г. (по нашим сведениям, изменения в показателе на данный момент не составляют более 5%) опытными, т.е. имеющими стаж следственной работы в органах Прокуратуры – СКР более 5 лет, являются только около половины всех сотрудников[3], что не может позитивно влиять на качество предварительного следствия по линии Следственного комитета РФ. Ещё одной причиной является традиционно низкая техническая оснащённость территориальных экспертно-криминалистических подразделений, особенно в системе МВД, в которой, помимо прочего, отсутствует эффективный механизм обеспечения сотрудников методическими и учебно-методическими указаниями по криминалистике, методам выявления-фиксации-изъятия следов при осмотре места происшествия, производству традиционных и специальных экспертиз, ведению криминалистических учётов.

Отдельной проблемой в данном контексте является информационное обеспечение расследования преступлений. В этой связи следует обратить внимание на отсутствие единой и доступной для всех уполномоченных служб базы данных, в которую бы вносились сведения, количественный и качественный анализ которых мог бы способствовать выдвижению версий относительно направления расследования, снижая тем самым роль «человеческого фактора» и помогая сотрудникам правоохранительных органов ориентироваться в собираемом информационном массиве. Наиболее остро описанная проблема

возникает при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений против личности, в особенности серийных убийств и изнасилований, а ведь расследования именно данной категории дел обычно вызывают особую сложность.

В связи с вышеизложенным мы полагаем, что на сегодняшний день возникла необходимость создания единой для всех правоохранительных органов автоматизированной информационно-поисковой аналитической системы, содержащей сведения о преступлениях, их криминалистических характеристиках и включающей алгоритмы анализа обстоятельств этих преступлений. Данный комплекс позволит проводить идентификационные исследования способов совершения преступлений, выявлять признаки серийности между отдельными эпизодами и создавать психологический/географический профиль неустановленного преступника.

Дополнительную актуальность и обоснованность данной проблеме придают выдающиеся результаты в области подобной информатизации процесса расследования преступлений в США, Канаде, и некоторых странах ЕС, хотя в отечественной науке и практике эти достижения остаются малоизвестными. Так, в западных странах ещё с 1980-1990 гг. используются такие информационно-аналитические комплексы как INPOL, VICAP, SATCHEM, а также иные системы централизованного учёта и анализа обстоятельств и способа совершения преступления. Уместно сказать, что в России разработка аналогичных систем также велась, например, во ВНИИ МВД РФ была разработана АИПС «Монстр», призванная составлять психологические портреты преступников, однако по ряду причин она давала информацию весьма низкого качества, которая не могла в достаточной мере способствовать созданию поискового портрета личности злоумышленника по тем или иным психологическим и социально-демографическим признакам[4]. Так же отечественной наукой достаточно глубоко проработаны теоретические вопросы создания информационно-аналитической системы описываемого класса, обоснования эффективности использования данных криминалистических характеристик преступлений, статистических данных, отражающих корреляции способа совершения преступления, особенностей ориентации на местности, отношений с жертвой и прочих аспектов поведения преступника. Указанные разработки, а также близкие к ним по тематике изложены в трудах таких учёных как Густов Г. А., Великородный П. Г., Усанов И. В., Кустов А. М., Ищенко Е. П., Бондаренко Р. В., Колдин В. Я.,

Волчецкая Т. С., Видонов Л. Г., Селиванов Н. А., Фесик П. Ю., Анфиногенов А. И., Толстолицкий В. Ю., Антонян Ю. М., Зуйков Г. Г. Отметим, что в данных изысканиях, по нашему мнению, не вполне учитывается зарубежный опыт, особенно в части внедрения информационно-аналитических систем в широкую практику и применения перспективных психологических методов анализа поведения подозреваемого на месте происшествия, с целью их внесения в базу под определённой рубрикой анализа.

Обращаясь к зарубежному опыту, можно констатировать весьма существенное отставание российских правоохранительных органов в разработке и, особенно, в практическом применении автоматизированных информационно-поисковых систем. Также в правоохранительной системе не имеется информационных баз с равным доступом для всех органов, проводящих следственные и оперативно-розыскные мероприятия. В таких условиях крайне усложняется даже не проверка достоверности информации о серийности, а установление наличия сведений о проверяемом лице в криминалистических и специальных учётах. Совершенно по-другому складывается практика в США и Западной Европе. Например, в США Федеральное бюро расследований является оператором, а уполномоченные службы пользователями объединённой автоматизированной дактилоскопической информационной системы, содержащей 71,5 млн. дактилокарт по криминальным учётам[5], также ФБР имеет в своём распоряжении систему мгновенной проверки лиц, желающих приобрести огнестрельное оружие (NICS)[6] и уже упомянутую VICAP; во Франции в 1990 г. была принята программа полной компьютеризации МВД, включавшая создание обширных информационных сетей обмена данными, а в Великобритании в 1991 г. начал эксплуатироваться новый национальный вычислительный центр полиции (PNC-2)[7]. При этом необходимо отметить, что за рубежом также имеются весьма серьёзные недостатки в плане развития АИПС. Так, в Германии МВД испытывало существенные трудности при создании информационно-поисковой системы INPOL, связанные с несовершенством её архитектуры, а использование VICAP критикуется из-за нерепрезентативности статистических данных, подчас некачественно вводимых в электронные анкеты местными полицейскими службами[8].

Принцип действия перспективной АИПС для российских правоохранительных органов при её назначении, направленном на выявление

признаков серийности между преступлениями и составление психологического и географического профиля, нам представляется состоящим из группы рубрик, содержащих признаки, характерные для определённых категорий преступлений, а также информацию по собранным в рамках расследования доказательствам. Помимо этого, в базе данных указанного программного комплекса должны храниться статистические данные о преступлениях определённых видов, анализ которых поможет определить общие наиболее вероятные характеристики обстоятельств происшествия и задействованных в нём лиц. К примеру, в используемой в Великобритании АИПС (САТСНЕМ) заложен алгоритм, учитывающий, что по общему правилу к перевозке или перемещению жертв более склонны субъекты в возрасте 30-35 лет, нежели от 18 до 25 лет. К тому же, статистические данные, являясь одновременно единой электронной картошкой способов совершения преступлений, могут быть задействованы для раскрытия преступлений прошлых лет, а также в научных целях, помогая устанавливать деграционные наклонности в поведении преступников в уже выявленных сериях и обнаруживать ещё не идентифицированные серии по имеющимся сходствам почерка.

Между АИПС, разработанными в целях профилирования в Северной Америке и Европе, и некоторыми апробируемыми разработками в России («ФОРВЕР», «Глухарь», «Монстр») имеется несколько значимых различий, которые необходимо учитывать при создании глобальной отечественной АИПС.

Западные системы, главным образом VICAP и САТСНЕМ, частично используют для анализа данных имеющиеся в них статистические корреляции выявленные в ранее совершённых преступлениях (к примеру, соотношение мест обнаружения трупов и способа совершения преступления с вероятным районом проживания злоумышленника), так называемыми моделями[9], а также *modus operandi*[10] (далее – МО); аналогией этого термина в российской криминалистике может являться способ совершения преступления, так как его суть заключается именно в деятельности преступника при совершении преступления. Непосредственно из анализа данных МО указанные программы исходят при построении психологического и социально-демографического портрета преступника. Так, VICAP сравнивает в процессе обработки информации о преступлении более 100 МО и выбирает 10 наиболее близких вариантов, содержащих сходные с проверяемым преступлени-

ем случаи. Таким образом, выявляются признаки серийности и определяется психологический портрет преступника по имеющимся в базе данным, а также анализу отображённых в следовой обстановке и пространственно-временных данных криминального события, психологических паттернов.

Перспективные российские АИПС, например, такие как «ФОРВЕР», оперируют данными криминалистических характеристик убийств на основе ранее рассмотренных уголовных дел [11]. В программе на основании методов математической статистики производится расчёт вероятности неизвестных признаков за счёт известных [12]. Схожий принцип используется в системе САТСНЕМ с применением Байесовских сетей, при помощи которых устанавливаются вероятностные отношения в преступлении [13]. Использование подобных алгоритмов, по нашему мнению, в большинстве случаев оправдано, однако, стоит заметить, что данному методу свойственны логические ошибки, выраженные в распространении какого-либо признака на слишком объёмную категорию лиц, «входящую» в профиль и усугубляющиеся отсутствием модуля анализа поведения преступника, действующего через анализ МО по конкретным особенностям преступлений. Иными словами, криминалистические характеристики анализируются слишком широко, поэтому результаты подобных статистических обобщений могут давать «осечки», а выборки способов совершения преступлений, как наиболее важной части криминалистической характеристики, не представлены в достаточной степени.

Заметим, что при изучении проблемы качества работы АИПС, построенных на статистических системах анализа, важно понимать различия между криминалистической характеристикой преступления и способом его совершения. Е. П. Ищенко в приводимой формулировке указывает: «криминалистическая характеристика – это система описания криминалистически значимых признаков вида или группы преступлений, проявляющихся в особенностях способа, механизма и обстановки совершения, личности виновного и иных обстоятельств конкретного преступного посягательства, существенных для его успешного раскрытия и расследования» [14]. Таким образом, способ и обстановка совершения преступления, являясь составными частями криминалистической характеристики, не должны рассматриваться в отрыве от неё. При этом, отображая, по нашему мнению, большую часть информации, необходимой для составления психологического и социаль-

но-демографического профиля преступника, эти элементы криминалистической характеристики должны прорабатываться более глубоко в рамках алгоритмов работы АИПС.

Представляется также, что нельзя до конца посредством только лишь статистического анализа криминалистической характеристики в целом описать корреляции между, например, социально-демографической характеристикой преступника и формами совершённого им сексуального насилия. Между тем, существуют базы, учитывающие и эти особенности: в них могут вноситься данные об особых приметах подозреваемого, способах насилия/убийства, месте и времени совершения преступлений, наличия попыток предварительного вербального контакта с потенциальной жертвой и их формы. Составление отдельных статистических выборок из МО оправдано ещё и тем фактом, что преступник в процессе совершенствования своего «мастерства» или в результате психологической деградации, изменения форм реакций на внешние раздражители в процессе течения психического заболевания может изменять почерк, что частично отображается именно в способе совершения преступления. К примеру, в науке достаточно хорошо известны «эскалации» грабителей-фетишистов до сексуальных убийц [15]. Конечно, в соответствии с психологической теорией отражения, почерк преступника не будет меняться полностью, но внешне с течением времени может предстать в достаточно деформированном виде. Именно поэтому мы считаем необходимым выделять способ совершения преступления как отдельный статистический раздел АИПС профилирования.

Основываясь на вышеизложенном, считаем необходимым в рамках данной работы привести своё видение архитектуры и системы функционирования перспективной АИПС для российских правоохранительных органов, которая могла бы использоваться для построения версий и создания психологических профилей по тяжким и особо тяжким преступлениям.

Указанная система должна сочетать в себе три модуля: анализа, учёта и взаимодействия с другими аналитическими системами и базами данных. Аналитический модуль необходим для основной работы системы – формирования версий и профилей. Модуль учёта в системе требуется для хранения информации о лицах, у которых обнаружены черты, свойственные преступникам, совершающим убийства на сексуальной почве, садистам, насильникам похитителям и т.п. Как вариант, в такую базу должны вноситься под-

ростки, у которых отмечены такие наклонности из Триады Макдональда как пиромания и, в особенности, зоосадизм.

В системе должны также сочетаться связанные между собой автоматизированная информационно-аналитическая и поисковая система, подключённая к компьютеризированным криминалистическим и специальным учётам МВД РФ, для оперативной проверки составленного системой профиля по прочим критериям с целью идентификации субъекта, совершившего преступление. Доступ к АИПС должны иметь все сотрудники заинтересованных ведомств, имеющие необходимый допуск и квалификацию, однако в отличие от VICAP, отечественный комплекс в части субъекта ввода данных должен быть федеральным; внесение в него данных территориальными правоохранительными органами должно контролироваться из центра управления, дабы исключить внесение ошибок в программный алгоритм статистического анализа.

Такой принцип действия позволит, во-первых, вести централизованный учёт данных о фактах и обстоятельствах совершённых тяжких и особо тяжких преступлений и оперативно проверять на причастность к совершению преступления выявленных лиц, устанавливать признаки серийности между преступлениями в масштабе всей страны, а во-вторых, автоматически составлять психолого-криминалистический и социально-демографический профиль неустановленного преступника. Примером может служить вывод о его поле, примерном возрасте (в пределах 5 лет), роде занятий, определённых заболеваниях, расе, привычках и т.п. Одновременно в функционал программного комплекса должны включаться картографические системы, необходимые для построения географического профиля субъекта в зависимости от мест совершаемых преступлений. Отметим, что корреляции между способом совершения преступления, поведением преступника и географической удалённостью мест преступления друг от друга и от места жительства субъекта выявлены ещё в 70-е годы XX века в США и в настоящее время подтверждены российскими криминалистами и криминологами[16].

Относительно потенциальной точности описываемой системы можем отметить, что по последним исследованиям, проводимым, в частности, В. Я. Колдиным, она должна будет составлять примерно 90,03 % при достаточности данных[17], а для системы «ФОРВЕР» по некоторым параметрам до 95%[18]. Таковыми данными для АИПС[19] могут являться: место преступления (с помощью кото-

рого можно составить геопрофиль), время, способ совершения преступления и сокрытия его следов (характер повреждений, их локализация, орудие преступления), место «сброса» орудия убийства и его положение относительно места происшествия, поза трупа (если есть основания полагать, что он перемещался преступником).

Наряду с описанием характеристик АИПС, представляется важным упомянуть о возможности и целесообразности её использования для работы по неоднородным категориям дел. Необходимо отметить факт наличия расхождения во мнениях между российскими и американскими криминологами и криминалистами относительно возможности применения АИПС при построении профиля по определённым видам преступлений. Так, например, С. В. Милюков[20] и В. Я. Колдин [21] полагают, что методика профилирования, в том числе с использованием АИПС, применима как для особо тяжких преступлений против личности, так и при расследовании грабежей, разбоев и серийных краж. Напротив, В. А. Образцов считает, что данные методики применимы исключительно для преступлений, в которых в достаточной степени отражаются психологические (психопатические) наклонности субъекта. В данном вопросе, по нашему мнению, следует занимать промежуточную позицию, опираясь на устоявшиеся в криминалистике подходы к теории слеодообразования, в том числе в части формирования идеальных образов в сознании субъекта и их переноса на материальные объекты. Полагаем, что профилирование применимо в тех случаях, когда следовая обстановка преступления и пространственно-временные связи так или иначе отражают субъективные предпочтения лица относительно способа совершения преступления, поведения в процессе его подготовки, совершения и сокрытия его следов (если таковое имело место). Например, нам не представляется возможным построение профиля большинства преступников, совершающих квартирные кражи из-за разности обстановки в квартирах, корыстного мотива, как «сбивающего» фактора, и отсутствия жертвы и насилия над ней, как обязательного элемента профилируемого преступления. Невозможно достаточно точное отражение личности субъекта в следовой обстановке на месте происшествия, а следовательно, внесение данных в АИПС для эвристического анализа отображённых психологических паттернов. К тому же, полагаем, что расследование корыстных преступлений таким методом попросту нерационально с экономической и организационной точек зрения.

Однако заметим, что в США метод профилирования и анализа криминального поведения применяется намного шире, нежели расследование исключительно серийных сексуальных убийств. Так, в структуре Национального центра анализа тяжких преступлений ФБР [22] присутствуют 4 отдела анализа поведения:

1-й отдел – контртерроризм, поджоги, ВУ;

2-й отдел – угрозы, киберпреступления, националисты, коррупция;

3-й отдел – преступления против детей;

4-й отдел – преступления против взрослых.

Также имеется отдельное подразделение, решающее исследовательские и методические вопросы.

Описав некоторые вопросы преимущественно инструментальных способов построения психолого-криминалистических и социально-демографических портретов неустановленных преступников, считаем, что для более полного понимания их методики, применяемой в западных странах, необходимо также кратко отразить в данной работе уровень научных достижений в области неинструментальных исследований, так как именно они послужили научной и практической основой для создания АИПС профилирования.

Неинструментальный (ментальный) способ анализа поведения и построения психологического портрета (профиля) во многом повторяет принцип работы инструментальной системы. Основное различие заключается в алгоритмическом изучении аналитиком данных, полученных в результате ОМП. Такой алгоритм, по мнению сотрудников ФБР, должен выглядеть следующим образом:

- обстоятельное изучение, анализ природы и сущности преступления и криминальных типов лиц (психолого-психиатрическая типология), совершивших подобные деяния в прошлом;
- исчерпывающий анализ места расследуемого преступления;
- углубленное изучение ближайшего окружения, рода занятий и увлечений жертвы (жертв) и подозреваемого;
- формирование всех возможных мотивирующих факторов всех задействованных в расследовании лиц;
- описание преступника (на основе внешних поведенческих проявлений его вероятной психологической сущности) [23].

Главный постулат, на котором базируется теоретическое обоснование неинструментального профилирования, сводится к тезису о том, что поведение преступника на месте преступления

в определённых условиях склонно к некоему автоматизму, контролируемому сферой бессознательного, впервые в должной мере описанной К. Г. Юнгом и другими неопрейдистами. Именно к сфере бессознательного, изучаемой посредством научного инструментария психоанализа, может относиться способ действий преступника в процессе совершения преступления (особенно сексуальных убийств). Например, субъект, заразившийся гепатитом в результате полового контакта, вырезал жертвам (женщинам) печень. Несомненно, данное действие не может в полной мере контролироваться сознанием и поэтому продуцируется из бессознательной сферы, приобретая также компульсивный характер. Одновременно, действия преступника отражают его личностные особенности, будь то привычки, по которым можно сделать вывод о его деятельности, формы сексуального насилия, позволяющие дать заключение о поведении субъекта в быту или протекании у него неких психических заболеваний или выбор жертв, который может дать информацию обо всём из вышеперечисленного. Таким образом, малоконтролируемое поведение преступника (особенно в случае с сексуальными убийцами) в совокупности с неизбежным отражением на месте происшествия его бессознательных/архетипических мотивов обеспечивает возможность математического и психоаналитического анализа обстоятельств его преступлений и построения психологического портрета. Ещё один интересный вывод, который можно сделать из изучения методик профилирования заключается в том, что совершенно разные люди, совершая преступления, действуют по схожим психологическим паттернам, поддающимся классификации, при этом исключения из таких моделей бывают крайне редки. Этот факт подтверждают данные об общности видов психических аномалий серийных убийц, а также то, что в процессе совершения преступлений они реализуют некую «программу», перекликающуюся с архетипами К. Г. Юнга; ведь только этим объяснимо, почему в целые группы можно объединить насильников по признаку того, что они специально снимают с жертв только один (!) ботинок или что многие маньяки стремятся вонзить в тела жертв какие-либо предметы типа палок или бутылок.

Подытожив вышесказанное, можем сделать вывод, что в отечественной науке существует достаточная теоретическая и практическая основа для создания и развития автоматизированных информационно-поисковых систем, которые могут оказать существенную помощь правоохранитель-

ным органам в оптимизации методов изучения и борьбы с преступностью, а также ведении централизованного учёта тяжких и особо тяжких преступлений. При таком условии, создание указанной системы, не приводя к большим затратам,

будет способствовать своевременному выявлению и задержанию опасных преступников, предотвращению совершения новых преступлений, что не замедлит положительно сказаться на экономических и социальных показателях жизни страны.

Библиография:

1. Ищенко Е. П. «Реформой правит криминал?». – М.: Юрлитинформ, 2013.
2. Ищенко Е. П. Криминалистика: Курс лекций. – М.: АСТ-МОСКВА, 2007.
3. Усанов И. В. Распознавание серийного характера убийств, совершённых сходными способами: Учебно-методическое пособие. – М.: Юрлитинформ, 2010.
4. Каримов В. Х. Автоматизированные информационно-поисковые системы криминалистического назначения: современное состояние, тенденции и перспективы развития. – М.: Юрлитинформ, 2014.
5. James Alan Fox, Jack Levin (1998). Multiple Homicide: Patterns of Serial and Mass Murder. Crime and Justice, Vol. 23.
6. Wayne Petherick (2014). Profiling and Serial Crime. Theoretical and Practical Issues. Third Edition. Elsevier Inc.
7. Фесик П. Ю. Технология использования криминалистической характеристики в раскрытии убийств: дисс. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.
8. D. Kim Rossmo (2000). Geographic profiling. CRC Press LLC.
9. Andrew E. Brankley, Alasdair M. Goodwill, Kylie S. Reale (2013). Escalation from Fetish Burglaries to Sexual Violence: A Retrospective Case Study of Former Col., D. Russell Williams. Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling.
10. Метелев А. В. Использование специальных психологических знаний при раскрытии серийных убийств. Ижевск, 2009.
11. Колдин В. Я. Версионный анализ. – М.: Юрлитинформ, 2014.
12. Милуков С. В. Современные возможности использования свойств человека при установлении личности в раскрытии и расследовании преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2013.

References (transliterated):

1. Ishchenko E. P. «Reformoi pravit kriminal?». – M.: Yurlitinform, 2013.
2. Ishchenko E. P. Kriminalistika: Kurs lektzii. – M.: AST-MOSKVA, 2007.
3. Usanov I. V. Raspoznavanie seriinogo kharaktera ubiistv, sovershennykh skhodnymi sposobami: Uchebno-metodicheskoe posobie. – M.: Yurlitinform, 2010.
4. Karimov V. Kh. Avtomatizirovannye informatsionno-poiskovyie sistemy kriminalisticheskogo naznacheniya: sovremennoe sostoyanie, tendentsii i perspektivy razvitiya. – M.: Yurlitinform, 2014.
5. James Alan Fox, Jack Levin (1998). Multiple Homicide: Patterns of Serial and Mass Murder. Crime and Justice, Vol. 23.
6. Wayne Petherick (2014). Profiling and Serial Crime. Theoretical and Practical Issues. Third Edition. Elsevier Inc.
7. Fesik P. Yu. Tekhnologiya ispol'zovaniya kriminalisticheskoi kharakteristiki v raskrytii ubiistv: diss. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2012.
8. D. Kim Rossmo (2000). Geographic profiling. CRC Press LLC.
9. Andrew E. Brankley, Alasdair M. Goodwill, Kylie S. Reale (2013). Escalation from Fetish Burglaries to Sexual Violence: A Retrospective Case Study of Former Col., D. Russell Williams. Journal of Investigative Psychology and Offender Profiling.
10. Metelev A. V. Ispol'zovanie spetsial'nykh psikhologicheskikh znaniy pri raskrytii seriinykh ubiistv. Izhevsk, 2009.
11. Koldin V. Ya. Versionnyi analiz. – M.: Yurlitinform, 2014.
12. Milyukov S. V. Sovremennye vozmozhnosti ispol'zovaniya svoistv cheloveka pri ustanovlenii lichnosti v raskrytii i rassledovanii prestuplenii. – M.: Yurlitinform, 2013.

САРАТОВСКИЙ ЦЕНТР ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПРОБЛЕМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ И КОРРУПЦИИ

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ “ЦЕНЫ” РЕАКЦИИ ОБЩЕСТВА НА ПРЕСТУПНОСТЬ

Долотов Р.О.

Аннотация: Автор подробно анализирует методологические основы, необходимые для создания методик оценки издержек, касающихся реакции общества (государства) на преступность, в частности оценки расходов, направляемых на обеспечение работы государственных органов, чья деятельность наряду с противодействием преступности связана с выполнением иных функций, в ситуациях, когда размер бюджетных расходов, выделяемых целенаправленно на обеспечение «реакции» на факт совершения преступлений (выявление и привлечение к уголовной ответственности с её последующей реализацией), не определен нормативно. Метод или методология исследования: Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены общенаучные и частно-научные методы: анализ, синтез, структурно-логический метод, статистический и иные методы научного познания. Предлагается авторская методика оценки затрат государства, связанных с деятельностью суда по рассмотрению уголовных дел, в основу которой кладется время, затраченное судами на рассмотрение уголовных дел (материалов). К дополнительным переменным предлагается отнести количество видов подобных работ, бюджет этих органов, нормативный фонд рабочего времени на одного работника за год, фактическую численность работников данного органа, в чьи полномочия входит выполнение таких работ. Делается вывод о необходимости принятия новых норм нагрузки для судей.

Ключевые слова: Анализ, основа, методика, оценка, издержка, реакция, общество, преступность, расход, противодействие.

Одной из наиболее актуальных проблем современной криминологии с уверенностью можно назвать проблему расчета цены преступности [6, с.173]. Сведения о цене преступности необходимы не только для формирования стратегии предупреждения преступности с точки зрения экономической рациональности, но и с точки зрения социальной справедливости.

Разработка конкретных методик определения цены преступности предполагает, в первую очередь, решение вопроса о категоризации компонентов, образующих саму цену преступности. К сожалению, данная проблема до сих пор не получила должного развития в России [5, с.16].

В рабочем документе Пятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями отмечалось, что будущая работа по анализу издержек и выгод в применении к политике и программам в области противодействия преступности должна быть сконцентрирована на двух основных аспектах: классификация источников издержек и выгод от преступности и определение взаимоотношений между экономическими и неэкономическими мерами ценности. Применительно к первому аспекту в п.139 рабочего документа ООН специально оговаривалось, что «рассматриваемые издержки и выгоды должны включать издержки системы уголовного правосу-

дия в предупреждении преступности и борьбе с ней; общественный ущерб в результате преступности, включая как экономический, так и неэкономический ущерб, ущерб свободе или правосудию в результате активных действий против преступности; выгоды от снижения преступности за счет прямого сокращения потерь; выгоды и издержки снижения преступности в областях социальных показателей помимо общественной безопасности; и выгоды снижения преступности социальными мерами, не направленными непосредственно на борьбу с преступностью. Желательно, чтобы классификация этих издержек и выгоды производилась по отношению к предупреждению, мерам устрашения и наказания» [12]. За прошедшие 30 лет после упомянутого конгресса ООН работа в данном направлении активизировалась [4].

В отечественной криминологии существуют различные подходы применительно к данному вопросу. Так, М.М. Бабаев и В.Е. Квашис выделяют в цене преступности два компонента: 1) стоимостное выражение непосредственных и опосредованных последствий криминальных деяний (*противоправное причинение*), 2) стоимостное выражение затрат государства и общества на борьбу с преступностью и профилактику правонарушений (*социально полезные и объективно необходимые расходы*) [1, с.248]. Похожей точки зрения придерживается В.В. Лунеев, по мнению которого «совокупную» цену преступности можно разделить на: 1) издержки, навязанные обществу самой преступностью, т.е. прямые последствия преступности; 2) издержки, которые общество навязывает себе само для защиты от преступности и её сдерживания, т.е. косвенные издержки [7, с.783].

Представляется логичным определять структуру цены преступности, исходя из временных параметров, характеризующих последовательные этапы криминологической деятельности: а) прогнозирование преступности, б) профилактика преступности, в) выявление и пресечение конкретных преступлений, г) реализация уголовной ответственности за конкретные преступления, а также частичное или полное восстановление нарушенных общественных отношений.

Упрощая ситуацию, можно сказать, что вначале общество (в широком смысле этого слова) предпринимает меры в отношении потенциальных криминальных актов (находится в состоянии готовности, ожидания), затем совершаются конкретные преступления, на которые общество реагирует, а потом оно опять ожидает новые

преступления – круг замкнулся. На каждом из указанных этапов расходуются либо теряются ресурсы, уменьшающие благосостояние всего общества или отдельных его членов.

Соответственно, можно условно выделить три компонента цены преступности:

1. издержки потенциальных жертв, общества и государства, связанные с ожиданием преступности;
2. реальный вред, причиняемый конкретными преступлениями жертве преступления, обществу, государству;
3. издержки, связанные с реакцией общества, государства на факт совершения конкретных преступлений.

Рассмотрим более подробно последнюю разновидность издержек. Реакция общества на факт совершения конкретного преступления выражается, прежде всего, в деятельности, направленной на привлечение виновного лица к уголовной ответственности. Значительная доля издержек преступности приходится на расходы, связанные с расследованием преступления и исполнением уголовного наказания. Наказания, связанные с длительными сроками изоляции от общества, не только лишают осужденных возможности получить легальный доход и внести свой вклад в развитие экономики, но и резко снижают шансы найти достойную работу после освобождения, что провоцирует некоторых бывших заключенных к продолжению преступной карьеры. Кроме того, семьи заключенных, которые лишены средств поддержки, часто становятся подопечными государства.

Соответственно к основным общественным (государственным) издержкам и расходам, связанным с реакцией общества на факт совершения конкретных преступлений, следует относить:

- 1) расходы на содержание органов, занимающихся выявлением и расследованием преступлений;
- 2) расходы на содержание органов (лиц), участвующих в рассмотрении уголовных дел в суде;
- 3) расходы и издержки, связанные с исполнением уголовных наказаний;
- 4) расходы на осуществление административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;
- 5) расходы на осуществление прокурорами надзора за соблюдением закона при выявлении и расследовании преступлений, рассмотрении уголовных дел в суде и исполнении уголовных наказаний;

б) бюджетные расходы на оплату процессуальных издержек.

7) расходы на защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства;

8) компенсационные выплаты потерпевшим от преступления со стороны государства (за счет средств бюджета и внебюджетных государственных фондов).

С методологической точки зрения, оценка последних трех разновидностей расходов не представляет никакой сложности, так как их размер равен сумме денег, потраченных непосредственно на соответствующие цели (процессуальные издержки, охрану потерпевших и др.). Затруднения могут возникнуть лишь с поиском финансовой документации, отражающей данные расходы, но это уже не методологическая, а техническая (организационная) проблема.

С остальными же видами расходов и издержек не все так однозначно. Например, расходы на содержание органов, занимающихся выявлением и расследованием преступлений, рассмотрением уголовных дел в суде и т.д., легко подсчитать только если: 1) эти органы ничем иным больше не занимаются, либо 2) в бюджете отдельными статьями отражены расходы на интересующие нас виды деятельности. Однако это далеко не всегда так. Например, прокуратура осуществляет надзор не только за дознанием и следствием, но и в других сферах деятельности; суды общей юрисдикции рассматривают не только уголовные, но гражданские и административные дела, и т.п. К числу органов, которые выполняют исключительно интересующую нас деятельность (воплощающую в себе реакцию государства на факт совершения преступлений), можно отнести лишь:

- Следственный комитет РФ;
- Федеральную службу исполнения наказаний России.

С определенной долей натяжки, к таким органам можно отнести и полицию, но согласно Указу Президента РФ 01.03.2011 № 250 «Вопросы организации полиции», на неё также возлагаются функции, не связанные непосредственно с противодействием преступности (обеспечение безопасности дорожного движения, осуществление лицензионно-разрешительной деятельности и др.).

В связи со сказанным возникает необходимость разработки методики определения подлежащей включению в цену преступности доли

расходов, направляемых на обеспечение работы органов, чья деятельность наряду с противодействием преступности связана с выполнением иных функций;

Алгоритм создания подобной методики может быть проиллюстрирован на примере оценки деятельности судов общей юрисдикции за 2013 г.

Итак, главными распорядителями бюджетных средств, выделяемых на функционирование судов общей юрисдикции, являются Верховный Суд РФ и Судебный департамент при ВС РФ. В соответствии с бюджетными ассигнованиями, утвержденными федеральным законом о федеральном бюджете на 2013 год, Судебный департамент при ВС РФ в 2013 г. выступал распорядителем 121759412300 руб., а Верховный Суд РФ – 3243041500 руб. Согласно отчету об исполнении федерального бюджета за 2013 г., на нужды судов общей юрисдикции ими израсходовано 121059726902,41 и 3128284381,76 рублей соответственно [3], т.е. в общей сложности – 124188011284,17 рублей.

Возникает резонный вопрос, какую часть этих средств можно отнести к расходам, связанным с преступностью, т.е. включить в расчеты цены преступности? Дать однозначный ответ на данный вопрос весьма сложно, так как рассмотрение уголовных дел, происходит в тех же зданиях, что гражданских и административных; эти здания охраняют одни те же судебные приставы; зачастую одни и те же судьи (мировые и районные) рассматривают и уголовные, и административные или гражданские дела и т.п.

Возможно несколько путей для решения этой проблемы. Первый из них заключается в простом количественном сравнении результатов деятельности судов по видам процессуального судопроизводства (гражданского, административного, уголовного), и последующем распределении денежных средств, пропорционально установленному соотношению видов процессуальной деятельности. Исходя из того, что большая часть работы судов связана с рассмотрением конкретных дел, в качестве основной переменной для сравнения можно взять *число рассмотренных дел*.

Так, на основе обобщения сведений, содержащихся в обзоре судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2013 году [9], получается следующее распределение (см. таблицу 1).

Таблица 1.
Количество рассмотренных судами РФ дел по видам процессуального судопроизводства

	Количество рассмотренных дел		
	Уголовные дела	Гражданские дела	Дела об административных правонарушениях
I инстанция	946 тыс. дел	12 млн. 903 тыс.	5,9 млн. дел
Апелляционное производство	369,5 тыс. дел	707,6 тыс. дел	300,8 тыс. дел
Кассационное производство	22,5 тыс. дел	6,7 тыс. дел	–
Надзорное производство)	–	–	37,4 тыс. дел
ВСЕГО	<i>1038 тыс.</i>	<i>13617,3 тыс.</i>	<i>6238,2 тыс.</i>
	20893,5 тыс. дел		

Если использовать метод пропорции, то тогда получается, что из потраченных на обеспечение деятельности судов общей юрисдикции в 2013 г. 124188011284,17рублей, на уголовное судопроизводство приходится чуть более менее 6 млрд. руб. (124 188 011 тыс.*1038 тыс./20893,5 тыс. = 6 169 725,3 тыс..

Однако такой поверхностный подход к оценке уголовного судопроизводства неприемлем, так как он фактически уравнивает трудоемкость рассмотрения всех дел в гражданском, уголовном и административном судопроизводстве. В этой связи, в качестве основной переменной следует брать *время*, затраченное судами на рассмотрение дел (материалов), а не их количество.

Анализ опубликованных в Интернете правил внутреннего распорядка судебных участков мировых судей, районных и областных судов, показал, что для всех судей устанавливаются 40-часовая рабочая неделя с двумя выходными днями. Согласно тексту производственного календаря на 2013 г. рабочее время в 2013 г. при 40-часовой рабочей неделе составило 1970 часов. В отчете Судебного департамента при ВС РФ указывается, что фактически правосудие осуществляют правосудие 22 086 федеральных и 6801 мировых судей [11], т.е. всего 28887 судей. Получается, что в целом на осуществление судами правосудия в 2013 году в общем было затрачено около 56 907 390 часов (1970*28887). Мы используем слово «около», так как в идеале данную цифру следует умножить на коэффициент, учитывающий невыходы судей на

работу во время отпуска, болезни, а также время, проведенное ими за рассмотрением дел после окончания рабочего дня. Существующая в нашей стране система официального статистического наблюдения, не позволяет получить указанные сведения. Как показало социологическое исследование, проведенное Институтом проблем правоприменения Европейского университета в 2011 г., 49% судей вынуждены задерживаться после окончания работы [2].

Если исходить из того, что на обеспечение всей работы судей (57 млн. часов) из федерального бюджета в 2013 г. было израсходовано 124 188 млн. рублей, то для определения суммы денег, опосредованных преступностью, достаточно выяснить время, потраченное судьями на рассмотрение уголовно-процессуальных дел (материалов) и принятие по ним решения. К сожалению, подобные временные затраты специально нигде не фиксируются и не отражаются ни в одной статистической отчетности. Остаются два варианта решения: 1) определить средние затраты времени на соответствующие виды работ путем репрезентативного выборочного социологического исследования; 2) использовать уже разработанные официальные нормативы норм нагрузки. Реализация первой задачи выходит за рамки нашей работы, поэтому мы остановимся на втором варианте.

Последние официальные нормативы судебной нагрузки были разработаны довольно давно – в 1996 году Центральным бюро нормативов по труду Минтруда России совместно с Минюстом

России [8]. В этих нормативах указываются временные затраты на все виды работ (рассмотрение уголовных дел, факультативные действия, внепроцессуальная деятельность) с разбивкой по категориям дел. Так, на рассмотрение одного уголовного дела, связанного с убийством (посягательством на жизнь), по нормативу отводится 15 часов рабочего времени, изнасилование – 17,1 часов, разбой – 19,9 часов; на передачу уголовного дела по подсудности – 0,5 часов, рассмотрение замечаний на протокол судебного заседания – 0,9 часов, рассмотрение ходатайства о снятии судимости – 0,9 часов и т.д.

Используя приведенные нормативы, можно определить, например, какая часть бюджетных средств (из общей суммы выделенных из федерального бюджета средств на суды общей юрисдикции), может быть отнесена к издержкам, связанным с рассмотрением дел об убийстве в I инстанции. Так, в 2013 г. в суды РФ поступило 11688 дел по первой инстанции, в которых лица обвинялись в совершении убийства (ст.105 УК) [10]. Исходя из норматива в 15 часов, суды должны были потратить около 175320 часов (15*11721) на рассмотрение данных дел в суде первой инстанции. Всего же, как мы выяснили ранее, в 2013 г. суды «отработали» 56 907 390 часов с бюджетом (федеральным) в 124188011284,17 рублей. Если использовать предлагаемый нами метод пропорции, то тогда получается, из этих почти 124 млрд. рублей на рассмотрение дел в суде первой инстанции по ст.105 УК приходится 382597798,6 рублей (175320*124188011284,1/56 907 390).

Таким образом, в тех случаях, когда

а) размер бюджетных расходов, выделяемых целенаправленно на обеспечение «реакции» на факт совершения преступлений (выявление и привлечение к уголовной ответственности с её последующей реализацией), не определен нормативно, и

б) органы, занимающиеся выявлением и привлечением к уголовной ответственности, выполняют также иную деятельность,

цена реакции (Цр) для каждого такого органа может быть определена путем пропорциональной оценки потраченного ими времени на выполнение деятельности, выражающей реакцию государства на факт совершения преступления, по формуле:

$$Цр = \sum_{1}^{n} Вп \times Б \div (Фв \times Чф)$$

где,

Вп – затраты времени на конкретные виды выполняемых этим органов работ, связанные с реакцией на факт совершения преступления.

n – количество видов подобных работ

Б – бюджет этих органов

Фв – нормативный фонд рабочего времени на 1 работника за год

Чф – фактическая численность работников данного органа, в чьи полномочия входит выполнение таких работ.

Сами же затраты времени (Вп) можно вычислить следующим образом:

$$Вп = \sum_{1}^{n} Нвр \times Рn = (Нвр1 \times Р1 + \\ + Нвр2 \times Р2 + Нврn \times Рn)$$

где,

Нвр – норма времени на конкретный вид работы

Р – объем работы n-го вида, выполняемый в течение года.

Указанные выше расчеты с делами об убийствах предназначены лишь для иллюстрации того, как можно определить размер бюджетных ассигнований, которые следует включать в цену преступности. Полученные результаты не могут быть признаны достоверными из-за несоответствия указанных норм нагрузки судей реальному положению дел (в отличие, например от норм нагрузки судебных приставов [12]). Так, исследование, проведенное Институтом проблем правоприменения Европейского университета в 2011 г., показало, что даже если сделать поправки на изменившееся процессуальное законодательство, реальная нагрузка судей превосходит нормативы в разы [2]. Из-за несоответствия количества поступающих в суд документов (дел, материалов, ходатайств, заявлений и др.), фактической численности судей, они вынуждены выполнять указанные в нормативах работу гораздо быстрее, чтобы соблюсти установленные законом сроки. Рассматриваемая проблема уже становилась предметом обсуждения на Совете судей РФ[3].

Как мы видим, необходимость принятия новых норм нагрузки судей давно назрела и данная задача должна быть решена в ближайшее время

Библиография:

1. Бабаев М.М., Квашис В.Е. Цена преступности: проблемы теории и практики // Российский криминологический взгляд. 2009. №2. С. 246–259.
2. Волков В.В., Дмитриева А.В., Поздняков М.Л., Титаев К.Д., Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование. Институт проблем правоприменения Европейского университета в С-Петербурге. СПб.2012.
3. Годовой отчет об исполнении бюджета // Официальный сайт Казначейства России URL: http://www.roskazna.ru/federalnogo-byudzheta-rf/yi/doc/fb_2013.rar.
4. Долотов Р.О. Цена преступности – история вопроса // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 1 С. 146-155.
5. Долотов Р.О. Цена преступности как криминологический показатель: некоторые методологические аспекты // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 3. С. 15-21.
6. Лунеев В. В. Актуальные криминологические проблемы в России // Российский криминологический взгляд. 2009. № 4. С. 169-186
7. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. I. Общая часть / В.В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2011.
8. Нормы нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов (утв. Постановлением Минтруда РФ, Минюста РФ от 27 июня 1996 г. N 416/06-74-125)
9. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2013 год.// Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360>
10. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2013 по форме №1 (раздел 1) URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361>.
11. Отчет Судебного департамента VIII Всероссийскому съезду судей о деятельности Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2009-2012 годы. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Otchet_Sudebnogo_departamentaVIII_VSS_-2012.pdf
12. Рабочий документ «Экономические и социальные последствия преступности: новые задачи в области исследования и планирования», подготовленного Секретариатом ООН для Пятого Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Женева, Швейцария, 1-12 сентября 1975 г.

References (transliterated):

1. Babaev M.M., Kvashis V.E. Tsena prestupnosti: problemy teorii i praktiki // Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad. 2009. №2. S. 246–259.
2. Volkov V.V., Dmitrieva A.V., Pozdnyakov M.L., Titaev K.D., Rossiiskie sud'i kak professional'naya gruppа: sotsiologicheskoe issledovanie. Institut problem pravoprimeneniya Evropeiskogo universiteta v S-Peterburge. SPb.2012.
3. Godovoi otchet ob ispolnenii byudzheta // Ofitsial'nyi sait Kaznacheistva Rossii URL: http://www.roskazna.ru/federalnogo-byudzheta-rf/yi/doc/fb_2013.rar.
4. Dolotov R.O. Tsena prestupnosti – istoriya voprosa // Biblioteka ugovnogo prava i kriminologii. 2013. № 1 S. 146-155.
5. Dolotov R.O. Tsena prestupnosti kak kriminologicheskii pokazatel': nekotorye metodologicheskie aspekty // Kriminologicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2012. № 3. S. 15-21.
6. Luneev V. V. Aktual'nye kriminologicheskii problemy v Rossii // Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad. 2009. № 4. S. 169-186
7. Luneev V.V. Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii: uchebnik. V 2 t. T. I. Obshchaya chast' / V.V. Luneev. – М.: Izdatel'stvo Yurait, 2011.

8. Normy nagruzki sudei, sudebnykh ispolnitelei i rabotnikov apparata raionnykh (gorodskikh) sudov (utv. Postanovleniem Mintruda RF, Minyusta RF ot 27 iyunya 1996 g. N 41b/06-74-125)
9. Osnovnye statisticheskie pokazateli deyatelnosti sudov obshchei yurisdiktsii za 2013 god.// Ofitsial'nyi sait Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2360>
10. Otchet o rabote sudov po rassmotreniyu ugovnykh del po pervoi instantsii za 2013 po forme №1 (razdel 1) URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2361>.
11. Otchet Sudebnogo departamenta VIII Vserossiiskomu s'ezdu sudei o deyatelnosti Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiiskoi Federatsii za 2009-2012 gody. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Otchet_Sudebnogo_departamentaVIII_VSS_-_2012.pdf
12. Rabochii dokument «Ekonomicheskie i sotsial'nye posledstviya prestupnosti: novye zadachi v oblasti issledovaniya i planirovaniya», podgotovlennogo Sekretariatom OON dlya Pyatogo Kongressa OON po preduprezhdeniyu prestupnosti i obrashcheniyu s pravonarushitelyami. Zheneva, Shveitsariya, 1-12 sentyabrya 1975 g.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ ДЕТЕРМИНИЗМА И ИНДЕТЕРМИНИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА СВОБОДЫ ВОЛИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Шевелева С.В.

***Аннотация:** Предмет исследования: В настоящей статье исследуются идеи детерминизма и индетерминизма, которые получили свое развитие в философии, позже в религии, и лишь на рубеже XVIII–XIX вв. нашли свое отражение в философско-юридических исследованиях. Указанные два по сути противоположных направления в подходе к пониманию свободы воли оказали серьезное влияние на формирование основных направлений развития уголовного права: классического, антропологического и социологического. На историю российской доктрины повлияли все три отмеченные направления уголовно-правовой мысли, хотя и с разной степенью интенсивности. Предмет исследования: В настоящей статье исследуются идеи детерминизма и индетерминизма, которые получили свое развитие в философии, позже в религии, и лишь на рубеже XVIII–XIX вв. нашли свое отражение в философско-юридических исследованиях. Указанные два по сути противоположных направления в подходе к пониманию свободы воли оказали серьезное влияние на формирование основных направлений развития уголовного права: классического, антропологического и социологического. На историю российской доктрины повлияли все три отмеченные направления уголовно-правовой мысли, хотя и с разной степенью интенсивности. Научная новизна и выводы: Анализ наиболее ярких исследований в области философии, богословии, политики дало возможность по-новому взглянуть на свободу воли как базовую категорию уголовного права, имеющую свое отражение практически во всех институтах уголовного права. В статье делается вывод, что в современных условиях, следует использовать конструкцию агностицизма, ранее предложенную социологической школой уголовного права: нельзя окончательно разрешить вопрос о том, существует ли свобода воли, однако как допущение можно признать, что она есть, и строить на этой основе уголовное право.*

***Ключевые слова:** Свобода воли, детерминизм, индетерминизм, уголовное право, школы уголовного права, Философский подход, абсолютный детерминизм, философия, волевой агностицизм, догматизм.*

История вопроса о свободе воли в философской и правовой науке насчитывает не одно тысячелетие. Хронологически в истории рассматриваемого вопроса можно выделять три периода: 1) философский (до начала I тыс. н.э.; точнее, до разработки проблемы свободы воли в патристике); 2) философско-теологический (до рубежа XVIII–XIX вв.); 3) философско-юридический (с рубежа XVIII–XIX вв.). При этом в течение первых двух периодов обсуждение проблемы свободы воли

шло преимущественно вне правового контекста; юристы подключились к этой дискуссии позднее, сформулировав несколько подходов к решению обозначенной проблемы. В рамках данного исследования попытаемся выделить наиболее яркие идеи, иллюстрирующие общую тенденцию развития вопроса в конкретный период времени. В силу того, что в конечном итоге нас интересует свобода воли с юридических позиций, а точнее ее отражение в уголовном праве, развитие идеи свободы воли

в философии и религии рассмотрим схематично путем перехода от одного обозначенного периода к следующему.

Философский подход характеризуется обращением к свободе воли в трудах великих мыслителей Древней Греции и Древнего Рима.

Сократ (470/469–399 гг. до н.э.) одним из первых обратился к понятию свободы, связав её с господством души над телом; истинно свободен тот, кто знает, как управлять своими инстинктами [1].

В развитие сократовских идей Платон (428/427–347 гг. до н.э.) связал судьбу души со свободно осуществляемым ею выбором. Проходя цикл реинкарнаций, душа вновь и вновь выбирает жить по справедливости и во благе или жить в пороке и зле. При этом правильный выбор зависит от понимания душой сути благой жизни и жизни порочной, от знания, т.е. в платоновском понимании – от философии.

Аристотель (384/383–322 гг. до н.э.) продолжил исследование свободы воли. Идея философа по данному вопросу заключается в том, что все человеческие поступки свободны как хорошие, так и дурные, поэтому Аристотель может рассматриваться как провозвестник будущего индетерминизма; его взгляды на человека и его деятельность (этические взгляды в широком смысле слова) оказали сильное влияние на римскую философию, откуда уже были восприняты латинской патристикой, став тем самым фундаментом западноевропейской философии.

На этом пути необходимо упомянуть Цицерона (106–43 гг. до н.э.). «Он был своего рода мостом, соединившим греческую культуру с римской, а затем с западной в целом» [2]. В Цицероновском понимании человек как живое существо соглашается на свои действия: «...Где же тогда добродетель, если от нас ничего не зависит?» («Учение академиков», II 38) [3].

Одновременно с этим оформляется идея детерминизма человеческих поступков в философии античной Стои (конец IV – III вв. до н.э.). Человек свободен лишь постольку, поскольку понимает веления судьбы и согласует свою жизнь с ними, т.е. «хотящего судьба ведёт, нехотящего – тащит» [4].

Закатом античного понимания свободы воли стало учение Плотина (204/205–270 гг.), связавшего свободу воли с разумением («...свобода принадлежит воле, насколько воля совпадает с разумом – с разумом, прибавим, правым, то есть обладающим правильным знанием...») («Эннеады», VI, 8, 3).

Философско-теологический подход в истории концепции свободы воли связан с доминированием

в научной мысли учений, так или иначе связанных с христианством, к середине I тыс. н.э. ставшим доминирующей религией на территории Европы.

Со свободой воли тесно связаны две (иногда объединяемые) проблемы христианской доктрины. Первая, названная Готфридом Вильгельмом Лейбницем «великим вопросом о свободе и необходимости» [5], связана с происхождением зла в мире (так называемая проблема теодицеи). Кратко её суть выражается в вопросе: если Бог всемогущ, то как он допускает существование в мире зла? Вторая – это проблема Божественного предопределения или, более широко, абсолютного предвидения будущего Богом, исключаящего, на первый взгляд, свободу. К их разрешению обратились уже христианские мыслители восточной и западной патристики (IV–V вв.).

Краткий экскурс в историю развития философско-теологического подхода концепции свободы воли показывает соотношение внутренней свободы человека по отношению к воле Бога, которая характеризуется полисемией взглядов современников. Так, учение А. Августина о соотношении свободы воли человека и божественного предопределения является достаточно неоднородным и не носит системного характера, но, в конечном счете, он приходит к выводу, что человек несвободен, он всецело зависит от Бога, т.к. совершив грехопадение, сам выбрал зло и пошёл против воли Бога [6]. Впоследствии рассуждения С. Боэция, оказавшие сильное влияние на европейскую литературу, также отличаются противоречивостью [7]. С одной стороны все действия человека предопределены Богом, с другой, человек свободен в выборе. Данное противоречие он объясняет тем, что знание Богом будущих действий человека, их предвидение, не является необходимой причиной самих этих действий. Позднее Св. Фома Аквинский фактически впервые в своих трудах пытается доказать, что свобода воли человека не предопределена Богом [8], в силу того, что человек в отличие от животного обладает интеллектом, а, следовательно, возможностью определять свои поступки самостоятельно. Бог, допуская совершение зла на Земле, в силах обратить его в добро. Такая позиция была удобна средневековой церкви, т.к. в этом случае ответственность за поступки возлагались на прихожанина, а не были продиктованы свыше. Рассуждения Э. Роттердамского [9] послужили благодатной почвой для протестантского богословия, при этом он всецело признавал наличие свободы воли. Реформация, родоначальником,

которой считается М. Лютер, как бы поворачивает все предшествующие рассуждения о свободе воли вспять. Действия человека предопределены Богом, а, следовательно, свобода воли не существует [10]. Такой «откат» продиктован противодействию злоупотреблениям со стороны церкви, в желании последователей М. Лютера показать, что между Богом и человеком существует прямая связь, а наличие церкви с ее традициями излишне. Идеи Ж. Кальвина вообще свелись к абсолютной предопределенности в жизни любого человека, и как следствие полному отсутствию свободы воли и выбора [11]. П. Гольбах, известный своими атеистическими произведениями, также считает поступки людей предопределенными, а наказание для преступников [12], говоря современным языком, преследует общую превенцию. Католическая церковь Нового Времени, напротив, характеризуется индетерминистскими идеями. При этом в истории XII века достаточно примеров травли за вольнодумство философов и теологов, поддерживавших основные постулаты католической церкви, но обвиненных в ереси (Р. Декарт). Исследования И. Канта можно назвать вершиной индетерминизма, т.к. человека он характеризует тремя способностями: познание, чувство удовольствия и неудовольствия, способность желать.

На основе теологических споров о свободе воле и предопределении в XVII в. с определённой не только намечались две последующие линии мысли (детерминизм и индетерминизм), но и обозначилось размежевание теологии и философии. Последняя уже не скована жёсткими догматами веры и получает самостоятельное развитие, однако и католический индетерминизм, и протестантский детерминизм стали определяющими на этом пути.

Философско-юридический подход. Начиная с XVIII в. вопрос о свободе воли, оставаясь в философской плоскости, начинает привлекать внимание юристов, и с течением времени происходит размежевание правового и философского представлений о свободе воли: юристы создали на базе сформировавшихся в XVIII–XIX вв. философских построений собственную концепцию свободы воли, тогда как философия продвинулась дальше, в направлении феноменологии, экзистенциализма и других течений.

Исторически первыми к проблеме свободы воли обратились представители классической школы уголовного права, сформировавшейся на базе просветительно-гуманистической школы в конце XVIII – начале XIX вв. [14] Представители последнего направления (Беккариа, Вольтер,

Монтескьё и др.) в основном направляли свой критический взгляд в сторону системы правосудия и карательной системы, сложившейся в Европе в XVIII в., именно классической школе уголовного права принадлежит разработка фундаментальных основ уголовного права и в том числе проблемы свободы воли. У истоков этой школы стояли философские работы Иммануила Канта и Гегеля; её видными представителями в России были А. Ф. Кистяковский, Н. Д. Сергеевский, В. Д. Спасович, Н. С. Таганцев и некоторые другие.

Как отмечает А. В. Наумов, «в наиболее концентрированном виде уголовно-правовые идеи классической школы представлены в творческом наследстве Ансельма Фейербаха... одного из крупнейших европейских криминалистов XIX века» [15]. Его учебник «Уголовное право» отражает в наиболее концентрированном виде доктрину классической школы [16].

В интересующем нас вопросе Ансельм Фейербах следующим образом решал проблему свободы воли. Во-первых, она, безусловно, существовала для него постольку, поскольку уголовный закон направляется к общему благу, так как только человек, свободно взвешивающий выгоды от совершения и несвершения преступления, может быть удержан от него [17].

Во-вторых, ответственности подлежит только тот, кто свободно совершает преступление [18]. В основании преступления при этом лежит побуждение воли, создающее злое намерение (*dolus*) или неосмотрительность (*culpa*) [19].

В-третьих (и отчасти как следствие первых двух моментов) наказанию подлежит только обладающий свободной волей, т.е. вменяемый (в фейербаховском смысле слова) субъект. Обусловлено это тем, что «наказательный закон должен представлением будущего зла действовать на силу желания и оную воздерживать от побуждения к противозаконному делу» [20]. Вменяемость исключалась вследствие случая, детства, необученности глухорождённых и неморождённых, состояния подобных детям стариков, душевной болезни, безвинного чрезмерного упивства, праведного в высочайшей степени неистовствующего душевного движения, безвинного сна или глубокого усыпления, безвинного заблуждения или неведения [21]. Относится к обстоятельствам, исключаящим вменяемость, также крайняя необходимость и принуждение: «...Безвинное состояние лица, в котором влияние наказательного закона для воспрепятствования дела или психологически,

или физически бывает невозможно. Сие случается: 1) когда какое лицо к делу побуждено известным и настоящим злом, наказательному злу по крайней мере равным, и потерю совершенно бесценного и невознаградимого добра в себе заключающим...; 2) когда дело единственно по механическим законам (телом) совершено, без всякого к тому побуждения силы желания. К сему надобно причислить и все преступления, какие совершаются посредством действительного насилия (*vis absoluta*)» [22].

В-четвёртых, свобода воли допускалась им как обстоятельство, преграждающее наказуемость в случае добровольного отказа от совершения преступления: «... Внешнее деяние, устремлённое с намерением к произведению полного преступления... есть уже само по себе нарушение и подлежит наказанию: 1) когда оно не совершено единственно по причине внешних препон, а не по свободной перемене воли...» [23].

Таким образом, очевидно восприятие Ансельмом Фейербахом концепции индетерминизма; он, по образному выражению А. Принса, «делает её каким-то кормчим, способным вести нас через подводные камни жизни» [24]. Однако такой подход «классика» классической школы не предотвратил появление иных, отличных точек зрения на проблему свободу воли в уголовно-правовом смысле, и российская доктрина уголовного права тому яркий пример.

«Ранняя» литература, следуя традиции классической школы, признавала свободу воли в качестве аксиоматического положения уголовного права. С чёткостью выражает эту позицию тезис в одной из первых работ по уголовному праву второй половины XIX в.: «Преступная воля имеет своё происхождение в человеческом произволе, или в возможности для человека добра и зла» [25]. В. Д. Спасович писал: «Возможность лица самоопределяться к действию, пока ему служат физические силы, по мере своего знания и творчества, составляет свободу внутреннюю или свободу воли. ... Где нет свободы воли, там нет и свободы действия...» [26]. Для С. Будзинского «преступное деяние есть обнаружение воли; к этому способен только тот, кто имеет свободную волю. ... Свобода, как способность отрешиться от влияния чувственности и подчинить деяния свои идее добра, есть необходимое условие права» [27]; споры между детерминизмом и индетерминизмом не имеют значения для уголовного права, «для которого вместе со свободой исчезло бы понятие закона и наказания, для которого разумная свобода составляет основание уголовного права» [28].

По мнению Н. А. Неклюдова, «раз лицо сознаёт самого себя, сознаёт явления внешнего мира и имеет понятие о правах и обязанностях – все условия для ответственности его будут налично. При наличности таких условий нет надобности вдаваться в вопрос о свободе или несвободе воли» [29]. А. Ф. Кистяковский указывал, что «только то правонарушение считается преступным и наказуемым, которое совершено субъектом по своей воле, словом, с желанием именно его совершить. Это общее начало терпит существенные видоизменения по отношению к преступлениям неосторожным, хотя и здесь оно не теряет всей своей силы» [30].

Позднее (в том числе под влиянием уголовно-антропологического и социологического направлений, о которых речь пойдёт далее) распространение получил близкий к детерминизму взгляд на свободу воли; фактически же в «поздней» науке уголовного права того периода с определённой так и не была сформулирована господствующая позиция, что, на наш взгляд, может быть объяснено, с одной стороны, общим доминированием философии детерминизма в том период, но, с другой, очевидным для правоведов фактом свободы человека в своём поведении.

Л. С. Белогриц-Котляревский писал, что учение детерминистов ближе к истине, однако это не означает неизбежного фатализма, потому что сознание и воля сохраняют свой контроль за поступками человека: «... Нравственные поступки человека, представляющиеся результатом его нормальных психических сил, не суть нечто стихийно-неизбежное, безусловное; они суть продукты борьбы психических мотивов, на исход которой имеет обыкновенно решающее значение запас полезных для общежития сведений и характер человека, и так как эти последние существенно зависят от самого человека (курсив наш. – С. Ш.), то он и должен подлежать ответственности за свои преступные действия как результат участия психических сил» [31] (позиция во многом индетерминистическая).

Примером абсолютного детерминизма является позиция П. П. Пусторослева: «... Воля человека, наравне со всеми прочими явлениями мира, подчиняется общему закону причинности и под его полновластным господством получает содержание, строго соответствующее сочетанию предшествующих условий, под действием законов природы. Содержание воли представляет собой продукт её выбора, но последствие, необходимо вытекающее, по закону причинности, из сочетания предшествующих условий под действием законов природы» [32].

Обстоятельному анализу проблема свободы воли подвергнута у Н. С. Таганцева [33]. Он признаёт метафизический (философский) характер дискуссии, однако не может избежать её, поскольку решение вопроса влияет не только на вменяемость, но также и на основание уголовной ответственности, оценку принуждения, обоснование наказания и т.д. К индетерминизму Н. С. Таганцев относится критически: его сторонники не могут определить само понятие «свобода», в доказательство своих взглядов ссылаются на ощущения, а не на факты, и т.д. Возражения вызывает и детерминизм, поскольку он устраняет всякую необходимость исследовать вопрос о вменении. Точка зрения самого Н. С. Таганцева получила название «теории закономерности человеческой деятельности»: человеческий поступок, согласно этой теории, имеет место потому, что существует сумма причин и условий, его вызывающих; к одной из таких причин относится и нормальная психическая деятельность лица, совершающего преступление, на которую общество воздействует наказанием. Такая точка зрения, безусловно, близка к детерминизму, поскольку даже нормальная психическая деятельность, по Н. С. Таганцеву, предопределена тем, что окружает человека, и его саморазвитием.

Множество точек зрения в итоге привело к скептицизму уголовно-правовой науки, называвшей споры о свободе воли бесплодными [34]; для В. Д. Спасовича «нет надежды, чтобы когда-нибудь этот спор прекратился, потому что наше знание имеет свои границы и не в силах решить его окончательно» [35].

Уголовно-антропологическое (или просто антропологическое) направление возникло во второй половине XIX в. [36] Самыми известными работами, характеризующими эту школу, стали труды Чезаре Ломброзо, выдвинувшего идею о существовании так называемого «преступного человека», отличающегося от «нормального» человека по наследственным и приобретённым органическим и психическим чертам. Ломброзо подробно изучал зависимость преступности от климата, географии, расы, национальности, плотности населения, обеспеченности едой, употребления алкоголя, образования, возраста, экономического состояния, наследственности, семейного положения, профессии, занятости и других факторов. Делая им выводы (например, «преступление есть следствие болезненного изменения организма, преимущественно головного или спинного мозга» [37]; «...наследственность... кроется в каком-то тяготении к пороку, сродстве к нему путем подбора,

в силу которого преступная женщина выбирает себе в любовники непременно наиболее преступного мужчину...») вели к вполне закономерному выводу, согласно которому свободы воли в уголовно-правовом контексте не существует, потому что преступление есть следствие врождённых аномалий. Идея абсолютного детерминизма в совершении преступления прослеживается во всех работах ученого [38] и не оставляют никакого места свободе воли.

Социологическая школа уголовного права (представители этого направления в России – М. Н. Гернет, А. А. Пионтковский (отец), Н. Н. Полянский, И. Я. Фойницкий и др.) рассматривала преступность как социальную аномалию [39]. Разногласия во взглядах социологов иногда были весьма значительны, однако в целом их концепция может быть представлена в следующем виде.

Этой школой была разработана теория факторов преступности, индивидуальных, физических и социальных. Однако главным достижением социологов стало выдвижение теории «опасного состояния личности», смысл которой сводился к тому, что в обществе есть люди, по образу жизни или вследствие своих психических либо физических недостатков опасные для общества. Такую опасность предлагалось устранять средствами уголовного права (через принудительные превентивные меры), в том числе независимо от того, совершил ли такой субъект преступление или нет. Теория «опасного состояния» как объективного факта была неразрывно связана с детерминизмом преступного (опасного) поведения, что, по мнению крайних представителей этой школы, снимает проблему свободы воли.

Как писал Энрико Ферри, «позитивная физиопсихология совершенно уничтожила веру в свободную волю или в нравственную свободу, доказав, что мы должны рассматривать эту свободу исключительно как обман субъективного психологического наблюдения» [40].

Отрицая свободу воли, социологи задавались вопросом: «...если человек совершает преступление не в силу свободного выбора своей воли, а в силу роковой тирании своего ненормального организма и внешней среды, то по какому праву можно его наказывать, можно считать его ответственным за ошибки, которые не принадлежат ему?» [41] В ответ на это как раз и был выдвинут тезис о мерах социальной защиты как совокупности превентивных и репрессивных социальных мер,

независящих в своём применении от нравственной вины преступника [42].

Франц фон-Лист, оказавший сильное влияние на дореволюционную социологическую школу в России, формально не отрицая свободу воли, сводил её, тем не менее, к детерминизму человеческих поступков: «Понятие действия предполагает... произвольное действие лица, осуществление воли. Осуществление же воли есть всякое действие, которое будучи свободным от механического или физиологического принуждения, определено представлениями (детерминировано, мотивировано)» [43]. По его же мнению, «уголовное право не нуждается для своего обоснования в признании беспричинного самоопределения, в принятии свободы воли, изъятой из-под действия закона причинности. Достаточно признать лишь то, что... всякое человеческое действие имеет причинную психическую... связь, т.е. определяется представлениями, детерминировано, мотивировано» [44].

Более умеренное крыло социологов осторожнее подходило к проблеме свободы воли. По мнению Марка Анселя, «отказ от свободы воли не является сущностью социальной защиты...» [45]. Однако вместо решения проблемы свободы воли он обходит её («... понятия, являющиеся предметом спора, остаются неясными: после нескольких веков борьбы мнений понятие преступной воли, *mens rea*, столь же неопределённо, как и во времена Цицерона» [46]), предлагая признать как данность то, что человеку присуще глубокое и естественное чувство личной ответственности, на которое влияет применяемое исправительное воздействие с тем, чтобы воспитать у лица у чувство осознанной свободы [47]. Это своего рода агностицизм в отношении свободной воли, который парадоксально вначале Марком Анселем критикуется [48]. На историю российской доктрины повлияли все три отмеченные направления уголовно-правовой мысли, хотя и с разной степенью интенсивности: господство классической школы уголовного права во второй половине XIX – начале XX вв. сопровождалось спорами в основном с представителями социологического направления, хотя и антропологического учения придерживался ряд специалистов.

После октября 1917 г. в теории и практике уголовного права произошёл очевидный поворот, определивший развитие законодательства в последующие десятилетия. Однако поворот этот сопровождался своего рода «метаниями» в решении проблемы свободы воли.

Споры в науке уголовного права привели в 1920-х гг. к кратковременному периоду господства

социологической школы уголовного права. Её следы, отчётливо видные в законодательстве тех лет (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР (постановление Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. [49]); УК РСФСР 1922 г. [50]; УК РСФСР (редакции 1926 г. [51]), применительно к вопросу о свободе воли свелись к её отрицанию в русле учения социологов. Например, М. Ю. Козловский, один из авторов Руководящих начал 1919 г., писал: «...Преступник – продукт социальной среды, и... все его действия, все его побуждения от его и нашей воли не зависят. Нелепо поэтому воздавать ему “должное” за то, в чём он неповинен...» [52].

Дискуссия по базовым вопросам уголовного права обуславливались, как потом признавали сами её участники, «недостаточной вооружённостью научных работников марксистско-ленинской теорией; тем, что большинство русских дореволюционных представителей уголовно-социологической школы развивали по преимуществу прогрессивные стороны программы этой школы...» [53]. Следует согласиться с А. А. Сулеймановым, который указывает, что «коммунисты-криминалисты того периода не смогли создать принципиально новой социалистической уголовно-правовой доктрины, скомпилировав идеи марксизма с некоторыми положениями основных предшествующих ему теорий. При этом “новизна” сводилась в основном к классовому отличию советского уголовного права от буржуазного... Результатом... стали политизированность и эклектичность законодательства» [54].

Начиная с 1930-х гг. в советской доктрине уголовного права начинается развитие учения о свободе воли на базе марксистского понимания этого вопроса, которое, в свою очередь, основывается на идеях Г. В. Ф. Гегеля (1770–1831 гг.). Для Гегеля свобода воли составляет основу психологии духа; объективный дух воплощается в истории через три последовательные ступени: право, мораль и нравственность. Обретение подлинной свободы понимается как предназначение человека, а высшим обнаружением свободы воли становится нравственный поступок [55]. В итоге философия Гегеля сводится к признанию детерминизма человеческих поступков: произвол как основа свободы воли есть иллюзия, поскольку содержание выбора «преднайдено», получается извне [56].

Марксизм воспринял гегелевскую идею детерминизма, однако развил её в своём направлении. Отталкиваясь от тезиса о том, что бытие определяет сознание, марксисты решали вопрос о свободе воли так, что, с одной стороны, признавали за

человеком активную роль в общественной жизни, но, с другой, ставили его действия в зависимость от законов материального мира, в том числе права. Краеугольным камнем марксистской философии в этом отношении служил постулат о том, что «свобода воли означает... не что иное, как способность принимать решения со знанием дела» [57].

В развитие энгельсовских идей В. И. Ленин в одной из своих работ в полемике едко отозвался о свободе воли, не имея ни малейшего представления о том, что это предопределяет во многом развитие отечественной мысли на десятилетия: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нисколько не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий» [58].

На этой философской основе в советской науке уголовного права была развита так называемая «детерминистская концепция преступного поведения». В соответствии с ней в самом общем виде поведение людей предопределено внешними обстоятельствами, однако, подвергаясь воздействию внешних обстоятельств, человек сохраняет возможность свободно (точнее, условно свободно, поскольку и эта свобода детерминирована) принимать решения, и это обосновывает возможность привлечения его к уголовной ответственности. Доктрина дистанцировалась и от абсолютного индетерминизма, и от абсолютного детерминизма.

По словам А. А. Пионтковского, «марксизм признаёт свободу воли как возможность человека принимать решения со знанием дела. Детерминизм не означает фатализма. Конкретная обстановка, в которой оказывается лицо, не обрекает его фаталистически действовать в определённом направлении. Человек может противостоять непосредственному воздействию конкретной ситуации, в которой он оказывается» [59].

При этом в связи с неосторожными преступлениями марксистски понимаемая свобода воли остаётся основанием уголовной ответственности постольку, поскольку «у человека была возможность принять решение с пониманием характера своих действий и их последствий, но он, однако, вследствие проявленной невнимательности... совершает общественно опасное деяние...» [60].

По справедливой оценке А. В. Наумова, признание активной роли лица и свободы в принятии им решения о совершении преступления на деле означало признание двойной детерминированности преступного поведения, с одной стороны, внешними факторами и, с другой, – уровнем сознания субъекта, его нравственными и иными

личностными качествами; он «обречён» совершать преступления [61].

Применительно к уголовному праву развитие идеи «жесткой» детерминированности можно увидеть у М. Д. Шаргородского. Он, отстаивая идею полного детерминизма, писал, что «ответственность может иметь место только в том случае, когда есть возможность выбора, т.е. когда объективно существует более чем один вариант возможного поведения, и из них субъект выбирает. Нет выбора и выбор детерминирован – это вовсе не одно и то же. Нет выбора – это значит, что воля и разум человека не принимают участия в детерминации конкретного события. Детерминирован же любой совершаемый поступок, любой акт поведения» [62]. Мысль М. Д. Шаргородского такова: пока поступок не совершён, есть разные варианты поведения; однако, будучи совершён, он должен рассматриваться как полностью детерминированный как внешними по отношению к действующему, так и внутренними факторами [63]. Это, по его мнению, допускает существование свободы воли. «... Индетерминистские теории (как и фаталистические) могли... дать только этическое основание ответственности как причинение страдания, возмездия, кары за причинённое страдание, за грех, за содеянное. Детерминизм обосновывает необходимость ответственности, он объясняет, для чего применяется ответственность... Только тогда, когда ответственность (наказание, упрёк, оценка) детерминирует выбор субъектом конкретной формы его поведения, она имеет смысл» [64].

Следует признать, что в советский период так и не было найдено приемлемого решения проблемы соотношения детерминированности поведения, неизбежности и необходимости преступления.

В рассматриваемый период времени любые попытки отойти от изложенного понимания свободы воли встречали ожесточённую критику в науке с обвинениями в антимарксизме и т.п. Например, Т. Л. Сергеева писала: «Наличие или отсутствие соответствующего психического отношения зависит от самого лица... От самого человека зависит направить свое сознание и волю к той или иной цели, использовать свои психические возможности для той или иной деятельности» [65]. Это положение было критически встречено как допускающее наличие полной свободы воли [66].

По мнению Б. С. Утевского, основание уголовной ответственности заключается в том, что «гражданин, совершивший преступление, имел возможность выбрать решение, соответствующее интересам социалистического государства, т.е.

решение свободное, соответствующее законам общественного развития, но вместо этого подчинил свое решение пережиткам капитализма в своем сознании или влиянию капиталистического окружения» [67]. За это утверждение Б. С. Утевский был подвергнут уничтожающей критике как за попытку совместить индетерминизм («решение свободное...») и фатализм («пережитки капитализма...») [68].

Однако позднее догматизм марксизма начал постепенно ослабляться. В качестве примера можно сослаться на позицию А. М. Яковлева, который писал: «Исходный принцип уголовного права – представление о противоправном деянии как об акте воли лица, способного руководить своими действиями... Для уголовного права преступление – результат собственного выбора лицом противоправного варианта поведения в условиях, когда такой выбор был объективно возможен. ... Вся концепция уголовно-правовой ответственности базируется на понимании преступления как результата свободно принятого решения» [69]. Напротив, «для криминологии, занимающейся выявлением причин совершения преступлений, важно обнаружить закономерности, объективно и неизбежно вызывающие к жизни преступления определенных видов» [70].

По мнению П. С. Дагеля, хотя воля человека и детерминирована окружающими условиями, внешней средой, а также личностью самого человека, её свобода не может отрицаться, поскольку это означает отрицание вины и ответственности [71].

Вместе с тем вплоть до конца 1980-х гг. детерминизм занимал (как минимум, формально) господствующее положение в уголовном праве и криминологии.

Обобщая историю вопроса о свободе воли в философии и доктрине уголовного права, можно говорить о существовании двух основных направлений мысли: детерминизма и индетерминизма; к ним в XX в. прибавился «волевой агностицизм». Два обозначенных первыми направления могут быть также разделены на абсолютное и относительное; крайними точками зрения, соответственно, будут абсолютные детерминизм и индетерминизм; промежуточными – относительные детерминизм и индетерминизм. В борьбе этих направлений развивались философия и уголовное право на протяжении всей их истории, и во многом борьба эта не окончена и сегодня.

Таким было неоднозначное и сложное развитие проблемы свободы воли в философии и уголовном праве, на основе которого можно совершать попытки построения современной уголовно-правовой концепции свободы воли.

Библиография:

1. Августин // Католическая энциклопедия. В 4 т. Т. 1: А–З. – М., 2002.
2. Ансель Марк. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / пер. с фр. Н. С. Лапшиной; под ред. и со вступ. ст. А. А. Пионтковского. – М., 1970.
3. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и Особенная части. Киев; Пб. – Харьков, 1904.
4. Будзинский С. Начала уголовного права. – Варшава, 1870.
5. Власьев П. О вменении по началам теории и древнего русского права. – М., 1860.
6. Гегель. Философия права. – М., 1990.
7. Гольбах Поль Анри. Система природы, или о законах мира физического и мира духовного // Гольбах Поль Анри. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1 / пер. с фр. П. С. Юшкевича; под общ. ред. и со вступ. ст. Х. Н. Момджяна. – М., 1963.
8. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления // Дагель П. С. Избранные труды / науч. ред. и предисл. А. И. Коробеева. Владивосток, 2009.
9. Кальвин Жан. Наставления в христианской вере / пер. с фр. А. Д. Бакулова, науч. ред. Ю. А. Кимелев. – М., 1996.
10. Кант И. Критическое освещение аналитики чистого практического разума // Кант И. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 4. – М., 1994.
11. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1: Общая часть. – Киев, 1875.
12. Козловский М. Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и право. 1918. № 1.
13. Курс советского уголовного права / редкол. А. А. Пионтковский и др. В 6 т. Т. II: Преступление. – М., 1970.

14. Курс советского уголовного права / редкол. А. А. Пионтковский и др. В 6 т. Т. I: Уголовный закон. – М., 1970.
15. Лейбниц Г. В. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Лейбниц Г. В. Сочинения. В 4 т. Т. 4. – М., 1989.
16. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1. – М., 1967.
17. Ломброзо С. Новейшие успехи науки о преступнике / пер.: Раппопорт С.Л. / под ред. и с пред.: Берлин Л.М. – С. – Пб.: Н.К. Мартынов, 1892.
18. Ломброзо С., Ферреро Г.; Женщина преступница и проститутка / Пер.: Гордон Г.И. – Харьков, Киев: Ф.А. Иогансон, 1897.
19. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. Репринтное воспроизведение издания Ф. Павленкова. «С. – Петербург», 1982 г. / пер.: Тетюшинова К. – М.: Изд-во ТПО ТАМП Междунар. Центра Михаила Чехова, 1990.
20. Ломброзо Ч. Преступление /-М.: Спарк, 1994.
21. Ломброзо Ч. Преступный человек / пер. с ит. – М.; СПб., 2005.
22. Ломброзо Ч., Ляски Р. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке / пер.: Толстой К.К. – С. – Пб.: Ред. «Нового журн. лит., искусства и науки» (Ф. И. Булгакова), 1906.
23. Марк Туллий Цицерон. Учение академиков / пер. Н. А. Фёдорова; коммент. и вступ. ст. М. М. Сокольской. М., 2004.
24. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 1. – М.: Волтерс Клувер, 2011.
25. Неклюдов Н. А. Общая часть уголовного права (конспект). СПб., 1875.
26. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. – СПб., 2000.
27. Пионтковский А. А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. – М., 1993.
28. Принс Ад. Защита общества и преобразование уголовного права / пер. с фр. Е. Маркеловой; под ред. и с предисл. Г. С. Фельдштейна. – М., 1912.
29. Пусторослев П. П. Преступность, виновность и вменяемость // Журнал Министерства юстиции. 1907. № 4. Апрель.
30. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия: от истоков до наших дней / пер. с ит. Т. 1: Античность. – СПб., 1994.
31. Реале Дж., Антисери Д. Западная философия: от истоков до наших дней / пер. с ит. Т. 4: От романтизма до наших дней. – СПб., 1997.
32. Решетников Ф. М. Уголовное право буржуазных стран. Вып. 2: «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление. – М., 1966.
33. Сергеева Т. Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного суда СССР по уголовным делам. М.: -Л., 1950.
34. Спасович В. Учебник уголовного права. Т. I. – СПб., 1863.
35. СУ РСФСР. 1919. № 15. Ст. 153.
36. СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.
37. СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
38. Сулейманов А. А. Первый Уголовный кодекс РСФСР: концептуальные основы и общая характеристика. – Владимир, 2006.
39. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. В 2 т. Т. 1. Тула, 2001.
40. Уголовное право. Сочинение доктора Павла Анзельма Фейербаха. – СПб., 1810.
41. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. – М., 1950.
42. Ферри Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М., 2005.
43. Фома Аквинский. Сумма теологии / пер., ред. и примеч. С. И. Еремеева. Часть 1: Вопросы 75–119. – Киев, 2005.
44. Франц фон-Лист. Учебник уголовного права. Общая часть / предисл. автора и М. В. Духовского. – М., 1903.
45. Шаргородский М. Д. Детерминизм и ответственность // Шаргородский М. Д. Избранные работы по уголовному праву / сост. и предисл. Б. В. Волженкина. – СПб., 2003.
46. Эдельгауз Е. М. К вопросу о понятии свободы воли в уголовном праве // Правоведение. 1962. № 4.

47. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. – М., 1961.
48. Эразм Роттердамский. Диатриба, или рассуждение о свободе воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения / отв. ред. В. В. Соколов, пер. и комм. Ю. М. Каган. – М., 1986.
49. Яковлев А. М. Детерминизм и «свобода воли»: перспективы изучения личности преступника // Правоведение. 1976. № 6.

References (transliterated):

1. Avgustin // Katolicheskaya entsiklopediya. V 4 t. T. 1: A–Z. – М., 2002.
2. Ansel' Mark. Novaya sotsial'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoi politike) / per. s fr. N. S. Lapshinoy; pod red. i so vstup. st. A. A. Piontkovskogo. – М., 1970.
3. Belogrits-Kotlyarevskii L. S. Uchebnik russkogo ugolovnogo prava. Obshchaya i Osobennaya chast'. Kiev; Pb. – Khar'kov, 1904.
4. Budzinskii S. Nachala ugolovnogo prava. – Varshava, 1870.
5. Vlas'ev P. O vmenenii po nachalam teorii i drevnego russkogo prava. – М., 1860.
6. Gegel'. Filosofiya prava. – М., 1990.
7. Gol'bakh Pol' Anri. Sistema prirody, ili o zakonakh mira fizicheskogo i mira dukhovnogo // Gol'bakh Pol' Anri. Izbrannye proizvedeniya. V 2 t. T. 1 / per s fr. P. S. Yushkevicha; pod obshch. red. i so vstup. st. Kh. N. Momdzhiana. – М., 1963.
8. Dageľ P. S., Kotov D. P. Sub'ektivnaya storona prestupleniya // Dageľ P. S. Izbrannye trudy / nauch. red. i predisl. A. I. Korobeeva. Vladivostok, 2009.
9. Kal'vin Zhan. Nastavleniya v khristianskoi vere / per. s fr. A. D. Bakulova, nauch. red. Yu. A. Kimelev. – М., 1996.
10. Kant I. Kriticheskoe osveshchenie analitiki chistogo prakticheskogo razuma // Kant I. Sobranie sochinenii. V 8 t. T. 4. – М., 1994.
11. Kistyakovskii A. F. Elementarnyi uchebnik obshchego ugolovnogo prava. T. 1: Obshchaya chast'. – Kiev, 1875.
12. Kozlovskii M. Yu. Proletarskaya revolyutsiya i ugolovnoe pravo // Proletarskaya revolyutsiya i pravo. 1918. № 1.
13. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava / redkol. A. A. Piontkovskii i dr. V 6 t. T. II: Prestuplenie. – М., 1970.
14. Kurs sovetskogo ugolovnogo prava / redkol. A. A. Piontkovskii i dr. V 6 t. T. I: Ugolovnyi zakon. – М., 1970.
15. Leibnits G. V. Opyty teoditsei o blagosti Bozhiei, svobode cheloveka i nachale zla // Leibnits G. V. Sochineniya. V 4 t. T. 4. – М., 1989.
16. Lenin V. I. Chto takoe «druz'ya naroda» i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov? // Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenii. 5-e izd. T. 1. – М., 1967.
17. Lombrozo S. Noveishie uspekhi nauki o prestupnike / per.: Rappoport S.L. / pod red. i s pred.: Berlin L.M. – S. – Pb.: N.K. Martynov, 1892.
18. Lombrozo S., Ferrero G.; Zhenshchina prestupnitsa i prostitutka / Per.: Gordon G.I. – Khar'kov, Kiev: F.A. Ioganson, 1897.
19. Lombrozo Ch. Genial'nost' i pomeshatel'stvo. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya F. Pavlenkova. "S. – Peterburg", 1982 g. / per.: Tetyushinova K. – М.: Izd-vo TPO TAMP Mezhdunar. Tsentra Mikhaila Chekhova, 1990.
20. Lombrozo Ch. Prestuplenie /-M.: Spark, 1994.
21. Lombrozo Ch. Prestupnyi chelovek / per. s it. – М.; SPb., 2005.
22. Lombrozo Ch., Lyaski R. Politicheskaya prestupnost' i revolyutsiya po otnosheniyu k pravu, ugolovnoi antropologii i gosudarstvennoi nauke / per.: Tolstoi K.K. – S. – Pb.: Red. "Novogo zhurn. lit., iskusstva i nauki" (F. I. Bulgakova), 1906.
23. Mark Tullii Tsitseron. Uchenie akademikov / per. N. A. Fedorova; komment. i vstup. st. M. M. Sokol'skoi. М., 2004.
24. Naumov A. V. Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Kurs lektsii. T. 1. – М.: Volters Kluver, 2011.
25. Neklyudov N. A. Obshchaya chast' ugolovnogo prava (konspekt). SPb., 1875.
26. Novgorodtsev P. I. Kant i Gegel' v ikh ucheniyakh o prave i gosudarstve. – SPb., 2000.
27. Piontkovskii A. A. Uchenie Gegelya o prave i gosudarstve i ego ugolovno-pravovaya teoriya. – М., 1993.

28. Prins Ad. Zashchita obshchestva i preobrazovanie ugolovnogo prava / per. s fr. E. Markelovoi; pod red. i s predisl. G. S. Fel'dshteina. – M., 1912.
29. Pustoroslev P. P. Prestupnost', vinovnost' i vmenyaemost' // Zhurnal Ministerstva yustitsii. 1907. № 4. April'.
30. Reale Dzh., Antiseri D. Zapadnaya filosofiya: ot istokov do nashikh dnei / per. s it. T. 1: Antichnost'. – SPb., 1994.
31. Reale Dzh., Antiseri D. Zapadnaya filosofiya: ot istokov do nashikh dnei / per. s it. T. 4: Ot romantizma do nashikh dnei. – SPb., 1997.
32. Reshetnikov F. M. Ugolovnoe pravo burzhuaznykh stran. Vyp. 2: «Klassicheskaya» shkola i antropologosotsiologicheskoe napravlenie. – M., 1966.
33. Sergeeva T. L. Voprosy vinovnosti i viny v praktike Verkhovnogo suda SSSR po ugolovnym delam. M.;-L., 1950.
34. Spasovich V. Uchebnik ugolovnogo prava. T. I. – SPb., 1863.
35. SU RSFSR. 1919. № 15. St. 153.
36. SU RSFSR. 1919. № 66. St. 590.
37. SU RSFSR. 1926. № 80. St. 600.
38. Suleimanov A. A. Pervyi Ugolovnyi kodeks RSFSR: kontseptual'nye osnovy i obshchaya kharakteristika. – Vladimir, 2006.
39. Tagantsev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo. Chast' obshchaya. V 2 t. T. 1. Tula, 2001.
40. Ugolovnoe pravo. Sochinenie doktora Pavla Anzel'ma Feierbakha. – SPb., 1810.
41. Utevskii B. S. Vina v sovetskom ugolovnom prave. – M., 1950.
42. Ferri E. Ugolovnaya sotsiologiya / sost. i predisl. V. S. Ovchinskogo. – M., 2005.
43. Foma Akvinskii. Summa teologii / per., red. i primech. S. I. Eremeeva. Chast' 1: Voprosy 75–119. – Kiev, 2005.
44. Frants fon-List. Uchebnik ugolovnogo prava. Obshchaya chast' / predisl. avtora i M. V. Dukhovskogo. – M., 1903.
45. Shargorodskii M. D. Determinizm i otvetstvennost' // Shargorodskii M. D. Izbrannye raboty po ugolovnomu pravu / sost. i predisl. B. V. Volzhenkina. – SPb., 2003.
46. Edel'gauz E. M. K voprosu o ponyatii svobody voli v ugolovnom prave // Pravovedenie. 1962. № 4.
47. Engel's F. Anti-Dyuring // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 20. – M., 1961.
48. Erazm Rotterdamskii. Diatriba, ili rassuzhdenie o svobode voli // Erazm Rotterdamskii. Filosofskie proizvedeniya / otv. red. V. V. Sokolov, per. i komm. Yu. M. Kagan. – M., 1986.
49. Yakovlev A. M. Determinizm i «svoboda voli»: perspektivy izucheniya lichnosti prestupnika // Pravovedenie. 1976. № 6.

ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ ДЕЯНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ИСКЛЮЧАЮЩЕЕ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Дорогин Д.А.

***Аннотация:** В статье затрагиваются некоторые спорные вопросы декриминализации деяния с точки зрения её отнесения к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность. Автором рассматриваются различные аспекты проблемы, приводятся имеющиеся в доктрине точки зрения и формулируется собственная позиция. В частности уголовно-процессуальный закон не делает различий между отсутствием состава преступления как таковым и отсутствием состава преступления в связи с декриминализацией деяния, причём ни с точки зрения оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, ни с точки зрения возникновения права на реабилитацию. Метод или методология исследования: Для достижения цели и решения задач, стоящих перед исследованием были применены общенаучные и частно-научные методы, а именно: анализа и структурно-логический метод. Вывод: декриминализация деяния должна рассматриваться как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. В содеянном одновременно отсутствуют состав преступления, а также такие признаки преступления, как противоправность и наказуемость. Представляется, что сегодня для признания декриминализации деяния обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, есть и теоретические, и материально-правовые, и процессуально-правовые основания. Аналогично следует подходить к определению правовой природы отсутствия уголовного закона.*

***Ключевые слова:** Декриминализация, деяние, обстоятельство, исключение, уголовная ответственность, доктрина, преступление, in abstracto, порицание, реабилитация.*

В ч. 1 ст. 10 УК РФ закреплено, казалось бы, очевидное положение, в соответствии с которым уголовный закон, *inter alia*[1], устраняющий преступность деяния, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу. В самом деле, если преступность и наказуемость деяния устраняются уголовным законом, то лицо не может подлежать ответственности за его совершение, – это представляется очевидным и не подвергается сомнению. Однако проблема правовой природы декриминализации деяния в аспекте её отнесения к числу обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, порождает дискуссии.

В учебной литературе обычно отсутствует указание на сущность декриминализации деяния; авторы ограничиваются общим тезисом о том, что за деяние, признававшееся ранее преступным, устраняется уголовная ответственность[2].

В решении этого вопроса следует исходить из того, что нового появляется или исчезает в норме с изменением уголовного закона в случае устранения преступности и наказуемости деяния. Безусловно, логично предположить, что декриминализация устраняет противоправность деяния, считавшегося ранее преступным[3]. Однако вместе с тем, следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство.

Если в качестве примера взять *in abstracto*[4] два идентичных деяния, одно из которых было

совершено до утраты уголовным законом силы, а другое – после этого, нетрудно прийти к выводу, что, хотя все их признаки совпадают, в первом случае уголовная ответственность будет наступать, а во втором она уже исключается. Отсюда можно заключить, что второе деяние не содержит состава преступления. В обоснование сказанного могут быть приведены два основных аргумента.

Во-первых, в соответствии со ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности признаётся состав преступления. Поэтому в случае изменения уголовного закона такая исключается в связи с отсутствием своего основания. Во-вторых, посягательство, совершённое после изменений уголовного закона, должно рассматриваться не изолированно, но во взаимосвязи с другими преступлениями, от которых данное деяние следует ограничивать. И если признаками ни одного из преступлений, предусмотренных другими статьями, содеянное не обладает, необходимо констатировать отсутствие состава преступления.

Поэтому не представляется возможным согласиться с позицией Г.А. Есакова, который, сравнивая декриминализацию деяния с другими факторами, в частности, с отсутствием вины, пришёл к выводу, что ненаступление уголовной ответственности в обеих этих ситуациях «очевидно <...> связаны исключительно внешне». Из этого он заключает, что «внешнее уголовно-правовое следствие не должно маскировать различную в сущности юридическую природу»[5]. В данном случае речь идёт не о чём-то внешнем, но, напротив, о содержательной стороне проблемы. При декриминализации деяния уголовная ответственность лица исключается в силу одновременного отсутствия в содеянном признаков состава преступления, а также признаков преступления (прежде всего и во всяком случае – противоправности и наказуемости).

Противники признания декриминализации деяния обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, могли бы вести речь ещё и о том, что преступность и наказуемость деяния устраняются в т.ч. и на стадии исполнения приговора, когда лицо уже признано виновным в совершении преступления и отбывает назначенное ему наказание. Соображения по поводу этого аспекта проблемы приводит А.П. Фильченко: если уголовная ответственность уже начала реализовываться к моменту декриминализации деяния, она лишается своего основания. Однако при этом «новый уголовный закон обращён к преступлению как наличному состоянию, а не к моменту его совершения лицом. Действие его имеет текущее значение и потому не

исключает основания уголовной ответственности в прошлом»[6].

Если понимать уголовную ответственность как правоотношение, из чего и исходит учёный, данные рассуждения можно отчасти признать обоснованными, хотя согласиться с ними полностью тоже нельзя, потому что последствием декриминализации автор не признаёт не только исключение, но даже и прекращение уголовной ответственности, предлагая в этой ситуации использовать ст. 801 УК РФ.

В то же время, на сегодняшний день более обоснованным представляется понимание уголовной ответственности как осуждения (порицания) лица и последующего претерпевания им неблагоприятных для себя последствий совершённого преступления[7]. Если принять в качестве отправной точки такую трактовку, то в период времени после совершения преступления до вступления в силу приговора суда уголовную ответственность следует признать ещё не возникшей. Именно поэтому декриминализация деяния в этом случае нивелирует её основание и не позволяет ей наступить.

Иначе обстоит дело в ситуации, когда лицо уже осуждено и отбывает наказание, а равно когда лицо отбыло наказание, но имеет судимость. Уголовная ответственность уже начала реализовываться, поэтому исключить её нельзя; возможно лишь её прекращение.

Интересен и ещё один аспект проблемы. А.П. Фильченко обосновывает невозможность отнесения декриминализации деяния к обстоятельствам, исключающим уголовную ответственность, тем соображением, что ст. 133 УПК, закрепляющая основания возникновения права на реабилитацию, не распространяет своё действие на случаи принятия закона, устраняющего преступность и наказуемость деяния[8]. Однако этот тезис не соответствует действительности, поскольку данная норма говорит о праве на реабилитацию лица, дело в отношении которого было прекращено за отсутствием состава преступления, т.е. по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК. Согласно же ч. 2 ст. 24 УПК к этому основанию приравнивается устранение преступности и наказуемости деяния новым уголовным законом.

Таким образом, уголовно-процессуальный закон не делает различий между отсутствием состава преступления как таковым и отсутствием состава преступления в связи с декриминализацией деяния, причём ни с точки зрения оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования, ни с точки зрения возникновения права на реабилитацию.

Логика в таком подходе, безусловно, усматривается: если общество в лице государства посчитало, что деяние больше не должно быть уголовно наказуемым, оно не просто не привлекает к ответственности за него лиц, которые допустят подобное поведение в будущем. Речь идёт ещё и о том, что лица, уже вовлечённые в орбиту уголовной юстиции в связи с совершением данного деяния, должны быть свободны от всяких претензий со стороны государства, что, безусловно, зависит от стадии, на которой их «застигло» изменение уголовного закона. В случаях, когда уголовная ответственность уже начала реализовываться, можно говорить только об освобождении от наказания либо о досрочном снятии судимости, если таковое уже полностью отбыто. Однако в случаях, когда приговор суда ещё не вынесен, речь должна идти об исключении уголовной ответственности, поскольку в этой ситуации отсутствует состав преступления, а также противоправность и наказуемость деяния.

В этой связи Г.А. Есаков также отметил, что «при таком подходе, используя *reduction ad absurdum* [9], отсутствие уголовного закона, криминализирующего деяние, также выступает в роли обстоятельства, исключающего уголовную ответственность» [10]. Учёный, таким образом, показывает, что отсутствие уголовного закона, устанавливающего ответственность за то или иное поведение, не является, по его мнению, обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. Однако очевидно, что это именно так: при совершении лицом любого деяния, не нашедшего закрепления в УК РФ, правомерного или даже противоправного (например, административного правонарушения), лицо уголовной ответственности не подлежит – его уголовная ответственность невозможна, т.е. исключается.

Не стоит недооценивать этот тезис. Например, полвека назад Я.М. Брайнин полагал, что все граждане, не совершавшие преступлений, освобождаются от уголовной ответственности [11], что сегодня признаётся ошибочным и отвергается. Поэтому следует говорить о том, что уголовная ответственность лица, не совершившего преступлений, именно исключается.

Сказанное представляется не только верным с точки зрения формальной логики, но и обоснованным в свете современных представлений об уголовном законе. Важной гарантией прав человека выступает отсутствие в уголовном праве аналогии (ч. 2 ст. 3 УК РФ), что означает невозможность привлечения лица к уголовной ответственности в том случае, если в его деянии не содержится всех признаков, предусмотренных в уголовно-правовой норме. Поэтому и отсутствие уголовного закона как таковое, и его устранение в результате декриминализации деяния следует признавать обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. В известном смысле можно даже сказать, что отсутствие уголовно-правового запрета – это главное и первое из всех возможных обстоятельств такого рода.

Таким образом, можно сформулировать следующий вывод. Декриминализация деяния должна рассматриваться как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность. В содеянном одновременно отсутствуют состав преступления, а также такие признаки преступления, как противоправность и наказуемость. Представляется, что сегодня для признания декриминализации деяния обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, есть и теоретические, и материально-правовые, и процессуально-правовые основания. Аналогично следует подходить к определению правовой природы отсутствия уголовного закона.

Библиография:

1. Курс уголовного права. Общая часть. В 2-х т. Т. 1. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 106-107; Российское уголовное право. Общая часть. Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2000. С. 64; Уголовное право России. Общая часть. Под ред. А.И. Рарога. М., 2007. С. 35; Уголовное право России. Части Общая и Особенная. Под ред. А.И. Рарога. М., 2012. С. 22-23.
2. Фильченко А.П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования). М., 2014. С. 236-237. в абстракции, в отвлечении, абстрактно, отвлечённо (лат.).
3. Есаков Г.А. Негативные признаки состава преступления: постановка вопроса // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XI Международной научно-практической конференции (30-31 января 2014 г.). М., 2014. С. 104.

4. Фильченко А.П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования). М., 2014. С. 237.
5. Лесниченко И.П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. С. 16.
6. Фильченко А.П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности (проблемы отраслевого и межотраслевого согласования). М., 2014. С. 237. доведение до абсурда (лат.).
7. Есаков Г.А. Негативные признаки состава преступления: постановка вопроса // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Материалы XI Международной научно-практической конференции (30-31 января 2014 г.). М., 2014. С. 104 (сноска).
8. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и её основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 247-249.

References (transliterated):

1. Kurs ugodnogo prava. Obshchaya chast'. V 2-kh t. T. 1. Pod red. N.F. Kuznetsovoi, I.M. Tyazhkovoi. M., 1999. S. 106-107; Rossiiskoe ugodnoe pravo. Obshchaya chast'. Pod red. V.N. Kudryavtseva, A.V. Naumova. M., 2000. 64; Ugodnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'. Pod red. A.I. Raroga. M., 2007. S. 35; Ugodnoe pravo Rossii. Chasti Obshchaya i Osobennaya. Pod red. A.I. Raroga. M., 2012. S. 22-23.
2. Fil'chenko A.P. Vozniknovenie, smyagchenie i prekrashchenie ugodnoi otvetstvennosti (problemy otraslevogo i mezhotraslevogo soglasovaniya). M., 2014. S. 236-237. v abstraktsii, v otvlechenii, abstraktno, otvlechenno (lat.).
3. Esakov G.A. Negativnye priznaki sostava prestupleniya: postanovka voprosa // Ugodnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (30-31 yanvarya 2014 g.). M., 2014. S. 104.
4. Fil'chenko A.P. Vozniknovenie, smyagchenie i prekrashchenie ugodnoi otvetstvennosti (problemy otraslevogo i mezhotraslevogo soglasovaniya). M., 2014. S. 237.
5. Lesnichenko I.P. Ugodnaya otvetstvennost': ponyatie i problemy realizatsii. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. Rostov n/D, 2005. S. 16.
6. Fil'chenko A.P. Vozniknovenie, smyagchenie i prekrashchenie ugodnoi otvetstvennosti (problemy otraslevogo i mezhotraslevogo soglasovaniya). M., 2014. S. 237. dovedenie do absurda (lat.).
7. Esakov G.A. Negativnye priznaki sostava prestupleniya: postanovka voprosa // Ugodnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke. Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (30-31 yanvarya 2014 g.). M., 2014. S. 104 (snoska).
8. Brainin Ya.M. Ugodnaya otvetstvennost' i ee osnovanie v sovetskom ugodnom prave. M., 1963. S. 247-249.

КРИМИНОЛОГИЯ

ОБ ОПЫТЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МИГРАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Никитенко И.В.

***Аннотация:** Опыт исследования криминологических аспектов обеспечения миграционной безопасности Азиатской части России, позволяет утверждать, что миграционная ситуация в разных регионах Российской Федерации неоднородна, как и различны, порождаемые подобной неоднородностью криминогенные факторы. Это же в свою очередь даёт основания предположить о различиях в характере и интенсивности миграционных процессов, что в свою очередь может влиять на динамику воспроизводства соответствующих криминогенных факторов. Однако центральное место в теме исследования отводилось именно «миграционной безопасности». Методологический подход к изучению проблем криминологического обеспечения миграционной безопасности азиатского макро региона в пределах Российской Федерации, основывался на объединении в единую смысловую конструкцию научно-отраслевой и географической компоненты исследуемых вопросов. Обосновывается комплекс мер, направленных на защиту общественных и государственных интересов от соответствующих вызовов, что в общих чертах, можно охарактеризовать, криминологической парадигмой обеспечения миграционной безопасности России с учетом региональных особенностей некоторых территорий. Достижение целей такого исследования связано с реализацией конкретных методологических подходов, а также решением комплекса научных задач. Подобным опытом мы хотим, поделится с читателем.*

***Ключевые слова:** Азиатская часть России, безопасность, защищенность, иммиграция, криминологическое обеспечение, криминогенный фон, криминологическая типология, миграционные процессы, угрозы, факторы.*

Широкий комплекс криминогенных факторов, обусловленных перманентным ростом иностранной миграции, либерализацией иммиграционного режима и соответственно постепенным снижением управляемости иммиграционных процессов способствуют формированию соответствующих угроз российскому обществу и государству. Это явление в научной литературе и публицистике, называют – «миграционная опасность», а его альтернативу – «миграционная безопасность». Однако ни то, ни другое не получило в современной криминологии должного

теоретического обоснования. Не сложился и соответствующий нормативно-правовой статус обозначенных феноменов.

Перечисленные обстоятельства и побудили к теоретической разработке проблемы криминологического обеспечения миграционной безопасности Азиатской части России, как территории с наиболее выраженными демографическими и иными взаимосвязанными проблемами, с учётом того, что результаты исследования при соответствующей модификации могут быть экстраполированы и на другие регионы России.

Методологический подход к изучению проблем криминологического обеспечения миграционной безопасности азиатского макро региона в пределах Российской Федерации, основывался на объединении в единую смысловую конструкцию научно-отраслевой и географической компоненты исследуемых вопросов. Однако центральное место в теме исследования отводилось именно «миграционной безопасности».

Подобная постановка проблемы, позволила сформулировать и главную исследовательскую гипотезу, которая состояла в предположении о том, что эффективность миграционной политики зависит, в том числе, и от наличия эффективной системы криминологического обеспечения миграционной безопасности государства, то есть способности защитить национальные интересы от криминальных угроз, возникающих вследствие миграционных процессов. В свою очередь, надежность и эффективность криминологического обеспечения миграционной безопасности Азиатской части России, территории с ярко выраженными региональными особенностями, возможны при следующих условиях:

- феномен миграционной безопасности осознаётся как предмет криминологического исследования, что позволит преобразовать его в форму криминологической дефиниции наряду с иными системообразующими компонентами национальной безопасности;

- миграционная безопасность включена в систему национальной безопасности на нормативно-правовом уровне;

- система криминологического обеспечения миграционной безопасности региона формируется с учетом его геополитических, этнокультурных, демографических, экономических и иных особенностей;

- эффективным международным сотрудничеством в области противодействия незаконной миграции и оказания взаимной правовой помощи, включая реадмиссии и экстрадиции правонарушителей.

Главный из поставленных нами вопросов заключался в осознании криминологической сути феномена миграционной безопасности и целесообразности надления его нормативно-правовым статусом по аналогии с другими компонентами системы национальной безопасности, которые уже нашли отражение в ряде соответствующих нормативных актов и политических деклараций[1].

Второй из вопросов, состоял в осмыслении важности развития криминологической теории миграционной безопасности, обеспечивающей

эффективное противодействие воспроизводству криминогенным факторам, источником которых являются миграционные процессы.

И третий из поставленных вопросов следует отнести к обоснованию целесообразности проведения такого исследования в формате отдельно взятой территории Российской Федерации, позволяющей сосредоточить внимание на геополитических, демографических, социальных, экономических, а также иных региональных особенностях Азиатской части России.

Краткий ответ на первый из поставленных вопросов, состоит в том, что впервые криминологически значимые аспекты демографической и миграционной безопасности были обозначены в 80-е годы XX века одной из экспертных комиссий Госплана СССР в связи с событиями в Нагорном Карабахе.

Так, в целях выяснения причин известного межнационального конфликта был проведен анализ изменений национального состава населения региона, который показал, что стремительное увеличение удельного веса азербайджанского населения, расцененное как демографическая экспансия, явилось результатом не только особенностей его естественного воспроизводства, но в первую очередь следствием неуправляемых миграционных процессов[2]. Однако в дальнейшем институт миграционной безопасности так и не получил должного нормативно-правового оформления. Само же словосочетание «миграционная безопасность» стало активно применяться в научной и политической лексике.

Основываясь на доводах о наличии выраженных институциональных признаков, характеризующих феномен миграционной безопасности, естественно и логично заключить, что это находящееся в процессе формирования правовое явление, к которому применима социальная градация уровней безопасности, соответствующая общепринятой формуле – «безопасность личности, общества и государства». Такая возможность подкрепляется уже имеющимися теоретическими выводами о юридической целесообразности нормативного закрепления миграционной безопасности в качестве структурного компонента национальной безопасности, что подтверждается наличием широкого спектра угроз, многие из которых имеют криминологическое значение и уже сегодня отнесены к компетенции уголовного законодательства, либо рассматриваются как потенциально общественно-опасные и имеют реальные перспективы криминализации.

Миграционная безопасность в наиболее общем значении может быть определена как основанная на нормах международного и национального права защищенность личности, общества и государства от угроз (опасностей), возникающих вследствие и по поводу миграции населения.

Установление юридических признаков миграционной безопасности, как одного из системных компонентов национальной безопасности, дает основания рассматривать это явление в качестве предмета криминологического исследования. А его криминологическая парадигма складывается на основании соответствующих положений теории криминологической безопасности, согласно которой, миграционная безопасность может быть представлена как – состояние объективной защищенности интересов личности, общества и государства от криминальных опасностей, порождаемых различного рода криминогенными факторами, возникающими вследствие миграционных процессов, а также осознание людьми своей защищенности от подобных угроз. Такая позиция, по сути, является ответом на второй из трёх основных вопросов, определивших криминологический формат нашего исследования[3].

В обоснование целесообразности проведения исследования в формате Азиатской части России, следует отметить, что для такого крупного и полиморфного государства, с беспрецедентной по протяженности государственной границей, и вместе с тем, контрастной неоднородностью геополитических, демографических, экономических, социальных и иных условий, сегодня ещё не представляется возможным разработать универсальную модель криминологического обеспечения миграционной безопасности без учёта региональных особенностей, его многочисленных административно-территориальных образований. В связи с этим, было принято решение исследовать проблемы криминологического обеспечения миграционной безопасности в масштабах азиатского макрорегиона России, площадь которого около 13,1 млн. км², что примерно равно 76 % её территории, на которой расположены три федеральных округа состоящих из двадцати шести субъектов федерации, на которых проживает до 27 % страны. Однако же плотность населения в Азиатской части России значительно ниже чем в Европейской и одна из наименьших в мире, до 1,7 жителей на 1 км², средняя же по России составляет до 8,3 жителей на 1 км².

Следует отметить и то, что географический срез нашего исследования не исключает возможности выявления и универсальных свойств, а также

общих закономерностей изучаемого феномена, что позволяет экстраполировать некоторые из итоговых выводов, и на другие регионы Российской Федерации.

Теперь, когда определена концепция исследования, позвольте представить краткий обзор его основных этапов, методологических подходов, теоретических обобщений и итоговых выводов.

На первом этапе исследования был установлен комплекс институциональных признаков миграционной безопасности, позволяющих рассматривать данную категорию как юридический феномен и предмет криминологического исследования. Однако, в связи с тем, что она, как компонент системы национальной безопасности, распространяема на три социальных уровня, что свидетельствует о её чрезвычайно широком значении и не способствует сосредоточенности исследования на достижении поставленных целей. Было принято решение рассматривать миграционную безопасность в узком (ограниченном) и широком (распространительном) вариантах[4]. Это же, в свою очередь позволило «зафиксировать» границы исследования, сводимые к решению конкретных задач криминологического обеспечения миграционной безопасности российского общества и государства. Представляется, что подобный подход особенно важен для криминологического исследования, так как специфика анти-криминогенного воздействия предполагает чёткое осознание того, о каком именно из уровней безопасности идёт речь.

Решение вышеназванной методологической задачи позволило конкретизировать предмет исследования, что в свою очередь оказало существенное влияние на его результаты.

Ретроспективный анализ развития миграционных процессов в Азиатской части России, с точки зрения их влияния на состояние миграционной безопасности государства вообще и криминологической составляющей этого явления в особенности, позволил прийти к выводу о наличии исторической преемственности, взаимообусловленности, а во многом и аналогичности явлений связанных с миграционными процессами сегодня. Исторический опыт свидетельствует о тесной, корреляционной зависимости между характером осуществляемой государством миграционной политики, самой миграцией и миграционной безопасностью. История освоения азиатских территорий России связана как с позитивным, так и негативным влиянием иностранной миграции. Однако миграция из ряда стран Юго-восточной Азии, и особенно из Китая, в разные исторические периоды оказывала неблагоприятное

гоприятное воздействие криминогенный фон в азиатском макро-регионе. Возникающие же проблемы часто решались репрессивными методами, связанными с использованием полицейских и даже военных средств.

Очевидно, что многие из вопросов, связанных с криминологическим обеспечением миграционной безопасности Азиатской части России, не утратили актуальность и сегодня. Так демографические, геополитические, экономические и иные особенности освоения региона способствовали активизации миграционных процессов. Однако приоритеты интенсивного заселения отдаленных территорий деактуализировали проблему развития государственного миграционного контроля, что, в свою очередь, создавало условия для роста нелегальной миграции и связанной с этим явлением преступности.

На основании экспертных оценок, контент-анализа разных информационных источников, а также наблюдений за изменениями миграционной ситуации в различных регионах РФ можно с определенной долей уверенности сказать о наличии существенных противоречий между реально складывающейся ситуацией с точки зрения присутствия криминогенных факторов, оказывающих влияние на рост преступности мигрантов (включая и миграционную преступность, то есть связанную с процессом незаконной миграции) и теми ее показателями, к которым сегодня апеллирует официальная статистика. Так, ежегодный прирост объема иностранной миграции на 250-300 тыс. чел. (миграционное сальдо), который естественно сопровождается ростом и ее нелегальной составляющей, на фоне постепенного снижения миграционной убыли (миграционное нетто), в обычных условиях является объективным фактором, способствующим росту миграционной преступности, пропорционально доли прироста миграционного сальдо. Кроме этого, сегодня нет достаточных оснований утверждать о появлении новых факторов, способствующих снижению названного сегмента преступности.

Практика обеспечения миграционной безопасности государства, а также развитие соответствующих положений миграционного, административного и уголовного законодательств, свидетельствуют, что уже сегодня в России, сформирована система противодействия нелегальной миграции, работа над совершенствованием которой продолжается. Однако среди наиболее распространенных проблем нормативно-правового, а, следовательно, и правоприменительного характера в сфере

обеспечения криминологической составляющей миграционной безопасности, можно назвать следующие: наличие системных и редакционных недостатков соответствующих институтов уголовного права; не всегда адекватный подход при определении степени и характера общественной опасности преступлений посягающих на миграционную безопасность государства; недостатки в организации и функционировании самой системы обеспечения миграционной безопасности. Кроме этого, следует обратить внимание и на не всегда адекватную миграционную политику в целом, которая должна соответствовать складывающимся геополитическим, демографическим, экономическим и социальным реалиям. Она не должна быть тенденциозно рестрикционной или либеральной, но при этом учитывающей интересы общественной и государственной безопасности.

В результате комплексного исследования указанных проблем был сформулирован ряд теоретических положений и практических рекомендаций представляющих криминологическую парадигму концепции миграционной безопасности государства.

1. Криминологический компонент миграционной опасности представляет собой криминогенные проявления миграционных процессов, заключающихся в возможном или начавшемся причинением существенного вреда правоохраняемым интересам личности, общества и государства путем нарушения норм миграционного законодательства.

2. Миграционная безопасность Российской Федерации есть часть системы национальной безопасности и обладает необходимыми для юридической категории признаками:

- обусловлена наличием источника опасности и исходящих от него реальных и потенциальных угроз, значительная часть из которых имеет криминогенный характер;
- выражается во взаимодействии субъектов и объектов безопасности;
- обладает свойствами, позволяющими применять к данному явлению соответствующие методы правового регулирования.

3. Миграционная безопасность представляет собой многоуровневую систему, соответствующую принятой теорией безопасности формуле – «безопасность личности, общества и государства». **Подобный уровневый подход позволяет определить методы и средства антикриминального воздействия, которые должны максимально точно соответствовать объектам миграционной безопасности.** На основании выработанной

концепции, под криминологическим обеспечением миграционной безопасности понимается основанное на достижениях современной криминологии решение теоретических и прикладных задач по созданию и поддержанию социально приемлемого уровня защищенности интересов личности, общества и государства от детерминированных миграционными процессами криминальных опасностей.

4. Криминологические аспекты миграционной безопасности определяются характером угроз, общая совокупность которых условно дифференцируется на имеющие непосредственное криминологическое значение и иные. Криминологической парадигмой миграционной безопасности государства являются соответствующие положения теории криминологической безопасности, на основании которой миграционная безопасность представляет собой состояние объективной защищенности интересов личности, общества и государства от криминальных угроз, возникающих вследствие миграционных процессов, а также осознание людьми своей защищенности от подобных опасностей.

5. Система криминологического обеспечения миграционной безопасности государства представляет собой организованную, в соответствии с нормами международного и национального права, совокупность специальных органов, средств и методов защиты государственных и общественных интересов от криминальных угроз, источниками которых являются миграционные процессы.

Целью функционирования данной системы является нейтрализация подобных угроз, а её содержание образуют следующие компоненты:

– нормативно-правовое обеспечение, включающее мероприятия по формированию и реализации нормативно-правовых актов, направленных на защиту общественных и государственных интересов от преступных посягательств, связанных с внешней миграцией;

– информационное и идеологическое обеспечение, предполагающее позитивное развитие миграционной политики государства, общественного правосознания и ценностных ориентиров, направленных на декриминализацию миграционных процессов;

– научное и методическое обеспечение, направленное на теоретическое обоснование, разработку и внедрение в практику новых форм, средств и методов противодействия криминальным опасностям, возникающим вследствие миграционных процессов;

– организационное обеспечение, создающее условия для эффективной деятельности субъектов,

наделённых функциями по защите правоохраняемых интересов от криминальных угроз, создаваемых миграционными процессами;

– технологическое обеспечение, позволяющее использовать передовые достижения науки и техники в предупреждении криминальных опасностей, источниками которых являются миграционные процессы;

– материально-ресурсное обеспечение, предполагающее обоснование, изыскание и покрытие материальных расходов в связи с функционированием системы криминологического обеспечения миграционной безопасности.

6. Общности и различия преступлений, причиняющих вред интересам миграционной безопасности государства и представляющих криминальную угрозу этому компоненту национальной безопасности, позволяют дифференцировать подобные деяния на две основные группы:

– преступления, непосредственно посягающие на установленный государством порядок миграции населения;

– преступления, обеспечивающие или сопровождающие процесс незаконной миграции, создающие условия или являющиеся способом реализации незаконной миграции, но с точки зрения систематизации норм уголовного закона, причиняющие вред иным правоохраняемым объектам.

7. Подобная категоризация преступлений позволяет дифференцировать их субъекты и способствует дальнейшему развитию криминологической теории личности преступника, посягающего на миграционную безопасность государства. Сообразно представленной градации преступлений, виновные в совершении подобных деяний, условно классифицируются на две основные группы:

– субъекты преступлений миграционного характера, а именно лиц, правовой статус которых определен нормами миграционного законодательства РФ (иностранцы, представители приглашающей или принимающей сторон);

– лица, не отнесенные миграционным законодательством к субъектам миграционных правоотношений, но при определенных условиях являющиеся субъектами уголовно-наказуемых деяний, обеспечивающих или сопровождающих нарушения миграционного законодательства РФ (субъекты ряда должностных преступлений и преступлений против порядка управления, деяния которых способствуют незаконной миграции).

8. Наиболее опасным проявлением незаконной миграции, как основной угрозы миграционной безопасности государства, является миграци-

онная преступность, которая в разных регионах Азиатской части России качественно неоднородна и различна по ряду показателей, отражающих её динамику. Это в первую очередь обусловлено региональной спецификой миграционных процессов, неравномерностью распределения иммиграционных потоков, а также изменениями миграционной политики Российской Федерации. В большинстве регионов Азиатской части России имеют место существенные различия между основными трендами преступности и её миграционной компонентой, что позволяет прийти к выводу о наличии собственных криминогенных факторов, влияющих на динамику миграционной преступности.

9. Криминологическое исследование проблем обеспечения миграционной безопасности в масштабах пространственно-территориальной единицы предполагает выявление наиболее типичных, имеющих криминологическое значение признаков, позволяющих группировать либо дифференцировать территории относительно социально-криминологических типов. В регионах Азиатской части России существует устойчивая взаимосвязь между миграционной привлекательностью, интенсивностью иммиграционных процессов и воспроизводством криминогенных факторов, влияющих на состояние миграционной безопасности. В соответствии с указанными критериями, регионы Азиатской части России можно сгруппировать по трём основным типам:

- регионы с высокой интенсивностью иммиграционных процессов, негативно влияющих на воспроизводство криминогенных факторов;
- регионы со средней интенсивностью иммиграционных процессов, негативно влияющих на воспроизводство криминогенных факторов;
- регионы с низкой интенсивностью иммиграционных процессов, негативно влияющих на воспроизводство криминогенных факторов.

10. Исторический опыт свидетельствует о высокой корреляционной зависимости между характером миграционной политики, динамикой миграционных процессов и состоянием миграционной безопасности государства. Особенности освоения и исторического развития Азиатской части России, а также сложившиеся геополитические, демографические и экономические условия в этом макро-регионе оказали существенное влияние на характер миграционных процессов и связанных с ними криминогенных проявлений, что обуславливает целесообразность учёта региональных особенностей при формировании и развитии

системы криминологического обеспечения миграционной безопасности государства. В свою очередь, динамика, структура, а также иные качественные и количественные характеристики внешних миграций населения в Азиатской части России существенно влияют на структуру населения, включая этнический и культурный баланс, уровень социальной напряжённости и криминогенный фон в этом макро-регионе. Данный факторный комплекс необходимо учитывать в развитии региональной миграционной политике, что в свою очередь является важным условием для эффективного функционирования системы криминологического обеспечения миграционной безопасности государства в целом.

11. Эффективное функционирование системы криминологического обеспечения миграционной безопасности России возможно при условии учёта региональных особенностей входящих в её состав территорий. Потенциал развития этой системы заключается в решении следующих организационных, юридических, информационных и технологических задач:

- путем заимствования зарубежного опыта противодействия нелегальной миграции и детерминируемым ею криминальным угрозам, целесообразно проведение выборочных миграционных амнистий в регионах Азиатской части России с низкой плотностью населения и отрицательным миграционным сальдо. Подобные амнистии следует распространить на иммигрантов из стран с близкой россиянам языковой и культурной идентичностью;
- миграционные амнистии следует сочетать с ужесточением ответственности за нарушения миграционного законодательства, что должно способствовать профилактике рецидива подобных правонарушений;
- в целях сокращения количества нелегальных мигрантов и экономии расходов на административное выдворение или депортацию лиц, допустивших нарушения миграционного законодательства в период пребывания в России и желающих добровольно вернуться в страны убытия, освобождать от административной ответственности в случаях выявления подобных правонарушений при пересечении Государственной границы РФ;
- принимая во внимание складывающиеся правовые реалии, целесообразно предусмотреть уголовную ответственность иностранных мигрантов за «злостное нарушение миграционного законодательства», в основе которого может быть, как качественные компоненты «злостности» (на-

пример, способ и средства допущенного правонарушения), так и её количественная составляющая, а именно, повторность или систематичность;

– учитывая зарубежный опыт государств, наиболее крупных «миграционных реципиентов» и современные требования криминологического обеспечения миграционной безопасности, целе-

сообразно наделять ФМС России рядом полицейских функций, включая, права на осуществление оперативно-розыскной деятельности и дознания в отношении преступлений миграционной направленности, а также силовое обеспечение проведения специальных мероприятий и обеспечение собственной безопасности.

Библиография:

1. О безопасности закон РФ № 390 от 7 декабря 2010 г.: по состоянию на 22 март. 2014 г. – Собрание законодательства РФ. – 2011. № 1.
2. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. [Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537] // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 20.
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года [утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.] // Информационно-правовая система «Гарант».
4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [утв. Президентом РФ 20.11.2013 г.] // Информационно-правовая система «Гарант».
5. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р // Информационно-правовая система «Гарант». Научные статьи и монографии:
6. Никитенко И.В. Миграционная безопасность России: криминологический аспект / Монография. – М., 2013. С. 46 – 48.
7. Федотенков А.Н. Вопросы демографической и миграционной безопасности // Демографическое развитие и его социально-экономические последствия: мат. международной научно-практ. конф. – М.: ГУ ИМЭИ., 2002. С. 152.

References (transliterated):

1. O bezopasnosti zakon RF № 390 ot 7 dekabrya 2010 g.: po sostoyaniyu na 22 mart. 2014 g. – Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2011. № 1.
2. O strategii natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii do 2020 g. [Ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 12 maya 2009 g. № 537] // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2009. – № 20.
3. Kontseptsiya gosudarstvennoi migratsionnoi politiki Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda [utv. Prezidentom RF ot 13 iyunya 2012 g.] // Informatsionno-pravovaya sistema «Garant».
4. Kontseptsiya obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii [utv. Prezidentom RF 20.11.2013 g.] // Informatsionno-pravovaya sistema «Garant».
5. Kontseptsii dolgosrochnogo sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 17 noyabrya 2008 g. № 1662-r // Informatsionno-pravovaya sistema «Garant». Nauchnye stat'i i monografiy:
6. Nikitenko I.V. Migratsionnaya bezopasnost' Rossii: kriminologicheskii aspekt / Monografiya. – M., 2013. S. 46 – 48.
7. Fedotenkov A.N. Voprosy demograficheskoi i migratsionnoi bezopasnosti // Demograficheskoe razvitie i ego sotsial'no-ekonomicheskie posledstviya: mat. mezhdunarodnoi nauchno-prakt. konf. – M.: GU IMEI., 2002. S. 152.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

ВОЗМОЖНОСТИ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО РАБОЧЕГО МЕСТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Нуждин А.А.

Аннотация: В настоящей статье исследуются особенности производства осмотра, обыска, выемки специального программного обеспечения мобильного автоматизированного рабочего места, которое должно включать, как минимум, следующие компоненты:– средства доступа к базе данных о похищенных предметах и ценностях и к базе данных о лицах;– справочную систему (экспертную систему) по тактическим приемам осмотра, обыска и выемки;– программу процессуального оформления результатов;– программу обучения и контроля знаний, умений и навыков сотрудников. Метод или методология исследования: В процессе работы использовались общенаучные и частно-научные методы познания: диалектический, формально-логический, моделирование и структурно-функциональный. Использование мобильного автоматизированного рабочего места возможно не только применительно к следственным действиям. Круг его применения определяется программным обеспечением, объемом и содержанием баз данных. В связи с этим для повышения универсальности автоматизированного рабочего места в программном обеспечении целесообразно предусмотреть выход во внешние базы данных (дактилоскопические картотеки, картотеки ведения уголовных дел, нормативно-справочной информации и др.), а также консультационные и экспертные системы МВД России. Это позволит использовать персональные компьютеры при производстве любого следственного действия и на любой стадии расследования. Применение подобных систем повысит эффективность расследования преступлений, облегчит работу следователя.

Ключевые слова: Возможность, автоматизированное рабочее место, расследование, преступление, следственное действие, кодирование, алгоритмы, паспорт, участок, диск.

Одной из форм использования информационных технологий является создание мобильного автоматизированного рабочего места[1]. Последнее включает в себя портативную электронно-вычислительную машину типа notebook или планшетный компьютер[2] с необходимым программным обеспечением и периферийным оборудованием, а также средства связи и передачи данных.

Мобильное автоматизированное рабочее место можно рассматривать как переносной элемент (интеллектуальный терминал) основного, стационарного автоматизированного рабочего места, находящегося в здании органа внутренних дел, с

которого и запрашиваются данные, находящиеся на стационарном компьютере. Вместе с тем следует отметить, что технические характеристики так называемых портативных компьютеров (объем памяти и производительность) не уступают показателям соответствующих моделей стационарных электронных машин. Поэтому в отличие от обычной портативной персональной электронно-вычислительной машины, находящейся в распоряжении следственно-оперативной группы (с целью более оперативной фиксации результатов следственного действия), мобильное автоматизированное рабочее место должно решать более широкий круг задач, в

том числе возлагаемые и на стационарные автоматизированные рабочие места следователя, а также иметь средства телекоммуникационного доступа к базам данных.

Для мобильного автоматизированного рабочего места состав специального программного обеспечения можно определить исходя из анализа содержательного описания действий следственно-оперативной группы и построения соответствующих информационных моделей (входная и выходная информация, формы ее представления, кодирование, алгоритмы преобразования и т.п.) [3]. К примеру, любому виду обыска (обыск помещений, участков местности, автотранспорта) предшествует выполнение общетактических мероприятий: сбор сведений о групповых и индивидуальных признаках искомых предметов, сведений о лицах, у которых планируется производство обыска, подбор участников следственно-оперативной группы, подготовка научно-технических средств и т.п. При прочих равных условиях, данные об искомых предметах, о лице, у которого проводится обыск, об используемых научно-технических средствах будут значительно полнее в случае применения экспертно-консультационных систем и банков данных о лицах и вещах, относимых к экстремистским. При составлении плана, включающего приемы производства обыска, существенную помощь может оказать справочная система по тактике производства следственного действия – алгоритм действий в определенных ситуациях.

При производстве осмотра места происшествия также возможно применение персональных компьютеров в решении таких задач, как выбор тактики, научно-технических средств фиксации хода и результатов следственного действия и т.п.

Применительно к производству осмотра, обыска, выемки специальное программное обеспечение мобильного автоматизированного рабочего места должно включать, как минимум, следующие компоненты:

- средства доступа к базе данных о похищенных предметах и ценностях и к базе данных о лицах;
- справочную систему (экспертную систему) по тактическим приемам осмотра, обыска и выемки;
- программу процессуального оформления результатов;
- программу обучения и контроля знаний, умений и навыков сотрудников.

Средства обращения к внешним базам данных позволяют оперативно получать находящуюся в них информацию, а также пополнять эти базы. Для этого нужно реализовать функцию телекоммуникационного доступа с мобильного

автоматизированного рабочего места к базам данных стационарных компьютеров, которая состоит в направлении запроса на центральный сервер, откуда он переадресовывается уже непосредственно в информационный центр МВД [4].

Доступ к базе данных о лицах позволит оперативно проверить наличие определенной информации о лицах, попавших в поле зрения правоохранительных органов. В ней содержатся данные о следующих категориях лиц:

- проходящих по делам оперативного учета;
- проходящих по паспортам на административный участок, участок инспекции по делам несовершеннолетних;
- подвергнутых административной ответственности за правонарушения, касающиеся распространению экстремистских материалов, повторное совершение которых влечет уголовную ответственность или иные правовые последствия.

Справочная система по тактическим приемам представляет собой часть программного обеспечения автоматизированного рабочего места, включающую в себя описание типичных следственных ситуаций и программы действий следственно-оперативной группы (комплексы следственных, розыскных действий и иных мероприятий, направленных на решение задач каждой следственной ситуации; перечни вопросов, составляющих содержание следственных действий и других мероприятий, проводимых в рамках программ решения следственных ситуаций; ссылки на необходимые акты и инструкции).

Программа процессуального оформления (фиксации результатов) служит для оперативного составления протоколов следственных действий, подготавливаемых на основе готовых форм. Ряд позиций вводной части протокола могут постоянно находиться в памяти компьютера. Иные позиции, например повод для производства следственного действия, вводятся в находящийся в памяти компьютера бланк протокола еще до выезда на место его производства. Это сокращает время ввода данных в автоматизированное рабочее место, позволяет в дальнейшем автоматизировать обработку данных протокола.

Для составления описательной и заключительной частей протокола, содержащих детальное описание обстановки проведения осмотра, обыска, выемки, подробное и точное описание следов, предметов, изъятых в связи с тем, что они могут иметь доказательственное значение, а также других данных, характеризующихся значительным объемом, возможно использовать преобразователи речи в машинный текст.

После составления протокол выводится на печать через портативный принтер, входящий в состав автоматизированного рабочего места. Отпечатанный в двух экземплярах протокол подписывается следователем, понятыми и другими участниками следственного действия.

При проведении обыска в помещении, где имеется компьютерная техника, «внешние жесткие диски» из состава мобильного автоматизированного рабочего места могут применяться при изъятии компьютерной информации, находящейся либо в оперативной памяти интересующего компьютера, либо на каком-нибудь машинном носителе. При производстве обыска различные документы можно прямо на месте путем сканирования поместить в память персонального мини-компьютера в оцифрованном виде, а затем, при необходимости, вывести на принтер или на экран. Особенно заметны преимущества использования «внешних жестких дисков» при изъятии большого объема разнородной информации (переписки в социальных сетях,

электронная почта и т.д.). Так, применение портативного сканирующего устройства позволяет быстро оцифровать различные документы, письма и т.п.

Использование мобильного автоматизированного рабочего места возможно не только применительно к следственным действиям. Круг его применения определяется программным обеспечением, объемом и содержанием баз данных. В связи с этим для повышения универсальности автоматизированного рабочего места в программном обеспечении целесообразно предусмотреть выход во внешние базы данных (дактилоскопические картотеки, картотеки ведения уголовных дел, нормативно-справочной информации и др.), а также консультационные и экспертные системы МВД России. Это позволит использовать персональные компьютеры при производстве любого следственного действия и на любой стадии расследования. Применение подобных систем повысит эффективность расследования преступлений, облегчит работу следователя.

Библиография:

1. Основы информационного обеспечения производства следственных и иных процессуальных действий / Посков Я.А. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 144 с.
2. Современное состояние и перспективы использования информационных технологий в раскрытии и расследовании преступлений. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Яковенко И.Н. – Краснодар, 2005. – 22 с.
3. Посков Я.А. Структура информационного обеспечения производства следственных действий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью на современном этапе: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 90-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России, 22-23 сентября 2011 г. – Хабаровск: Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД России, 2011. – С. 137-144.
4. Яковенко И.Н. Некоторые вопросы информатизации правоохранительных органов // Закон и судебная практика. Сборник научных статей ученых-юристов Краснодарского края и Республики Адыгея. – Краснодар: Изд-во Краснодар. юрид. ин-та МВД России, 2002. – С. 412-413.

References (transliterated):

1. Osnovy informatsionnogo obespecheniya proizvodstva sledstvennykh i inykh protsessual'nykh deistvii / Poskov Ya.A. – M.: Yurlitinform, 2010. – 144 s.
2. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy ispol'zovaniya informatsionnykh tekhnologii v raskrytii i rassledovanii prestuplenii. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Yakovenko I.N. – Krasnodar, 2005. – 22 s.
3. Poskov Ya.A. Struktura informatsionnogo obespecheniya proizvodstva sledstvennykh deistvii // Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu na sovremennom etape: sbornik materialov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 90-letiyu obrazovaniya Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii, 22-23 sentyabrya 2011 g.. – Khabarovsk: Izd-vo Dal'nevost. yurid. in-ta MVD Rossii, 2011. – S. 137-144.
4. Yakovenko I.N. Nekotorye voprosy informatizatsii pravookhranitel'nykh organov // Zakon i sudebnaya praktika. Sbornik nauchnykh statei uchenykh-yuristov Krasnodarstskogo kraya i Respubliki Adygeya. – Krasnodar: Izd-vo Krasnodar. yurid. in-ta MVD Rossii, 2002. – S. 412-413

АВТОРЕФЕРАТЫ

КАТЕГОРИЯ ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СОВЕТСКОМУ УГОЛОВНОМУ ПРАВУ

Кадников Н.Г.

Аннотация: Анализ развития уголовного законодательства после 1917 г. показывает, что в силу ряда объективных и субъективных факторов не произошло должной преемственности в отношении норм о классификации преступлений. Возобладал классовый подход в формировании различных групп и видов преступных деяний, а впоследствии классификация преступлений вообще утратила свое практическое значение. Несовершенство классификации преступлений в действующем законодательстве отметили 96 % практических и 92 % научных работников, опрошенных в ходе экспертного опроса специалистов. 91 % проинтервьюированных научных и 88 % практических сотрудников высказались за введение в Общую часть уголовного закона специальной нормы о классификации преступлений с учетом степени их общественной опасности. Методологическую основу исследования составляют теоретические положения материалистической диалектики, литература по философии, логике. В качестве юридической основы использовались нормы действующего уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового и других отраслей права. Важная роль отведена анализу уголовного законодательства дореволюционной России и других государств. Многие аспекты работы рассматривались в развитие Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятых 2 июля 1991 г. Диссертантом предлагается редакция статьи о категории тяжких преступлений: *Статья... Категория тяжких преступлений. 1. К тяжким преступлениям относятся умышленные действия, посягающие на жизнь и здоровье человека, собственность, порядок управления, деятельность государственных учреждений и органов правосудия, совершенные опасным способом или причинившие тяжкие последствия, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет. 2. Закон определяет следующие группы тяжких преступлений:– тяжкие преступлена А, за совершение которых законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 10 лет;– тяжкие преступления Б, за совершение которых законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 8 лет;– тяжкие преступления В, за совершение которых законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 6 лет. В заключении сформулированы основные выводы диссертации, наиболее значимые из которых изложены в настоящей рукописи при характеристике соответствующих разделов работы.*

Ключевые слова: Реформа, роль, отрасль, уголовное право, криминология, Признаки, преступления, классификация, борьба, санкция.

Актуальность темы исследования. Реформы, происходящие в нашем государстве и обществе, диктуют необходимость кардинальных изменений в законодательной деятельности. Важная роль отводится такой отрасли, как уголовное право, которое затрагивает судьбы практически всего общества, всех его граждан. При реформе уголовного права необходимо учитывать, чтобы его нормы отвечали принципам гуманизма, справедливости, чтобы они впитали в себя весь опыт мировой уголовно-правовой мысли, в том числе и опыт дореволюционной России, и вместе с тем не отбрасывать то положительное, что выработано в теории советского уголовного права. При совершенствовании уголовного законодательства важное значение отводится вопросам разграничения преступных деяний по степени их общественной опасности, то есть их классификация на различные группы. Классификация преступлений в действующем уголовном законодательстве, по нашему мнению, отличается незавершенностью. Выделенная в законе категория тяжких преступлений имеет перечень деяний далеко не равнозначных по тяжести, что находит отражение в размерах санкций. При этом уравниваются особо тяжкие, и тяжкие преступления. Отсутствуют нормы, закрепляющие уголовно-правовые последствия для лиц, совершивших тяжкие преступления. Более того, поскольку и действующая система учета преступлений базируется на незавершенной законодательно классификации преступлений, то и она имеет аналогичный изъян, а именно – искаженно отражает качественное состояние преступности. Это обстоятельство в свою очередь негативно влияет на формирование уголовной политики в борьбе с преступностью, принятие обоснованных управленческих решений в данном вопросе. Акцент при таком подходе делается на раскрытие ряда преступлений, которые, по нашему мнению, не совсем точно отнесены к категории тяжких преступлений. Само понятие тяжкого преступления в законе отражено в общем виде, не раскрыты признаки, по которым законодатель относит преступление к категории тяжких. В Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятых Верховным Советом СССР 2 июля 1991 г., нормы о классификации преступлений представлены более содержательно, однако остаются отдельные вопросы, требующие, как представляется, дальнейшей разработки. Проблема классификации преступлений в специальной литературе

освещалась многими авторами (Герцензон А. А., Ковалев М. И., Анашкин Г. Э., Кригер Г. Л., Карпец И. И., Келина С. Г., Загородников Н. И., Багрий-Шахматов А. В., Шишов О. Ф., Кривоченко Л. Н., Сахаров А. Б., Кузнецова Н. Ф., Махоткин В. П., Кардаев Н. С., Фефилова В. П. и др.), но конкретных исследований на диссертационном уровне, отражающих особое положение категории тяжких преступлений, не проводилось. Значимость такого исследования и обусловила выбор настоящей темы.

Цель и задачи исследования. Основная цель исследования состоит в том, чтобы с позиций уголовного права, криминологии и правоприменительной деятельности: а) изучить эффективность действия закона о тяжком преступлении; б) разработать предложения по совершенствованию как классификации преступлений в целом, так и категории тяжких преступлений в частности; в) рассмотреть целесообразность и обоснованность отнесения конкретных преступлений к категории тяжких; г) проанализировать нормы, закрепляющие уголовно-правовые последствия, предусмотренные для лиц, совершивших тяжкие преступления, и выработать предложения по их совершенствованию; д) основываясь на теоретических выводах по совершенствованию норм уголовного закона о тяжком преступлении, предложить рекомендации, направленные на повышение эффективности борьбы с такими преступлениями. Все это предполагает решение следующих задач: 1. Изучение теоретических основ классификации преступлений. 2. Анализ истории развития норм о классификации преступлений и анализ действующего законодательства. 3. Выделение степени общественной опасности преступного деяния как материального критерия классификации преступлений и её формального критерия – санкции уголовно-правовой нормы. 4. Разработка и анализ признаков, характеризующих степень общественной опасности тяжкого преступления. 5. Комплексное рассмотрение норм уголовного закона о тяжком преступлении и последствиях, наступающих для лиц, совершивших такие преступления. 6. Обобщение практики деятельности правоприменительных органов по борьбе с тяжкими преступлениями. 7. Разработка и внесение предложений по совершенствованию соответствующих норм уголовного закона.

Методологическую основу исследования составляют теоретические положения материалистической диалектики, литература по фило-

софии, логике. В качестве юридической основы использовались нормы действующего уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового и других отраслей права. Важная роль отведена анализу уголовного законодательства дореволюционной России и других государств. Многие аспекты работы рассматривались в развитии Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятых 2 июля 1991 г.

В диссертации применен метод историзма, позволяющий раскрыть диалектику единичного и общего в подходе и классификации преступлений. Использовались и другие методы: сравнительный, логико-юридический, системного подхода, конкретно-социологический (с использованием частных методик в форме анкетирования, экспертного опроса научных и практических работников), проанализирована статистическая отчетность МВД СССР о борьбе с тяжкими преступлениями за 1985-1990 гг.

Научная новизна заключается в том, что впервые комплексно исследована тема о выделении особой группы преступных деяний, отнесенных к категории тяжких преступлений.

На защиту выносятся следующие положения диссертации:

1. Классификация преступных деяний по степени их общественной опасности, предложенная в Основах уголовного законодательства 1991 г. носит позитивный характер, способствуя осуществлению принципа дифференциации уголовной ответственности, поскольку обеспечивает гарантии для четкой индивидуализации наказания.

2. Формальным критерием такой классификации, отражающей различную степень общественной опасности, выступает санкция уголовно-правовой нормы. Классификация преступлений по указанному критерию позволяет достаточно четко формулировать, исходя из тяжести деяний, содержание большинства норм и институтов Общей и Особенной частей уголовного закона.

3. Категория тяжких преступлений – особая группа умышленных деяний, совершение которых влечет наиболее суровые последствия, что и должно быть закреплено в уголовном законе. В этой связи предлагаются некоторые изменения в содержании норм о тяжких преступлениях.

4. Признаки, образующие понятие тяжкого преступления, следует считать основой при решении вопроса об отнесении конкретного преступного деяния к категории тяжких преступлений.

5. Предполагается, что борьба с преступностью вообще находится в прямой зависимости от состояния борьбы с тяжкими преступлениями. Но на борьбу с преступностью негативно влияет существующая система учета преступлений и оценки эффективности деятельности органов внутренних дел. Из-за уравнивания (через категорию тяжких преступлений) не тождественных по степени общественной опасности деяний статистическая отчетность отражает успехи в борьбе с преступностью преимущественно за счет некоторых очевидных, ситуативных преступлений, которые, кроме того, необоснованно отнесены к категории тяжких.

6. В основу учета преступлений необходимо положить классификацию, предложенную в Основах уголовного законодательства 1991 г., исключив данные о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, которые правильнее было бы именовать уголовными проступками.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы при разработке уголовного законодательства республик, и, в частности, при отнесении конкретных составов преступлений к категории тяжких и определении правовых последствий для лиц, совершивших такие преступления. Отдельные выводы применимы в подготовке предложений, касающихся системы учета преступлений, и в практической деятельности правоприменительных органов. Ряд положений предлагается использовать в учебном процессе при изучении институтов Общей части уголовного закона.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права ВЮЗШ МВД РСФСР. Отдельные положения и работа в целом докладывались на заседаниях кафедры и получили одобрение. Основные теоретические и практические выводы по результатам исследования изложены в 3-х опубликованных статьях, доложены на научной конференции адъюнктов и соискателей «Совершенствование деятельности органов внутренних дел в условиях решительного усиления борьбы с преступностью» в 1990 г.

Структура и содержание работы. Диссертация выполнена в объеме, соответствующем требованиям ВАК при Совете Министров СССР. По структуре работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, его практическая значимость. Определяются цели и задачи, указывается методологические основы и эмпирическая база. Сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Классификация преступлений (вопросы теории и практики)» включает три параграфа, которые посвящены историческим, философским и юридическим аспектам классификации преступлений. Определяющим в исследовании классификации является такой подход, из которого вытекает, что классификация является не только методом, способом познания реалий объективного мира, но в то же время это есть и результат, научно-обоснованный вывод об объеме ранее полученных знаний. Поэтому при решении вопроса о классификации преступлений следует применять логические правила, обязательные для любой классификации.

Насущную необходимость классификации преступлений подтверждает и исторический анализ развития уголовного законодательства. Классификация преступлений присутствовала в уголовном законодательстве дореволюционной России, причем в качестве основы становления такой классификации использовалось законодательство западноевропейских государств. Наиболее разработанными с юридической точки зрения представляется нормы о классификации преступных деяний, исходя из их тяжести, в Уголовном Уложении 1903 года. Уложение предусматривало трехчленное деление преступных деяний в зависимости от тяжести налагаемых за их совершение наказаний.

Анализ развития уголовного законодательства после 1917 г. показывает, что в силу ряда объективных и субъективных факторов не произошло должной преемственности в отношении норм о классификации преступлений. Возобладал классовый подход в формировании различных групп и видов преступных деяний, а впоследствии классификация преступлений вообще утратила свое практическое значение.

В дальнейшем в содержании различных норм уголовного законодательства нашего государства проявлялась объективная необходимость классификация преступлений, исходя, прежде всего, из степени их существенной опасности. Начало этому процессу было заложено в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., где фрагментарно восстанавливалось деление преступлений на

различные группы. Следующим важным этапом в формировании нормативной базы, служащей более четкой классификации преступлений, безусловно, явилось введение в уголовное законодательство нормы о тяжком преступлении в 1972 г. В ст. 7-1 Основного уголовного законодательства (1958 г.) и в соответствующих статьях УК союзных республик было дано определение тяжкого преступления, содержался исчерпывающий перечень тяжких преступлений. Следует отметить, что хотя законодатель и сделал важный шаг в развитии норм о классификации преступлений, этот шаг оказался весьма осторожным. С одной стороны, критерием тяжести признавалось содержание общественной опасности, а с другой стороны, это в достаточной мере не было связано с санкциями, указанными в статьях Особенной части уголовных кодексов.

В 1977 г. в соответствии с требованиями о более четкой дифференциации ответственности, в ст. 43 Основ уголовного законодательства (1958 г.) внесены дополнения о выделении группы преступлений, но представляющих большой общественной опасности, но в то же время не умазывались признаки таких деяний и отсутствовал их перечень.

Вместе с тем следует отметить, что такая классификация преступлений сыграла положительную роль в правоприменительной деятельности и служит важным фактором в осуществлении дифференциации уголовной ответственности и индивидуализации наказания. В то же время нельзя отрицать, что классификация преступлений в действующем законодательстве нуждается в совершенствовании, требует глубокого научного обоснования. Необходимо выделить единый критерий подобной классификации и указать в законе признаки групп деяний, выбранных в качестве классификационных единиц. Очень важно было бы попытаться через классификацию преступлений в Общей части уголовного закона очертить круг уголовно-правовых последствий для лиц, совершивших такие деяния.

Несовершенство классификации преступлений в действующем законодательстве отметили 96 % практических и 92 % научных работников, опрошенных в ходе экспертного опроса специалистов. 91 % проинтервьюированных научных и 88 % практических сотрудников высказались за введение в Общую часть уголовного закона специальной нормы о классификации преступлений с учетом степени их общественной опасности.

По поводу выбора критерия классификации преступлений и по другим аспектам длиной проблемы в теории уголовного права высказываются различные точки зрения. Автор разделяет позицию тех ученых, которые считают, что критерием классификации преступлений в Общей части уголовного закона служит степень общественной опасности преступления, которая формализовано отражается в санкции конкретной статьи уголовного закона. Автором в этой связи предлагается следующее определение санкции: это формализованный критерий классификации преступлений, который непосредственно через размер и вид наказания выражает в сжатой и концентрированной форме степень общественной опасности преступления.

Выделяя в качестве такого критерия санкцию статьи, диссертант отмечает, что в советском уголовном праве подход к установлению санкций не отличается достаточной глубиной и обоснованностью. Подтверждение тому – санкции статей в действующих уголовных кодексах, в которых нет единства. По мнению автора, виды и размеры санкций зачастую научно не обоснованы, что представляет одну из главных проблем уголовного права. В связи с этим следовало бы решить такую важнейшую задачу, как установление типовых санкций (то есть размеров наказания для каждой категории преступлений) научное обоснование соответствия размера наказания тяжести совершенного преступления. В работе поддержано мнение о выделении в качестве основания типовых санкций, используемых для классификации преступлений, такого наиболее строгого вида наказания, как лишение свободы.

Нормы о классификации преступлений, сформулированные в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик, принятых Верховным Советом 2 июля 1991 г., в целом отвечают задачам более четкой дифференциации уголовной ответственности. Но вместе с тем, возможности их дальнейшего развития и разработки не исчерпаны. Сказанное касается в первую очередь типовых санкций в виде лишения свободы, в которых по-прежнему отсутствует нижний и верхний пределы. Автор также считает необходимым дополнить норму о классификации преступлений самим понятием классификации, из которого вытекают бы её цели и задачи. Кроме того, при характеристике категорий преступлений вновь не выделяются отличительные признаки, по которым деяние относится к той или иной

группе, что может затруднить в последующем распределение конкретных составов преступлений по отдельным категориям.

В третьем параграфе главы первой автором рассматривается и обосновывается значение классификации преступлений по степени их общественной опасности для построения норм и институтов Общей и Особенной частей уголовного закона и других отраслей законодательства. Диссертант солидарен с мнением большинства ученых о том, что действующая система учета преступлений, построенная только на выделении в уголовном законе категории тяжких и иных преступлений, не способствует правильной постановке основных задач уголовной политики. В связи с этим в работе предлагается в основу учета преступлений как можно скорее положить нормы о классификации преступлений по степени их общественной опасности, содержащиеся в Основах уголовного законодательства, принятых 2 июля 1991 г.

Исследование исторического и теоретического аспектов рассматриваемого вопроса привело к формулированию понятий и определенных выводов. Прежде всего, следует отметить, что классификационная проблема в науке вообще, и в юридической науке в частности, имеет большое теоретическое и практическое значение для правильного восприятия и познания реалий объективной материи. Классификация преступлений в Общей части уголовного закона есть разграничение преступлений на отдельные категории по степени их общественной опасности (тяжести), которая выражена в типовой санкции и которая предусматривает специфические для каждой категории уголовно-правовые последствия. Категория преступлений – это обособленная группа определенных видов преступных деяний, выделяемых в уголовном законе, которые связаны между собой равнозначной степенью общественной опасности, выражаемой через типовую санкцию, и за совершение которых предусмотрены специфические уголовно-правовые последствия.

Вторая глава – «Категория тяжких преступлений по советскому уголовному праву» – посвящена анализу норм уголовного закона, содержащих понятие и признаки категории тяжких преступлений (ст. 7-1 Основ уголовного законодательства 1958 г. и ст. 7-1 УК РСФСР), и норм, закрепляющих данную классификационную единицу в Основах уголовного законодательства 1991 г. Рассматривается также и система уголовно-правовых последствий, предусмотрен-

ная законом при совершении виновным лицом тяжкого преступления.

Анализ категории тяжких преступлений, по мнению диссертанта, представляется особо значимым по ряду обстоятельств. Во-первых, накоплен определенный исторический и практический опыт применения норм о тяжком преступлении. Во-вторых, в последнее время (особенно с 1988 г.) наметилась опасная тенденция роста тяжких преступлений. Так, если в 1988 г. отмечался рост зарегистрированных преступлений на 3, 8 %, то в 1989 г. общее количество преступлений выросло на 31, 8 %, а количество тяжких преступлений увеличилось на 42, 3 %. Среди тяжких преступлений особо следует выделить рост корыстно-насильственных деяний. В 1988 г. отмечен рост: умышленных убийств на 14 %, тяжких телесных повреждений на 31, 6 %, изнасилований на 5, 3 %, разбоев на 42, 6 %, грабежей на 44, 4 Д. Количество умышленных убийств в 1969 г. увеличилось на 28 %, изнасилований на 23, 9 %, тяжких телесных повреждений на 38, 4 %, разбоев на 71; 7 %, грабежей на 66, 3 %. Тревогу вызывает данные и за 1990 г.: число тяжких преступлений по сравнению с тем же периодом 1989 г. возросло на 19 %. Следует признать, что переход общества из одного качественного состояния в другое, глубокие реформы в экономике и политике, как ни парадоксально, негативно влияют на состояние преступности. Вместе с тем нельзя отрицать и тот факт, что действующее законодательство не вполне отвечает существующим реалиям. В нем в первую очередь, не четко выделяются понятие и привязки тяжкого преступления. По этой причине и категории тяжких преступлений оказались уравненными не равноценные по степени общественной опасности деяния. Данное обстоятельство приводит к ошибкам в правоприменительной практике, к принятию необоснованных решений и осуществления задач уголовной политики, неверному отражению качественного состояния преступности.

Экспертный опрос практических работников показал, что 90 % из них не удовлетворены понятием тяжкого преступления, содержащимся в ст. 7-1 УК РСФСР. Более того, 61 % опрошенных судей и 84 % работников прокуратуры считают, что в законе необходимо указать конкретные признаки, по которым деяние следовало бы отнести к категории тяжких преступлений.

Полагаем, что в нормах классификации преступлений, содержащихся в Основах уголовного законодательства, принятых 2 июля 1991 г., вновь исчерпывающе не раскрыты понятие и призна-

ки тяжкого преступления. Указываются лишь два признака – форма вины (умысел) и типовая санкция. По-прежнему не совсем ясно, какие деяния следует относить к данной категории. В этой связи отмечается, что в ст. 7-1 действующего УК РСФСР оказались объединены особо тяжкие и тяжкие преступления, хотя во вновь принятых Основах уголовного законодательства специально выделяется категория особо тяжких преступлений, однако признаки таковых не раскрываются. С учетом последнего обстоятельства автор предлагает определение особо тяжкого преступления и на основе этого определения считает возможным отнести к данной категории преступных деяний преступления, предусмотренные ст. 64-68, 72, 77, 7. – 1 ч. 2, 102, 103, 117 ч. 4, 191-2. 213-2 ч. 3 УК РСФСР. При этом диссертант поддерживает позицию об отмене смертной казни за совершение особо тяжких преступлений с заменой этой меры наказания на пожизненное заключение.

Далее в работе исследуется содержание степени общественной опасности преступлений, которые следует отнести к категории тяжких. Делается вывод, что содержание степени опасности таких деяний определяется совокупностью объективных и субъективных признаков. В основе лежит ценность объекта, охраняемого уголовным законом, а именно: жизнь и здоровье человека, собственность, порядок управления, деятельность государственных учреждений и органов правосудия. Но отличие тяжких преступлений от особо тяжких заключается в том, что посягательства на указанные ценности совершаются с причинением меньшего вреда и не столь опасными способами.

Проведенный анализ действующего законодательства показывает, что объективные признаки тяжкого преступления обусловлены: насилием над личностью (20 %), повторностью деяния (16 %), тяжестью последствий (25, 3 %). Субъективные признаки распределены следующим образом: низменные мотивы – 2, 7 %, предварительный сговор – 15 %, особо опасный рецидив – 10 %. Нельзя не выделить и стержневой признак – умышленную форму вины. Автор присоединяется к мнению тех ученых, которые считают невозможным отнесение неосторожных преступлений к категории тяжких. Такое же мнение высказали 75 % опрошенных специалистов.

В работе предложено следующее определение тяжкого преступления: это умышленное действие, посягающее на жизнь и здоровье

человека, собственность, порядок упрощения, деятельность государственных учреждений и органов правосудия, совершенное опасным способом или причинившее тяжкие последствия, за которое по закону предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет.

В целях более четкой дифференциации уголовной ответственности автор полагает необходимым провести внутри категории тяжких преступлений деление на подклассы, то есть осуществить индексацию тяжких преступлений на определенные группы. Такая индексация, по мнению диссертанта, является, по сути, более тщательной классификацией и позволяет сузить сферу субъективного усмотрения судей при назначении размера наказания за конкретное преступление. В качестве определяющего признака индексации предлагается учитывать такой фактор, существенно повливающий на степень общественной опасности деяния, как насилие над личностью в процессе совершения преступных действий. При этом подчеркивается особая роль, которая отводится в настоящее время важнейшему объекту уголовно-правовой охраны – личности человека.

С учетом этого автор выделяет следующие группы тяжких преступлений:

1. Преступления под индексом А – преступные посягательства, совершенные с насилием, опасным для жизни и здоровья человека.

2. Преступления под индексом Б – деяния, совершенные с насилием, не опасным для жизни и здоровья.

3. Преступления под индексом В – деяния, совершенные без насилия. Соответственно различными должны быть и размеры санкций по данным группам преступлений. В качестве примера приводится подобная классификация преступных посягательств в законодательстве США, где, исходя из санкций, представлены и категории преступных деяний, и классы внутри категорий, и даже подклассы.

Во втором параграфе главы второй дается анализ конкретных составов преступлений, включенных законодателем в перечень тяжких преступлений. При этом используются данные статистического учета преступности, результаты судебной практики. Свои выводы автор подтверждает с помощью составленных им графиков, объективно отражающих положение дел в борьбе с тяжкими преступлениями за период с 1985 по 1990 г.

На основе проведенных исследований следует заключение о необоснованности отнесения

отдельных составов преступлений к категории тяжких. Это касается, в частности, преступлений, предусмотренных ст. ст. 88, 154 ч. ч. 2, 3 (в настоящее время ответственность предусмотрена по Закону СССР от 31 октября 1990 г. «Об усилении ответственности за спекуляцию, незаконную торговую деятельность и за злоупотребления в торговле»), 206 ч. 2 УК РСФСР. В то же время диссертантом поддерживается предложение об отнесении к категории тяжких преступлений деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 121 УК РСФСР, так как насилие над личностью, унижение в таких формах человеческого достоинства, дают основание считать степень общественной опасности данного преступления соответствующей признакам тяжкого преступного деяния.

Опираясь на предложенную систему индексов внутри категории тяжких преступлений, автор предлагает выделение соответствующих групп конкретных преступлений в Особенной части уголовного закона. Так, к тяжким преступлениям под индексом А следует отнести деяния, предусмотренные ст. ст. 74 ч. 3, 77-1 ч. 1, 79, 91, 93-1 (совершенное путем разбойного нападения), 95 ч. 3; 96 ч. 2; 108; 117 ч. ч. 2, 3; 126-1 ч. 2; 146; 148 ч. 3; 149 ч. 2; 213 ч. ч. 2, 3; 218-1 ч. 3; 224-1 ч. 3 УК РСФСР. К тяжким преступлениям под индексом Б следует отнести деяния, предусмотренные ст. ст. 74 ч. 2; 90 ч. ч. 2, 3, 4; 117 ч. 1; 93-1 (совершенное путем грабежа); 121 ч. 2; 126-1 ч. 1; 145 ч. 4. 2, 3, 4; 179 ч. 2; 206 ч. 3; 224-1 ч. 2 УК РСФСР. К тяжким преступлениям под индексом В следует отнести преступления, предусмотренные ст. ст. 69; 70 ч. 3; 78; 86; 87; 89 ч. 4; 92 ч. ч. 2, 3; 93 ч. 3; 93-1 (совершенное путем крахи, растраты, присвоения, мошенничества), 173; 174 ч. 2; 174-1 ч. 2; 176 ч. 2; 177 ч. 2; 218-1 ч. ч. 1, 2; 223-3; 224 ч. ч. 1, 2; 231-1 ч. 1 УК РСФСР. В третьем параграфе главы второй рассматривается такой важный аспект, как уголовно-правовые последствия, наступление которых предусмотрено уголовным законом для лиц, виновных в совершении тяжких преступлений. При этом автор поддерживает мнение тех ученых, которые выступают за законодательное закрепление всей системы уголовно-правовых последствий как составного элемента классификация преступлений. Предполагается, что система уголовно-правовых последствий должна быть строго увязана с тяжестью деяния, а не определяться назначенным судом наказанием. С учетом этого диссертант полагает возможным внести определенные коррективы в содержание норм уголовного закона, определяющих

уголовно-правовые последствия совершения тяжкого преступления. Предлагается, например, установить ответственность за приготовление к особо тяжкому преступлению и к тяжкому преступлению индекса А. Поддерживается мнение об отказе наказуемости за недонесение о преступлении, в том числе и относящегося к категории тяжких. Вместе с тем считаем необходимым сохранить уголовную ответственность при заранее не обещанном укрывательстве особо тяжких и тяжких преступлений.

Действующая норма об особо опасном рецидивисте (ст. 24-1 УК РСФСР) представляется сложной и громоздкой. Классификационные признаки используется в ограниченном виде, применяются разнопорядковые критерии (и тяжесть преступления, и назначенное судом наказание). В Основах уголовного законодательства 1991 г. сохранен аналогичный подход. Диссертант поддерживает вариант построения норм о рецидиве преступлений, сформулированный в теоретической модели уголовного кодекса [1]

Кроме того, в работе предлагается совершенствование и других норм, закрепляющих уголовно-правовые последствия. Это относится и содержанию ст. ст. 48 и 49 (сроки давности) УК РСФСР, а к содержанию ст. ст. 53 и 53-1 (условно-досрочное освобождение от наказания и замена наказания более мягким), 57 (судимость) УК РСФСР. Автором проанализирован ряд норм, касающихся уголовно-правовых последствий, предусмотренных за тяжкие преступления, совершенные несовершеннолетними, и предложено внести и эти нормы некоторые уточнения и дополнения.

Диссертантом предлагается редакция статьи о категории тяжких преступлений:

Статья... Категория тяжких преступлений.

1. К тяжким преступлениям относятся умышленные действия, посягающие на жизнь и здоровье человека, собственность, порядок

управления, деятельность государственных учреждений и органов правосудия, совершенные опасным способом или причинившие тяжкие последствия, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет.

2. Закон определяет следующие группы тяжких преступлений:

– тяжкие преступлена А, за совершение которых законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 10 лет;

– тяжкие преступления Б, за совершение которых законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 8 лет;

– тяжкие преступления В, за совершение которых законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 6 лет.

В заключении сформулированы основные выводы диссертации, наиболее значимые из которых изложены в настоящей рукописи при характеристике соответствующих разделов работы.

Результаты исследования опубликованы в следующих трудах автора:

1. К вопросу о классификации преступлений //Сборник трудов молодых ученых «Совершенствование правоохранительной деятельности органов внутренних дел. « – М.: ВЮЗШ МВД СССР. 1990. 0, 3 п. л.

2. Категория тяжких преступлений по советскому уголовному праву и проблемы правоприменительной деятельности //Сборник статей адъюнктов и соискателей «Совершенствование деятельности органов внутренних дел в условиях решительного усиления борьбы о преступностью. « – М.: ВЮЗШ МВД СССР. 1990. 0, 3 п. л.

3. Вопросы выделения категории тяжких преступлений по советскому уголовному праву //Сборник научных трудов «Проблемы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения. « – М.: Академия МВД СССР. 1990. 0, 4 п. л.

Библиография:

1. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования. М., 1987. С. 110, 115.

References (transliterated):

1. Ugolovnyi zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya. M., 1987. S. 110, 115.

THE CATEGORY OF GRAVE CRIMES IN THE SOVIET CRIMINAL LAW

Kadnikov N.G.

Abstract: *The new reforms in our state and society presuppose the need for cardinal changes in the legislative activity. The important role of the criminal law concerns the future of the society and its members. While reforming criminal legislation, it is necessary to take into account that its standards and principles of humanism and justice should consider the experience of the criminal-legal system and pre-revolutionary Russia. All positive moments of the Soviet criminal law need to be taken into consideration. The methodology of the research includes the theoretical provisions of dialectical materialism, philosophy and logic. As the legal base the author uses the provisions of criminal law, criminal-procedural legislation, correctional legislation and the provisions of other branches of law. The category of grave crimes is a special group of premeditated crimes causing serious consequences. This definition should be included in the Criminal Code. The author offers several amendments to the content concerning grave crimes. The characteristics, determining the definition of grave crimes, should be preserved as a base for the decision about the inclusion of a particular crime in the category of grave crimes.*

Keywords: *Base, category, serious, crime, Soviet, Criminal law, reforms, system, crime, security.*

Aktualität des Themas. Die neuen Reformen in unserem Staat und in unserer Gesellschaft setzen die Notwendigkeit der kardinalen Veränderungen in der gesetzgebenden Tätigkeit voraus. Die wichtige Rolle spielt das Strafrecht, das Schicksal der ganzen Gesellschaft und aller Bürger betrifft.

Während des Reformierens des Strafrechtes ist es notwendig zu berücksichtigen, dass seine Normen den Prinzipien des Humanismus und der Gerechtigkeit entsprechen, dass diese Normen Rücksicht nicht nur auf die Erfahrung des strafrechtlich-rechtlichen Systems als auch auf die Erfahrung des vorrevolutionären Russlands nehmen sollen. Es soll auch alles Positives in der Theorie des sowjetischen Strafrechtes berücksichtigt werden.

Im Prozess der Vervollkommnung der Strafgesetzgebung sind die Fragen der Trennung der verbrecherischen Taten nach dem Grad der gesellschaftlichen Gefahr von großer Bedeutung, das heißt die Fragen der Klassifizierung der Straftaten in verschiedene Gruppen. Die Klassifizierung der Verbrechen in der geltenden Strafgesetzgebung ist nach unserer Meinung nicht

unvollendet. Die im Gesetz bestimmte Kategorie der schweren Verbrechen hat ein Verzeichnis der Taten, die nicht gleichbedeutend sind und dieser Fakt beeinflusst die Strafbestimmungen. Dabei werden die schweren Verbrechen und Kapitalverbrechen ausgeglichen. Es gibt keine Normen, die strafrechtliche Folgen für die Personen bestimmen, die schwere Verbrechen begehen.

Das geltende System der Registrierung der Straftaten stützt sich auf die unvollendete Klassifizierung der Straftaten, deshalb es hat einen großen Nachteil, nämlich es zeigt qualitativen Zustand der Kriminalität falsch. Dieser Umstand beeinflusst negativ die Formierung der Kriminalpolitik im Kampf gegen Kriminalität und die Entscheidungsfindung für diese Fragen. Nach unserer Meinung gehört man eine Reihe der Straftaten nicht genau zu der Kategorie der schweren Verbrechen.

Der Begriff „schweres Verbrechen“ hat eine allgemeine Bedeutung im Gesetz, weil es keine Merkmale der schwere Verbrechen und Kapitalverbrechen gibt. In den Grundlagen der Strafgesetzgebung der UdSSR, die

von dem Obersten Sowjet am 2. Juli 1991 angenommen waren, sind die Normen der Klassifizierung der Straftaten viel inhaltlicher dargestellt. Aber es gibt einige Fragen, die weitere Ausarbeitung fordert.

Das Problem der Klassifizierung der Straftaten in der Fachliteratur wird von vielen Fachleuten behandelt (Gerzenson A.A., Kowaljow M.I., Anaschkin G.E., Kriger G. L., Karpez I. I., Kalina S. G., Sagorodnikow N. I., Bagrij – Schachmatow A.W., Schischow O.F., Krivotschenko L.N., Sacharow A.W., Kusnetsowa N.F., Machotkin W.P., Kardaew P.S., Fefilowa W.P. u.a.). Aber es gibt keine konkreten Forschungen auf dem Dissertationsniveau, die die besondere Lage der Kategorie der schweren Straftaten widerspiegeln. Die Bedeutsamkeit der angegebenen Forschung bedingte die Auswahl dieses Themas.

Ziel und Aufgaben der Forschung.

Das Hauptziel der gegebenen Forschung besteht darin, dass von der Seite des Strafrechtes, der Kriminologie und der Rechtsanwendungstätigkeit:

a) die Effektivität der Gesetzwirkung über schwere Verbrechen zu studieren;

b) die Vorschläge für Vervollkommnung der Klassifizierung der Straftaten im allgemeinen und insbesondere der Kategorie der schweren Verbrechen auszuarbeiten;

c) Zweckmäßigkeit und Stichhaltigkeit der Zugehörigkeit der konkreten Straftaten zu der Kategorie der schweren Verbrechen zu behandeln;

d) die Normen der strafrechtlichen Folgen für die Personen, die schwere Verbrechen begehen, zu analysieren und einige Vorschläge für die Vervollkommnung auszuarbeiten;

e) auf Grund der theoretischen Schlussfolgerungen für die Vervollkommnung der Normen des Strafgesetzes über schwere Verbrechen einige Empfehlungen vorzuschlagen, die auf die Effektivität des Kampfes gegen solchen Verbrechen gerichtet sind.

Das setzt die Lösung der folgenden Aufgaben voraus:

1. Die Untersuchung der theoretischen Grundlagen der Klassifizierung der Verbrechen.
2. Die Analyse der Entwicklungsgeschichte der Normen über Klassifizierung der Verbrechen und die Analyse der geltenden Gesetzgebung.
3. Die Bestimmung des Grades der gesellschaftlichen Gefahr von einer Straftat als materielles Kriterium für die Klassifizierung der Verbrechen und die Bestimmung des formalen Kriteriums – Sanktion der strafrechtlichen Normen.
4. Ausarbeitung und Analyse der Merkmale, die den Grad der gesellschaftlichen Gefahr der schweren Verbrechen charakterisieren.
5. Komplexe Untersuchung der Normen des Strafgesetzes über schwere Verbrechen und Folgen für Personen, die solche Verbrechen begehen.

6. Verallgemeinerung der Tätigkeit der Rechtsanwendungsorgane für den Kampf gegen schwere Verbrechen.
7. Ausarbeitung der Fragen und Vorschläge für die Vervollkommnung der entsprechenden Normen des Strafgesetzes.

Die methodologischen Grundlagen der Untersuchung sind die theoretischen Thesen der materialistischen Dialektik, philosophische und logische Literatur. Als juristische Grundlage werden die Normen des geltenden Strafrechtes, des strafprozessualen Rechtes, des Besserungsarbeitsrechtes und die Normen der anderen Rechtszweige benutzt. Eine wichtige Rolle hat die Analyse der Strafgesetzgebung im vorrevolutionären Russland und in den anderen Staaten. Einige Aspekte werden in der Entwicklung der Grundlagen der Strafgesetzgebung der UdSSR behandelt, die am 2. Juli 1991 angenommen waren.

In der Dissertation ist die Historismusmethode angewandt, die Dialektik der einzelnen und allgemeinen Einstellung zur Klassifizierung der Straftaten demonstriert. Es ist auch andere Methoden angewandt: Vergleichungsmethode, logisch-juristische Methode, Systemmethode, konkret-soziologische Methode (mit der Benutzung der Meinungsumfragemethodik und Expertumfrage der wissenschaftlichen und praktischen Arbeiter), die Analyse der statistischen Berichterstattung des Ministeriums der Inneren Angelegenheiten der UdSSR über den Kampf gegen schwere Verbrechen vom 1985 bis 1990.

Wissenschaftliche Neuigkeit besteht darin, dass das Thema über die Bestimmung der besonderen Straftätigkeitsgruppe, die zur Kategorie der schweren Verbrechen gehört, zum ersten Mal untersucht wird.

Zur Promotion werden folgende Thesen vorgeschlagen:

1. Die in den Grundlagen des Strafgesetzes vorgeschlagene (1991) Klassifikation der Straftaten nach dem Grad der gesellschaftlichen Gefahr hat einen positiven Charakter und beiträgt zur Verwirklichung des Prinzips der Differenzierung der strafrechtlichen Verantwortlichkeit, weil diese Klassifikation gibt eine Sicherheit für konkrete Individualisierung der Bestrafung.
2. Das formale Kriterium solcher Klassifikation, die verschiedenen Grad der gesellschaftlichen Gefahr widerspiegelt, ist die Sanktion der strafrechtlichen Norm. Die Klassifikation der Verbrechen nach dem angegebenen Kriterium demonstriert ganz konkret den Inhalt der meisten Normen und Instituten der Allgemeinen und Besonderen Teile des Strafgesetzes abhängig von der Tatschwere.
3. Die Kategorie von schweren Verbrechen ist eine besondere Gruppe der absichtlichen Verbrechen, die schwere Folgen haben. Diese Definierung soll im Strafgesetz festgelegt werden. Dazu werden einige Veränderungen im Normeninhalte über die schweren Verbrechen vorgeschlagen.

4. Die Merkmale, die den Begriff der schweren Verbrechen bestimmen, muss man als Grundlage für die Lösung der Fragen über die Zugehörigkeit einer konkreten Straftat zur Kategorie der schweren Verbrechen halten.
5. Es wird vermutet, dass der Kampf gegen Kriminalität direkt von dem Kampf gegen schwere Verbrechen abhängt. Aber das geltende System der Verbrechenstatistik und Einschätzung der Effektivität der Tätigkeit der Organe der Inneren Angelegenheiten beeinflusst negativ den Kampf gegen Kriminalität. Die statistische Berichterstattung widerspiegelt den Erfolg im Kampf gegen Kriminalität hauptsächlich durch einige Verbrechen, die unbegründet zu der Kategorie der schweren Verbrechen gehört werden, infolge der Ausleichung (durch die Kategorie der schweren Verbrechen) der Straftaten, die nicht identisch nach dem Grad der gesellschaftlichen Gefahr sind.
6. Für die Verbrechenstatistik ist eine Klassifikation notwendig, die in den Grundlagen des Strafgesetzes (1991) vorgeschlagen ist, mit Ausnahme der Angaben von den Verbrechen, die keine große gesellschaftliche Gefahr haben, und die nicht schwere Verbrechen sondern Straftaten sind.

Praktische Bedeutung dieser Forschung besteht darin, dass die bekommenen Resultate in der Ausarbeitung des Strafgesetzes der Republiken ausgenutzt werden können. Das heißt, die bestimmten Verbrechen sollen zur Kategorie der schweren Verbrechen gehören, und auch müssen die rechtlichen Folgen für die Personen, die solche Verbrechen begehen, bestimmt werden. Einige Schlussfolgerungen werden im Prozess der Vorbereitung der Vorschläge, die das System der Verbrechenstatistik angehen, und in der praktischen Tätigkeit der Rechtsanwendungsorgane angewandt. Eine Reihe der Thesen wird vorgeschlagen, im Lehrprozess bei der Untersuchung des Institutes des Allgemeinen Teiles des Strafgesetzes zu verwenden.

Die Approbation der Untersuchungsergebnisse. Die Dissertation wird im Lehrstuhl für Strafrecht der Juristischen Fernhochschule des Ministeriums der Inneren Angelegenheiten der Russischen Sowjetischen Föderativen Sozialistischen Republik vorbereitet. Einige Thesen und auch die ganze Untersuchungsarbeit werden in den Sitzungen des Lehrstuhls vorgetragen und zugestimmt. Wesentliche theoretische und praktische Schlussfolgerungen der Untersuchungsergebnisse sind in drei Artikeln veröffentlicht und in der wissenschaftlichen Konferenz „Vervollkommnung der Tätigkeit der Organe der Inneren Angelegenheiten in den Bedingungen des Kampfes gegen Kriminalität“ im Jahre 1990 vorgetragen.

Struktur und Inhalt der Dissertation. Die Arbeit entspricht den Forderungen der Obersten Attestationskommission zur Anerkennung von wissenschaftlichen

Graden beim Ministerrat der UdSSR. Die Dissertation hat eine Einleitung, zwei Teile, Schlussfolgerung, eine Liste der benutzten Literatur und Anhänge.

In der Einleitung werden die Aktualität des Themas und die praktische Bedeutung der gegebenen Untersuchung begründet. Die Ziele und Aufgaben werden bestimmt, die methodologischen und empirischen Gründe werden angegeben. Die Promotionthesen werden formuliert.

Der erste Teil – „Die Klassifikation der Verbrechen (Fragen der Theorie und Praktik)“ hat drei Paragraphen, die den historischen, philosophischen und rechtswissenschaftlichen Aspekten der Klassifikation der Verbrechen gewidmet sind. Die Einstellung, die zeigt, dass die Klassifikation nicht nur eine Methode, Art und Weise der Erkenntnis der Realien der objektiven Welt ist, sondern auch das ist ein Resultat, ein wissenschaftlich begründete Schlussfolgerung von den früher bekommenen Kenntnissen. Deshalb muss man logische Regel für die Lösung der Fragen über die Klassifikation der Verbrechen verwenden, die für jede Klassifikation obligatorisch sind.

Wirkliche Notwendigkeit der Klassifikation von Verbrechen wird durch die historische Analyse der Entwicklung der Strafgesetzgebung unterstützt. Es gab die Klassifikation der Verbrechen in der Strafgesetzgebung des vorrevolutionären Russlands und als Grundlage der Bildung solcher Klassifikation wurde die Gesetzgebung der westeuropäischen Staaten benutzt. Aus der rechtswissenschaftlichen Hinsicht sind die Normen der Klassifikation der Straftaten abhängig von ihren Schweren im Strafgesetzbuch vom 1903 höchst ausgearbeitet. Dieses Gesetzbuch sah dreigliedrige Teilung der Straftaten abhängig von der Schwere der Strafe voraus.

Die Analyse der Entwicklung der Strafgesetzgebung nach dem 1917 zeigt, dass es keine weitere Ausarbeitung der Normen der Klassifikation der Verbrechen infolge der objektiven und subjektiven Faktoren gab. Die klassische Einstellung bei der Bildung der verschiedenen Gruppen und Arten der Straftaten dominierte, später verlor die Klassifikation ihre praktische Bedeutung.

Eine objektive Notwendigkeit der Klassifikation der Verbrechen zeigte sich später im Inhalt der verschiedenen Normen der Gesetzgebung unseres Staates vor allem auf dem Grund des Grades der gesellschaftlichen Gefahr. Der Anfang dieses Prozesses kann man in den Grundlagen der Strafgesetzgebung der UdSSR und der Unionsrepubliken (1958) sehen, wo die Teilung der Verbrechen in verschiedene Gruppen erneuert wurde. Die nächste wichtige Etappe der Bildung der Normen für die genauere Klassifikation der Verbrechen war zweifellos die Einführung der Normen der schweren Verbrechen in die Strafgesetzgebung (1972). Im Artikel 7 – 1 der Grundlagen der Strafgesetzgebung (1958) und in den entsprechenden Artikeln des Strafgesetzbuches

der Unionsrepubliken wurde die Definition des schweren Verbrechens und auch das ganze Verzeichnis der schweren Verbrechen angegeben. Es ist anzumerken, dass Gesetzgeber machte einen wichtigen Schritt für die Ausarbeitung der Normen der Klassifikation der Verbrechen aber dieser Schritt war unsicher. Einerseits wurde das Kriterium für die Verbrechensschwere durch den Grad der gesellschaftlichen Gefahr bestimmt, andererseits das war nicht genug mit den Sanktionen verbunden, die in den Artikeln des Besonderen Teiles der Strafgesetzbücher angegeben waren.

Im Jahre 1977 waren einige Neuerungen über die Bestimmung der Gruppe der Verbrechen, die keine große gesellschaftliche Gefahr haben, in den Artikel 43 der Grundlagen der Strafgesetzgebung (1958) entsprechend der Forderungen über präzise Differenzierung der Verantwortlichkeit eingetragen, aber es gab die Merkmale solcher Verbrechen und ihr Verzeichnis.

Es ist anzumerken, dass solche Klassifikation von Verbrechen spielte eine positive Rolle in der Rechtsanwendungstätigkeit und sie ist zurzeit ein wichtiger Faktor in der Verwirklichung der Differenzierung der Strafverantwortlichkeit und der individuellen Bestrafung. Aber es ist nicht zu verneinen, dass die Klassifikation der Verbrechen in der geltenden Gesetzgebung braucht die Vervollkommnung und auswendige wissenschaftliche Begründung. Es ist notwendig, ein neues Kriterium solcher Klassifikation zu bestimmen und solche Merkmale der Gruppen der Verbrechen im Gesetz anzugeben, die als Klassifikationseinheiten bestimmt sind.

96% praktischer und 92 % wissenschaftlicher Arbeiter, die von den Fachleuten befragt waren, sagten über die Unvollkommenheit der Klassifikation der Straftaten im geltendem Gesetz.

91 % wissenschaftlicher und 88 % praktischer Mitarbeiter äußerte sich über die Einführung der Spezialnormen der Klassifikation von den Straftaten in den Allgemeinen Teil des Strafgesetzes mit Rücksicht auf den Grad der gesellschaftlichen Gefahr.

Es gibt verschiedene Meinungen nach der Bestimmung des Kriteriums der Verbrechen und nach anderen Aspekten dieses Problems in der Theorie des Strafrechtes.

Der Autor unterstützt die Meinungen derjenigen Wissenschaftler, die den Grad der gesellschaftlichen Gefahr von den Verbrechen für das Kriterium der Klassifikation der Verbrechen im Allgemeinen Teil des Strafgesetzes halten. In diesem Zusammenhang schlägt der Autor eine folgende Bestimmung für die Sanktion vor: das ist ein formalisiertes Kriterium der Klassifikation der Verbrechen, das unmittelbar durch Strafausmaß und Straftat kurz und konkret den Grad der gesellschaftlichen Gefahr ausdrückt. Der Dissertant unterstreicht, dass die Bestimmung der Sanktionen in dem sowjetischen

Strafrecht keinen genügenden Ausarbeitungsgrad und keine genügende Begründung hat. Das bestätigen die in den geltenden Gesetzbüchern vorhandenen Artikelsanktionen, die keine Einigkeit haben. Nach der Meinung des Autors, sind die Arten und Sanktionsausmasse oft wissenschaftlich nicht begründet und das ist eines der wichtigsten Probleme des Strafrechtes. In diesem Zusammenhang muss man typisierte Sanktionen bestimmen (das heißt Strafausmaß für jede Kategorie der Verbrechen) und wissenschaftliche Begründung der Entsprechung des Strafausmaßes für die Schwere der begangenen Verbrechen geben. In dieser Arbeit ist die Meinung über die Bestimmung der typisierten Sanktionen als Grundlage für die Klassifikation der Verbrechen unterstützt. Es handelt sich auch um die Strafe für solche Verbrechen, zum Beispiel Freiheitsstrafe.

Die Normen für Klassifikation der Verbrechen, die in den Grundlagen der Strafgesetzgebung der UdSSR und Unionsrepubliken (angenommen von dem Obersten Sowjet am 2. Juli 1991) formuliert sind, entsprechen den Aufgaben für Differenzierung von Strafverantwortlichkeit. Aber es gibt Möglichkeiten für die weitere Entwicklung und Ausarbeitung. In erster Linie handelt es sich um typisierte Sanktionen (z. B. Freiheitsstrafe), die keine Ober- und Untergrenze haben. Der Autor denkt, dass es notwendig ist, die Norm über die Klassifikation der Verbrechen durch den Begriff der Klassifikation zu erweitern, um ihre Ziele und Aufgaben zu bestimmen. Außerdem werden die kennzeichnenden Merkmale von den Kategorien der Verbrechen in dieser oder jener Gruppe wieder nicht bestimmt und das kann im weiteren die Klassifikation der konkreten Verbrechen erschweren.

Im dritten Paragraph des ersten Teils wird die Bedeutung von der Klassifikation der Verbrechen entsprechend dem Grad der gesellschaftlichen Gefahr für die Bildung der Normen und Institute für Allgemeine und Besondere Teile des Strafgesetzes und für andere Gesetzgebungszweige bestimmt. Der Dissertant unterstützt die Meinung von meisten Gelehrten, dass das geltende System von der Verbrechenstatistik der richtigen Bestimmung von den Hauptaufgaben in der Strafpolitik nicht beiträgt. In diesem Zusammenhang wird es vorgeschlagen, die Normen über Klassifikation von Verbrechen abhängig von dem Grad der gesellschaftlichen Gefahr, die in den Grundlagen des Strafgesetzes vom 2. Juli 1991 formuliert sind, als Grundlage für Verbrechenstatistik zu halten.

Die Untersuchung der historischen und theoretischen Aspekte von dieser Frage half einige Begriffe und Schlussfolgerungen zu formulieren. Vor allem ist es anzumerken, dass das Problem der Klassifikation nicht nur in der Wissenschaft, sondern auch in der Rechtswissenschaft eine große theoretische und praktische Bedeutung für richtige Auffassung der Realien der objektiven Materie hat.

Verbrechensklassifizierung in dem Allgemeinen Teil des Strafgesetzes bedeutet die Einteilung der Verbrechen in besondere Kategorien entsprechend dem Grad der gesellschaftlichen Gefahr (die Schwere), die in einer typisierten Sanktion ausgedrückt ist und, die spezifische strafrechtliche Folgen für jede Kategorie vorsieht. Die Verbrechenkategorie bedeutet eine abgesonderte Gruppe von bestimmten Verbrechen, die im Strafgesetz angegeben sind und die mit einander durch gleichwertigen Grad der gesellschaftlichen Gefahr verbunden sind. Die Kategorie wird durch eine typisierte Sanktion ausgedrückt. Für Begehung solcher Verbrechen sind spezifische strafrechtliche Folgen vorausgesehen.

Der zweite Teil „Die Kategorie der schweren Verbrechen im sowjetischen Strafrecht“ ist der Analyse von Normen des Strafgesetzes gewidmet. Die Normen enthalten eine Bestimmung und Merkmale der Kategorie der schweren Verbrechen (Artikel 7 – I in den Grundlagen der Strafgesetzgebung (1958) und Artikel 7 – I im Strafgesetzbuch der Russischen Sowjetischen Föderativen Sozialistischen Republik) und auch die Normen, die die gegebene Klassifikationseinheit in den Grundlagen der Strafgesetzgebung (1991) bestimmen. Es wird auch das System der strafrechtlichen Folgen untersucht, das bei der Begehung der schweren Verbrechen mit dem Gesetz vorgesehen ist.

Die Analyse der Kategorie der schweren Verbrechen hat eine große Bedeutung. Dazu gibt es einige Ursachen. Erstens, es gibt eine bestimmte historische und praktische Erfahrung, die Normen über schwere Verbrechen anzuwenden. Zweitens, in der letzten Zeit (besonders seit 1988) ist gefährliche Tendenz des Wachstums von schweren Verbrechen anzumerken. Zum Beispiel, erhöhte die Anzahl der registrierten Verbrechen um 3,8 % im Jahre 1988, im Jahre 1989 erhöhte die Gesamtzahl der Verbrechen um 31,8%, aber die Zahl der schweren Verbrechen erhöhte um 42,3%. Unter den schweren Verbrechen ist die Erhöhung von eigennützig-gewaltsamen Straftaten anzumerken. Im Jahre 1988 ist die Erhöhung von Ermordungen um 14%, von schweren Körperverletzungen um 31,6%, von Vergewaltigungen um 5,3%, von Rauben um 42,8%, von Plünderungen um 44,4%. Im Jahre 1989 erhöhte sich die Zahl von Ermordungen um 28%, von Vergewaltigungen um 23,9%, von schweren Körperverletzungen um 38,4%, von Rauben um 71,7%, von Plünderungen um 66,3%. Die Angaben im Jahre 1990 sind auch nicht beruhigend, weil sich die Zahl von den schweren Verbrechen um 19% erhöht. Es ist anzumerken, dass Übergang der Gesellschaft aus einem qualitativen Zustand in den anderen, gründliche Reformen in der Wirtschaft und Politik negativ Kriminalität beeinflussen. Man kann nicht verneinen, dass die

geltende Gesetzgebung nicht ganz den existierenden Realien entspricht. In der geltenden Gesetzgebung gibt es keine präzise Bestimmung und Merkmale eines schweren Verbrechen, deshalb gehören nicht gleichbedeutende Verbrechen zur Kategorie von dem schweren Verbrechen. Dieser Umstand führt zum Irrtum in der Rechtsanwendungspraktik, zu nicht begründeten Entscheidungen in der Strafpolitik, zur nicht richtigen Statistik des qualitativen Zustands der Kriminalität.

Die experte Umfrage von den praktischen Mitarbeitern zeigte, dass 90% von ihnen mit der Bestimmung von schwerem Verbrechen nicht zufrieden sind (diese Bestimmung ist im Artikel 7 – I im Strafgesetzbuch der Russischen Sowjetischen Föderativen Sozialistischen Republik). Außerdem meinen 61% befragten Richter und 84% befragten Staatsanwaltschaftsarbeiter, dass es notwendig ist, im Gesetz konkrete Merkmale der Kategorie von schweren Verbrechen zu bestimmen.

In den Normen über die Klassifikation von Verbrechen, die in den Grundlagen der Strafgesetzgebung vom 2. Juli 1991 bestimmt sind, gibt es auch keine konkreten Merkmale von schweren Verbrechen. Nur zwei Merkmale sind angegeben: Schuldform (Absicht) und typisierte Sanktion. Und hier ist es auch nicht klar, welche Straftaten zur gegebenen Kategorie gehören.

In diesem Zusammenhang ist es betont, dass besonders schwere Verbrechen und schwere Verbrechen im Artikel 7 – I in dem geltenden Strafgesetzbuch der Russischen Sowjetischen Föderativen Sozialistischen Republik vereinigt sind, obwohl die Kategorie von den besonders schweren Verbrechen in den erneuerten Grundlagen der Strafgesetzgebung bestimmt ist, aber es gibt keine Merkmale. Mit Rücksicht auf den letzten Fakt schlägt der Autor eine Bestimmung für ein besonders schweres Verbrechen vor und spricht davon, dass die Straftaten, die in den Artikeln 64 – 68, 72, 7 – I, T. 2, 102, 103, 117 T.4, 191 – 2, 213 – T.2 der Strafgesetzbuch der Russischen Sowjetischen Föderativen Sozialistischen Republik erwähnt sind, zu dieser Kategorie der Verbrechen gehören. Der Dissertant unterstützt den Standpunkt von der Abschaffung der Todesstrafe für die Begehung der besonders schweren Verbrechen und Einführung der lebenslangen Haft statt der Todesstrafe.

In der Dissertation wird weiter der Grad der gesellschaftlichen Gefahr von den Verbrechen untersucht, die zur Kategorie der schweren Verbrechen gehören.

Der Autor ist zum Schluss gegangen, dass der Grad von der Verbrechensgefahr durch Gesamtheit von objektiven und subjektiven Merkmalen bestimmt wird. Als Grundlage ist der Wert eines Objektes, der von dem Strafgesetz geschützt wird, und zwar Leben und Gesundheit eines Menschen, Eigentum, Verwaltungsordnung und Tätigkeit von Staatseinrichtungen

und Rechtspflegeorganen. Aber schwere Verbrechen und besonders schwere Verbrechen unterscheiden sich voneinander dadurch, dass Angriff auf angegebene Werte mit wenigem Schaden und mit nicht sehr gefährlicher Weise begangen wird.

Die durchgeführte Analyse von der geltenden Gesetzgebung zeigt, dass objektive Merkmale von schweren Verbrechen durch Persönlichkeitszwang (20%), Wiederholung der Verbrechen (16%), Folgenschwere (25,3%) bedingt sind. Die subjektiven Merkmale sind folgenderweise verteilt: niedrige Motive – 2, 7%, vorläufige Verabredung – 15%, besonders gefährliche Rückfälle – 10%. Man muss hier von dem Hauptmerkmal erwähnen – absichtliche Schuldform. Der Autor unterstützt die Meinung derjenigen Gelehrten, die denken, dass Fahrlässigkeitsdelikt zu schweren Verbrechen nicht gehört. Diese Meinung unterstützt 75% befragte Fachleute.

In der Dissertation ist folgende Bestimmung von dem schweren Verbrechen vorgeschlagen: das ist eine absichtliche Handlung, die auf Leben und Gesundheit eines Menschen, Eigentum, Verwaltungsordnung und Tätigkeit von Staatseinrichtungen und Rechtspflegeorganen Anschlag machen. Das ist absichtliche Handlung wird durch gefährliche Weise begangen und richten schwere Folgen an. Für solche Straftaten ist Freiheitsstrafe von 5 bis zu 10 Jahren vorgesehen.

Für die genaue Differenzierung von der Strafverantwortlichkeit meint der Autor, dass es notwendig ist, die Kategorie der schweren Verbrechen in Unterklasse einzuteilen, das heißt Angleichung von schweren Verbrechen in bestimmte Gruppen zu verwirklichen. Nach der Meinung des Dissertanten, stellt solche Angleichung eine genauere Klassifikation dar und es ist wichtig für Strafen für konkrete Verbrechen.

Als Hauptmerkmal der Angleichung ist ein Faktor berücksichtigt, der den Grad der gesellschaftlichen Gefahr erhöht, das ist Persönlichkeitszwang bei der Begehung eines Verbrechens. Eine Person ist zurzeit das wichtigste Objekt für den strafrechtlichen Schutz.

Der Autor teilt alle schwere Verbrechen in folgenden Gruppen ein:

1. Verbrechen mit Index A – das sind verbrecherische Angriffe, die mit der Gewalt, gefährlich für Leben und Gesundheit begangen werden.
2. Verbrechen mit Index Б – das sind verbrecherische Angriffe, die mit der Gewalt, nicht gefährlich für Leben und Gesundheit begangen werden.
3. Verbrechen mit Index В – das sind Verbrechen, die ohne Gewalt begangen werden.

Die Sanktionen sollen entsprechend gegebenen Gruppen sein. Als Beispiel wird eine detaillierte Klassifikation von verbrecherischen Angriffen in der Gesetzgebung der USA, wo Kategorien von Verbre-

chen, Klassen und Unterklassen entsprechend den Sanktionen dargestellt sind.

In dem zweiten Paragraph des zweiten Teils wird die Analyse von konkreten Verbrechen durchgeführt, die in das Verzeichnis von schweren Verbrechen eingeschlossen sind. Hier werden statistische Angaben über Verbrechen und Resultate der Rechtsprechung ausgenutzt. Seine Schlussfolgerungen demonstriert der Autor durch graphische Darstellung, die Angelegenheitslage im Kampf gegen schwere Verbrechen von 1985 bis zum 1990 demonstriert.

Aufgrund der durchgeführten Untersuchungen werden die Schlussfolgerungen über Unbegründetheit für Zugehörigkeit von einzelnen Verbrechen zu den schweren Straftaten gemacht. Es handelt sich um Verbrechen, die in Artikeln 88, 154 Teile 2, 3 (zurzeit ist die Verantwortlichkeit für Spekulation, ungesetzliche Handelstätigkeit und Missbrauch im Handel vorgesehen) 206 Teil 2 des Strafgesetzbuches vorgesehen sind. Von dem Dissertanten wird den Vorschlag über Zugehörigkeit von Verbrechen zu schweren Verbrechen unterstützt, die im Artikel 121, Teil 2 des Strafgesetzbuches vorgesehen sind, weil Persönlichkeitszwang und Erniedrigung von Menschenwürde einen Grund beinhaltet, den Grad der gesellschaftlichen Gefahr von gegebenen Verbrechen für den entsprechenden Merkmalen der schweren Verbrechen zu halten.

Von dem vorgeschlagenen System der Indexe in der Kategorie von schweren Verbrechen aus schlägt der Autor die Aussonderung von entsprechenden Gruppen für konkrete Verbrechen im Besonderen Teil des Strafgesetzes vor. Zu den schweren Verbrechen mit dem Index A gehören die Verbrechen, die in Artikeln 74 Teil 3, 77 – 1, Teil 1, 79, 91, 93 – 1, 95 Teil 3, 98 Teil 2, 108, 117, Teile 2, 3, 126 – 1 Teil 2, 146, 148 Teil 3, 149 Teil 2, 213 Teile 2, 3; 218 – 1 Teil 3, 231 – 1 Teil 3 des Gesetzbuches vorgesehen sind. Zu den schweren Verbrechen mit Index Б gehören Verbrechen, die in Artikeln 74 Teil 2, 90 Teile 2, 3, 4; 117 Teil 1, 93 – 1, 121 Teil 2, 126 – 1 Teil 1, 145 Teile 2, 3, 4; 179 Teil 2, 206 Teil 3, 224 – 1 Teil 2 des Gesetzbuches vorgesehen sind. Zu den schweren Verbrechen mit den Index В gehören die Verbrechen, die in den Artikeln 69, 70 Teil 3, 78, 86, 87, 89 Teil 4, 92 Teil 2, 3; 93 Teil 3, 93 – 1, 173, 174 Teil 2, 174 – 1 Teil 2, 176 Teil 2, 177 Teil 2, 218 – 1, Teile 1, 2; 223 – 3, 224 Teile 1, 2; 224 – 1 Gesetzbuches vorgesehen sind.

In dem dritten Paragraph des zweiten Teiles wird ein wichtiger Aspekt über strafrechtliche Folgen für die Personen, die solche Verbrechen begehen, behandelt. Dabei unterstützt der Autor die Meinung derjenigen Gelehrten, die schlagen vor, das ganze System von strafrechtlichen Folgen als Bestandelement von der Verbrechenklassifikation gesetzlich festzulegen. Es wird angenommen, dass das System von strafrechtlichen Folgen mit der Verbrechen schwere unmittelbar verbunden soll aber nicht durch

die Strafe bestimmt. Mit dieser Rücksicht schlägt der Dissertant vor, bestimmte Korrekturen in die Normen von dem Strafgesetz einzutragen, die strafrechtliche Folgen der schweren Verbrechen bestimmen. Es wird zum Beispiel vorgeschlagen, Verantwortlichkeit für die Vorbereitung zu besonders schweren Verbrechen zu bestimmen und auch für die Gruppe von Verbrechen mit dem Index A. Es wird die Meinung über Verzicht auf Strafe für die Unterlassung der Anzeige unterstützt. Aber der Autor meint, dass es notwendig ist, strafrechtliche Verantwortlichkeit für die geplante Unterlassung der Anzeige von schweren und besonders schweren Verbrechen zu bestimmen.

Die geltende Norm über besonders gefährliche Rückfälltäter (Artikel 24 – 1 des Gesetzbuches) ist kompliziert und umfangreich. Klassifikationsmerkmale werden sehr beschränkt benutzt, verschiedene Kriterien werden angewandt. In den Grundlagen der Strafgesetzgebung (1991) gib es dieselbe Einstellung. Der Dissertant unterstützt die Normen über Verbrechenrückfälle, die in dem theoretischen Modell des Strafgesetzbuches zusammengefasst sind.

Außerdem wird die Vervollkommnung von anderen Normen vorgeschlagen, die strafrechtliche Folgen bestimmen. Das betrifft den Inhalt der Artikel 48 und 49 (Verjährungsfrist) des Strafgesetzbuches und den Inhalt der Artikel 53 und 53– 1 (vorläufige Entlassung und Ersatzstrafe), 57 (Straffälligkeit) des Strafgesetzbuches. Der Autor analysierte die ganze Reihe von Normen, die strafrechtliche Folgen angehen, die für schwere Ver-

brechen vorgesehen sind und die von Minderjährigen begangen sind. Der Autor schlägt vor, in diese Normen einige Präzisierungen und Anhänge hereinzutragen.

Der Dissertant schlägt vor, folgenderweise den Artikel über Kategorie von schweren Verbrechen zu redigieren.

Artikel ... Kategorie der schweren Verbrechen

1. Zu schweren Verbrechen gehören absichtliche Handlungen, die auf Leben und Gesundheit eines Menschen, Eigentum, Verwaltungsordnung, Tätigkeit von Staatseinrichtungen und Rechtspflegeorgane einen Anschlag machen, die durch gefährliche Weise begangen sind und schwere Folgen haben. Für diese Verbrechen ist Freiheitsstrafe von 5 bis zu 10 Jahren vorgesehen.
2. Das Gesetz bestimmt folgende Gruppen von schweren Verbrechen:
 - schwere Verbrechen A. Für diese Verbrechen ist die Freiheitsstrafe von 8 bis zu 10 Jahren von dem Gesetz vorgesehen.
 - schwere Verbrechen B. Für diese Verbrechen ist die Freiheitsstrafe von 6 bis zu 8 Jahren von dem Gesetz vorgesehen.
 - schwere Verbrechen B. Für diese Verbrechen ist die Freiheitsstrafe von 5 bis zu 6 Jahren von dem Gesetz vorgesehen.

Im Schlussfolgerungsteil der Dissertation sind Hauptschlussfolgerungen formuliert, die wichtigsten von ihnen im gegebenen Manuskript mit der Charakteristik von entsprechenden Teilen der Dissertation dargestellt sind.

Библиография:

1. Die Frage über die Klassifikation von Verbrechen // Sammelband von jungen Gelehrten „Совершенствование правоохранительной деятельности органов внутренних дел“. – М.: ВЮЗШ МВД СССР. 1990.
2. Категория von schweren Verbrechen im sowjetischen Strafrecht und Probleme der Rechtsanwendungstätigkeit // Sammelband von Artikeln „Совершенствование деятельности органов внутренних дел в условиях решительного усиления борьбы с преступностью.“-М.: ВЮЗШ МВД СССР. 1990
3. Die Frage der Aussonderung der Kategorie von schweren Verbrechen im sowjetischen Strafrecht // Sammelband von wissenschaftlichen Arbeiten „Проблемы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения.“ – М.: Академия МВД СССР. 1990.

References (transliterated):

1. Die Frage über die Klassifikation von Verbrechen // Sammelband von jungen Gelehrten „Sovershenstvovanie pravookhranitel'noi deyatel'nosti organov vnutrennikh del“. – М.: VYuZSh MVD SSSR. 1990.
2. Категория von schweren Verbrechen im sowjetischen Strafrecht und Probleme der Rechtsanwendungstätigkeit // Sammelband von Artikeln „Sovershenstvovanie deyatel'nosti organov vnutrennikh del v usloviyakh reshitel'nogo usileniya bor'by s prestupnost'yu.“-М.: VYuZSh MVD SSSR. 1990
3. Die Frage der Aussonderung der Kategorie von schweren Verbrechen im sowjetischen Strafrecht // Sammelband von wissenschaftlichen Arbeiten „Problemy sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva i praktiki ego primeneniya.“ – М.: Akademiya MVD SSSR. 1990.

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

ГРОЗНЫЙ БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ, ИЛИ ПО ЗАКОНАМ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Звягинцев А.Г.

***Аннотация:** По многолетней привычке в одну из суббот я заглянул в книжный магазин «Москва». Там в букинистическом отделе среди множества книг вдруг сразу бросился в глаза массивный, густо коричневый том в тяжеленном, словно бронированном, переплете. Лев Романович Шейнин был человеком с необычной биографией и удивительной судьбой. Он занимал тогда мои мысли еще и потому, что я работал над романом-хроникой о Нюрнбергском процессе, а Шейнин в нем участвовал, и даже был втянут в серьезную интригу, которая потом обернулась для него самого весьма печальным продолжением... Он был человеком с необычной биографией и удивительной судьбой. Он занимал тогда мои мысли еще и потому, что я работал над романом-хроникой о Нюрнбергском процессе, а Шейнин в нем участвовал, и даже был втянут в серьезную интригу, которая потом обернулась для него самого весьма печальным продолжением... Метод или методология исследования: В процессе работы использовались методы познания: формально-логический и структурно-функциональный. Льва Романовича Шейнина нет в этом мире более сорока лет, и мало кто сейчас вспоминает о его былых делах и пережитых страданиях, а вот книги его все издаются и с интересом читаются. И имя его у абсолютного большинства поклонников ассоциируется исключительно с творческой деятельностью. С той деятельностью, которая по признанию самого Шейнина лечила ему душу и помогала жить. «Только в творчестве, – говорил выдающийся русский юрист и писатель Анатолий Федорович Кони, – есть радость. Все остальное прах и суета». И ведь прав был...*

Ключевые слова: Шейнин, Баловень, Судьба, закон, время, коллега, друг, знакомый, жизнь, книга.

По многолетней привычке в одну из суббот я заглянул в книжный магазин «Москва». Там в букинистическом отделе среди множества книг вдруг сразу бросился в глаза массивный, густо коричневый том в тяжеленном, словно бронированном, переплете.

Я узнал его сразу. «Настольная книга следователя», изданная в 1949 году, где среди трех авторитетных членов редколлегии и авторов был Лев Романович Шейнин. В свое время эта книга многому меня, начинающего юриста, научила. Самое поразительное – она и сегодня по отзывам многих практиков не потеряла актуальности. Разумеется,

тут же вспомнил о Шейнине и подумал, без него в те годы такой труд не мог обойтись!

Лев Романович Шейнин был человеком с необычной биографией и удивительной судьбой. Он занимал тогда мои мысли еще и потому, что я работал над романом-хроникой о Нюрнбергском процессе, а Шейнин в нем участвовал, и даже был втянут в серьезную интригу, которая потом обернулась для него самого весьма печальным продолжением...

Человеком Лев Романович, конечно, был незаурядным. Много успел сделать, многое пережил. Вот только исповедоваться – ни публично, ни в

частных разговорах – никогда не желал, до конца дней своих хранил молчание о делах минувших. Что ж, чем оборачивается блуд словес, Лев Романович хорошо представлял, ибо был посвящен в правила игры, существующие в обществе, в котором он жил, и сам неукоснительно их соблюдал. И когда знаменитый актер Василий Борисович Ливанов, в 60-х годах прошлого столетия, едва прикоснувшись к истории его жизни, и будучи поражен услышанным, предложил написать Шейнину мемуары – это будет бестселлер! – тот посмотрел на него так «будто в первый раз видел» и только негромко сказал: «Васечка! Вы что, с ума сошли?!»

Шейнин не считал возможным предать гласности тайны былых времен даже в ту пору, когда был к небу ближе, чем к земле. Он все равно молчал. Но и пружину молчания время от времени история приводит в движение...

О Лье Романовиче я говорил со многими – коллегами, друзьями, которых было не счесть, просто знакомыми, и людьми, которым случайно довелось встретиться с ним на жизненном пути. И что-то из тайн, хранимых этим человеком, становилось более или менее понятным. Пусть не в деталях, а в виде общей картины. Весьма разнообразной и поучительной.

На работу в прокуратуру после Гражданской войны его, семнадцатилетнего студента литературного института, просто мобилизовали по комсомольской путевке только потому, что там некому было работать. И он, пылкий провинциальный юноша, мечтающий о литературной славе в столице, без всякой подготовки становится следователем, получает право арестовывать людей, отдавать их под суд, распоряжаться судьбами человеческими. И одновременно сталкивается с самыми темными и грязными сторонами жизни, с пороками и жестокостью, превосходящей порой все фантазии, доступные молодому человеку. И все это в условиях «обострения классовой борьбы», когда любые собственные промахи и даже проступки ничего не стоит оправдать «классовым чутьем» и «революционным сознанием».

И в этой ситуации сообразительный, умеющий мыслить и сопоставлять факты Шейнин, скорострельно окончивший юрфак МГУ, становится настоящим профессионалом следствия. Это замечают и достаточно быстро назначают следователем по особо важным делам. Мало того, он не забывает о литературных пристрастиях и начинает публиковать в журналах рассказы, написанные на основе тех конкретных дел, которые он вел. Уже через несколько лет появляется ставшая знамени-

той книга «Записки следователя». Было ему тогда 24 года. А спустя год Шейнин пишет... учебник по криминалистике.

Его жизнь складывается на редкость удачно – карьера, литературная слава... Чего еще желать?

Но у каждого времени свои законы. [1]

В 1934 году его привлекают для участия в расследовании убийства Кирова. Шейнин становится помощником Прокурора СССР Вышинского, он работает на всех процессах того времени, участвует в разоблачении бесчисленных «врагов народа», руководствуясь порой совсем не теми методами следствия, которые сам описывал в учебнике криминалистики. Это, надо полагать, спасло его самого от участи многих прокуроров, немалая часть которых в те годы, тоже попала под каток репрессий, но, наверняка, сказалось на его отношении к жизни. Вероятно, именно тогда он понял, что есть вещи, о которых ему лучше не говорить никому и никогда. Тем более что и сам он в 1936 году был арестован, его подержали недолгое время в лагере на Колыме, а потом оправдали и вернули на службу. Это было суровое назидание, которое он запомнил на всю жизнь.

Шейнин возглавил следственный отдел Прокуратуры Союза ССР в 1935 году и руководил им более 12 лет. Он вел тогда жизнь баловня судьбы. Получал награды, выпускал книги, по его пьесам и сценариям ставили спектакли и фильмы. Одновременно этот грозный баловень раскрывал громкие уголовные дела, а при надобности по указанию свыше сажал в тюрьмы людей, устраивал по ночам допросы с пристрастием.

Жил он широко и роскошно, сполна пользовался всеми благами, которые ему предоставляли служба в прокуратуре и литературные занятия. Имел машину, великолепную двухэтажную дачу в Серебряном бору, был женат, но это не мешало ему заводить связи с другими женщинами. Как говорили про таких руководителей, был жизнелюб.

Его книги издавались огромными тиражами. Я и сам в молодости читал их взахлеб. Правда, наиболее придирчивые сотрудники правоохранительных органов поговаривали о них с иронией. В реальности, мол, все выглядит иначе, факты изменены, сюжеты подогнаны под жесткую схему... Конечно, это так. Но, во-первых, это все-таки не отчеты о реальных делах и не комментарии к кодексам, а литературные работы. А во-вторых...

Сегодня, конечно, трудно поверить в рассказавшихся «воров в законе», которых он описывал. Тех самых, которые в едином порыве приходят в милицию, чтобы начать новую, честную жизнь.

Как и трудно представить себе всех абсолютно безупречных и честных работников НКВД и МВД, думающих только о выполнении воспитательных задач, поставленных партией и правительством...

Однако есть в этих рассказах некое обаяние, которое делает их популярными до сегодняшнего дня. Может быть, дело в том, что они лишены плакатной назидательности и наставительности, автор не педалирует сугубо на идеологические моменты, а вот характеры преступников, сюжетные линии выстроены вполне занимательно, описаны весело и даже благодушно, снисходительно. Такое впечатление, что автор вполне понимает своих героев. Да, жулики, воры, спекулянты, мошенники, но ведь и люди же...

Мне кажется, чувство тревоги и ответственности за дела политические, особенно тридцатых годы, не покидало Шейнина никогда.

Люди, знавшие Льва Романовича, чаще всего разделяли эту мою мысль. Большинство из них считали, что Шейнин не был напрямую причастен к фальсификации доказательств, истязаниям и пыткам. Последний, кто мне об этом сказал, был известный художник-карикатурист Борис Ефимович Ефимов. И было это в 2005 году.

Тогда я работал над документальным фильмом «Нюрнбергский набат» и встретился с Ефимовым, который трудился на процессе. И хотя было ему уже 105 лет, память он сохранил цепкую. Многое помнил до мелочей.

Вести беседу с ним мне было достаточно легко. Мыслил он, когда этого требовала тема разговора, правовыми категориями – и это было не удивительно, еще в 1917 году Ефимов поступил на юридический факультет Киевского университета и учился там у солидной профессуры. Говорил, что за четыре года до того, как он поступил на учебу в университет, его окончил Вышинский, с которым ему довелось встречаться в Нюрнберге. Общался Борис Ефимович там со многими прокурорами, судьями, следователями, контрразведчиками, но, вернувшись в Москву, близкие отношения сохранил только с Шейниным, который участвовал в суде народов в качестве помощника Главного обвинителя от СССР Руденко.

Ефимов называл его «весельчаком», «балагуром» и «душой компании». Утверждал, что они дружили. Он был для него «просто Левчик», а он для Шейнина – «Боря». Рассказывал, что Лев Романович хорошо запомнился ему не только как остроумный, легкий и общительный человек, но и как настоящий профессионал:

«Помню выступает Шейнин на процессе по разделу об ограблении музеев и вывоза фашистами из СССР в Германию произведений искусства, а Геринг, который, как известно, сам всем этим заправлял, сидит на скамье подсудимых и нервничает. Снимает наушники, потом опять их надевает. Потом бросает их перед собой. Наконец не выдерживает и раздраженно говорит Шейнину:

– Господин обвинитель, а вам не кажется, что вы здесь всех вводите в заблуждение, поскольку пользуетесь фальшивыми доказательствами?

Лев Романович тут же отбрил нациста № 2:

– А не кажется ли господину Герингу, что он уже не рейхсмаршал, которому позволено перебивать кого угодно, а просто обыкновенный преступник, который должен отвечать за свои преступления.

Тогда в Нюрнберге такая острая, молниеносная реакция со стороны Шейнина на реплику Геринга имела большой резонанс.

Кстати, о литературных трудах Шейнина Ефимов отозвался спокойно:

«У него были литературные способности. А профессия давала ему материал и возможности».

Встреча с Ефимовым, его воспоминания о Нюрнбергском процессе, заставили меня задуматься над одним из эпизодов в жизни Шейнина того времени.

Изучая материалы уголовного дела возбужденного в 1951 году в отношении Шейнина, я наткнулся на допрос, в котором он, уже будучи арестованным органами МГБ, в своих показаниях утверждал, что одной из причин его ареста стал конфликт с руководителем бригады Главного управления «СМЕРШ» полковником Лихачевым в Нюрнберге...

А суть конфликта заключалась в следующем.

Как-то еще до начала процесса, контрразведчики донесли из Нюрнберга в Москву, что работники прокуратуры якобы «слабо парируют» антисоветские выпады обвиняемых. Начались разборки. В дело лично вмешался Прокурор СССР К.П. Горшенев, находившийся в то время в Нюрнберге. Факты не подтвердились. Более того, было установлено, что Лихачев и сам сильно подставился. Разъезжая по Нюрнбергу на лимузине – черном белом «Хорхе» с салоном, отделанным красной кожей, из гаража Гитлера, полковник вел себя крайне нескромно, даже вызывающе. Был заносчив и дерзок. Его побаивались. Во время проверки выяснилось, что Лихачев принудил к сожительству молоденькую переводчицу, которая забеременела.

Он заставил ее сделать аборт. Его люди отыскивали врача-немца, но срок беременности был уже велик и операция прошла неудачно. Женщина погибла. Лихачев стал замечать следы, распускать слухи, что она была тяжело больна, однако в советской делегации (не без помощи прокурорских работников, как следовало из показаний Шейнина) узнали что к чему. Ведь тогда в СССР действовал закон, запрещающий аборты. Собранную информацию Горшенин передал в ЦК партии и руководителю «Смерша» Абакумову. Лихачева отозвали из Нюрнберга и посадили на десять суток под арест.

Вот такие были в те времена сюжеты... И это еще не все!

Потом мне удалось установить, что материал о «мягкотелой соглашательской линии поведения нашей делегации в Нюрнберге» Сталину направил Берия. А Сталин дал поручение разобраться Молотову. Об этом мне стало известно в 2008 году от нашего посла в Швейцарии Игоря Борисовича Братчикова, который работал и долгое время поддерживал дружеские отношения с известным советским дипломатом Владимиром Семеновичем Семеновым. В одной из бесед Семенов ему рассказал, что в 1946 году, когда он был политсоветником главноначальствующего СВАГД (Советская военная администрация в Германии – прим. авт.) ему в Берлин позвонил Молотов и дал поручение съездить в Нюрнберг, посмотреть, как идут дела на процессе, и доложить о работе советской делегации. Семенов спросил: «Будут ли какие-либо установки?» Получил ответ: «Нет, не будут».

Приехав в Нюрнберг, Семенов собрал совещание, выслушал доклады наших сотрудников, работавших в трибунале. Затем присутствовал на самом процессе, на допросах Кальтенбруннера, Йодля, Розенберга и других. Спустя несколько дней снова собрал совещание. Сказал, что доложит в Москву, что работают советские представители хорошо, умело отстаивают утвержденную линию, а так как он не специалист в юриспруденции, то делать ему здесь нечего, и он просит разрешить ему вернуться в Восточную Германию, где ему необходимо лично контролировать ход земельной реформы. Написал соответствующую шифротелеграмму и, получив согласие Молотова, вернулся в Берлин.

А спустя лет двадцать в санатории «Барвиха» Семенов встретил тогдашнего председателя Верховного суда СССР Смирнова, принимавшего участие в работе Нюрнбергского трибунала. Смирнов искренне поблагодарил дипломата за то, что четверть века назад он спас его и некоторых других

советских участников Нюрнбергского процесса от вероятных репрессий. На что Семенов честно сказал: «Если бы Молотов сообщил мне о „сигналах“ Берии, то не исключаю, что „по законам“ того времени „что-нибудь“ я бы в Нюрнберге нашел».

Вот так делались тогда большие государственные дела. Впрочем, только ли тогда...

Из Нюрнберга Шейнин возвращается триумфатором. Работа на высоком посту в прокуратуре, книги, фильмы, Сталинская премия за фильм «Встреча на Эльбе», слава... Он не отказывал себе ни в чем. Один из приятелей сказал как-то, что Шейнин вел распутный образ жизни и делал это с таким цинизмом, что все выглядело, как «домашний публичный дом». Шейнин отрезал: «Я сожительствовал с рядом женщин, но в публичный дом свою квартиру не превращал».

В послевоенные годы среди московских интеллектуалов была очень популярна такая стихотворная байка: «На берегах литературы пасутся мирно братья Туры и с ними, заводя амуры, Лев Шейнин из прокуратуры».

И в то же время Шейнин работал над «Настольной книгой следователя», с которой начался наш рассказ. Книгой, по которой училось профессионализму не одно поколение следственных работников.

Однако жизнь в это время закручивает сюжет, который даже он, мастер драматургических ходов, не мог предусмотреть. Его нюрнбергский знакомый Лихачев становится заместителем начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР и начинает заниматься делом Еврейского антифашистского комитета, готовясь привлечь к ответственности как можно больше людей и намекая возможные жертвы.

В 1949 году, как раз когда «Настольная книга следователя» вышла в свет, Шейнина неожиданно освободили от должности, не объяснив причин. Сказали, что назначат директором Института криминалистики, но...

Не назначили. Знак был, что и говорить, плохой. Шейнин сидел дома, писал рассказы, пьесы, сценарии. Выжидал, особенно не высвечивался, но при случае всегда «зондировал» почву, пытаюсь понять, что его ждет. Он, конечно, догадывался, что освобождением от должности дело не закончится. На одной из вечеринок, на которых бывал Шейнин, подвыпивший сотрудник органов сболтнул: «Эх, Лева, Лева, старый уголовник!.. Умная у тебя башка, а все же мы за тебя взялись...» Кое-кто из его знакомых по писательскому цеху получил ре-

комендацию держаться подальше от Шейнина, так как его «выгнали» из прокуратуры по настоянию органов безопасности, а скоро вообще «возьмут». Разумеется, это дошло и до Шейнина.

Через несколько лет сам он объяснит такой неожиданный поворот своей замечательной карьеры знакомому только одним словом: «Михоэлс...»

Это очень походило на правду. Накануне увольнения Шейнин был командирован в Минск в качестве следователя по особо важным делам в связи с загадочной гибелью знаменитого артиста Михоэлса. Для многоопытного Шейнина не представило никакого труда установить, что никакой автомобильной аварии, о которой официально было объявлено, не произошло, а имело место подготовленное убийство, следы которого вели куда-то очень высоко... Видимо, от популярного писателя и авторитетного следователя ожидали, что он подтвердит факт «автомобильной аварии» и случайность гибели Михоэлса. Но факты подсказывали Шейнину другую версию, и его немедленно отстранили от дела, а вскоре и уволили.

Но дело было не только в Михоэлсе. Тогда уже усиленно раскручивался так называемый «еврейский вопрос». Нужны были «заговорщики», которые могли сойти за организаторов заговора. Но и это еще не все.

Шейнин был для Лихачева находкой. Прокурорский работник, литератор, имевший обширные связи, особенно в еврейской среде, как нельзя лучше подходил на активную роль заговорщика. К тому же было известно, что Шейнин, осторожный и хитрый, обладавший удивительной изворотливостью, был очень боязлив. Многие его знакомые знали, что он панически боялся допросов с пристрастием и признавался, что он их не выдержит. После истории с Михоэлсом его никто из высокопоставленных знакомых не мог защитить.

Шейнина арестовали 19 октября 1951 года. Прокуратура даже не пыталась вступить за своего бывшего сотрудника, отдавшего как-никак следственной работе более 27 лет жизни. Да, надо сказать, маховик был запущен тогда с такой силой, что все попытки были бы бесполезны. Летели головы и поважнее...

Поначалу Шейнин связывал свой арест с происками главы МГБ Абакумова. Когда в январе 1949 года сгорела дача Ворошилова, Шейнин со своей командой занимался расследованием. Была установлена халатность органов госбезопасности, охранявших объект, виновные отданы под суд. После этого, встретившись с Шейниным, Абакумов

обронил: «Все ищешь недостатки в моем хозяйстве, роешься... Ну, старайся, старайся...»

Но думается, такая версия случившегося была притянута за уши. Ведь к этому времени Абакумов сам уже сидел в тюрьме и терпел пытки. Его даже одно время поместили в тесный холодный карцер без окон, без притока свежего воздуха, держали на хлебе и воде, включая беспрерывно холодильную установку. Описывая эти зверства в письме на имя Берии и Маленкова, Абакумов просил их только об одном передать его дело в целях объективного расследования в Прокуратуру СССР.

В рамках дела, возбужденного против Абакумова, был арестован коллега Шейнина – прокурор отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры Союза ССР Дорон. Путем применения к нему незаконных методов ведения следствия от него добились показаний даже в отношении Генерального прокурора СССР и других руководящих работников органов прокуратуры. Служивцы Дорона мне рассказывали, что когда после смерти Сталина, бедолага был освобожден из-под стражи, он признался, что били его «с оттяжкой» металлической пряжкой по обнаженным ягодицам, приговаривая: «Вот тебе материальное право, а вот тебе процессуальное право». Они утверждали, что в те годы якобы проводилась операция под кодовым названием «Пушкинская, 15-а» (место нахождения Прокуратуры СССР). По их версии после еще нескольких арестов сотрудников прокуратуры дело Дорона и Шейнина должно было быть объединено в одно производство.

В постановлении на арест Шейнина указывалось: «... изобличается в том, что будучи анти-советски настроен, проводил подрывную работу против ВКП(б) и Советского государства. Как установлено показаниями разоблаченных особо опасных государственных преступников, Шейнин находился с ними во вражеской связи и как сообщник совершил преступления, направленные против партии и Советского правительства».

Борис Ефимов во время нашего разговора вспомнил, что в те дни арест Шейнина многие восприняли вполне философски:

«Встретил на улице известного поэта, а он говорит:

– А знаешь, Боря, этого толстяка Шейнина посадили. Говорят, упал в обморок, когда за ним пришли. Там теперь, поди, похудеет...

– Да ты что? – остолбенел я. – Да он же сам всех сажает!

– Ну и что? Сажал, сажал и досажался...

Наверное, в этом „досажался“ была доля истины. Здесь выразилось и отношение столичной культурной богемы к двойной жизни Шейнина.

Трудно было представить себе в лубяньских кабинетах этого веселого полного жуира, который в своих рассказах писал о том, что презумпция невинности выше всего и считался чуть ли не автором «ставки на доверие» – особой формы установления контакта с допрашиваемым, а сам очень любил во время работы в Следственном отделе «ночные бдения», то есть допросы ночью, когда арестантам по несколько суток не дают спать...

Почему-то дело Шейнина «тянулось» два года, хотя другие и куда более сложные и запутанные, заканчивались значительно быстрее. Видимо, потому, что «умная голова» умела тянуть время. Профессионал, он тонко чувствовал, чего от него хотят, высчитывал, что можно сказать, а чего нельзя, пытался угадать по течению допросов, как меняется политика на самом верху.

Допросы следовали за допросами, иногда они перемежались очными ставками, дело пухло, и к концу оно уже насчитывало семь огромных томов. Делом занимались в разное время семь старших следователей Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Его допрашивали не менее 250 раз, большей частью ночью, как правило, допросы начинались в 9–10 часов вечера и заканчивались далеко за полночь. Более года держали в одиночке, иногда в наказание «за провинности» лишали прогулок, книг, передач, во время допросов шантажировали, оскорбляли, грозили побоями. Однажды его даже заковали в наручники и не снимали их в течение шести дней. Все это довело Шейнина до такого состояния, что к концу следствия, по собственному признанию, запас его «нравственных и физических сил был исчерпан». Были периоды, когда его силы окончательно покидали и он в эмгэбэшной одиночке ощущал холодное дыхание смерти и слышал, как в ночной тишине, она ему приговор читала.

Протоколы его допросов я внимательно изучал. Что и говорить – это тяжелое занятие. Наводящее на невеселые мысли.

В первый год ведения дела следователи усиленно «раскручивали» так называемый «еврейский заговор». На этом этапе Шейнин давал показания охотно и подробно, «выдавал» всех и вся. Он говорил о своих «националистических» беседах с самыми известными деятелями советской культу-

ры и искусства. «Закладывал» он и своих бывших сослуживцев по прокуратуре. Кстати, и того же Бориса Ефимова тоже присовокупил к числу заговорщиков, о чем я старому художнику во время нашего разговора говорить не стал.

Он с готовностью поведал о своих «националистических» беседах с Эренбургом, братьями Тур, Штейном, Кроном, Роммом, Рыбаком и многими другими известными деятелями культуры.

Вот только один отрывок из его показаний об Эренбурге. «Эренбург – это человек, который повлиял, может быть в решающей степени, на формирование у меня националистических взглядов... Эренбург говорил, что в СССР мизантропия антисемитизма дают обильные всходы и что партийные и советские органы не только не ведут с этим должную борьбу, но, напротив, в ряде случаев сами насаждают антисемитизм...»

Следователи, видя его готовность, требовали показаний на Утесова, Блантера, Дунаевского, и даже на Вышинского, руководившего знаменитыми процессами 30-х годов...

В своем письме на имя министра госбезопасности С. Игнатьева Шейнин потом писал: «Следователь пошел по линии тенденциозного подбора всяческих, зачастую просто нелепых, данных, большая часть которых была состряпана в период ежовщины, когда на меня враги народа... завели разработку, стремясь меня посадить, как наиболее близкого человека А.Я.Вышинского, за которым они охотились».

И в другом письме уже на имя Берии: «Вымогали также от меня показания на Вышинского».

«На Вышинского» Шейнин показаний не дал, но вот своих сослуживцев не пожалел.

Так на вопрос следователя: «Вы все рассказали о своей вражеской работе против Советского государства?», последовал ответ:

«Нет, не все. Мне нужно еще дополнить свои показания в отношении преступной связи с работниками Прокуратуры СССР Альтшуллером и Рагинским». Называл он и многих других лиц, например, прокурора Дорона, профессоров Швейцера, Шифмана, Трайнина...

Причем «шил» Шейнин к заговорам даже тех, о ком его и не спрашивали.

Такой была его тактика, всячески демонстрировать готовность сотрудничать со следствием. А стратегия была одна – выжить, избежать пыток. Ради этого, он готов был выложить любые подробности из личной жизни своих знакомых, включая самые интимные. Рассказывая об одной женщине, помощнике прокурора, описал, какие предметы

женского туалета оставались в кабинете после ее визита к начальнику.

Через какое-то время «еврейский вопрос» стал терять «актуальность», и следователи принялись усиленно «превращать» Шейнина в шпиона. Пошли вопросы о связях с границей. Однако здесь Шейнин держался стойко. Он начисто отрицал свою вину в шпионаже или измене Родине.

Вот, например, отрывок из протокола допроса от 7 февраля 1953 года.

«Вопрос: Материалами дела установлено, что вы проводили враждебную работу против Советского народа по заданию представителя иностранного государства. Признаете это?»

Ответ: С представителями иностранных государств я не был связан и заданий по проведению вражеской работы из-за кордона я не получал.

Вопрос: Ваше заявление лживое. Имеющиеся в распоряжении следствия факты полностью изобличают вас в связи с границей. Прекратите уклоняться от правды.

Ответ: Еще раз заявляю следствию, что я агентом иностранной разведки не был».

Одновременно он писал заявления на имя первых лиц государства. Вот такие:

«У меня нет чувства обиды за свой арест, несмотря на перенесенные физические и нравственные страдания. Скажу больше: тюрьма помогла мне многое осознать и переоценить. И если мне вернут свободу, этот процесс нравственного очищения и глубокого самоанализа даст мне как писателю очень многое. Слишком легко мне раньше удавалась жизнь».

Что тут скажешь?

После смерти Сталина, когда многие дела стали прекращаться, Шейнина держали в тюрьме еще более восьми месяцев. Он не мог не видеть, как меняется ситуация, узнал, что его личный враг Лихачев арестован, и резко изменил свои показания, многое из того, о чем говорил, стал отрицать. Кстати, Лихачев в декабре 1954 года вместе с другими руководителями МГБ СССР за допущенные злоупотребления будет осужден и расстрелян.

А Шейнин, понимая, что перемены наступили, писал многостраничные заявления: «Я „признавал“ факты, в которых нет состава преступления, что я всегда могу доказать. Следователей же в тот период интересовали не факты, а сенсационные „шапки“ и формулировки. Чтобы сохранить жизнь и дожить до объективного рассмотрения дела, я подписывал эти бредовые формулировки, сомнительность которых очевидна... Я не перенес бы избиений».

21 ноября 1953 года дело Шейнина было прекращено, его освободили. И он этому очень радовался. Радовался еще и тому, что далекое эхо теперь, как ему казалось, невозвратных лет уже отголосило над его головой и его угрюмой страной. Как-то Лев Романович зашел в Верховный Суд СССР. Председатель Верховного Суда Анатолий Антонович Волин, увидев его в коридоре, пригласил к себе в кабинет. Спросил:

– Ну что, тебе там крепко досталось?

– Да нет, – спокойно ответил Шейнин.

– Говорили, что ты признался еще в машине, когда тебя везли на Лубянку после ареста.

– Нет, все было не так

– Но ты же признавался?

– Я действительно что-то такое признавал, я боялся избиения, – коротко ответил Шейнин и сменил тему.

«Было очевидно, что он ничего не хочет рассказывать, – сказал мне во время одной из бесед Волин, когда вспоминал об этой встрече.– „Умная голова“ посчитала, что так будет лучше. А вообще-то он был по характеру нестойкий...»

Была у Шейнина памятная встреча и в родной прокуратуре, где ему и его коллеге Дорону вернули партийные билеты, хранившийся там после ареста. Это было единственное, что можно было тогда сделать. Как сказал снятый в то же время с работы за то, что не обеспечил надлежащего надзора за исполнением законов в органах МГБ, Генеральный прокурор Г.Н. Сафонов, «где начинался порог МГБ, там заканчивался прокурорский надзор». Впрочем, и сам Шейнин знал это не хуже.

Он знал систему, в которой прошла его жизнь, которой он служил в меру своих сил, и потому никогда и ничего не любил вспоминать из прошлого – ни политических процессов, ни собственного ареста, ни бесчисленных допросов... Ведь многие тайны, в которые он был посвящен, были не только тайнами времени и системы, но и его собственными, глубоко личными тайнами.

В последние годы своей жизни Шейнин работал заместителем главного редактора журнала «Знамя», затем редактором на киностудии Мосфильм, принимал активное участие в создании знаменитого сериала «Следствие ведут знатоки». По его сценариям в это время были сняты фильмы «Ночной патруль», «Цепная реакция», «Игра без правил», поставлена пьеса «Тяжкое обвинение». Завершена трилогия «Военная тайна».

В моей библиотеке на книжных полках среди произведений Шейнина хранится не совсем обычная книга – «Записки следователя». И не совсем

обычна она тем, что дарственная надпись автором сделана не мне, а Марку Юрьевичу Рагинскому, который в 1945–1946 годах в том же качестве, что и Шейнин участвовал в Нюрнбергском процессе. Они дружили и работали вместе в Прокуратуре СССР с 1934 года. А подарил мне эту книгу и «Настольную книгу следователя» уже после кончины Рагинского его сын – Дантон Маркович, вместе с некоторыми фотографиями отца и документами, касающимися Нюрнбергского процесса.

Когда был жив Марк Юрьевич он мне в самый разгар перестройки, в 1987 году, как-то сказал: «Понимаете, Александр Григорьевич, объяснить в новой жизни при новой власти то, что творилось тогда невозможно. Никто не поймет. И Лев Романович это хорошо знал. Да и потом, скажем откровенно, воспоминания о прошлых делах могут преподнести самые неожиданные сюрпризы – особенно тем, кто принимается их ворошить. Я не раз на эту тему разговаривал с Шейниным, и он мне говорил, что не собирается ни с кем сводить счеты. Просто хочет жить в свое удовольствие на сколько позволят ему годы и здоровье. И вы знаете, он до конца дней оставался очень интересным жизнелюбивым человеком, говорил, что получает удовольствие от творческой работы. Правда, он всегда немного хондрил и за полгода до смерти подписал мне эту книгу. – И Марк Юрьевич протянул мне «Записки следователя» – Прочтите. Вы видите, он

здесь уже говорит в прошедшем времени и будто бы подводит некий итог. А итог – это, простите, ведь почти всегда некий конец!»

Я открыл книгу и стал читать: «Дорогой Марк! – твердым уверенным почерком писал Шейнин – Мы рядом прошли долгую и сложную жизнь. На старости уже нет времени менять друзей и, к тому же, лучше старых не найдешь... Прими эту книгу, как выражение этой идеи и неизменной любви к тебе и Иде. 6/IX 66. Ваш Лева».

И действительно Марк Юрьевич был прав: Шейнин, с его интуицией чувствовал, что он находится на зыбком рубеже и для него уже пробили час прощаний и итогов. Через шесть месяцев и пять дней – 11 мая 1967 года Льва Романовича не стало. Он ушел в мир иной после обширного инфаркта, хотя считал, что сердце у него абсолютно здоровое и всегда боялся умереть от рака.

Льва Романовича Шейнина нет в этом мире более сорока лет, и мало кто сейчас вспоминает о его былых делах и пережитых страданиях, а вот книги его все издаются и с интересом читаются. И имя его у абсолютного большинства поклонников ассоциируется исключительно с творческой деятельностью. С той деятельностью, которая по признанию самого Шейнина лечила ему душу и помогала жить. «Только в творчестве, – говорил выдающийся русский юрист и писатель Анатолий Федорович Кони, – есть радость. Все остальное прах и суета». И ведь прав был...

Библиография:

1. Гришенцев А.Ю., Коробейников А.Г. Постановка задачи оптимизации распределённых вычислительных систем // Программные системы и вычислительные методы. – 2013. – 4. – С. 370-375. DOI: 10.7256/2305-6061.2013.4.10548.

References (transliterated):

1. Grishentsev A.Yu., Korobeinikov A.G. Postanovka zadachi optimizatsii raspredelennykh vychislitel'nykh sistem // Programmnye sistemy i vychislitel'nye metody. – 2013. – 4. – С. 370-375. DOI: 10.7256/2305-6061.2013.4.10548.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонян Елена Александровна – доктор юридических наук, профессор, кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА);

E-mail: antonyaa@yandex.ru;

121151, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, 19, кв. 47.

Ахпанов Арыстан Нукешевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник, МВД Республики Казахстан;

E-mail: ahpanov_a@mail.ru;

121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, 19, кв. 47.

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Московская академия экономики и права;

E-mail: antonyaa@yandex.ru;

117105, Россия, г. Москва, Варшавское шоссе, 23.

Болсуновская Л – аспирантка, кафедра уголовного права и криминологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ);

E-mail: antonyaa@yandex.ru;

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1.

Голубых Никита Владимирович – кандидат юридических наук, начальник, кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, Уральский юридический институт МВД России;

E-mail: antonyaa@yandex.ru;

143590, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, 19, кв. 47.

Грачев Роман Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Московская академия экономики и права;

E-mail: antonyaa@yandex.ru;

117105, Россия, г. Москва, Варшавское шоссе, 23.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Всероссийский институт повышения квалификации МВД России;

E-mail: grigorev.viktor@gmail.com;

142008, Россия, Московская область, г. Домодедово, ул. Пихтовая, 3.

Денисов Егор Владимирович – студент 4 курса, Институт судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА);

E-mail: antonyaa@yandex.ru;

125993, Россия, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, 9.

Долотов Руслан Олегович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ);

E-mail: dolotov@crimpravo.ru;

142115, Россия, г. Подольск, Электромонтажный проезд, 5, кв. 35.

Дорогин Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра уголовного права, Военный университет, Министерство обороны Российской Федерации;

E-mail: vu-nu@mil.ru;

125047, Россия, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14.

Ермакова Ольга Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, кафедра уголовного права и криминологии, Барнаульский юридический институт МВД России;

E-mail: antonyaa@yandex.ru;

656038, Россия, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе, Московская академия экономики и права, заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ;

E-mail: nauka@mael.ru;

117105, Россия, г. Москва, Варшавское шоссе, 23.

Звягинцев Александр Григорьевич – заместитель Генерального прокурора Российской Федерации;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
125993, Россия, г. Москва, ул. Большая Дмитровка, 15А.

Кадников Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, кафедра уголовного права, Московский университет МВД России;
E-mail: krim-pravo@yandex.ru;
123242, Россия, г. Москва, ул. Садово-Кудринская, 223, кв. 28.

Кудрявцева Анна Васильевна – доктор юридических наук, судья, Челябинский областной суд;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
454006, Россия, г. Челябинск, ул. Труда, 34.

Леготин Максим Павлович – адъюнкт, Уральский юридический институт МВД России;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
143590, Россия, г. Каменск-Уральский, ул. Алюминивая, 65, кв. 40.

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
121151, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, 19, кв. 47.

Никитенко Илья Викторович – кандидат юридических наук, начальник, филиал ФГКУ «ВНИИ МВД России» по Дальневосточному ФО;
E-mail: dfvnii@mail.ru;
680020, Россия, г. Хабаровск, Казарменный переулок, 15.

Нуждин Андрей Александрович – кандидат юридических наук, старший преподаватель, кафедра криминологии, Уральский юридический институт МВД России;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Расулова Наталья Сергеевна – адъюнкт, Уральский юридический институт МВД России;
E-mail: Ch1styakov@mail.ru;
143590, Россия, г. Екатеринбург, пер. Базовый, 50, кв. 121.

Федорова Ирина Андреевна – адъюнкт, Уральский юридический институт МВД России;
E-mail: fedorva_evsh@mail.ru;
625013, Россия, г. Тюмень, ул. Севастопольская, 17, кв. 19.

Халабуденко Олег Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, кафедра частного права, Международный свободный университет Молдовы (ULIM);
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
MD-2001, Молдова, г. Кишинев, ул. Parcalab Street, 52.

Хамидулин Руслан Сибгатуллович – адъюнкт, Уральский юридический институт МВД России;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Хамидуллин Руслан Сибгатуллович – адъюнкт, кафедра криминалистики, Уральский юридический институт МВД России;
E-mail: sledgsugu@mail.ru;
620072, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Сыромолотова, 7, кв. 11.

Чашников Всеволод Александрович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права, Уральский юридический институт МВД России;
E-mail: seva123@e1.ru;
620057, Россия, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

Шевелева Светлана Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, Юго-Западный государственный университет;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
123242, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, 19, кв. 47.

ABOUT THE AUTHORS

Antonyan Elena – Doctor of Law, Professor at the Kutafin Moscow State Law University, Department of Criminology and Penal Law;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
121151, Russia, Moscow, Kutuzovskii prospekt, 19, kv. 47.

Akhpanov Arystan Nukeshevich – Doctor of Law, Professor, Honoured Worker of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan;
E-mail: ahpanov_a@mail.ru;
121170, Russia, Moscow, ul. Kutuzovskii Prospekt, 19, kv. 47.

Barkov Aleksei Vladimirovich – Doctor of Law, Professor at Moscow Academy of Economics and Law, Department of Civil Disciplines;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
117105, Russia, Moscow, ul. Varshavskoe Shosse, 23.

Bolsunovskaya L – Postgraduate at Moscow State University, Department of Criminal Law and Criminology;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
119991, Russia, Moscow, ul. Leninskie Gory, 1.

Golybuh Nikita Vladimirovich – PhD in Law, Head of the Department of Criminology and Penal Law at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
143590, Russia, Moscow, ul. Kutuzovskii Prospekt, 19, kv. 47.

Grachev Roman Yurievich – PhD in Law, Associate Professor at Moscow Academy of Economics and Law, Department of Civil Disciplines;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
117105, Russia, Moscow, ul. Varshavskoe Shosse, 23.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor at the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
E-mail: grigorev.viktor@gmail.com;
142008, Russia, Domodedovo, ul. Pikhtovaya, 3.

Denisov Egor Vladimirovich – Student at the Kutafin Moscow State Law University, Department of Judicial Expertise;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, 9.

Dolotov Ruslan Olegovich – PhD in Law, Associate Professor at the Lomonosov Moscow State University, Department of Criminal Law and Criminology;
E-mail: dolotov@crimpravo.ru;
142115, Russia, Podolsk, ul. Elektromontazhnyi Proezd, 5, kv. 35.

Dorogin Dmitrii Aleksandrovich – PhD in Law, Senior Lecturer at the Military University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of Criminal Law;
E-mail: vu-nu@mil.ru;
125047, Russia, Moscow, ul. Bol'shaya Sadovaya, 14.

Ermakova Olga Vladimirovna – PhD in Law, Associate Professor at Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of Criminal Law and Criminology;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
656038, Russia, Barnaul, ul. Chkalova, 49.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Vice-chancellor at Moscow Academy of Economics and Law;
E-mail: nauka@mael.ru;
117105, Russia, Moscow, ul. Varshavskoe Shosse, 23.

Zvyagintsev Aleksandr Grigorievich – Deputy Prosecutor-General, the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
125993, Russia, Moscow, ul. Bol'shaya Dmitrovka, 15A.

Kadnikov Nikolai Grigoryevich – Doctor of Law, Professor at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Criminal Law Department;
E-mail: krim-pravo@yandex.ru;
123242, Russia, Moscow, ul. Sadovo-Kudrinskaya, 223, kv. 28.

Kudryavtseva Anna Vasil'evna – Doctor of Law, Judge at Chelyabinsk Regional Court;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
454006, Russia, Chelyabinsk, ul. Truda, 34.

Legotin Maksim Pavlovich – Postgraduate at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
143590, Russia, Kamensk-Uralsky, ul. Alyuminivaya, 65, kv. 40.

Matskevich Igor Mikhailovich – Doctor of Law, Professor at the Kutafin Moscow State Law University, Department of Criminology and Penal Law;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
121151, Russia, Moscow, ul. Kutuzovskii Prospekt, 19, kv. 47.

Nikitenko Iliya Viktorovich – PhD in Law, Head of the Far Eastern Branch of the All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
E-mail: dfvnii@mail.ru;
680020, Russia, Khabarovsk, ul. Kazarmennyi Pereulok, 15.

Nuzhdin Andrei Aleksandrovich – PhD in Law, Senior Lecturer at the Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of Criminology;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
620057, Russia, Yekaterinburg, ul. Korepina, 66.

Rasulova Nataliya Sergeevna – Postgraduate at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
E-mail: Ch1styakov@mail.ru;
143590, Russia, Yekaterinburg, per. Bazovyi, 50, kv. 121.

Fedorova Irina Andreevna – Postgraduate at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
E-mail: fedorva_evsh@mail.ru;
625013, Russia, Tyumen, ul. Sevastopol'skaya, 17, kv. 19.

Khalabudenko Oleg Anatol'evich – Doctor of Law, Associate Professor at the Free International University of Moldova, Department of Private Law;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
MD-2001, Moldova, Kishinev, Parcalab Street, 52.

Khamidulin Ruslan Sibagtyllovich – Postgraduate at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
620057, Russia, Yekaterinburg, ul. Korepina, 66.

Khamidullin Ruslan Sibagatulloevich – Postgraduate student at the Ural Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of Criminalistics;
E-mail: sledgsugu@mail.ru;
620072, Russia, Yekaterinburg, ul. Syromolotova, 7, kv. 11.

Chashnikov Vsevolod Aleksandrovich – PhD in Law, Associate Professor at the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Department of Criminology and Penal Law;
E-mail: seva123@e1.ru;
620057, Russia, Yekaterinburg, ul. Korepina, 66.

Sofinskaya Elena Dmitrievna – PhD in Law, Associate Professor at the Southwest State University, Department of Criminal Law;
E-mail: antonyaa@yandex.ru;
123242, Russia, Moscow, ul. Kutuzovskii Prospekt, 19, kv. 47.

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ СОСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ

Обращаем внимание, что поскольку журнал сотрудничает с издательством Nota Bene, требования издательства полностью распространяются на материалы, публикуемые в журнале «Союз криминалистов и криминологов».

Редакция журнала «Союз криминалистов и криминологов» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области криминологии, криминалистики, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного права, оперативно-розыскной деятельности, судебно-экспертной деятельности, правозащитной деятельности, а также по другим направлениям юридической науки и практики, связанным с борьбой преступностью.

Отдельно рассматривается материал, направленный в рубрику: писатель криминалист-криминолог.

Редколлегия журнала принимает материалы, присланные по электронной почте файлами, прикрепленными к электронному письму. Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными далее требованиями и тщательно вычитаны. Автор несет личную ответственность за оригинальность текста.

Отдельным файлом с расширением doc. или rtf. прилагается заявка на публикацию работы, в которой обязательно должны быть отображены следующие сведения о каждом из авторов: фамилия, имя, отчество (полностью) в именительном падеже, ученая степень, ученое звание, место работы (с указанием кафедры, отдела, управления и т.п.), должность, город проживания, контакт-

ный телефон/факс, E-mail, почтовый адрес, наименование страны (для иностранных авторов).

Файл именуется следующим образом: «summary. фамилия первого автора, напр. Иванов А. А.».

В начале статьи указывается полностью: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень и звание (если есть), место работы и должность (если автор является работником образовательной или научной организации, необходимо указать полное наименование не только организации, но и кафедры, отдела, управления и т.п., не допуская никаких сокращений) мобильный и домашний, рабочий телефон, домашний адрес с индексом для отправки бесплатного авторского экземпляра журнала.

Если автор направил корреспонденцию одновременно в разные издания, то он должен известить об этом редакцию. В противном случае, статьи данного автора больше не будут приниматься в журнал.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, полностью возлагается на автора. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие автора (ов) на обработку и публикацию предоставленной персональной информации. Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие автора (ов) с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме и свободном доступе в электронной и печатной версиях журнала, а также в электронных библиотеках и базах цитирования без выплаты авторского вознаграждения. В случае наличия каких-либо ограничений авторского права на присланные материалы, автор обязан письменно уведомить об этом редакцию.

Не принимаются к публикации избранные части, тезисы и прочие извлечения из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует научной статье.

Не приветствуется, когда автор, трактуя те или иные юридические термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников и словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое видение научной проблемы. В этом случае автору лучше обратиться к текстам монографий, научным статьям или диссертационным исследованиям оппонентов.

Не следует превращать научную статью в публицистическую: количество цитат из газет и популярных журналов должно быть минимальным, ссылки на высказывания по телевидению – не приветствуются.

Авторы, уличенные в недобросовестном заимствовании, попадают в «черный список» редакции. Информация о них может быть передана в другие издательства.

Для аспирантов (адъюнктов), соискателей и авторов, не имеющих ученой степени, необходимо представить рецензию научного руководителя и выписку из протокола заседания кафедры о рекомендации к публикации. Рецензии, а также выписки и справки об обучении в аспирантуре (адъюнктуре), заверенные согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылаются простым письмом на адрес редакции. Отсканированные копии всех документов прилагаются к электронному письму отдельными файлами с расширением «jrg» или «pdf».

К статье, написанной в жанре рецензии, в обязательном порядке прилагается рецензируемое издание.

Количество соавторов одной статьи не может быть более 3-х человек. Принимаются статьи: для авторов, не имеющих ученой степени – от 0,5 п. л. (20 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски), для кандидатов и докторов наук – от 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами и знаками препинания, включая сноски). В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего или меньшего объема.

ТРЕБОВАНИЯ К АННОТАЦИИ И БИБЛИОГРАФИИ

Аннотация на русском языке должна быть расширенной. Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание статьи, определить ее релевантность; представляет информацию о статье, используется в информационных, в том числе автоматизированных системах для поиска документов и необходимой информации. Поскольку журнал распространяется за рубежом, аннотация не должна содержать общих слов, должна быть оригинальной,

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных слов, например, «автор статьи рассматривает...» В то же время следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные лаконичному научному языку, избегать сложных грамматических конструкций. Полезно и необходимо применять значимые слова из текста статьи.

Аннотация включает следующие аспекты: содержание статьи, предмет и цель (не менее 65 слов), метод или методологию проведения работы (не менее 15 слов), результаты работы, область применения результатов, выводы (не менее 45 слов). Общий объем аннотации не должен превышать 250 слов.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами. В дальнейшем издательство самостоятельно организует перевод аннотации на английский и, по договоренности с автором, на немецкий языки зарубежными учеными.

К каждой аннотации должен прилагаться список из 10 ключевых слов на русском языке.

Предмет, тема, цель статьи указываются в том случае, если они не ясны из заглавия статьи. Если описываются результаты экспериментов, следует указать источники данных и характер их обработки.

Результаты описываются предельно точно и информативно: приводятся фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям и выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые имеют практическое значение.

Исторические справки, если они не составляют основное содержание статьи, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения – не приводятся.

В статье должны быть постраничные сноски, их нумерация должна быть сквозной и непрерывной с начала и до конца текста. Ссылки на научные источники в Интернете приветствуются, но злоупотреблять этим не стоит.

В конце статьи следует указать список литературы, используемой при подготовке статьи (библиография), в объеме 10–15 источников. Законодательные акты в библиографию не включаются.

При оформлении библиографии и сносков рекомендуется пользоваться следующими стандартами и гостами:

ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления;

ГОСТ 7.0.5–2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления.

НАПРАВЛЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ В РЕДАКЦИЮ И ИХ РАССМОТРЕНИЕ

Материалы следует направлять по электронной почте: skk_vkk@mail.ru или skk_vkk@nail.com, либо на надежном оптическом носителе (CD-диске) почтой (простым письмом или бандеролью) по адресу 123995, г. Москва, улица Садовая-Кудринская дом 9, редакция журнала «Союз криминалистов и криминологов», Мацкевичу Игорю Михайловичу.

Необходимо также распечатать и подписать 2 экземпляра договора на опубликование и выслать их в адрес редакции или направить их в издательство Nota Bene 117465, г. Москва, ул. Генерала Тюленева, 31/1–210 (Даниленко Василию Ивановичу) с уведомлением об этом редакции.

Члены редколлегии знакомятся со статьей и принимают решение о возможности ее публи-

кации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Отзывы членов редколлегии автору не сообщаются, достоинства и недостатки статьи не разбираются, и до сведения автора не доводятся.

По письменному направлению автора, ему может быть направлен аргументированный отказ.

Авторы, чьи статьи были отклонены, имеют право на их доработку, повторное обращение в редакцию с откорректированным материалом или замену другой статьей.

Поступление статьи в редакцию подтверждает полное согласие авторов с настоящими требованиями, материалы, оформленные с нарушением настоящих требований, отклоняются, и авторам предлагается доработать текст.

Перепечатка опубликованных в журнале материалов разрешается только с письменного согласия редакции.

Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов.

Главный редактор журнала
«Союз криминалистов и криминологов»
Игорь Михайлович Мацкевич

Ответственный секретарь журнала
Владислав Николаевич Орлов
ассистент Николай Филиппович Бодров

Руководитель издательства Nota Bene
Василий Иванович Даниленко

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

Matskevich I.M.

Criminal concomitant sides of funeral services

Abstract: The article considers the peculiarities of offences and crimes related to the rendering of funeral services to the population. It is ascertained that the rendering of funeral services is a specific form of entrepreneurship. This activity is regulated by special legislation: the federal law “On the protection of competition”, the federal law “On burial and funeral business”, Presidential decree “On the guarantees of citizens’ rights to burial services”; order of analysis and expertise of the competitive environment on goods markets, established by the order of the Federal Antimonopoly Service of Russia of April 25, 2006 No 108; normative legal acts of local governments, among which the most interesting is the law “On burial and funeral business in Moscow”. The author applies the methods of analysis and synthesis and the dialectical method of cognition. The author ascertains the key features of offences and crimes in the sphere of funeral services. The author proves that entrepreneurship in funeral services is not only a specific form of entrepreneurship, but also a shadow form of economic activity. Therefore, this form of entrepreneurship is doomed to the direct and indirect connection with various abuses and even crimes. At the same time, the Criminal Code contains only one article (244, Outrages upon Bodies of the Deceased and Their Burial Places) which establishes the responsibility in the sphere of funeral services. In all other cases criminal responsibility is imposed on general grounds (official malfeasance, economic crimes).

Keywords: Entrepreneurship, abnormal return, funeral services, funeral, transplantology, shadow character, typical violations, cemeteries, burial, crimes

Matskevich I.M.

The Union of Criminalists and Criminologists at the University of Wrocław

Abstract: On November 21, 2014, the representatives of the union of Criminalists and Criminologists participated in the conference “Legal issues of funerals, personal rights of the deceased, particular aspects of succession law and freedom of funeral activity” which was organized at the University of Wrocław (Poland). The conference was attended by the lecturers and students of the universities of Wrocław, Warsaw, Kyiv, Białystok, the Academy of Krakow, and the universities of Tajikistan, Moldova and the Czech Republic. Russia was represented by the associate professor of the Legal Faculty of St. Petersburg State University Kapustina Maria Aleksandrovna and the representatives of the Union of Criminalists and Criminologists, professors Oleg Aleksandrovich Zaytsev (vice-chancellor of Moscow Academy of Economics and Law), Aleksey Vladimirovich Barkov (the department of civil disciplines of Moscow Academy of Economics and Law), Igor Mikhailovich Matskevich (adviser at the Kutafin Moscow State Law University). Among the issues, discussed at the conference, were the following:– “Use of new technologies in succession law”– “Necessity to amend the law on cemeteries and funerals”– “Protection of author’s rights in the Polish law. Traditions and the modern condition and perspectives”– “Criminal manifestations in funeral business”The President of the Union of Criminalists and Criminologists Matskevich and the vice-president Zaytsev thanked professor Mazurkevich for the bilingual organization of the conference – in Polish and in Russian and for the organization of visits of memorial cemeteries of Soviet soldiers killed in the battles with Nazi Germany and in the campaigns of liberation of Silesia and Wrocław.

Keywords: university, Wrocław, Poland, funeral, right, funeral activities, personal rights of the deceased, succession law, author’s rights, cemetery

Barkov A.V., Grachev R.Yu.

Interaction of private and public legal means in the mechanism of prevention of the funeral services market criminalization: social entrepreneurship aspect

Abstract: The article considers the deepening of criminalization of the Russian market of funeral services. Optimization of private and public legal means of the mechanism of its regulation is offered as one of the main ways of prevention of the market criminalization. The authors argue that the peculiarities of this mechanism should be reflected in the Russian legislation on burial and funeral business. The article studies the tendencies and prospects of development of the Russian legislation in this sphere. Identifying the advantages and disadvantages of the two actively discussed in Russia draft laws “On introduction of amendments and additions to the Federal law “On burial and funeral business”, prepared by the Federal Antimonopoly service and the funeral community (focused on the self-regulation of the funeral industry), and “On the funeral business”,

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

published by the Ministry of construction in the fall of 2014 (aimed at the domination of the license regulation of the market of ritual services), the authors conclude about the necessity of combining the advantages of two models: self-regulation and licensing. The authors apply the general scientific and special methods of cognition: the dialectical, formal-logical, structural-functional methods and modeling. The idea of social entrepreneurship, which is widely used in the developed legal systems, is presented as a perspective way of the burial legislation improvement. In the authors' opinion, it will help optimize the private and public legal means of the mechanism of the funeral services market regulation.

Keywords: service, funeral business, funeral services market, licensing, self-regulation, social entrepreneurship, criminalization, absence of control, government control, license

Khalabudenko O.A.

Legal regime of human organs, tissues and cells after death

Abstract: The article analyzes the legal regime of human organs, tissues and cells. The author analyzes the current national and international legislation, regulating the issues of transplantation of human organs, tissues and cells. Using the examples of national and international legislation, the author demonstrates the peculiarities of private-law acts *causa mortem*. The author notes that human body can't be considered as a separate independent object, since during the human's life it doesn't exist on its own, but is an integral part of an individual. To achieve the research goals the author applies the general scientific and special methods, including analysis, synthesis, the structural-logical method, the statistical method, the method of comparative-legal analysis, the method of moving from concrete to abstract and other methods of scientific cognition. The author claims that the rights, dealing with the mentioned objects, relate to a special group of rights *sui generis* – somatic rights. The author argues that in such cases a special legal regime should be applied. The author notes that the rights dealing with these objects can be the object of private-law acts *causa mortem* with regard for their special legal regime.

Keywords: transplantation, legal regime, death, somatic rights, private law acts, personified, body, personal integrity, donor, individual

Zaitsev O.A., Grachev R. Yu.

A lifetime funeral service contract as a way to prevent the funeral sphere criminalization

Abstract: The article considers the peculiarities of a lifetime funeral services contract. The authors provide its legal qualification as a means of prevention of the funeral sphere criminalization. The paper substantiates the recommendations on the improvement of the federal law draft "On funeral services in the Russian Federation". As a rule, the law presupposes a written form of a remunerative service contract, according to the clause 1, article 161 of the Civil Code of the Russian Federation, which runs that the deals between legal entities with the participation of citizens, or between citizens, in sum more than 10 times exceeding the minimal remuneration of labor rate, should be concluded in a written form. To achieve the research goals the authors apply the general scientific and special methods of analysis, synthesis, the structural-logical method and other methods of scientific cognition. The authors conclude that a lifetime funeral service contract is a form of remunerative service agreement in favor of a third person with a suspensive condition. With a view to increase the guarantees of a proper implementation of this treaty it is considered reasonable to legalize a trilateral construction of this contract: one party is a customer and a payer of a funeral service, expressing his will to be buried in a certain place, according to certain traditions; another party is an executor of a contract – a funeral service; the third party is an agent, responsible for the execution of the will of the customer in the case of his death. The third party should gain the status of the ritual services customer.

Keywords: funeral, executor, lifetime contract, funeral services, funeral business, funeral service, burial, will, service, customer

REGIONAL DEPARTMENT OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN RUSSIA. URAL REGIONAL DEPARTMENT OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN RUSSIA

Grigor'ev V.N.

The initial stage of criminal prosecution

Abstract: During the period of its existence, the institution of criminal proceedings commencement has been subjected to the systematical attempts of reforming with the aim to eliminate the prohibition of proceedings and coercion, especially, detention of a suspect prior to the criminal proceedings commencement. The simplicity of criminal proceedings initiation is a sign of the freedom of access to justice and reflects the progressive development of civil society which applies the legal mechanism of protection of rights and freedoms by means of the institution of criminal prosecution. The author applies the methods of analysis, synthesis, the structural-logical and other methods. The author concludes about the need for change of a scientific task. The criminal proceedings science in the subject of criminal prosecution initiation traditionally studies the problems of the stage of

criminal proceeding commencement; the most important among them is the admissibility of testing means, investigative actions and measures of procedural coercion prior to the decision about criminal proceedings commencement.

Keywords: criminal prosecution, coercion, prohibition, rights and freedoms, criminal charge, investigator, reasonable time, limitation, stage, protection

Khamidullin R.S.

Pretrial cooperation agreement as a tactical criminalistical element of struggle against organized crime

Abstract: The author notes that, due to the worsening of economic situation and the decline of living standards in Russia, the problem of struggle against organized crime becomes especially important. It is confirmed by the data of the Integrated intradepartmental information and statistical system, according to which the amount of preliminarily investigated crimes connected with drug trafficking committed by organized groups had been increasing from the early 2012 till June 2014. Within the struggle against organized crime (on the example of drug trafficking), the author studies the possibility of cooperation between law enforcement officers and the members of criminal groups on the base of the provisions of the article 40.1 of the Penal Code of the Russian Federation "Special procedure of pretrial decision when concluding a pretrial agreement" as a tactical criminalistical element. The author applies general and special scientific methods, including deduction, analysis, synthesis, the structural-logical method, the statistical method, comparative-legal analysis and other methods of scientific cognition. In the author's opinion, the application of the provisions of the article 40.1 of the Penal Code of the Russian Federation as a tactical means of "encouragement of a person to cooperation by means of a pretrial agreement" can raise the efficiency of struggle against organized crime, particularly in the sphere of drug trafficking. It will also help solve new crimes and impose liability on persons involved in crimes.

Keywords: interaction, defender, tactics, pretrial agreement, investigator, tactical and forensic support, the suspect, the accused, planning, Prosecutor

Golubykh N.V.

Street crime: condition, reasons and development forecast

Abstract: The article analyzes the current condition and dynamics of street crime, which is mostly dangerous due to the diversity of its forms and methods of impact on large numbers of people simultaneously. The author pays special attention to the criminogenic determination of this criminal phenomenon. The author offers two variants of further development of the criminal situation, forecasts the development and spread of street crime for a long-term perspective and the measures of its prevention. The author applies the general scientific and special methods of analysis and synthesis, the structural-logical method, the statistical method, comparative-legal analysis, the method of moving from concrete to abstract and other methods of scientific cognition. On the base of the research the author offers the social and special criminological measures of street crime prevention.

Keywords: street, system, dynamics, information, forecast, structure, offence, crime, Victimological prevention, material environment

Zaitsev O.A.

Problems of government protection of the participants of criminal proceedings

Abstract: The article deals with the problems of government protection of the participants of criminal proceedings. This institution had developed only in the last decade of the 20th century. The author pays particular attention to the problems of investigators protection. The scope of factual and scientific materials relating to the problems of government protection of the participants of criminal proceedings raises the tasks of their systematization and interpretation. The author applies general and special scientific methods of analysis, synthesis, and comparison, the functional method and the systems approach. The research shows that at present, the illegal pressure on witnesses, aggrieved persons, judges, investigators and other participants of criminal proceedings has become a complicated and multifaceted social and legal problem. Recently, this new phenomenon has spread on practically all categories of criminal cases. The author also outlines the priority directions of study of this problem.

Keywords: witness, analysis, source, problem, government protection, participant, criminal proceedings, system, personal safety, legal proceedings

Ermakova O.V.

Peculiarities of legal structure of the composition of stealage of especially valuable objects

Abstract: The article considers the peculiarities of the structure of the composition of stealage of especially valuable objects. These peculiarities are determined by the fact that this composition combines various forms of stealage and their compositions differ in the structure of an objective side. Difficulties of the legal structure determination have a negative impact on the establishment of a moment of the finishing of this crime and on the qualification of this crime. Applying general scientific

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

methods of analysis and comparison, the author analyzes the legal structure of the composition of stealing of especially valuable objects and the moment of finishing of this crime. The author suggests to construct all forms of stealage according to the material composition and to change the structure of the composition of robbery. In this case, the composition of stealage of especially valuable objects will be considered material, and the crime will be considered finished since the moment of acquisition of property and the possibility for the guilty person to use the stolen objects.

Keywords: the owner of the property, peculiarity, legal structure, composition, stealage, subject, special value, loss of property, material composition, property damage

Kadnikov N.G.

On the issue of the novels of the criminal law in the light of the theory of criminalization and decriminalization

Abstract: The paper presents the analysis of the modern condition of the criminal law in the light of the theory of criminalization and decriminalization. The author pays significant attention to the tendency of the criminal policy reflecting the processes of criminalization and decriminalization of deeds. The author notes that decriminalization can be carried out by means of exclusion of criminal punishability of a deed and its recognition as a non-socially dangerous or non-illegal, or its transmission to the category of an administrative, disciplinary or civil delict. The application of the historical, formal-logical, and the systems methods of cognition helped the author to analyze the criminal law in the light of the theory of criminalization and decriminalization. The penal law-making drawbacks and the side effects of criminalization can lead to undesirable consequences: the gaps in penal regulation, a redundant repressiveness, the lack of a necessary interpretation. The excessive criminalization undermines two principles of penal policy: the principle of economy of penal repression, due to the fact that criminal liability is imposed on an unreasonably large number of citizens, and the principle of unavoidability of punishment, due to the fact that often such a law is not used in practice.

Keywords: definition, novel, criminal law, gap, theory of criminalization, crime, sign, composition, principle, decriminalization

Legotin M.P.

Criminological characteristics of extremism among youth (the case of the Ural federal okrug)

Abstract: The article analyzes the modern condition and the dynamics of proliferation of extremism on the territory of the Russian Federation and the Ural federal okrug. With the help of general and special scientific methods, the author characterizes the most dangerous form of extremist activities – the youth extremism. The author substantiates the necessity of development of effective measures of struggle against extremism among youth both in theoretical and practical aspects. The author applies general and special scientific methods, such as the method of moving from concrete to abstract, analysis, synthesis, the structural-logical method, the statistical method, comparative-legal analysis and other methods of scientific research. On the base of the conducted research of the most prominent aspects of youth extremism, the author offers social and criminological measures which can serve as a base of a successful struggle against youth extremism.

Keywords: generation, education, employment, characteristics, extremism, youth, social group, skinheads, conflict, family

Rasulova N.S.

Problems of assignment and execution of judicial expertise when checking the reports about economic crimes

Abstract: The article analyzes the current condition of assignment and execution of judicial expertise when checking the reports about economic crimes. The scale of economic crime and its spread, the growing criminal expansion in economics are among the most important problems of the society and the state. Economic crime threatens the stability of economic institutions; it is one of the main sources of destructive impact on the processes of social, economic and political development of the country. On the base of the conducted research the author reveals the contradictions and drawbacks of penal legislation, impeding the realization of the mission of penal legislation. The author applies general scientific and the special scientific methods of research: analysis, synthesis, the structural-logical method, the statistical method and other methods of scientific cognition. On the base of the analysis of the current condition of assignment and execution of judicial expertise, using the abovementioned methods, the author formulates the factors, impeding the effective application of the norms of penal legislation of the Russian Federation.

Keywords: execution, problem, judicial expertise, report, crime, economic activity, forensic classification, expert opinion, gap, evidence

Fedorova I.A.

On the definition of a procedural status of an aggrieved person on the stage of criminal proceedings commencement

Abstract: The article studies the procedural status of an aggrieved person in the case of a criminal infringement on the stage of criminal proceedings commencement. Particularly, the author considers the notion “aggrieved person” in the penal legislation

and theory of the Russian Federation and foreign countries, defines the range of competences which should be granted to this person. Special attention is also paid to the aspects of provision of a person with the status of criminal proceedings participant on the initial stage of investigation in the light of changes in the penal legislation. The author uses general and special scientific methods of research: the dialectical, formal-logical, structural-functional methods and modeling. The author analyzes the legislation of Russia and other countries and defines the notion "aggrieved person", outlines the range of competences, composing the procedural status of an aggrieved person on the initial stage of criminal proceedings. The adoption of these changes would have a positive impact on the regulation of law-enforcement of the provisions of the Criminal Code on the stage of criminal proceeding commencement, and on the provision of rights, freedoms and lawful interests of an aggrieved person.

Keywords: complaint, procedural status, person, criminal case, participant, criminal proceedings, aggrieved person, responsibility, examination, security

Chashnikov V.A.

Anticorruption education in the internal affairs bodies of the Russian Federation (the case of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)

Abstract: The article considers anticorruption education as an effective measure of corruption prevention in the bodies of internal affairs of the Russian Federation. The author describes the experience of teaching of the discipline "Corruption Prevention in the internal affairs bodies and the formation of anticorruption behavior of the officers" on the example of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, according to the qualifying requirements to the graduates of the specialities 031001.65 (Law-enforcement activity) and 030901.65 (Legal Provision of National Security). The author applies general philosophical methods (dialectics, the systems method, analysis, synthesis, analogy, deduction, observation, modeling), legal methods (formal-logical) and the methods of special sociological research (the statistical methods, expert assessment, etc.). The author supposes that anticorruption education is one of the most important measures of corruption prevention in the internal affairs bodies. The author concludes that it is aimed at the acquisition and renewal of knowledge, improvement of the officers' skills in the sphere of corruption combating and the formation of anticorruption standard of behavior. Moreover, anticorruption education of the internal affairs officers should cover general issues of the government anticorruption policy, the experience of foreign states in the sphere of corruption prevention, criminal legislation and special measures and mechanisms of corruption prevention, implemented in the internal affairs bodies (income and expenditure reports, property and property commitments reports, informing about inclination to commit corruption offences, anticorruption inspections, etc.).

Keywords: measures, corruption, principle, service, Anticorruption education, internal affairs bodies, behavior, ethics, morality, standard

A VOICE FOR THE HIGHER EDUCATION

Kudryavtseva A.V.

On the scientific school of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of South Ural State University

Abstract: The author of the article notices the absence of requirements to the criteria of the term 'scientific school'; substantiates the necessity to develop such criteria and offers her solution of this problem. Applying her positions to the work of the Department of Criminal Procedure of South Ural State University, the author comes to the conclusion that there are all reasons to recognize the existence of the scientific school in the speciality 12.00.09 – Criminal Procedure and Criminalistics in South Ural State University. The author applies general philosophical methods (dialectics, the systems method, analysis, synthesis, analogy, deduction, observation, modeling), legal methods (formal-logical) and the methods of special sociological researches (statistical methods, expert assessments, etc.). The efficiency of the work of the department, based on the traditions of the scientific school introduced by Professor Livshits, is proved by the experience of the scientific work, the work of lecturers and students, the defense of 150 dissertation researches, by the victories of the students in scientific competitions, cooperation with the leading departments of criminal procedure in Russia, by the permanent progressive development of the Department in spite of the circumstances, and by the interesting and original topics of the research.

Keywords: department, requirement, science, criminal law, security, safety, investigation, lawyer, dissertation, lecturer

Zaitsev O.A.

The scientific legacy of Professor Iurii Danilovich Livshits

Abstract: The study is devoted to one of the luminaries of Russian legal science, the honored scientist, Doctor of Legal Sciences, Professor Iurii Danilovich Livshits. The author of the article describes his contribution to the creation and development of the scientific school of criminal procedure in South Ural State University (National Research University). The scientific ideas of Professor Livshits developed into the set of researches of the urgent problems of development and improvement of Russian

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

criminal procedure, carried out by the members of the department. The results of this work were published in the monographs of the members of the department. The author applies general scientific and special methods of cognition: dialectical and formal-logical methods, modeling and structural-functional method. Iurii Danilovich supervised 5 doctors and more than 30 candidates of legal sciences who continue realizing his scientific ideas. Professor always was a very attentive and caring scientific adviser for his students; he always supported them in word and deed. He took care of his students and tried to create the most comfortable conditions for the scientific work, and raised more than one generation of scientists. He consulted his students not only at work, but at home. They became the family friends, and Iurii Danilovich became their elder friend and advisor.

Keywords: restraint, jurisprudence, enforcement, criminal procedural law, safety, personality, source, expert, specialist, department

TRANSCRIPT

Matskevich I.M., Antonyan E.A.

The transcript of the “roundtable” on the issue of illegal transplantology

Abstract: On September 12, 2014, a roundtable devoted to the problem of illegal transplantology was organized on the base of the All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation with the support of the regional social organization the “Union of Criminalists and Criminologists”. The event was organized and held within the planned events of the “Union of Criminalists and Criminologists”. The event was held on the base of the educational institution playing an important role in police officers training. Illegal transplantology is a very important problem within the study of transnational organized crime. The roundtable was attended by well-known scholars in the spheres of criminology, criminal law, criminalistics, criminal procedure, psychology and practice. All reports of the scholars and the practitioners were of a large interest and provoked an active discussion. Everyone agreed that it is necessary to struggle against this evil, since it’s one of the reasons of enforced disappearance of people in Russia. In the result of the roundtable, the resolution had been adopted which included the practical positions for the enhancement of work of law-enforcement bodies struggling against illegal transplantation.

Keywords: service, economic activity, transplantation, funeral, licensing, funeral services market, investigation, migration processes, burial, customer

FOREIGN OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS. KAZAKHSTAN OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

Akhpanov A.N.

On the procedural form of pre-trial criminal proceedings in Kazakhstan

Abstract: The draft of a new edition of the Procedural Criminal Code of the Republic of Kazakhstan (the Draft) replaces the collective term “preliminary investigation” with “pre-trial” due to the reforming of the system of pre-trial criminal proceedings. The Draft unifies the procedural form of inquiry and preliminary investigation. On these stages the decision is made about the qualification of the suspects’ deed (the analogue of recognition as a suspect), the indictment (in the PCC of the Republic of Kazakhstan – the bill of indictment), but not the protocol of indictment for the inquiry and not the summary protocol of a simplified pretrial proceedings (including bringing as a suspect and bill of indictment). The author applies general and special methods of analysis, synthesis, the structural-logical method, the statistical method, comparative-legal analysis and other methods of scientific cognition. The Draft establishes the strictly determined list of conditions, undermining this form of proceedings. The accelerated investigation is not allowed in the following cases: – The crime is qualified as an especially grave crime – In the cumulative crime at least one of them is especially grave – The crime is committed by the person who doesn’t know the language of the proceedings – The crime was committed against the persons, possessing the privileges or immunity from criminal prosecution – At least one of the accomplices hasn’t admitted his guilt – The crime is committed by the underage person or a person who due to his physical or psychic disabilities can’t execute his right for defense – Criminal cases in a protocol form

Keywords: admission of guilt, proving, investigator, investigator, procedural form, prosecutor, pre-trial proceedings, criminal case, protocol, advocate

MOSCOW CRIMINOLOGY OFFICE

Bolsunovskaya L.

The effectiveness of cybercrime prevention: problem aspects

Abstract: The article considers the problem of cybercrime prevention. The definition of the sphere of cybercrime is very important. It will clarify the structure of cybercrime. Within the structure of the Ministry of Internal Affairs the “K” department should deal with the cybercrime cases. The inconsistent fulfillment of this rule in the law enforcement system will cause disorder and abuse of power in law enforcement bodies. Applying the general scientific methods of analysis and comparison,

the author studies the legislative construction of a theft of especially valuable objects. The article contains the statistical report prepared by the specialists of the criminalist laboratory of the international company "Group-IB" for 2011 – 2014. According to the report, the total volume of cybercrime in the Russian Federation and the CIS was estimated: in 2011 – \$ 2,055 billion, in 2012 – \$ 1,938 billion, in 2013 (second half-year) – 2014 (first half-year) – \$2,501 billion. Cybercrime is considered by the authors of the report, firstly, in a narrow sense, secondly, as an economic model of crime.

Keywords: information resources, effectiveness, prevention, cybercrime, problem, question, warning, liquidation, computer attacks, economic model of crime

Denisov E.V.

Topical problems and perspectives of automated information-retrieval systems use in investigation and search activities

Abstract: The article studies the Russian and foreign experience of research and use of automated information-retrieval systems in investigation and search activities, aimed at the creation of psychological profiles of unidentified criminals who have committed grave and exceptionally grave crimes against personality. The author offers his own concept of the general architecture and functioning of these systems, provides the data about the efficiency of their work and the reasonability of their application in certain categories of cases. The paper presents a theoretical substantiation of the possibility to build a psychological profile of a criminal on the base of mathematical statistics and psychoanalysis. In the research the author applies general scientific methods of analysis, synthesis and comparison, the functional method and the systems approach. The author analyzes the mathematical and psychological methods of study of information about a crime. On the base of Russian and foreign sources the author analyzes the work algorithms of different automated information-retrieval systems, assesses the reliability of their data. The author studies the program architecture of the existing foreign bundled software and the analogous systems, created in Russia; the author offers a concept of functioning of a new Russian system, aimed at the creation of psychological profiles, revelation of the signs of serial crimes and recording of persons belonging to risk-groups. The author comes to the conclusion about the necessity of profiling grave and exceptionally grave crimes with the help of mathematical statistics and psychoanalysis.

Keywords: profiling, geographical profile, modus operandi, automated information-retrieval system, criminalistic description of crime, informatization of investigation, database, analysis of versions, signs of serial crimes, criminal

THE SARATOV ORGANIZED CRIME AND CORRUPTION RESEARCH CENTER

Dolotov R.O.

Methodological problems of defining a "cost" of social reaction to crime

Abstract: The author analyzes the methodological bases of creation of cost estimating methods, related to the reaction of the society (the state) to crime, particularly, the estimation of costs of ensuring the public authorities' work, aimed at combating crime and solving other problems, in the situations, when the amount of on-budget expenditures, assigned to the provision of the "reaction" to the fact of committing a crime (detection and imposition of criminal liability), is not normatively established. The author applies general and special scientific methods: analysis, synthesis, the structural-logical, statistical, and other methods of scientific cognition. The author proposes his own methodology of public costs estimating, related to the court's activities in criminal cases consideration, based on the time, spent by courts on criminal cases (materials) consideration. As additional variables, the author offers considering the amount of such work, the budget of these agencies, the normative production resources per worker in a year, the actual number of workers of the agency, who are responsible for these duties. The author concludes about the need for adopting new judges' workload norms.

Keywords: expenditure, crime, society, reaction, costs, estimation, methodology, basis, analysis, combating

CRIMINAL LAW

Sheveleva S.V.

Influence of ideas of determinism and indeterminism on the formation of the freedom of the will concept in criminal law

Abstract: The article studies the ideas of determinism and indeterminism, which had developed in philosophy, later in religion, and only at the turn of the 18th – 19th centuries found their reflection in philosophical and legal studies. These two opposite directions in the approach to the understanding of freedom of the will significantly influenced the formation of the basic directions of criminal law development: classical, anthropological and sociological. The history of the Russian doctrine was influenced by the all three mentioned directions of criminal science, though with different strength. The analysis of the most significant studies in the fields of philosophy, theology, and politics gives the opportunity to reconsider the freedom of the will as a basic category of criminal law, reflected in almost all institutions of criminal law. The author comes to the con-

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

clusion, that at present the concept of agnosticism, previously proposed by the sociological school of criminal law, should be applied: it's not possible to solve the problem about the existence of the freedom of the will once and for all, but it is possible to assume that it exist, and to form criminal law on this assumption.

Keywords: absolute determinism, philosophical approach, criminal law school, criminal law, indeterminism, determinism, freedom of the will, philosophy, volitional agnosticism, dogmatism

Dorogin D.A.

Decriminalization of a deed as a circumstance eliminating criminal liability

Abstract: The article considers particular disputable issues of decriminalization of a deed from the viewpoint of its consideration as a circumstance eliminating criminal liability. The author touches upon various aspects of the problem, adduces the existing viewpoints and formulates his own position. Particularly, the criminal law doesn't differentiate the absence of components of crime per se and the absence of components of crime due to the decriminalization of a deed, both from the viewpoint of reasons for termination of a criminal procedure and from the viewpoint of emergence of the right to vindication. The author applies general scientific and special methods, including analysis and the structural-logical method. The author concludes that decriminalization of a deed should be considered as a circumstance eliminating criminal liability. The act doesn't contain the components of crime and such signs of crime as illegality and punishability. The author supposes that at present there exist theoretical, material-legal and procedural reasons for considering decriminalization of a deed as a circumstance eliminating criminal liability. The similar approach should be applied for defining a legal nature of the absence of the criminal law.

Keywords: doctrine, criminal liability, elimination, circumstance, deed, Decriminalization, crime, in abstracto, censure, vindication

CRIMINOLOGY

Nikitenko I.V.

Criminological study of migration security in the Asian part of Russia

Abstract: The study of criminological aspects of migration security provision in the Asian part of Russia allows arguing that the situation with migration in different parts of the Russian Federation is heterogeneous; thus, the criminogenic factors, caused by such heterogeneity, are also different. Therefore, the author supposes that there are differences in the character and intensiveness of migratory processes, which can influence the dynamics of the related criminogenic factors formation. The article focuses on the "migration security". The methodology of the research is based on the unification of sectoral and geographical components of the studied questions in a single construction. The author substantiates the complex of measures, aimed at the protection of public and government interests from particular challenges; this complex can be generally characterized as a criminological paradigm of migration security provision in Russia with regard to the regional peculiarities of some territories. The achievement of the research goals is connected with the implementation of particular methodological approaches and the solution of a set of scientific tasks.

Keywords: migration processes, criminological typology, Asian part of Russia, safety, security, immigration, criminological provision, criminogenic background, threats, factors

CRIMINAL PROCEDURE

Nuzhdin A.A.

The capacities of an automated workplace in investigation of crimes

Abstract: The article studies the peculiarities of examination, search and seizure of special software of a mobile automated workplace which should include: – Means of access to the database of stolen things and values and to the database of persons; – A reference system (an expert system) of the tactical mechanisms of examination, search and seizure; – A program of procedural registration of the results; – An educational system and a system of employees' knowledge, skills and abilities control. The author applies general scientific and special methods of cognition: the dialectical, formal-logical, and structural-functional methods and modeling. The use of a mobile automated workplace is possible not only in relation to investigative actions. The sphere of its application is determined by the software, the volume and the content of databases. Thus, in order to increase the universality of an automated workplace, it is necessary to provide the access to external databases (fingerprint files, criminal cases files, normative information, etc.), and to consulting and expert systems of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the software. It will allow using personal computers for investigative actions on any stage of investigation. The use of such systems will increase the efficiency of investigation of crimes and make the work of an investigator easier.

Keywords: coding, investigative action, offence, investigation, automated workplace, capacity, algorithms, passport, area, disk

ABSTRACTS OF THESES

*Kadnikov N.G.***The category of grave crimes in the Soviet criminal law**

Abstract: The analysis of criminal legislation after 1917 shows that, due to certain objective and subjective factors, there's been no proper continuity in relation to the norms of classification of crimes. The class approach had prevailed in the formation of various groups and types of criminal deeds, and later crimes classification completely lost its practical meaning. The imperfection of crimes classification in the existing legislation was noted by 96% of practitioners and 92% of scientists interviewed during the expert survey of specialists. 91% of the interviewed scientists and 88% of practitioners voted in favor of amending of the General part of the criminal code with a special norm of crimes classification with the consideration of their social danger. The methodology of the research is based on the theoretical provisions of materialistic dialectics, philosophical literature and logic. As the legal base the author applies the provisions of the current criminal, procedural, correctional and other branches of law. The author pays attention to the analysis of criminal legislation of pre-revolutionary Russia and other states. Many aspects of the work are considered in their relation to the development of the fundamentals of criminal legislation of the USSR and the republics which had been adopted on July 2, 1991. The candidate offers the version of the article about the grave crimes category: 1. Grave crimes are intentional deeds infringing on life and health of a person, property, management, activity of public authorities and tribunals, committed in dangerous ways and causing grave consequences, which lead to the deprivation of liberty for the term of 5-10 years. 2. The law defines the following groups of grave crimes: – grave crimes A which are punished by deprivation of liberty for the term of 8-10 years; – grave crimes B which are punished by deprivation of liberty for the term of 6-8 years; – grave crimes C which are punished by deprivation of liberty for the term of 5-6 years. In the conclusion the author formulates the main finding of the dissertation, the most important of which are listed in this article.

Keywords: classification, crimes, Signs, criminology, criminal law, branch, role, reform, fight, sanction

*Kadnikov N.G.***The category of grave crimes in the Soviet criminal law**

Abstract: The new reforms in our state and society presuppose the need for cardinal changes in the legislative activity. The important role of the criminal law concerns the future of the society and its members. While reforming criminal legislation, it is necessary to take into account that its standards and principles of humanism and justice should consider the experience of the criminal-legal system and pre-revolutionary Russia. All positive moments of the Soviet criminal law need to be taken into consideration. The methodology of the research includes the theoretical provisions of dialectical materialism, philosophy and logic. As the legal base the author uses the provisions of criminal law, criminal-procedural legislation, correctional legislation and the provisions of other branches of law. The category of grave crimes is a special group of premeditated crimes causing serious consequences. This definition should be included in the Criminal Code. The author offers several amendments to the content concerning grave crimes. The characteristics, determining the definition of grave crimes, should be preserved as a base for the decision about the inclusion of a particular crime in the category of grave crimes.

Keywords: base, category, serious, crime, Soviet, Criminal law, reforms, system, crime, security

WRITER-PUBLICIST CRIMINALIST-CRIMINOLOGIST

*Zyagintsev A.G.***The terrible favorite of fortune, or following the rules of his time**

Abstract: As I'd been doing for ages, one Saturday I dropped in the "Moskva" bookstore. In the second-hand department, among lots and lots of books, I suddenly noticed a massive, thickly brown volume in a heavy, as if armored, cover. Lev Romanovich Sheinin was a person with an unusual biography and an amazing fate. That time he interested me also because I was working on the novel-chronicle about the Nuremberg trials, in which Sheinin had participated and even had been drawn into a serious intrigue, which eventually turned very sadly for him... Lev Romanovich Sheinin died more than forty years ago, and only few people now remember his past deeds and sufferings, but his books are still republished and read with a huge interest. His name is associated with creative work, which, according to him, cured his soul and helped him to live. "Only in creative work, – said an outstanding Russian lawyer and writer Anatoly Fyodorovich Koni, – there is a joy. All the rest is a dust and vanity". How right was he... The author of the article uses the formal-logical and the structural-functional methods of cognition.

Keywords: familiar, Sheinin, favorite of fortune, rule, fortune, time, colleague, friend, life, book